

ISSN: 2664-7362

Донецкие чтения 2022:

образование, наука,
инновации, культура
и вызовы современности

МАТЕРИАЛЫ VII Международной
научной конференции,
посвящённой 85-летию
Донецкого национального университета

Том 8

Юридические науки

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

Проводимая сегодня традиционная VII Международная научно-практическая конференция «Донецкие чтения-2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» отличается от всех предыдущих. Это первая конференция, которая проводится Донецким национальным университетом в новых исторических условиях, когда Донецкая народная Республика стала частью Российской Федерации, воссоединившись со своей исторической Родиной.

Это свершившееся историческое событие, к которому были обращены все наши помыслы и мечты, вошло в нашу жизнь стремительно и основательно. Стало поворотным историческим итогом нашей общей борьбы за восстановление исторической справедливости и консолидации русских людей.

Произошедшие события оказали свое решающее влияние на укрепление сотрудничества ДонНУ с вузами Русского мира и нашими отечественными университетами из Российской Федерации, принявшей Республику после долгой разлуки в свой состав, придали взаимодействию новый импульс, наполнили его новым содержанием, что позитивно сказалось на научном, образовательном, информационном и методическом уровне конференции. Возрос интерес к традиционно проводимым Донецким чтениям, увеличилось число участников конференции, расширилась тематика научных исследований, более углубленным стал подход исследователей к изучению актуальных проблем в различных отраслях науки. Одновременно усилилось внимание к вопросам применения теоретических знаний в практическую деятельность. Сборник трудов конференции издан в 10 томах, включающим 15 книг. Свои доклады и научные статьи на конференцию, выполненные на основании фундаментальных и прикладных исследований в области наиболее важных проблем естественно-математических, технических и социально-гуманитарных наук, были направлены ДонНУ многими известными специалистами и молодыми учеными Российской Федерации, дальнего и ближнего зарубежья.

Все эти научные исследования представляют значительный научный интерес. Они проанализированы и систематизированы, вошли в публикуемый научный сборник конференции.

Отмечу, что проведение традиционной научной конференции одновременно первой в составе России будет способствовать решению новых задач, которые стоят перед фундаментальной и прикладной наукой Российской Федерации и академическим сообществом Донецкой Народной Республики.

**С наилучшими пожеланиями, ректор Донецкого национального университета, доктор физико-математических наук, профессор
Светлана Владимировна Беспалова**

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
Русский Центр

**VII Международная
научная конференция,
посвящённая 85-летию
Донецкого национального университета**

Материалы
конференции

Том 8

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**Донецкие чтения
2022:
образование, наука,
инновации, культура
и вызовы
современности**

г. Донецк
27–28 октября 2022 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2022

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (гл. ред.), В.И. Сторожев (зам. гл. ред.),
М.В. Фоменко (отв. секр.), В.А. Дубровина, Н.В. Асеева,
Н.В. Барбашова, Е.М. Сынова, О.А. Левендаренко, Л.Ю. Одегова,
Е.В. Щербинина, А.К. Ярошенко (отв. секр. секции)

Д672 Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – *Том 8: Юридические науки* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – 359 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В восьмой том материалов VII Международной научной конференции «Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам юридических наук. Рассматриваются вопросы административного и финансового права, конституционного и международного права, уголовного права и процесса, гражданского права и процесса, теории и истории государства и права.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны студентам и аспирантам, докторантам, преподавателям и специалистам-практикам, проводящим исследования в области юридических наук.

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)

© Коллектив авторов, 2022

© Донецкий национальный университет, 2022

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк).

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва).

Члены программного комитета:

Аваков С.Ю., д-р экон. наук, профессор, ректор Таганрогского института управления и экономики (г. Таганрог).

Андреев Д.А., д-р ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Болнокин В.Е., д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва).

Вартанова Е.Л., д-р филол. наук, академик РАО, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань).

Евстигнеев М.П., д-р физ.-мат. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, ректор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (г. Макеевка).

Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кирпичников М.П., д-р биол. наук, профессор, академик РАН, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кишкань Р.В., председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва).

Лингарт А.А., д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Лубков А.В., д-р ист. наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Некипелов А.Д., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, доцент, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Осмоловский А.А., канд. биол. наук, доцент, заместитель декана по академической политике и развитию интернационализации биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Полищук В.С., д-р техн. наук, директор ГУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк).

Половян А.В., д-р экон. наук, доцент, Министр экономического развития Донецкой Народной Республики, и.о. зав. кафедрой менеджмента Донецкого национального университета (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Разумова Т.О., д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономики труда и персонала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Решидова И.Ю., канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Савоськин М.В., канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Сторожев В.И., д-р техн. наук, профессор, проректор Донецкого национального университета (г. Донецк).

Судаков С.Н., д-р физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., и.о. директора ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Третьяков В.Т., профессор, декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Туралина Н.А., д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры (г. Белгород).

Шемякина Н.В., канд. экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

Административное и финансовое право

УДК 343.4:349.6

АКТУАЛЬНОСТЬ ЗАЩИТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Барбашова Н. В., д-р юрид. наук, доц., **Богославский В. А.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
n.barbashova@mail.ru

Введение. Универсальной категорией, представляющей собой вытекающие из самой природы человека возможности пользоваться элементарными, наиболее важными благами и условиями безопасного, свободного существования личности в обществе являются права человека [1]. В теории *права человека* определяются как охраняемая законом мера возможного поведения, направленная на удовлетворение интересов человека. В качестве основных экологических прав гражданина является их принадлежность к конституционным правам. В Конституции Донецкой Народной Республики основные экологические права закреплены в ст. 35, в которой провозглашено право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Рост негативных тенденций, связанных с загрязнением окружающей среды, следствием которого является нарушение экологических прав человека, делает актуальным проблему исследования эффективности норм экологического законодательства, в первую очередь относящихся к институту юридической ответственности, основной задачей которого является принудительное обеспечение исполнения субъектами норм экологического законодательства.

Основная часть. Масштаб экологических проблем в обществе предопределил необходимость экологизации нормативных актов, регулирующих общественные отношения, в том числе в сфере установления юридической ответственности за совершение правонарушений. Одним из наиболее действенных видов юридической ответственности в сфере экологии принято считать уголовную ответственность, суть которой состоит в применении мер уголовно-правового характера к лицам, виновным в совершении преступления, отличающегося высоким уровнем экологической опасности для окружающей природной среды, природных ресурсов, жизни и здоровью человек. В качестве субъектов уголовной ответственности выступают

граждане и должностные лица, виновные в совершении преступления, посягающего на установленный порядок использования природных ресурсов, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности населения. Экологические преступления представляет собой деяния, совершенные умышленно или по неосторожности, которые нарушают природоохранное законодательство и наносят значительный ущерб или риск для окружающей среды и здоровья человека.

Основными признаками экологических преступлений являются следующие:

- они представляют собой общественно опасные деяния (действие или бездействие);

- для данного вида преступлений характерна высокая степень общественной опасности, обусловленная тем обстоятельством, что объектом их посягательства являются экологическая безопасность, качество окружающей природной среды, экологические права граждан, а в результате их совершения наносится вред или создается угроза жизни и здоровью человека, а также естественным экологическим системам, атмосферному воздуху, земле, ее недрам, водам, лесам, животному и растительному миру, генетическому фонду, природным ландшафтам;

- экологические преступления являются противоправными, и они запрещены уголовным законом.

В УК ДНР экологическим преступлениям посвящена специальная глава – гл. 26 «Экологические преступления» [2], содержащая, в частности, следующие составы: нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 290); нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 291); нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами (ст. 292); нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 293); загрязнение вод (ст. 294); загрязнение атмосферы (ст. 295); порча земли (ст. 254); нарушение правил охраны и использования недр (ст. 298) и др.

Кроме того, к экологическим преступлениям при наличии причинения экологического вреда могут быть отнесены также некоторые составы, вошедшие в другие главы УК ДНР: нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 244); прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения (ст. 245); приведение в негодность объектов жизнеобеспечения (ст. 246); сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ст. 276) и др.

Экологические преступления посягают на два родовых объекта: экологическую безопасность как определенное (оптимальное) состояние природной среды, обеспечивающее ему и человеку благоприятные

(нормальные) условия для жизнедеятельности и развития и окружающую среду как определенную совокупность экосистем и природных объектов [3, с. 206].

Анализ норм УК ДНР, регулирующих отношения человека с окружающей средой, позволяет утверждать, что среди них отсутствует центральный элемент, предусматривающий защиту права человека на благоприятную окружающую среду, которое не только закреплено в Конституции ДНР, но и было включено на 48-й сессии Совета ООН по правам человека в перечень основных прав и свобод человека [4].

Учитывая повышенную общественную значимость защиты от преступных посягательства права на благоприятную окружающую среду, представляется обоснованным дополнение главы 19 УК ДНР «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» статьей, предусматривающие уголовную ответственность за указанный вид преступлений. Настоящая рекомендация в полной мере относится и к Уголовному кодексу Российской Федерации, в котором также отсутствует указанный состав преступлений.

Список литературы

1. Барбашова, Н. В. Право на здоровую окружающую среду: естественно-правовой аспект / Н. В. Барбашова // Известия ЮЗГУ. Серия: История и право. – 2017. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 63–71.
2. УК ДНР (редакция на 05.02.2021 г.) принят 19.08.2014 г. URL: <http://npa.dnronline.su/2014-08-19/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki-redaktsiya-na-05-02-2021-g.html> (дата обращения: 20.09.2022 г.).
3. Бринчук М.М. Экологическое право: учебник для вузов. – М.: Эксмо, 2010. – 360 с. – ISBN 978-5-699-35837-3.
4. Право человека на безопасную, чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду. Резолюция 48-й сессии Совета ООН по правам человека. – A/HRC/48/L.23/Rev.1. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/10/1411502> (дата обращения: 20.09.2022 г.).

УДК 343.359.2

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Крохина Ю. А., д-р юрид. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
им. Ломоносова», г. Москва, РФ
jkrokhina@mail.ru

В России осуществляются глобальные реформы, связанные с развитием цифровой экономики, основная цель которой – повышение

конкурентоспособности Российской Федерации, качества жизни ее граждан, обеспечение экономического роста и национального суверенитета.

Главные задачи внедрения информационных технологий в налоговое администрирование – это обеспечить «неотвратимость» исполнения обязанности по уплате налогов; сделать налогообложение прозрачнее с помощью новых технологий [1, с. 51–55; 2, с. 8–11; 3].

В настоящее время ФНС России использует в своей деятельности около 20 программных информационных комплексов (ПИК), которые постоянно совершенствуются и пополняются. Все они регламентируются документами с грифом «ДСП» («для служебного пользования»), поэтому налогоплательщики не имеют возможности изучить алгоритм их работы.

В этой связи возможно выделить новые элементы правосубъектности налоговых органов:

«Право на ошибку и технический сбой» и «обязанность признания и устранения» – новое в правосубъектности налоговых органов в эпоху цифровизации налогового администрирования.

Судебная практика показывает, что «технический сбой», «ошибка информационной программы» являются частыми причинами как нарушения прав налогоплательщиков, так и государства в лице налоговых органов. Названные категории являются объективно существующими фактами, которые влекут юридически значимые последствия для всех участников налоговых правоотношений. Зачастую это негативные последствия, влекущие компенсационные выплаты из бюджета или недополучение бюджетом законно причитающихся налогов.

Например, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа отказал налоговой инспекции в восстановлении срока исковой давности на принудительное взыскание налога, который был пропущен из-за технического сбоя в программном обеспечении. Суд не посчитал это уважительной причиной (Арбитражный суд Северо-Кавказского округа Постановление от 28 декабря 2021 г. по делу N A77-1045/2021).

Похожую ситуацию рассматривал Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа. Налоговая инспекция по результатам проверки вынесла решение о доначислении налогоплательщику недоимки, штрафа и пени. Однако чуть позже налоговый орган просил налогоплательщика считать это требование недействительным в связи с техническим сбоем в программном комплексе. Налоговая инспекция выставила новое требование об уплате налога, однако срок на принудительное взыскание был пропущен. Суд не посчитал технический сбой уважительной причиной для выставления первоначального требования с расчётными ошибками (Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа Постановление от 30 августа 2021 г. по делу N A78-10549/2020).

В этой связи остро стоит вопрос юридической ответственности за действия ИИ. По мере развития новых технологий все более реальной

становится возможность тесного взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Искусственный интеллект *обладает возможностью выполнять виды деятельности, которые ранее были доступны исключительно человеку*. По этой причине некоторые исследователи в сфере ИИ даже высказываются о возможности признания за ним определенной специфической правосубъектности [4, с. 91–109].

Первостепенной задачей, способствующей решению данных проблем, является *обеспечение контроля над действиями ИИ*.

Однако от технических сбоев никто не застрахован, поэтому важно создавать системы по их быстрому устранению, для этого необходимо научиться их быстро выявлять и признавать. В этой связи позитивным примером является п. 9 ст. 3 Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"», поскольку он предусматривает, что в случае технологического сбоя в информационных системах налоговых органов, влекущего невозможность исполнения обязанностей налогоплательщиков, такие обязанности считаются исполненными без нарушений срока при условии, что они исполнены не позднее дня, следующего за днем устранения указанного сбоя.

На мой взгляд, необходимо законодательное регулирование распределения юридической ответственности между производителями, владельцами и пользователями ИИ, что будет исключать необходимость наделения ИИ правосубъектностью. Наделение ИИ самостоятельным правовым статусом не соответствует и принципам биоэтики (в качестве примера может выступить Закон Великобритании «Об автоматизированных и электронных транспортных средствах», предполагающий распространение на них системы обязательного страхования ответственности).

Представляется целесообразным дополнить НК РФ правом налогоплательщика, которое возникло в процессе цифровизации налогового администрирования:

– право на признание ошибок цифровых систем и технических сбоев, в качестве обстоятельств смягчающих или освобождающих от ответственности (в зависимости от ситуации).

Однако нормативная декларация права не решает проблемы компенсации материальных убытков, возникающих в результате некачественного функционирования Искусственного Интеллекта. По действующей редакции НК убытки, причиненные налоговыми органами налогоплательщику, возмещаются за счет казны Российской Федерации, то есть, по сути, из федерального бюджета. Федеральный бюджет более чем на 80% формируется за счет налогов, то есть за счет средств добросовестных налогоплательщиков. Компенсация убытков из бюджета – это, фактически перекладывание имущественной ответственности на иных

физических и юридических лиц, но не лиц, виновных в недостатках Искусственного Интеллекта.

На мой взгляд, компенсацию убытков, причиненных как налогоплательщикам, так и государству в результате технических сбоев информационных систем правомерно выплачивать из специально образованного страхового фонда.

Список литературы

1. Баракина Е.Ю. Цифровизация налогового администрирования в Российской Федерации // Юрист. 2022. N 4. С. 51–55.
2. Васянина Е.Л. Проблемы формирования и исполнения налоговых обязательств в эпоху цифровизации // Налоги. 2021. N 6. С. 8 – 11.
3. Six A. Droit pour l'administration fiscale de collecter vos donnees sur les reseaux sociaux: la prudence s'impose! / A. Six, C. Bonte // Village-justice.com. 2020. P. 5.
4. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Юридические науки». – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91–109.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТУРЫ

Куделя В. В., Гуров А. И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
v.kudelya@donnu.ru

Введение. В новых социально-экономических условиях организация деятельности адвоката приобретает особое значение.

Исследование нормативно-правового регулирования организации и деятельности адвокатуры показывает, что нормативно-правовая база регулирования деятельности адвокатуры в последнее время претерпевает существенные изменения.

Основная часть. Закон ДНР «Об адвокатуре» определяет адвокатуру Донецкой Народной Республики как негосударственный, независимый, самоуправляемый институт, который осуществляет защиту, представительство и предоставление иных видов юридической помощи на профессиональной основе, а также самостоятельно решает вопросы организации и деятельности адвокатуры [1].

Адвокатура осуществляет свою деятельность на принципах
верховенства права;
– законности;

- свободы и независимости адвокатов при осуществлении своей профессиональной деятельности;
- процессуального равноправия адвокатов;
- конфиденциальности (соблюдение адвокатской тайны);
- недопустимости осуществления деятельности при наличии конфликта интересов;
- использования всех не запрещенных законодательством средств и способов защиты прав, свобод и интересов клиента.

В законодательстве Российской Федерации понятие «адвокатура» рассматривается в двух значениях. Во-первых, как указано в ст. 3 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» – в качестве профессионального сообщества адвокатов, то есть совокупности лиц, получивших адвокатский статус, объединенных на условиях обязательного членства в особые организации – региональные адвокатские палаты [2].

Во-вторых, адвокатуру следует понимать как действующий на определенных принципах общественный институт, гарантирующий гражданам право на квалифицированную юридическую помощь.

Адвокат имеет право заниматься адвокатской деятельностью индивидуально, открыть свое адвокатское бюро, объединиться с другими адвокатами в коллегии, адвокатские фирмы, конторы и другие адвокатские объединения.

Граждане вправе в случае необходимости заключить договор не с адвокатами, а с адвокатским объединением в лице его заведующего, который затем поручает ведение дела в суде тому или иному адвокату с учетом их квалификации и персональных к ним обращений.

В законодательстве ДНР предусмотрено создание такой организационной формы адвокатской деятельности как адвокатское бюро [1].

Адвокатское бюро учреждается адвокатом, который осуществляет адвокатскую деятельность индивидуально. Об учреждении адвокатского бюро адвокат направляет по адресу регионального совета адвокатов письменное сообщение, посылая по ее адресу следующую информацию: сведения об адвокате, месте нахождения адвокатского бюро, средствах телефонного, телеграфного, почтового и других видов связи.

Адвокатское бюро не является юридическим лицом и не подлежит государственной регистрации. Адвокат, который учредил адвокатское бюро, не является субъектом предпринимательской деятельности. А является самозанятым лицом. Он имеет право открывать текущие и другие счета в банках, имеет печать, штамп и бланки.

Другой организационно-правовой формой адвокатской деятельности является адвокатским объединение в форме непредпринимательского общества, созданного путем объединения двух и более адвокатов, которое

действует на основании устава и партнерского договора, заключенного между ними, в соответствии с которым адвокаты-партнеры обязываются объединить свои усилия для осуществления адвокатской деятельности от имени всех партнеров.

Партнерский договор заключается в простой письменной форме и является конфиденциальным документом, который не предоставляется для государственной регистрации. Этот документ определяет порядок принятия партнерами решений по вопросам деятельности фирмы, выборов управляющего партнера, его полномочий, порядок прекращения партнерского договора, права и обязанности партнеров, ответственность партнеров перед клиентами и третьими лицами по обязательствам адвокатской фирмы и другие положения, связанные с деятельностью адвокатской фирмы [3, с. 7].

Адвокат, который защищает интересы истца, должен определить правовую сущность спора, правильно выбрать нормы материального права, из которых будут исходить исковые требования. Не менее важно, правильно сформулировать исковое требование, т.е. избрать наиболее оптимальный способ защиты субъективного права истца. Если адвокатом была выполнена вся предварительная работа и адвокат пришел к выводу, что дело не имеет юридической перспективы, он не может принимать поручение на ведение такого дела. В этом случае правовая помощь гражданину состоит в разъяснении ему создавшегося положения со ссылкой на соответствующие правовые нормы. Поэтому отказ истцу или ответчику в представительстве его интересов в суде может иметь место только при полной и абсолютной уверенности в обоснованности такого отказа.

Адвокат, полномочия которого надлежащим образом оформлены, вправе принимать участие в собеседовании с каждой из сторон, давая своему доверителю необходимые разъяснения по законодательству, правовым последствиям тех или иных действий [4, с. 8].

Адвокат может оказать суду существенную помощь в обеспечении полноты состава участников процесса, что необходимо для вынесения законного и обоснованного решения. Он, прежде всего, должен, руководствуясь интересами доверителя, выявить круг лиц, для которых судебное решение может породить правовые последствия, привлекая их к участию в деле в качестве третьих лиц, а по делам особого производства – заинтересованных лиц. Так, в частности, по делам о восстановлении на работе адвокат, встретившись с грубым и явным нарушением законодательства при увольнении, должен указать в исковом заявлении в качестве третьего лица на стороне ответчика должностное лицо, по распоряжению которого было произведено увольнение.

Адвокатская деятельность осуществляется на основании договора о предоставлении правовой помощи. Документами, которые подтверждают

полномочия адвоката по предоставлению правовой помощи, могут быть: 1) договор о предоставлении правовой помощи; 2) доверенность; 3) ордер; 4) поручение Совета адвокатов Донецкой Народной Республики по оказанию бесплатной правовой помощи.

Заключение. Адвокат обязан действовать в пределах полномочий, предоставленных ему клиентом, в том числе с учетом ограничений на совершение отдельных процессуальных действий. Будучи специалистом в области права, он может оказать квалифицированную юридическую помощь при рассмотрении гражданского дела в суде.

Таким образом, эффективная защита прав и законных интересов клиента адвокатом обеспечивается многими принципами организации и деятельности адвокатуры как правозащитной организации. Особая ценность этого правозащитного института состоит в том, что он служит защите интересов частных лиц, т.е. обеспечивает конституционный принцип приоритета прав и свобод человека, его интересов перед государственными интересами.

Список литературы

1. Закон Донецкой Народной Республики «Об адвокатуре» [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-advokature/>
2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ Российской Федерации от 10 июня 2002 г. N 23 ст. 2102
3. Буробин В.Н. Русская бизнес-адвокатура. Опыт создания юридической фирмы / Адвокатская фирма «Юстина». – М.: Статут, 2009. –167 с.

УДК 342.92

ОБ ИНСТИТУТЕ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

Куделя В. В., Дацьо К. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr.zav@donnu.ru

Введение. Основу института таможенных платежей составляет таможенная политика. Таможенная политика – это система экономических, правовых, организационных и иных мероприятий, которые проводятся государством и направлены на всестороннее регулирование таможенных отношений и реализацию экономических интересов страны.

Основная часть. В современном таможенном праве имеют место два основных вида таможенной политики, которые появились и обрели популярность много лет назад – протекционизм (защита внутреннего

рынка) и фритредерство (свободная торговля). Протекционизм устанавливает высокий уровень таможенного обложения ввозимых на внутренний рынок иностранных товаров, создает условия, которые способствуют развитию национальной экономики путем ограждения её от иностранной конкуренции. Фритредерство подразумевает установление минимального уровня таможенных тарифов либо их отсутствие.

На территории русских земель институт таможенных платежей начал формироваться уже в IV веке: активно развивалась торговля, существовали «мытные сборы», основанные на обычаях предков. Восточные славяне поддерживали торговые связи с Северным Причерноморьем, с Прибалтикой и Приазовьем, где уже сложились таможенные обрядности, которые со временем были заимствованы русичами [1].

В эпоху Средневековья институт таможенных платежей продолжило модернизироваться с учетом политических и экономических изменений: расцветали города – крупные центры торговли, возникала необходимость в строгом регулировании торговых и таможенных процессов. Характерные черты института таможенных платежей в Средневековье определяла политика меркантилизма, суть которой заключалась в определении денег как основы общественного богатства.

В период Нового времени институт таможенных платежей развивался под влиянием концепции протекционизма – защиты национального производителя путем тарифного и нетарифного регулирования. На территории русского государства формировались и совершенствовались нормы таможенного права, происходила работа по упорядочиванию накопившихся исторических таможенных формальностей, таможенных платежей, фискальных сборов. В целом, происходила централизации таможенного дела.

В XIX веке специфику института таможенных платежей определяет новое экономическое течение – фритредерство – направление, провозглашающее свободу торговли. Таможенные органы, созданные для исключительно фискальных целей, растворяются в истории Новейшего времени. На смену им приходят многофункциональные таможенные органы, наделенные совокупностью различных полномочий.

Сегодня институт таможенных платежей представляет собой сложное социально-экономическое явление, которое играет первостепенную роль в обеспечении суверенитета государства, поддержании правопорядка на границе страны.

Основным видом таможенных платежей является ввозная таможенная пошлина, которая составляет основу поступлений в государственный бюджет [2].

Таможенные платежи – это плата, которая вводится за ввоз товаров на таможенную территорию государства. Они включают таможенные пошлины и сборы.

Таможенная пошлина – обязательный платёж, взимаемый таможенными органами в связи с перемещением товаров через таможенную границу (таможенные границы могут отличаться от государственных, если государства состоят в экономических или таможенных союзах).

Таможенными сборами являются обязательные платежи, взимаемые за совершение таможенными органами таможенных операций, связанных с выпуском товаров, таможенным сопровождением транспортных средств, а также за совершение иных действий, установленных законодательством

Они пополняют бюджет страны и избавляет производителей внутреннего рынка от излишней конкуренции с иностранными компаниями. Ставки ввозных таможенных пошлин исчисляются на основании таможенного тарифа. Сборы взимаются в соответствии со шкалой, установленной законодательными актами.

Конкретное направление внешнеэкономической политики, характер ее влияния на внутриэкономическую политику государства изменяется в зависимости от внутренних и внешних условий развития национальной экономики. Для обеспечения этого используются те или иные средства, в частности, совокупность мер, которые осуществляются в пределах своей компетенции таможенными органами для того, чтобы обеспечить соблюдение таможенных норм, законодательства, международных договоров.

В то же время формы и средства контроля взимания таможенных платежей самостоятельно определяются таможенными органами. Основным методом определения таможенной стоимости иностранных товаров является метод по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1). Таможенной стоимостью ввозимых товаров является стоимость сделки с ними, то есть цена товаров, при выполнении условий, указанных в ст. 39 ТК ЕАЭС.

При определении таможенной стоимости ввозимых товаров по первому методу к цене добавляются дополнительные начисления, приведенные в ст. 40 ТК ЕАЭС. Так, анализ положений ст. 40 ТК ЕАЭС позволяет констатировать, что расходы по таможенному оформлению товаров в стране продавца добавлять к цене товаров не следует. К аналогичному выводу можно прийти и после анализа положений Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20.12.2021 № 283, разъясняющему порядок применения первого метода.

При этом вышеуказанные документы обязывают добавлять к цене иностранных товаров расходы на вознаграждение посредникам (агентам и брокерам). Очевидно, если услуги по таможенному оформлению товаров в стране продавца были оказаны посредниками, то проблема отпадает сама собой. Вместе с тем, на практике многие участники ВЭД осуществляют таможенное оформление товаров собственными силами, не прибегая к услугам профессиональных посредников.

В соответствии с действующим законодательством ЕАЭС таможенный контроль осуществляется таможенными органами как до, так и после выпуска товаров. В контроле до выпуска товаров есть система управления рисками (далее – СУР). Именно она призвана осуществлять «оценку таможенных рисков», вероятность их возникновения и идентификацию на основе областей и индикаторов рисков. Иными словами, данная система позволяет выбрать из всего потока товаров именно те поставки, в которых наиболее высока вероятность несоблюдения действующего законодательства. Это концентрирует внимание должностных лиц таможенных органов на «рисковых поставках» и дает возможность наиболее рационально и эффективно использовать имеющиеся ресурсы, а также избежать неэффективного применения мер по минимизации рисков, которые могут повлечь дополнительные расходы у участников ВЭД.

Анализ практики осуществления контроля таможенной стоимости позволил выявить отдельные недостатки применения СУР в указанном направлении. Наиболее наглядным примером будет ситуация, в которой участник ВЭД намеренно заявляет недостоверные сведения о таможенной стоимости товара с целью минимизации уплаты таможенных платежей, а также для того, чтобы избежать попадания конкретной партии товара под действия СУР.

Список литературы

1. Хлебников Д.И., Хуснуллова А.Р. Формирования внешнеторговых цен в системе контроля таможенной стоимости продукции В сборнике: Дни студенческой науки Сборник научных трудов Международной студенческой конференции. 2021. С. 274.
2. Щербачева Л.В. Правовое регулирования определения таможенной стоимости объектов интеллектуальной собственности //Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 78.

УДК 342.92

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОБЖАЛОВАНИЯ НАРУШЕНИЙ ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Куделя В. В., Щекланова К. Э.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
v.kudelya@donnu.ru

Введение. Права и свободы человека и гражданина провозглашаются высшими ценностями, закрепляются законодательством на федеральном уровне, в законодательстве закрепляются средства и средства их защиты,

устанавливаются действенные механизмы их защиты. Они не только требуют декларирования определенных гарантий гражданских прав (как административных, так и юридических), но реально проявляются в четком и слаженном функционировании всех органов власти и управления.

Основная часть. Конституция ДНР определяет, что каждый гражданин ДНР имеет право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [1]. Закон ДНР «Об обращениях граждан» рассматривает обращения граждан как направленное в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение (замечание), заявление (ходатайство) или жалоба, а также устное обращение гражданина к руководителям и другим должностным лицам соответствующих органов [1].

Под обращением ученые понимают волевое действие индивида или коллектива, которое может быть выражено как в устной, так и в письменной форме (в том числе и электронной), направленное в органы государственного управления, с целью привлечения внимания должностных лиц к определенному факту или процессу, затрагивающему интересы лица, которое обращается с заявлением.

В РФ под обращением граждан понимаются направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления» [2].

Научные определения термина «обращение» чаще всего основываются на его нормативном выражении. Большинство авторов цитируют и комментируют именно нормативное определение. Так, предлагается следующее определение: «обращение – это, прежде всего, волеизъявление индивида, выраженное в конкретном действии, имеющее письменную или устную форму, соответствующую правилам, закрепленным в нормативно-правовых актах, направленное в органы государства или органы местного самоуправления, в видах, необходимых для того, чтобы реализовать, предоставить, защитить или восстановить права и свободы».

Из анализа точек зрения различных ученых и правоведов определение «обращение гражданина» можно трактовать так: это воля отдельного лица (или совокупности лиц), формально соответствующая некоторому нормативному требованию, форме осуществления прав, свобод и законных интересов органами государственной власти или организациями, публично выполняющими важные функции. Определение имеет комплекс достаточных и необходимых характеристик изучаемого

явления, а именно процессуальную форму обращения (совокупность обязательных требований к форме и процессу рассмотрения обращения), предмет обращения, волеизъявление, получатель и цель обращения.

Существует также мнение, что требования граждан представляют собой сложную и достаточно разветвленную правовую систему в совокупности правовых норм, которые их регулируют. На протяжении многих лет он функционировал как широкий канал демократизации общества, формирования правового государства, гражданского участия в управлении обществом и государственными делами.

Важнейшей гарантией реализации прав и свобод человека является регламентация порядка обжалования неправомерных действий должностных лиц в сфере государственного управления.

Реализация этой функции возложена на судебные органы, прокуратуру, органы внутренних дел (милицию), судебные органы, адвокатов, нотариусов, различные органы государственной инспекции и государственного надзора. Все эти организационные структуры действуют ежедневно и в соответствии с законодательством для эффективной реализации и защиты прав и свобод, возложенных на граждан, и возложенных на них обязанностей.

В осуществлении защиты прав и свобод личности правовая (правовая) защита занимает важнейшее место. Правовые гарантии – это система правовых норм, определяющих условия и порядок реализации прав и свобод граждан, а также средства защиты и защиты граждан. Один из важнейших принципов, которые выражают основу института обжалования заключается в том, что после получения жалобы будет проведено объективное, всестороннее и всестороннее расследование. Исходя из этого принципа, обязанностью государственных органов является работа с обращениями граждан, анализ содержания поступивших обращений, предоставление качественных и полных ответов. Граждане имеют право запрашивать при необходимости все необходимые разъяснения, материалы и документы, участвовать в подготовке необходимых специалистов, принимать другие меры.

Административно-правовой статус граждан включает в себя такие элементы, как права, обязанности, гарантии и ответственность.

Права гражданина являются мерой возможных и разрешенных действий гражданина. В сфере государственного управления права граждан подразделяются на абсолютные (безусловные) – граждане осуществляют эти права самостоятельно, без необходимости специального разрешения властного субъекта (право на участие в управлении делами государства, право на равный доступ к государственным услугам и т. д.); и относительные (условные) – для их оформления необходимо специальное разрешение уполномоченного органа (лицензия на осуществление предпринимательской деятельности, право управления транспортным средством и т. д.).

Право граждан на обращение в сфере государственного управления является мерой поведения, которое граждане могут проявлять в сфере деятельности административных органов.

Заключение. Обязанности и права граждан в сфере государственного управления можно разделить на три составляющие.

Первая составляющая охватывает обязанности и права, необходимые гражданам для участия в управлении государственными делами посредством представительства и непосредственного участия и посредством равного доступа к государственным услугам. Вышеупомянутые авторы определяют понятие участия в управлении делами государства как очень широкое, охватывающее все сферы жизни в Российской Федерации. Особенностью данного комплекса обязанностей и прав граждан в сфере государственного управления является то, что их реализация неотделима от самой активной гражданской воли.

Вторая составляющая затрагивает обязанности и права граждан для реализации которых требуется не только активная деятельность, но и содействие должностных лиц органов исполнительной власти и государственных органов.

Наконец, третья составляющая непосредственно связана с участием граждан в сфере государственного управления, в том числе с реализацией право на обжалование.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики: Постановление Верховного Совета Донецкой Народной Республики № 1 от 14.05.2014 г. [Электронный ресурс] – URL: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>
2. Об обращениях граждан: Закон Донецкой Народной Республики №13 ИНС от 20.02.2015 г. [Электронный ресурс] URL. <https://gisnpa-dnr.ru>
3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред.27.11.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060; Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 49. – Ст. 7327.
4. Мещерягина В. А. Юридическая природа конституционного права на обращение как субъективного права // Актуал. проблемы рос. права. – № 10. – 2015. – С. 64-69.

К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Лихачев С. В.¹, д-р юрид. наук, проф.,

Коробейникова К. В.², канд. экон. наук

¹ ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск, РФ

² ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

k.korobeinikova@donnu.ru

Введение. Сегодня продолжается процесс реформирования архивного дела, создания современной правовой базы, расширения доступа к архивным документам, развертывания научных исследований в области архивоведения и делопроизводства, организации деятельности архивных учреждений на новые принципы хозяйствования, последующее развитие их системы и сети. Отмеченные масштабы и значимость процессов, их важность для общества и органов государственной власти, принимающих управленческие решения, продолжение процесса реформирования архивов – все это свидетельствует об актуальности выбранной темы.

Поиск эффективных и действенных механизмов государственного управления, принятие обоснованных и своевременных управленческих решений требуют качественной информационной поддержки. Эти процессы определили ведущую роль государственных архивных учреждений, которые обеспечивают реализацию государственной политики в области архивного дела, организуют формирование, государственную регистрацию и хранение документов архивного фонда, комплексное использование содержащейся в нем информации.

Современные исследования в основном посвящены истории и теории архивирования или отдельным аспектам практической деятельности архивов. Это научные работы Д. Я. Самоквасова, С. Ю. Кабашова, Н. И. Химиной и др.[1-3].

Основная часть. Несмотря на определенное количество исследований, посвященных различным аспектам деятельности государственных архивов, многие вопросы в этой сфере требуют более детального анализа, в частности, вопрос: нормативно-правовое регулирование, структурно-функциональное, информационное и кадровое обеспечение их деятельности.

Целью статьи является определение направлений совершенствования правового регулирования деятельности государственных архивных учреждений.

Архивы в современном мире выступают гарантом и источником стабильности и безопасности государства. Архивы являются важным

звеном в непрерывности исторического времени, фиксирующего эволюцию социальных процессов. Информационный потенциал архивов необходим для удовлетворения растущих информационных потребностей общества, задач государственного устройства, развития науки и культуры, защиты конституционных прав граждан. Формирование правового государства немыслимо без использования информационного потенциала архивов, так же как состояние архивной организации является показателем развитой правовой системы, одним из показателей которой является наличие эффективных механизмов, гарантирующих правовую защиту человека, обеспечивающая активное и беспрепятственное использование демократических прав и свобод.

Роль архива в нашем обществе объективно чрезвычайно велика. Архив – это инструмент для трансляции исторического времени и потенциальная возможность для формирования общественного сознания. Архивы по всему миру считаются основной составной частью национального достояния каждой страны. Они стали главной составляющей духовного богатства, поскольку абсолютно необходимы для формирования национального самосознания и определения специфики этих стран.

Для обеспечения научного управления архивами, сохранения их целостности и безопасности, чтобы они могли служить интересам граждан, общества и государства, необходимо архивное законодательство. Архивное законодательство в определенной степени отражает степень развития и зрелости архивного дела данной страны, уровень ее демократичности и законности. В то же время он отражает уровень законодательства всей страны в целом со всеми присущими ему влияниями и ограничениями.

Государственные архивные учреждения – это органы государственной власти особой компетенции, обеспечивающие реализацию государственной политики в области архивного дела, межотраслевую координацию вопросов, отнесенных к их компетенции.

Согласно Положению о Государственном архиве ДНР основными задачами Государственного архива являются:

- реализация государственной политики в области архивного дела и делопроизводства, управления архивами и делопроизводством в регионе, координация деятельности государственных органов, предприятий, учреждений, организаций всех форм собственности в вопросах архивного дела и делопроизводства;

- внесение в государственный архивный фонд архивных документов местного значения, ведение учета и постоянное хранение этих документов, а также использование содержащейся в них информации;

- проведение научно-методических работ в области архивоведения, документооборота и археографии; внедрение достижений науки, техники, передового опыта в практику деятельности архивных учреждений;

– осуществление контроля за деятельностью архивных учреждений и служб делопроизводства, обеспечение соблюдения законодательства о государственном архивном фонде и архивных учреждениях.

Для выполнения возложенных на него задач Государственный архив ДНР наделен достаточно весомыми полномочиями. В частности, он имеет право:

– получать в установленном порядке от учреждений, предприятий и организаций независимо от формы собственности, граждан и их объединений информацию, документы и другие материалы, необходимые для выполнения возложенных на него задач;

– требовать экспертизы ценности архивных документов от юридических и физических лиц, имеющих архивные документы, созданные более 50 лет назад;

– инициировать в установленном законом порядке вопрос о привлечении к ответственности сотрудников архивных учреждений, пользователей документов государственного архивного фонда и иных лиц, виновных в нарушении законодательства об архивном фонде и архивных учреждениях, а также о компенсации за убытки, причиненные архивным фондом или его уполномоченным лицом;

– устанавливать цены на работы и услуги, выполняемые государственным архивом.

Архив ДНР в процессе выполнения возложенных на него задач взаимодействует с другими структурными подразделениями государственной администрации, органов местного самоуправления, а также с предприятиями, учреждениями, организациями и объединениями граждан.

Заключение. Совершенствование деятельности государственных архивных учреждений должно осуществляться в направлении совершенствования их нормативно-правового обеспечения. На современном этапе деятельности архивных учреждений, когда реформа архивного дела только начинается, необходимо более четко распределить полномочия между аппаратом местных государственных администраций и архивными учреждениями. При последующем реформировании системы архивных учреждений необходимо обратить внимание на факторы, которые будут учтены при проведении административно-территориальной реформы. В частности, рассмотреть возможность двойного подчинения региональных архивов, как учреждений, которые в основном выполняют определенные функции.

Последующие исследования должны быть сосредоточены на детализации методического обеспечения деятельности архивных учреждений в системе органов исполнительной власти.

Список литературы

1. Калошкина Д.В. Правовые основы использования документов архивного фонда российской федерации и других архивных документов /Д.В.Калошкина. – В книге:

- Мир культуры глазами молодых исследователей. сборник тезисов XLVII научно-практической конференции студентов. Пермь, 2022. С. 94-96.
2. Козлов В. П. Российское архивное дело. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2018. – 336 с.
3. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России т.2. – Москва: Мир, 2018. – 386 с.

УДК 342.95

РАЗГРАНИЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Мазина Н. Е., канд. полит. наук, доц., *Иванова К. Т.*
ГБОУ ВО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, РФ
nataliya_mazina@mail.ru, kseniadla18@mail.ru

Введение. Административная и уголовная ответственность занимают важное место в структуре видов юридической ответственности и механизма государственного принуждения. Каждое государство устанавливает собственную модель правонарушений, определяя те или иные из них как преступление (криминализуя деяние) или напротив, легализуя конкретные действия или бездействия (декриминализуя деяния). При этом проблематику формируют пробелы в праве, которые препятствуют разграничению административного правонарушения и преступления.

Основная часть. В рамках юридического дискурса до настоящего времени нет единого мнения относительно правовой природы преступлений и административных правонарушений и их разграничении. Основные положения сводятся к тому, что в части соотношения уголовной и административной ответственности различие лежит в области характера и степени посягательства на общественные отношения. С. Н. Керимова отмечает, что в науке не установлено единство относительно общепринятых критериев разграничения этих видов ответственности, что приводит к неправильному толкованию, а вследствие этого и применению норм уголовного и административного права [1, с. 78]. При соотношении понятий административного правонарушения и уголовного преступления должное внимание уделяется факту общественной опасности – исходя из определений, содержащихся в законодательстве, административные правонарушения менее опасны. В данном случае четко прослеживается взаимосвязь: административная ответственность наступает в том случае, когда деяние лица не влечет за собой уголовной ответственности. Формально разграничение по степени общественной опасности деяния

невозможно, поскольку общественная опасность не предусмотрена в качестве критерия оценки законом ни при уголовной ответственности, ни, тем более, при административной. Однако в теории административного права и теории уголовного права отсутствуют и иные возможные критерии разграничения. Общественная опасность преступления (и возможно правонарушения) как признак служит предметом спора в теории уголовного и административного права и их сопоставления.

К примеру, П. Ю. Константинов, А. К. Соловьева, А. П. Стуканов выделяют три группы мнений:

1) преступления – общественно опасны, правонарушения – общественно вредны;

2) преступления и отдельные правонарушения общественно опасны, опасность правонарушений факультативна;

3) преступления и правонарушения общественно опасны, отличия в степени опасности [2, с. 58].

Однако в дополнение к указанным мнениям (позициям) отмечаются и авторы, ограничивающиеся всего лишь констатацией менее опасных деяний (чем преступления) при наступлении административной ответственности. Исследователь Л. В. Головки полагает, что понятие «общественной опасности» позволяет определить границы уголовно-правового пространства и стать критерием для разграничения ответственности уголовной и ответственности других видов, в том числе административной [3, с. 139]. Причиной имеющих противоречий, в том числе в области разграничения ответственности, исследователь называет выделение «административных правонарушений» из области уголовного права и их самостоятельное дальнейшее развитие (аналогично: германское право; итальянское право) [3, с. 140]. В то же время право ряда европейских государств имеет трехзвенную систему деяний, наказуемых в уголовном порядке (правонарушение – проступок – преступление), поэтому и ответственность, находится в области уголовного, а не административного права. Административная ответственность в этих государствах представляет ответственность администрации (государства) перед индивидом (человеком). Следует отметить, что ряд исследователей придерживается мнения о том, что одним из критериев соотношения и ограничения являются последствия деяния.

В качестве примера проблем соотношения приведём дорожно-транспортные происшествия, которые наиболее ярко иллюстрируют проблему соотношения административной и уголовной ответственности.

Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения (далее – ПДД) в первую очередь закреплена в ст. 309 УК ДНР. Дорожно-транспортное преступление в редких случаях является непосредственной целью нарушителя, однако оно выступает следствием нарушения ПДД. Причинами ДТП могут выступать как осознанный риск

нарушения правил дорожного движения, так и отсутствие прогноза опасных последствий своего поведения на дороге. Риск нарушения правил дорожного движения нередко возникает на дороге в отношении пешеходов. Чаще всего такие ситуации возникают как на обозначенных пешеходных переходах, так и на проезжей части. Высокий уровень правосознания и правовой культуры необходим на каждом этапе борьбы с дорожно-транспортными происшествиями, в том числе, чтобы отличать уголовные преступления и административные правонарушения в анализируемой сфере человеческой деятельности.

Так, за оставление водителем в нарушение ПДД места ДТП, участником которого он являлся, предусмотрена административная ответственность в виде лишения права управления транспортными средствами (ст. 265.1 КУоАП). Однако данная норма закреплена в административном законодательстве с существенной оговоркой – ответственность административного характера наступает при отсутствии в правонарушении уголовно наказуемого деяния. Уточнение связано с тем, что с момента оставления места ДТП, в котором погибли люди или был причинен тяжкий вред здоровью, стало преступлением. Одновременно за нарушение водителем ПДД или правил эксплуатации автомобиля, если эти нарушения сопряжены с оставлением водителем места ДТП, предусмотрена уголовная ответственность. Данная ответственность возлагается на водителя транспортного средства исключительно в ряде случаев, установленных уголовным законодательством. Следовательно, важнейшим основанием для разграничения административной и уголовной ответственности выступает степень ущерба, которая была нанесена тем или иным защищаемым законом правам. Административное правонарушение и уголовное преступление объединяет наличие вины в действиях одного из участников дорожного движения. Следовательно, верно и обратное утверждение, что умышленные действия, приведшие к нарушению ПДД, не могут быть идентифицированы как ДТП, только как нарушение права (административного или уголовного) характера.

Заключение. В заключении следует отметить, что на законодательном уровне отсутствуют четкие границы между смежными деяниями, а главным идентификатором для разграничения административной и уголовной ответственности являются последствия совершенного деяния. Преодоление сложившейся коллизии, на наш взгляд возможно путем создания доктрины разграничения административной и уголовной ответственности, с последующим нормативным закреплением положений.

Список литературы

1. Керамова, С.Н. Понятие и основные черты административного правонарушения как основания административной ответственности / С.Н. Керамова – Текст: непосредственный // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2016 – №4. – С. 78-84.

2. Константинов, П.Ю. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики / П.Ю. Константинов, А.К. Соловьева, А.П. Стуканов – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 3(260). – С. 58-74.
3. Головки Л.В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву / Л.В. Головки – Текст : непосредственный // Lexrussia (Русский закон). – 2016. – № 1. – С. 139-145.

УДК 336.256

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДНР О СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМАХ С НАЛОГОВЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РФ

Мазина Н. Е., канд. полит. наук, доц., **Сеник Р. А.**
ГБОУ ВО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, РФ
nataliya_mazina@mail.ru, 16RS2017@gmail.com

Введение. Главным принципом законотворчества ДНР остается гармонизация законодательства с РФ, чья правовая система является образцовой. Однако, на сегодняшний день при анализе системы специального налогообложения можно констатировать не только тот факт, что она далека от правового поля РФ. Ввиду изменившейся политической конъюнктуры, актуальным представляется конвергенция национальных моделей налогообложения в целом.

Основная часть. Под юридической конвергенцией понимается процесс сближения элементов внутри системы права, самого права и иных регуляторов отношений в обществе, а также правовых систем различных государств [5, с. 5].

Исходя из получения ДНР статуса субъекта РФ, необходимо говорить именно о процессе конвергенции национальных моделей налогообложения. Следует отметить, что система специального налогообложения, основанная на концепции единого налога, должна экономически стимулировать развитие малого и среднего бизнеса, однако к настоящему времени в ДНР наблюдается лишь снижение налоговой нагрузки на субъекты предпринимательства. Представляется, что конвергенция СНР с налоговым законодательством РФ позволит субъектам предпринимательской деятельности получить новые стимулы экономического развития.

Приоритетом государства является выбор эффективных методов и способов налогового регулирования, направленных на создание благоприятного налогового климата и мер финансовой поддержки данного

сектора экономики. Одним из инструментов достижения такого регулирования являются специальные налоговые режимы [1, с. 48–49].

К специальным режимам РФ согласно ч. 2 ст. 18 НК относятся:

1. Система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (ЕСХН).

При конвергенции законодательства необходимо достичь прозрачности и полноты учета особенностей сельского хозяйства при помощи введения дифференциальной ренты и инвестиционных налоговых льгот; пересмотра налоговой базы и ставок; введения таких расходных статей как: чрезвычайные потери, амортизация на реконструкцию техники и восстановление плодородия почв. А также совершенствования механизма финансовой ответственности за неуплату авансового взноса, поскольку таковая предусмотрена без конкретных санкций. Данный режим является наиболее трудоемким к процессу конвергенции.

2. Упрощенная система налогообложения (УСН). В рамках конвергенции данного режима необходимо запретить применять УСН ДНР аффилированным лицам, добавить объект налогообложения по доходам за вычетом расходов (с возможностью отмены налоговой отчетности при использовании кассовой техники).

3. Патентная система налогообложения (ПСН). Для данной системы также представляется возможность отмены налоговой отчетности в пользу ведения книги учета доходов. Необходимым представляется разработка законодательной базы под разрешительный патент в сфере транспортировки энергоносителей. Основой следует считать уже существующий разрешительный патент на добычу угля артелями, подчеркивающий особенность Донбасса. Для УСН и ПСН необходим и пересмотр критериев численности наемных рабочих, а также расширение видов деятельности, к которым возможно применение данных режимов, рассмотрение возможности применения налоговых каникул [3, с. 341–407].

4. Налог на профессиональный доход (НПД). Специальный налоговый режим, который могут применять физические лица и ФЛП без наемных сотрудников и с определенным годовым оборотом, а также единократным налоговым вычетом.

5. Автоматизированная УСН. Налоговая сама считает налог к уплате. Нужные данные берет из личного кабинета налогоплательщика, операций по онлайн-кассе и из банка, где открыт расчетный счет. Предприниматели и компании на АУСН не будут платить взносы, сдавать декларацию и часть отчетов за сотрудников. Данный режим является новеллой и для РФ, однако с появлением в ДНР двухуровневой банковской системы ее применение также стало возможным. Однако потребуется дополнительная цифровизация сферы налогообложения.

6. Система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции. Разработка недр с выплатой государству компенсационной

доли денежными средствами или в натуре. При этом, с учетом законодательства, необходимо будет отменить патент на добычу угольной продукции для данного вида режима. Касательно законодательства, также необходимо разработать отдельный закон о соглашениях о разделе продукции, принять соответствующие поправки в гражданское законодательство и законодательство о недропользовании [2].

Как видно, для завершения процесса конвергенции необходимо не только внести изменения в существующие НПА, но и также принять ряд новых. Так немаловажное место в оказании государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства принадлежит Министерству экономического развития ДНР. В рамках его работы Правительством одобрен проект Закона ДНР «О развитии малого и среднего предпринимательства». Законопроект обеспечивает правовое регулирование общественных отношений в сфере МСП в ДНР. Сходством законопроекта и СНР является стимулирование предпринимательской деятельности посредством создания благоприятных условий для ведения бизнеса. Указанными положениями подтверждается конвергенция республиканского законодательства с нормами права РФ [4]. Тем не менее, процесс конвергенции необходимо продолжить по принципу системности, охватывая также законодательство о доходах и сборах ДНР.

Заключение. Процесс становления ДНР в качестве субъекта РФ диктует необходимость приведения отечественного налогового законодательства в правовое поле федеративного государства. Инструментом такого взаимодействия могла бы стать конвергенция национальных моделей законодательства. Должное внимание необходимо уделить специальным режимам, с целью поддержки и экономического стимулирования предпринимательства ДНР в переходной период с учетом сложившихся экономических условий.

Список литературы

1. Герб, А.А. Влияние специальных налоговых режимов на деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства /А.А. Греб – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 2. – С. 48-50.
2. Российская Федерация. Законы. Налоговый Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации [принят Государственной Думой 16 июля 1998 г.]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения 25.09.2022). – Текст : электронный.
3. Донецкая Народная Республика. Законы. О налоговой системе [Текст электронный] : Закон Донецкой Народной Республики [принят Постановлением Народного Совета 25 декабря 2015 г.]. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-o-nalogovoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 25.09.2022). – Текст : электронный.
4. Правительством одобрен проект Закона ДНР «О развитии малого и среднего предпринимательства». – Текст : электронный // Правительство Донецкой Народной Республики : официальный сайт. – 2021.– URL: <https://pravdnr.ru/news/pravitelstvom->

odobren-proekt-zakona-dnr-o-razvitii-malogo-i-srednego-predprinimatelstva/ (дата обращения 25.09.2022).

5. Третьякова, О.Д. Юридическая конвергенция: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Третьякова Ольга Дмитриевна ; ФКОУ ВПО Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. – Владимир, 2012. – 44 с. – Библиогр.: с. 37-44. – Место защиты: ФКОУ ВПО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний». – Текст : непосредственный.

УДК 34.01

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мазина Н. Е., канд. полит. наук, доц., **Сеник А. А.**
ГБОУ ВО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, РФ
nataliya_mazina@mail.ru, artur.senik1904@gmail.com

Введение. Проблема эффективности системы налогообложения включает как вопросы разработки налогового законодательства, администрирования налогов и сборов, так и вопросы налогового контроля и регулирования ответственности за нарушение налогового законодательства. С целью недопущения указанных нарушений, законодательством Донецкой Народной Республики, предусмотрена юридическая ответственность за их совершение, именуемая налоговой ответственностью.

Основная часть. Следует отметить, что на современном этапе развития научной мысли, юридическая природа налоговой ответственности четко не определена.

По мнению ряда экспертов, налоговая ответственность по своей природе является разновидностью административной [1, с. 86]. Однако, в юридическом дискурсе присутствуют и иные позиции. Так, например, А. А. Гогин считает, что налоговая ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности. Как справедливо отмечают А. Р. Нугуманов и Р. Р. Субхангулов, поскольку целью установления налоговой ответственности является, защита финансовых интересов государства и способности государства исполнять свои финансовые обязательства, налоговая ответственность непосредственно связана с публичными финансами [2, с. 37]. В свою очередь, поскольку публичные финансы и опосредующие их экономические отношения

характеризуют формирование и использование фондов денежных средств исключительно в публичных целях, преследуя публичный интерес, то категория публичных финансов относится прежде всего, к формированию государственного бюджета, общественные отношения по поводу формирования которого, составляют предмет финансового права [3, с. 21–22]. По мнению исследователей, вышеизложенное дает основания считать налоговую ответственность разновидностью финансовой ответственности.

Кардинально иного мнения придерживается С. Г. Пепеляев, считающий, что налоговую ответственность можно рассматривать только как комплексный институт, объединяющий нормы различных отраслей права, направленные на защиту налоговых правоотношений [4, с. 83–84].

Рассмотрев указанные точки зрения, считаем возможным разделить точку зрения С. Г. Пепеляева, поскольку данная позиция более всего соответствует объективной правовой действительности. Это обосновано тем, что налоговое право имеет собственный предмет правового регулирования – общественные отношения, складывающиеся в сфере установления и взимания налогов, сборов и иных обязательных платежей (фискальных интересов государства), а также собственный метод правового регулирования, который является императивным и, в отличие от других отраслей права, выражается в том, что каждое лицо, признанное в установленном законодательством порядке налогоплательщиком, несет обязанность по уплате налогов, сборов и иных обязательных платежей (конституционная обязанность, вытекающая из положений ст. 50 Конституции Донецкой Народной Республики). Кроме того, налоговые правоотношения, находятся в поле зрения одновременно нескольких других отраслей права: финансового, поскольку связаны с фискальными интересами государства и публичными финансами; административного – поскольку затрагивают вопросы государственного управления, касательно деятельности органов управления налогоплательщиков-юридических лиц, а также, органов доходов и сборов; уголовного – так как некоторые противоправные деяния в сфере исполнения налоговой обязанности, определены Уголовным кодексом Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) как преступления.

Различно и понимание юридической природы налоговой ответственности в налоговом законодательстве Донецкой Народной Республики и Российской Федерации. Хотя законодательства данных государств не содержат понятия данного вида юридической ответственности, о подходах к ее пониманию можно судить исходя из трактовки понятия налогового нарушения (в Донецкой Народной Республики) и налогового правонарушения (в Российской Федерации), поскольку они по своей сути взаимосвязаны с понятием налоговой ответственности, которая является их следствием. Так, исходя из трактовки нормы-дефиниции, указанной в ст. 106 Налогового Кодекса Российской

Федерации (далее – НК РФ), можно сделать вывод, что НК РФ понимает под налоговой ответственностью исключительно ту юридическую ответственность, которая наступает за деяния, определенные как налоговые правонарушения, исключительно НК РФ и никакими другими нормативными правовыми актами. Однако, правовое регулирование такой ответственности, фактически, осуществляется также посредством Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). В Донецкой Народной Республике, исходя из трактовки нормы-дефиниции, указанной в п. 204.1. ст. 204 Закона Донецкой Народной Республики «О налоговой системе» № 99-ІНС от 25.12.2015 г. (далее – Закон «О налоговой системе»), налоговая ответственность понимается именно как комплексный вид юридической ответственности, о котором было сказано выше. Однако, ее правовое регулирование фактически, осуществляется лишь посредством применения правовых норм Закона «О налоговой системе» и УК ДНР.

Такое положение дел обусловлено тем, что до вступления в силу Временного положения о налоговой системе Донецкой Народной Республики от 01.09.2014 г. (далее – Положение), предшествующего Закону «О налоговой системе», имело место также регулирование ответственности за налоговые правонарушения Кодексом Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП), однако, так как упомянутое Положение, предусматривало указанную ответственность, то с вступлением в законную силу, КУоАП при квалификации деяний как налоговых нарушений, более не применяется, что обусловлено действием Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 г. № 9-1 «О применении Законов на территории Донецкой Народной Республики в переходный период».

Заключение. Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что было бы целесообразно внедрить в законодательство Российской Федерации комплексный подход к пониманию юридической природы налоговой ответственности, а законодательство Донецкой Народной Республики усовершенствовать таким образом, чтобы правовое регулирование налоговой ответственности, фактически, осуществлялось посредством применения норм административного права, что выполнимо при условии вступления в силу нормативного правового акта, аналогичного КоАП РФ, а также, перенесения в него составов правонарушений, имеющих административно-правовое происхождение.

Список литературы

1. Бабаян, З.М. Ответственность за налоговые правонарушения: теоретические и практические проблемы правоприменения / З.Н. Бабаян. – Текст: непосредственный // Право и практика. – 2017. – № 3. – С. 86 – 89.
2. Нугуманов, А.Р. Субхангулов Р.Р. К вопросу об ответственности за нарушение законодательства в сфере налогов и сборов и ее месте в системе юридической

- ответственности / А.Р. Нугуманов, Р.Р. Субхангулов. – Текст : непосредственный // Право: ретроспектива и перспектива. – 2020. – № 2 (2) – С. 34 – 38.
3. Рябова, Е.В. Понятие и система публичных финансов в свете проблемы дифференциации публичных и частных финансов / Е.В. Рябова. – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 9 (49). – С. 21 – 28.
4. Сидорович, Ю.С. ответственность за совершение налоговых правонарушений и ее место в системе юридической ответственности / Ю.С. Сидорович. – Текст : непосредственный // Юриспруденция. – 2010. – № 3 (19). – С. 83 – 87.

УДК 336.02

О НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТАХ ПО НАЛОГУ НА ПРИБЫЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ

Насирова Л. С.

Донецкое городское управление юстиции Министерства юстиции ДНР, г. Донецк, РФ
nasirova1598@mail.ru

Налоговые льготы являются важной составляющей налоговой политики государства, поэтому их использование должно быть эффективным инструментом регулирования распределительных процессов с целью создания благоприятных условий для определенных налогоплательщиков, отраслей и форм хозяйствования, с деятельностью которых связано достижения определенных общественных приоритетов и социально-экономических целей. Однако через предоставление безосновательных и необоснованных льгот государство ежегодно теряет миллиарды бюджетных средств. Бессистемное и неоправданное предоставления налоговых льгот по налогу на прибыль вызывает неравномерную налоговую нагрузку, создавая отдельным субъектам хозяйствования более выгодные условия, одновременно снижая конкурентоспособность других компаний. Итак, вопросы формирования эффективного механизма предоставления налоговых льгот является чрезвычайно актуальными.

Исследованию проблемы налоговых потерь бюджета в результате предоставления налоговых преференций посвящено многочисленные труды отечественных и зарубежных ученых. Однако до сих пор нерешенной остается проблема минимизации потерь бюджета от предоставления налоговых льгот (в частности по налогу на прибыль предприятий).

Налог на прибыль предприятий является одним из четырех основных бюджетообразующих налогов наряду с налогом на добавленную стоимость, налогом на доходы физических лиц и акцизным налогом. В

целом, налог на прибыль предприятий существенно реформирован, в частности в части уменьшения ставки и увеличения перечня налоговых льгот, которые, к сожалению, не стали катализатором экономического развития государства, и одновременно привели к потерям бюджета. В этом случае достаточно интересной задачей выступает исследование взаимосвязи динамики налоговых льгот по налогу на прибыль с предпринимательской активностью, поскольку приводя к значительным потерям бюджета в краткосрочном периоде, именно налоговые льготы должны стимулировать развитие экономики государства в долгосрочном периоде. Отсутствие такой системы свидетельствует о целесообразности пересмотра льгот с целью их сокращения и упорядочения [1].

Действующее законодательство определяет налоговые льготы как освобождение налогоплательщика от обязанности по начислению и уплате налога и сбора, уплата им налога и сбора в меньшем размере при наличии оснований, к которым принадлежат особенности, характеризующие определенную группу налогоплательщиков, вид их деятельности, объект налогообложения или характер и общественное значение осуществляемых ими расходов.

В большинстве случаев налоговые льготы не только не решают никаких экономических или социальных задач, но и даже более того, часто приводят к возникновению налоговых потерь бюджета, которые, в свою очередь, является следствием неэффективной реализации налоговой политики, администрирования налогов и нарушения субъектами хозяйствования норм налогового законодательства [2].

Действующая налоговая система слишком обременительна разного рода налоговыми льготами, преференциями, упрощенными налоговыми режимами. В условиях острых бюджетных ограничений такой объем налоговых льгот должен быть экономически и социально обоснованным.

Анализ динамики налоговых потерь бюджета в результате предоставления налоговых льгот по налогу на прибыль предприятий и оценка эффективности предоставления преференций при налогообложении прибыли предприятий свидетельствуют о том о неэффективном использовании налоговых льгот [3].

Считаем, что для того, чтобы налоговые льготы не превращались в необоснованные налоговые расходы, необходимо принять следующие меры:

- повысить фискальную и социальную эффективность налоговых льгот;
- создать действенную систему надзора за налоговыми расходами с целью исследования их влияния на отдельные отрасли хозяйства;
- обеспечить эффективную систему контроля за целевым использованием льгот и предусмотреть ответственность руководителей предприятий и учреждений по нецелевому использованию налоговых льгот;

– осуществлять корректировку льгот, учитывая существующее положение дел в экономике и тому подобное.

В условиях рыночной экономики введение налоговых стимулов в виде предоставления льгот по налогу на прибыль предприятий должно способствовать развитию предпринимательства и формировать предпосылки для структурной перестройки государственной экономики. Однако в Донецкой Народной Республике существует потребность в совершенствовании действующего механизма льготного налогообложения с целью достижения ожидаемого экономического и социального эффекта от предоставления налоговых льгот. Вышеуказанное позволяет сделать определенные выводы и предлагать следующее.

Во-первых, необходимо осуществлять оценку эффективности использования налоговых льгот и ввести публичную отчетность по их предоставлению. Во-вторых, предоставление налоговых льгот должно осуществляться в качестве компенсации за выполнения субъектами хозяйствования определенных общественно важных функций в соответствии с задачами государственной экономической стратегии и финансовой безопасности государства с учетом решения текущих и стратегических социальных и экономических проблем в Донецкой Народной Республике. В-третьих, переориентация предоставления льгот в пользу реального сектора экономики;

Считаем, что выполнение предложенных мероприятий будет способствовать реализации стимулирующего потенциала налоговых льгот по налогу на прибыль предприятий без ущерба для финансовых ресурсов государственного бюджета.

Список литературы

1. Оразалиев, А.А. Особенности и проблемы взимания налоговых и иных платежей налоговым и органами России на современном этапе Евразийской интеграции / А. А. Оразалиев // Управление экономическими системами. – 2014. – №5.- С.12-20.
2. Перекрестова Л.В., Чухнина Г.Я. Реформирование системы налогового контроля в РФ [Текст]: учебник / Л.В. Перекрестова. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2016. – 136 с.
3. Реброва Т. А. Современное состояние и тенденции развития налоговой системы РФ [Текст] / Т.А. Реброва // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – 575 с.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, доц., **Бережной П. С.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr.zav@donnu.ru

Введение. Сегодняшний мир претерпевает самые глубокие изменения со времен Второй мировой войны. Движимая двумя новыми факторами экономической глобализации и социальной информатизации, международная стратегическая модель назревает ожесточенными потрясениями

Под национальной безопасностью понимается относительное отсутствие опасности и внутренних и внешних угроз национальной власти, суверенитету, единству и территориальной целостности, благополучию народа, устойчивому экономическому и социальному развитию и другим важнейшим интересам страны, а также способности обеспечить состояние непрерывной безопасности.

Закон ДНР «О безопасности», принятый Постановлением Народного Совета 12 декабря 2014 года предусматривает, что безопасность является основным критерием, обеспечивающим гарантии личных, естественных и неотчуждаемых прав и свобод личности, а также национальные интересы государства и общества в экономической, политической, экологической, социально-демографической и иных сферах [1].

Основная часть. Современная национальная безопасность включает в себя несколько основных элементов: политическая безопасность, внутренняя безопасность, военная безопасность, экономическая безопасность, культурная безопасность, социальная безопасность, научно-техническая безопасность, сетевая безопасность, экологическая безопасность и безопасность ресурсов, ядерная безопасность, биобезопасность, космическая безопасность,

Обеспечение национальной безопасностью означает способность государственной власти обеспечивать суверенитет, единство, территориальную целостность, благосостояния народа, устойчивое экономическое и социальное развитие и другие важнейшие интересы страны от опасности и от внутренних и внешних угроз, а также способность обеспечивать состояние непрерывной безопасности».

Понятие «национальная безопасность» в научной литературе раскрывается следующим образом: «Национальная безопасность – это объективное состояние, в котором стране ничего не угрожает, то есть объективное состояние, в котором государство не имеет ни внешних угроз, ни посягательств, ни внутренних беспорядков и болезней» [2].

Таким образом, национальная безопасность, во-первых, – это объективное состояние страны без внешних угроз и посягательств. Так называемые внешние угрозы и нарушения можно условно разделить на две категории: угрозы и нарушения внешнего природного мира, и угрозы и нарушения со стороны внешнего общества. Поскольку национальная безопасность является социальным явлением, внешние угрозы и посягательства государства в основном относятся к угрозам и рискам, вызванным другими социальными явлениями за пределами страны.

С точки зрения угроз и рисков к таким внешним угрозам и нарушениям относятся, во-первых:

1) угрозы со стороны других стран;

2) угрозы со стороны других внешних общественных организаций и отдельных лиц, не являющихся государствами, такие как угрозы и посягательства на страну со стороны определенных международных или региональных организаций;

3) угрозы и злоупотребления, создаваемые извне.

Во-вторых, национальная безопасность – это объективное состояние, в котором в стране нет внутреннего беспорядка и болезней.

Силы, которые угрожают выживанию нации, приходят не только извне страны, но часто и изнутри страны. Внутренний хаос, беспорядки, и различные формы болезней могут напрямую угрожать выживанию страны и вызывать отсутствие безопасности в стране. Поэтому национальная безопасность обязательно включает в себя требование о том, чтобы не было внутренних беспорядков и болезней. Если рассматривать национальную безопасность только применительно к внутренним угрозам, то нельзя считать, что государство находится в безопасности.

В-третьих, государство защищено только в том случае, если нет внутренних и внешних опасностей, поэтому только единство этих двух аспектов является своеобразным атрибутом национальной безопасности.

Независимо от того, является ли это «отсутствием внешней угрозы» или «отсутствием внутреннего беспорядка», это не является уникальным атрибутом национальной безопасности, неверно определять национальную безопасность только с точки зрения этих двух аспектов. Однако если эти два аспекта объединить и выразить как «ни внешние угрозы, ни посягательства, ни внутренний беспорядок и болезни», то это отличает национальную безопасность от национальной незащищенности, и таким образом захватывает уникальные атрибуты национальной безопасности, образуя тем самым истинное и эффективное определение: «Национальная безопасность – это объективное состояние, в котором государство не имеет ни внешних угроз, ни нарушений, ни внутреннего беспорядка и болезней».

Конечно, постановка этого вопроса также показывает, что концептуальная проблема в области национальной безопасности, особенно проблема определения понятия, была в прошлом и по-прежнему остается и

в настоящее время. Понятие национальной безопасности связано с такими понятиями как «государство», «национальный интерес», «стратегия национальной безопасности».

Стратегия национальной безопасности относится к общей концепции развития страны, всесторонне использующей политические, экономические, военные, культурные и другие ресурсы в конкретных исторических условиях для борьбы с основными вызовами и угрозами и защиты интересов и ценностей национальной безопасности».

Стратегия национальной безопасности заключается в макропланировании обеспечения национальной безопасности. Принято считать, что данное понятие относится к организации и использованию политических, дипломатических, экономических и других всеобъемлющих сил страны для достижения национальных целей при организации и использовании вооруженных сил страны в мирное или военное время [2, с. 34].

Заключение. Различные проблемы, существующие в определении понятия «стратегия национальной безопасности», не только влияют на точность и научный характер теоретических исследований стратегии национальной безопасности, но и неизбежно оказывают воздействие на научный и рациональный характер формулирования и реализации стратегии национальной безопасности. В таких условиях изучение различных логических проблем, связанных с изучением понятия стратегии национальной безопасности», и логическая подготовка к точному определению этого понятия имеет большое теоретическое значение и определенную практическую значимость.

Целью *разработки стратегии национальной безопасности* является обеспечение того, чтобы территориальная и суверенная целостность страны не подвергалась вторжению внешних врагов, поддержание политической стабильности страны и обеспечение того, чтобы социально-культурная и идеологическая сферы не были враждебными.

Формулирование и реализация правильной *стратегии национальной безопасности* является важной гарантией обеспечения долгосрочного мира и стабильности в стране и реализации мирного развития государства.

Список литературы

1. Закон Донецкой Народной Республики «О безопасности» Принят Народным Советом Донецкой Народной Республики 12 декабря 2014 года (Постановление №17) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: сеть «Интернет» <https://dnr-online.ru/download/04-ihc-o-bezopasnosti/> (дата обращ. 23.09.2022) – Загл. с экрана
2. Четвериков, В. С. Административное право / В.С. Четвериков. – М.: РИОР, Инфра-М, 2017. – 280 с.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО БИЗНЕСА

Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, доц., *Каменев А. С.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr.zav@donnu.ru

Введение. Вмешательство государства в работу рыночного механизма заключается в мобилизации материальных интересов субъектов хозяйствования посредством определенных методов налогообложения, а также в обеспечении обязательных стимулов для реализации социальных или экономических целей в течение определенного периода времени. Процесс осуществления управления в сфере налогообложения представляет собой целостную систему, которая состоит из субъектов принятия решений, целей политики, инструментов политики, внутренней связи между целями и средствами, информационной обратной связи.

Основная часть. Эффективная налоговая система необходима для обеспечения постоянного экономического роста и, следовательно, социальной стабильности общества. Состояние налогообложения в государстве тесно связано с административной эффективностью государственной власти и зависит от организационного уровня и этической зрелости общества [1].

Налоговое государство – это субъект, выполняющий общественную функцию по распределению ресурсов за счет налогообложения, регулирующий социально-экономические процессы посредством налогообложения и налоговой политики. «Налоговое государство сосуществуют, поддерживают и формируют друг друга, и в то же время действуют совершенно по-разному». Организация налогообложения оказывает значительное влияние на экономику [2].

Налоговое законодательство ДНР и Российской Федерации постоянно совершенствуется для правового регулирования правоотношений субъектов хозяйствования в сфере предпринимательской деятельности, так как создание благоприятных условий для ведения бизнеса является залогом стабильного развития страны. добавочный налог, что является существенным препятствием для предпринимателей.

Неопределенность и двусмысленность процесса налогообложения, которые были характерны для ДНР, провозгласившей независимость, теперь полностью устранены.

Закон ДНР от 25 декабря 2015 г. «О налоговой системе» унифицирует налоговые правила и процедуры регулирования налогообложения физических и юридических лиц [3]. Настоящий Закон

является основным нормативным правовым документом, определяющим систему налогообложения, уплаты сборов и обязательств ДНР и общие принципы налогообложения.

Характерной особенностью налоговых правоотношений является то, что в подавляющем большинстве случаев они не могут протекать без юридического посредничества, юридического оформления. Особенность правового регулирования налоговых отношений заключается в том, что, с одной стороны, законодатели посредством правового регулирования устанавливают налоговые модели и определяют конкретные цели и задачи налоговых отношений, с другой стороны, характер и конкретное содержание целей и задач предопределяют реализацию и разрешение этих целей правовым характером средств.

В современных условиях основной целью налоговой политики является формирование эффективной налоговой системы, позволяющей стабильно и прозрачно мобилизовать финансовые ресурсы на всех уровнях, активизировать национальную экономику, повышать благосостояние населения, формировать необходимые условия для экономического роста. Однако стоит отметить, что это будет возможно только при наличии единого исчерпывающего определения налоговой политики как правовой категории. Ведь теоретическое разнообразие трактовки концепций налоговой политики научным сообществом сегодня негативно сказалось на их фактической разработке и реализации. Следствием этой неопределенности на практике является интуитивное осуществление мер, направленных на реформирование налоговой системы ДНР.

На сегодняшний день продолжается совершенствование налоговой системы, проводятся корректировки и новые изменения закона, исправляются недочеты.

В пункте 2.1 статьи 2 Закона «О налоговой системе» указано, что законодательство о налогообложении регулирует отношения по установлению, введению и взиманию налогов, сборов и других обязательных платежей в ДНР, а также отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования решений органов доходов и сборов, действий (бездействий) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового нарушения.

Законодательство ДНР о налогообложении основывается на принципах признания всеобщности и равенства налогообложения. При установлении налогов и сборов учитывается фактическая возможность лица уплачивать налоги и сборы. Установление льгот в зависимости от государственной принадлежности лица, происхождения его дохода или формы собственности не допускается [4].

Недопустимыми являются доходы и сборы, препятствующие реализации гражданами своих конституционных прав.

Применяемые в настоящий момент методы по дерегулированию в РФ некоторых видов предпринимательской деятельности предусматривают снижение административного давления на субъектов хозяйствования с целью снижения административных барьеров и повышения доступности ведения бизнеса, и в первую очередь направлены на решение задач по совершенствованию систем лицензирования, аккредитации, уведомительного порядка осуществления предпринимательской и иной профессиональной деятельности, государственного контроля и надзора, развития и внедрения системы саморегулирования и т.д.

Заключение. Современное состояние развития малого бизнеса нуждается в обновлении стратегических принципов подходов к реализации государственной политики и формированию соответствующей инфраструктуры.

В РФ наблюдается постепенная, поэтапная оптимизация налоговых ставок исходя из различных условий налогообложения (объекта налогообложения, базы налогообложения, налоговых ставок, премий, льгот и др.).

Для решения насущных проблем следует обратить внимания на такие инициативы как снижение налогового бремени для отдельных участников гражданского оборота – самозанятых лиц, расширение участия представителей бизнеса и институтов гражданского общества в процессе принятия управленческих решений, что положительно скажется на повышении уровня культуры оплаты налогов, сборов и таможенных платежей.

Список литературы

1. Рябова, Е.В. Концепция подхода к оценке эффективности налоговых льгот в Российской Федерации / Е.В. Рябова // Финансовое право. – 2019. – № 4. – С. 28-36.
2. Сапрыкин, Т. В. Нормативно-правовое регулирование региональных налогов // Молодой ученый. – 2019. – № 3. – С. 527.
3. О налоговой системе: Закон Донецкой Народной Республики от 25.12.2015 г. № 99–ІНС (в редакции по состоянию на 29.03.2019 г.) [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: сеть «Интернет»: <https://dnrsvet.su/zakon-o-nalogovoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/>. – Дата обращения: 18.10.2018 г. (Дата обращения 22.09.2022) – Загл. с экрана
4. Таренко, Е.В., Лапина Е.Н. Теоретические аспекты налоговой льготы // Гуманитарные науки. – 2018. – № 2. – С. 23.

О МЕРАХ НЕТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, доц., *Мирзаханян А. Х.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr.zav@donnu.ru

Введение. В настоящее время актуальным является развитие законодательством относительно нетарифного регулирования. На сегодняшнем этапе становления российского государства развитие мероприятий нетарифного регулирования тесно связано с продолжением в РФ административной реформы, в частности в сфере регулирования хозяйственной и предпринимательской деятельности, которая предусматривает уменьшение вмешательства государственных органов в деятельность субъектов ведения хозяйства или установление четких, классифицированных и упрощенных для правоприменения субъектов правил осуществления своей деятельности. Поэтому существует потребность в выработке четкой классификации мероприятий нетарифного регулирования.

Основная часть. Мировой практике государственного регулирования внешнеэкономической деятельности известно большое количество форм, методов и мероприятий регулирования ВЭД.

Среди применяемых методов следует, в первую очередь, выделить две больших группы: прямые и побочные. К прямым принадлежат административные методы (квотирование, лицензирование, внешнеэкономические сборы) [1; 2]. Побочные методы базируются на использовании таких инструментов, как кредитование, страхование, субсидирование, налогообложение агентов внешнеэкономического обмена. Они способны осуществлять стимулирующее ограничительное влияние на объемы и направления внешнеэкономических расходов производства и прибылей.

По своей сути мероприятия нетарифного регулирования достаточно разнообразными. Их перечень практически неисчерпаем, потому не удивительно, что практически каждый научный работник классифицирует эти мероприятия по-разному. Так, например мероприятия нетарифного регулирования классифицируют на:

- 1) количественные мероприятия (квотирование, лицензирование, добровольное ограничение экспорта, специальные санкции);
- 2) скрытые мероприятия (разрешения государственных органов).

Другие же классифицируют их в зависимости от конкретного объекта влияния на следующие категории: ограничение количества товара, которое разрешено ввозить в страну; ограничение круга экспортеров или

импортеров, которым разрешено ввозить или вывозить товар; установление специальных условий при экспорте или импорте товара.

Приведенную классификацию целесообразно дополнить еще одной группой нетарифных инструментов – мероприятиями валютно-финансовой политики, хотя считают, что мероприятия вмешательства государства в экономику и мероприятия валютно-финансовой политики, выходят за сферу сугубо таможенной политики, потому их целесообразно рассматривать в рамках государственного управления экономикой. Валютное регулирование внешнеэкономической деятельности является одним из видов государственного регулирования ВЭД, как и таможенное регулирование. При этом следует согласиться с мнением ученых, что валютное регулирование не является разновидностью таможенного, а выступает независимо от него.

В научной литературе встречается и классификация мероприятий нетарифного регулирования на экономические и административные. К экономическим относят: особые виды пошлины, разные налоги и сборы, мероприятия валютного регулирования. Административные мероприятия более разнообразны: эмбарго, лицензирование, квотирование, монополистические мероприятия, использование с протекционистской целью стандартов и технических норм, дополнительных документов и процедур и т.п. Их особенностью относительно качества экспортированного и импортированного товара является необходимость представления определенных государством документов, необходимых для проведения внешнеэкономических процедур по оформлению экспортных или импортных операций.

Экономические мероприятия, как правило, приводят к росту цены товара, по которой он продается. Исходя из этого потребитель самостоятельно решает, какой товар ему приобрести – более дорогой импортный или более дешевый отечественный.

Административные методы дают возможность ограничить ввоз иностранных товаров и обеспечить вывоз отечественных товаров за границу. При применении этих методов государство фактически определяет товарную структуру внутреннего рынка, с одной стороны защищая его от импортных поставок, а с другой – от возникновения дефицита отечественных товаров на внутреннем рынке.

Многие ученые среди экономических мероприятий выделяют паратарифные, финансовые и меры, связанные с контролем цен.

Под паратарифными мерами понимаются сборы, которые взыскиваются с товара при перемещении его через таможенную границу, наряду из пошлиной и которые увеличивают стоимость товара на дополнительную величину. Указанные мероприятия достаточно широко применяются в финансовой системе зарубежных стран. В ходе снижения внешнеэкономических ставок и связанного с этим падения фискальных

внешнеэкономических доходов государства пытаются все шире использовать паратарифные мероприятия для пополнения своих финансовых поступлений.

К финансовым относят мероприятия, которые регулируют доступ импортеров к иностранной валюте, цене валюты, а также условию платежей.

Мероприятия контроля цен вводятся с целью поддержания или стабилизации внутренних цен, а также для предотвращения вреда, который может нанести нечестная торговая практика иностранных конкурентов. К ним относят:

1. Административное фиксирование цен, то есть власть страны, принимая во внимание внутренние цены производителя, устанавливает верхние и нижние пределы цен.

2. «Добровольное» ограничение экспортных цен – это соглашение, за которым экспортер соглашается поддерживать цену на свои товары не ниже определенного уровня.

3. Антидемпинговые мероприятия, которые устанавливают взыскание из экспортера определенной компенсации за вред, причиненный отечественным производителям. Установлению антидемпинговых мероприятий предшествует, как правило, расследование соответствующими инстанциями страны-импортера торговой практики экспортера и становления факта демпинга и материального вреда от него.

4. Компенсационные мероприятия – это финансовые доплаты, которые вводятся в случае выяснения, что импортные товары субсидируются и это наносит вред национальному производству.

Заключение. Наличие в международной торговой практике значительного перечня нетарифных ограничений разных видов обусловило необходимость создания соответствующих баз данных, которые способствовали бы решению задач систематизации и классификации нетарифных ограничений.

Проблема обобщения и унификации заключается, во-первых, в том, что в национальных арсеналах мероприятий государственного регулирования экономики нетарифные ограничения занимают очень важное место и выполняют значительные хозяйственные, социальные и даже политические функции. Также отдельные нетарифные ограничения имеют скрытый характер, который не дает возможность однозначно идентифицировать их как такие ограничения.

Список литературы

1. Буваева, Н. Международное таможенное право: учебник. / Н. Буваева. – М.: Юрайт, 2019. – 76 с
2. Габричидзе, Б.Н. Курс таможенного права Российской Федерации: Учебник для вузов / Б.Н. Габричидзе, А.Г. Чернявский. – Москва: СПб. [и др.]: Питер, 2019. – 388 с.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ

Тихалева Е. Ю., канд. юрид. наук, доц.

ФГКВОУ ВО «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации»,

г. Орел, РФ

columbijka@mail.ru

Введение. В настоящее время процессуализация в сфере государственного управления приобретает все большую актуальность. Законодатель стремится как можно полнее и подробнее регламентировать деятельность исполнительной власти в целях максимального снижения возможностей произвола со стороны чиновников в отношении невластных субъектов. Значимость рассмотрения административно-процессуальных норм и отношений не вызывает сомнения. Это обусловлено, с одной стороны, продолжающейся административной реформой. С другой, стороны, именно норма права и есть тот маленький фундамент, на котором строится уже вся система права в целом. В свою очередь, в ходе административно-процессуальных отношений осуществляется непосредственная реализация материальных норм административного права и возникает административно-процессуальная деятельность.

Органы государственной охраны в России относятся к органам исполнительной власти и наделены достаточно широкими полномочиями. Важность решаемых ими задач подчеркивает и то, что руководство указанными органами осуществляется непосредственно Президентом Российской Федерации. Именно поэтому большое значение в деятельности органов государственной охраны имеют административно-процессуальные нормы и отношения. От четкости и эффективности работы соответствующих норм зависит не только возможность исполнения органами государственной охраны своих непосредственных задач, но и обеспечение гарантированных прав и свобод граждан.

Основная часть. Подразделения ФСО России в процессе решения своих задач используют механизм административно-процессуального регулирования и его средства. Инструментом административно-процессуальных отношений можно назвать административные процедуры. Так, законодательством предусмотрены процедуры подготовки и издания актов управления и организации делопроизводства в различных отраслях, ведомствах, органах исполнительной власти. Также действуют и процедуры разрешительной системы, например, в случаях выдачи лицензий или разрешений органами исполнительной власти.

Роль правотворческой деятельности органов государственной охраны постоянно повышается. Анализ нормативных правовых актов, характеризующих эту сторону деятельности органов государственной охраны, позволяет сделать вывод о том, что административно-процессуальные отношения здесь возникают в связи со всеми возможными этапами разработки и принятия нормативных правовых актов ведомственного характера. В предусмотренных законодательством случаях уполномоченные должностные лица ФСО России издают нормативные правовые акты, в которых находятся нормы, имеющие обязательный характер для органов государственной власти и местного самоуправления, юридических и физических лиц. Структурные подразделения ФСО России имеют право подготавливать акты только внутриорганизационного характера [1].

Нормотворческая деятельность органов государственной охраны тесно связана с административно-правонаделительным (оперативно-распорядительным) процессом [2, с. 123–124].

ФСО России, являясь федеральным органом исполнительной власти, в процессе осуществления своей профессиональной деятельности участвует во многих правонаделительных процедурах. Так, например, вопросы приема в Академию ФСО России для обучения регулируются Приказом ФСО России от 27 апреля 2016 г. № 178 «Об утверждении Порядка и условий приема граждан Российской Федерации в Академию ФСО России». В другой ситуации ФСО России в рамках правонаделительных полномочий выполняет функции удостоверяющего центра в федеральных информационных системах.

Административно-процессуальные отношения в деятельности органов государственной охраны тесно связаны с их юрисдикцией. В рамках административно-юрисдикционного процесса так или иначе складываются правоотношения конфликтного типа (в результате совершения противоправных действий, образующих состав административного правонарушения, дисциплинарного проступка, или применения к нарушителю установленных мер воздействия; предположения о нарушении или факта нарушения прав, свобод и законных интересов граждан и организаций).

Производство по жалобам вытекает из содержащегося в ст. 33 Конституции Российской Федерации права граждан, как на личное обращение, так и на возможность направления индивидуальных либо коллективных обращений в органы государственной власти и местного самоуправления (соответственно и в органы государственной охраны).

Уполномоченные сотрудники органов государственной охраны в рамках производства по делам об административных правонарушениях вправе составлять протоколы (в отношении ряда составов в сфере порядка управления, общественного порядка и общественной безопасности) либо

рассматривать административные дела по подведомственности (в отношении надзора в области обращения и защиты информации, государственного пожарного, санитарно-эпидемиологического, ветеринарного и строительного надзоров) [3].

Все положения дисциплинарного производства в Вооруженных Силах Российской Федерации имеют место и в подразделениях ФСО России, поскольку в данном федеральном органе исполнительной власти предусмотрена военная служба [4].

Заключение. На основании выше изложенного, можно определить, что особенности административно-процессуальной деятельности органов государственной охраны, таким образом, непосредственно связаны с их особым административно-правовым статусом. Юрисдикция ФСО России позволяет реализовывать регулирующие и охранительные функции в рамках государственно-властной деятельности как органа исполнительной власти.

Характер деятельности, осуществляемой ФСО России, определяет специфику административно-процессуальных правоотношений в деятельности этого органа исполнительной власти и позволяет выделить их основные черты: построение данных отношений на основе субординации и высокого уровня централизованного управления; безоговорочное подчинение нижестоящих сотрудников начальникам (командирам); принцип единоначалия, основанного на нормах права; проявление, в разумных пределах, инициативности при выполнении поставленных вышестоящим руководством задач.

В основе административно-процессуальных отношений лежат не только общие нормы административно-процессуального права, но и специальные административно-процессуальные нормы, а также ряд военно-административных норм права, связанных с вопросами военной службы, обеспечивающих такие принципы, как субординацию, императивность, единоначалие. Реализация названных принципов позволяет органам государственной охраны выполнять общие задачи по обеспечению безопасности государства, поставленные перед ними законодательством.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 августа 2004 г. № 1013 «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 09.08.2004. – № 32. – Ст. 3314.
2. Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть: учебник для магистров / Э.П. Андрюхина, И.В. Ахрем, Н.Н. Бакурова и др.; под ред. С.А. Старостина. Москва: Проспект, 2017. – 336 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
4. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. – № 22. – 01.06.1998. – Ст. 2331.

ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ РАСЧЕТОВ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Цыба Е. В., канд. юрид. наук, доц., **Кушнарёва М. А.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
e.tsiba@donnu.ru, marina_kushnareva99@mail.ru

Введение. Финансово-правовое регулирование банковской системы Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) имеет первостепенное значение как для финансовой деятельности Республики для становления молодого государства, так и для экономической деятельности ее хозяйствующих субъектов. Сформировавшаяся в соответствии со сложившимися политическими, экономическими и правовыми реалиями эффективная банковская система, которая крайне необходима для качественного функционирования Республики. Ведь именно с помощью банковской системы в Республике осуществляются платежи и расчеты, оказываются финансовые услуги субъектам хозяйствования, учреждениям, организациям и предприятиям, обеспечиваются оперативные социальные выплаты гражданам и реализуется бюджетный процесс. Необходимость восстановления и дальнейшего развития банковского сектора в ДНР требует от Центрального Республиканского Банка ДНР выработки новых решений, направленных на обеспечение качественного поступательного развития банковской системы на основе усовершенствования финансово-правового регулирования.

Основная часть. Банковская система ДНР начала формироваться с сентября 2014 года после вывода украинских банков с территории Республики, в ответ на введенный в августе 2014 года запрет НБУ осуществлять украинским банкам любые виды финансовых операций в ДНР и ЛНР. На территориях Донецкой и Луганской Народных Республик со стороны Украины была фактически введена социально-экономическая и финансовая блокада: в месячный срок было прекращено обслуживание банками счетов, в том числе карточных, открытых субъектами хозяйствования всех форм собственности и населением [1].

20 октября 2014 года прекратило выдавать денежные переводы в ЛНР и ДНР и ПАО «Укрпочта». Спустя два дня прекратило принимать денежные переводы в ДНР и ЛНР и ФГУП «Почта России» [2]. Однако 19 октября 2014 года власти ДНР объявили о возобновлении работы отделений почты на подконтрольных им территориях: правительство Республики первоначально намеревалось производить социальные выплаты через эти отделения. В сложившихся обстоятельствах основной задачей формирования собственной банковской системы как условия

сохранения государственности стало создание Центрального Республиканского Банка ДНР как банка первого уровня.

Центральный Республиканский Банк (далее – ЦРБ) ДНР был образован 7 октября 2014 года Министерством финансов ДНР. Практически одновременно с созданием ЦРБ были открыты несколько сотен отделений ЦРБ, сдана в эксплуатацию система банкоматов во всех городах, по месту функционирования отделений ЦРБ ДНР. В феврале 2015 года Банком был запущен в работу Коммунальный Расчетный Центр, что позволило жителям Республики оперативно и своевременно производить оплату за потребленные коммунальные услуги. Также с февраля 2015 года ЦРБ ДНР начал предлагать юридическим лицам и субъектам предпринимательской деятельности услугу подключения к системе дистанционного управления текущими счетами «Клиент-банк». С 1 апреля 2015 года ЦРБ осуществлял ежемесячную выплату пенсий в соответствии с Указом Главы Донецкой Народной Республики «О назначении и выплате пенсий гражданам, имеющим право на социальное обеспечение и состоящим на учете в Пенсионном фонде ДНР».

В июне 2015 года ЦРБ начал тестовую эксплуатацию Республиканской Платежной Системы. В ходе тестовой эксплуатации были установлены первый банкомат и первый POS- терминал в кассе банка, выпущены первые платежные карты в рамках зарплатных проектов. В августе 2015 года тестовая эксплуатация Республиканской Платежной Системы была успешно завершена. В сентябре 2015 года Центральным Республиканским Банком был заключен первый договор эквайринга и установлен первый торговый POS-терминал.

В 2016–2017 гг. проделана колоссальная работа по развитию в ДНР собственной платёжной системы. Всего за этот период ЦРБ было выдано свыше 820 тыс. платежных карт, большую часть которых составляют зарплатные и пенсионные. С октября 2017 г. начата выдача студенческих платежных карт, которых планировалось выпустить более 40 тыс. [3]. В ДНР функционирует внутриреспубликанская система мгновенных переводов денежных средств физических лиц без открытия счетов, которая позволяет значительно облегчить процесс оплаты услуг.

В 2017 г. в ДНР началась работа по развитию системы кредитования. Постановлением ЦРБ ДНР № 295 от 05.10.2017 г. были утверждены правила предоставления финансовыми учреждениями финансовых кредитов юридическим и физическим лицам за счет собственных денежных средств. Появились обособленные от ЦРБ финансово-кредитные организации, в частности, финансовая компания «РОСТ», которая представляет собой небанковский финансовый институт для потребительского кредитования и выдачи кредитных карт [4].

Важным шагом на пути будущего развития и реформирования банковского законодательства ДНР, увеличения качества работы

банковской системы Республики, эффективности ее финансово-правового регулирования стало принятие Постановлением Народного Совета ДНР № 32-ПНС от 26.04.2019 Закона «О Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики».

Монопольное положение ЦРБ в экономике ДНР стало причиной того, что банк самостоятельно устанавливает правила и стандарты осуществления расчетных операций, предоставления банковских и финансовых услуг, формирования тарифной политики на них, порядок валютного регулирования и валютного контроля. Препятствия, с которыми сталкиваются местные товаропроизводители, заключаются в отсутствии механизма коммерческого кредитования, высоких тарифах ЦРБ ДНР на расчетно-кассовое обслуживание предприятий, монопольном праве ЦРБ изменять эти тарифы в одностороннем порядке и др.

Заключение. Таким образом, с учетом отсутствия эмиссионной функции центрального банка, а также особенностей концентрации и распределения кредитных операций банковская система ДНР на данный момент не может быть охарактеризована как банковская система рыночного типа. Сегодня она является одноуровневой и представлена одним субъектом – Центральным Республиканским Банком. Для функционирования рыночной банковской системы необходимо и следующее звено – коммерческие банки как банки второго уровня, которые в рыночной экономике выполняют практически все виды банковских операций: депозитные, кредитные, фондовые, расчетно-платежные и торгово-комиссионные.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. О национальной платежной системе : федеральный закон [принят Государственной Думой 27 июня 2011 года]. – СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 25.08.2022).
2. Российская Федерация. Законы. О бухгалтерском учете: федеральный закон [принят Государственной Думой 06 декабря 2011 года]. – СПС «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 25.08.2022).
3. Российская Федерация. Законы. О валютном регулировании и валютном контроле : федеральный закон [принят Государственной Думой 10 декабря 2003 года]. – СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 13.06.2022).
4. Российская Федерация. Законы. О защите конкуренции : федеральный закон [принят Государственной Думой 26 июля 2006 года]. – СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2022).

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПРОКУРОРА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Ястребов С. В.

ГБОУ ВО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, РФ
yastreb_ml@mail.ru

Введение. С начала появления социальных взаимоотношений, возникающих в области государственного управления и сопряженных с использованием норм об административных правонарушениях, возникает потребность в их регулировании. Устройством для координации правоприменительной деятельности государственных органов и их должностных лиц является применение мер воздействия ими в рамках своих полномочий. Производство по делам об административных правонарушениях – это вид правоприменительной деятельности, осуществляемый специально уполномоченными органами. Производство по делам об административных правонарушениях призвано защищать нарушенные права и интересы граждан, общества и государства.

Прокуратура осуществляет надзор за законностью и соответствием законодательства положениями Конституции Донецкой Народной Республики, соблюдением действующего законодательства государственными и муниципальными органами, их должностными лицами, а также является органом, осуществляющим надзор за обеспечением законности в деятельности государственных и муниципальных органов.

Согласно Закону Донецкой Народной Республики «О прокуратуре» (далее – Закон ДНР «О прокуратуре») прокуратура представляет собой единую государственную централизованную систему органов, которые от имени Донецкой Народной Республики осуществляют надзор за соблюдением Конституции Донецкой Народной Республики.

Прокурор наделен особым статусом при производстве по делам об административных правонарушениях. Среди особенностей правового статуса прокурора – это неограниченная компетенция, действующий на основании Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики № 2-22 от 27.02.2015 «О временном порядке применения на территории Донецкой Народной Республики на территории Донецкой Народной Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях», до принятия соответствующего нормативного правового акта ДНР.

Раскрыть сущность коллизии норм действующего законодательства, регулирующие права органов прокуратуры в производстве по делам об административных правонарушениях.

Основная часть. Важным элементом института производства дел об административных правонарушениях являются административно-правовые нормы, которые регламентируют и регулируют вопросы, связанные с рассмотрением и разрешением дел об административных правонарушениях.

Порядок производства по делам об административных правонарушениях установлены Кодексом Украины об административных правонарушениях (по состоянию на 19.11.2013, далее КоАП), который применяется на территории Донецкой Народной Республики до принятия соответствующего нормативного правового акта Донецкой Народной Республики устанавливает и закрепляет право органов прокуратуры осуществлять надзор за соблюдением и правильным применением законов при производстве по делам об административных правонарушениях, а также применение мер воздействия за административные правонарушения.

Исходя из анализа норм Закона ДНР «О прокуратуре» и КоАП следует отметить наличие разногласий в части регулирования прав органов прокуратуры в производстве по делам об административных правонарушениях.

Коллизии в первую очередь связаны с тем, что нормы относительно прав органов прокуратуры, закрепленные в КоАП, были регламентированы Законом Украины «О прокуратуре», и это на сегодняшний день создает возможность неоднозначного толкования нормативных правовых актов.

Так, статьей 250 КоАП, предусмотрено, что прокурор, заместитель прокурора, осуществляя надзор за соблюдением и правильным применением законов при производстве по делам об административных правонарушениях, вправе возбуждать производство по делу об административном правонарушении, а также обжаловать постановление и решение по жалобе по делу об административном правонарушении.

Однако, исходя из норм Закона ДНР «О прокуратуре» следует, что на основании ч. 2 статьи 22 прокуратур и его заместитель осуществляет возбуждение производства об административном правонарушении, а также в соответствии с ч. 3 статьи 37 прокурор или его заместитель вправе приносить протест по делам об административных правонарушениях.

Под термином «обжаловать» понимается подача официальной жалобы в вышестоящий орган, опротестование решения, а термин «протест» трактуется как решительное возражение против чего-либо, выражение несогласия.

Иными словами, протест – это один из способов обеспечения законности и обоснованности решения суда и иных государственных органов, который реализуется с помощью официальных документов (протестов), исходящих от уполномоченных должностных лиц, которыми в данном случае являются прокурор или его заместитель.

Заключение. Принцип законности означает, что все юридически значимые действия, совершаемые уполномоченными на то органами и их

должностными лицами, не должны расходиться с требованиями закона, быть обоснованными и мотивированными.

Таким образом, исходя из вышеизложенного следует, что отдельные, предусмотренные действующим КоАП административно-правовые компетенции (полномочия) прокурора при производстве по делам об административных правонарушениях, нуждаются в приведение в соответствие к единообразию с теми методами и формами, которые предусмотрены Законом ДНР «О прокуратуре».

Список литературы

1. Закон Донецкой Народной Республики «О прокуратуре» № 243-ІНС от 31.08.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-prokurature/> (Дата обращения 04.09.2022).
2. Кодекс Украины об административных правонарушениях, принятый Постановлением Верховного Совета Украинской ССР от 07.12.1984, № 8074-10, с изменениями и дополнениями, вступившими в силу от 19.11.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/80731-10/ed20131116?lang=ru>. (Дата обращения 04.09.2022).
3. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 2-22 от 27.02.2015 «О временном порядке применения на территории Донецкой Народной Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-2-22-20150227/>. (Дата обращения 04.09.2022).
4. Административная деятельность ОВД: учебник для вузов / под ред. М. В. Костенникова, А.В. Куракина. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 521 с.
5. Демидов Ю.Н., Костенников М.В., Куракин А.В. Административная деятельность ОВД. Учебник (общая часть); ВИПК МВД России – Домодедово, 2016. – 284 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Около 57000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. Яз., 1986. – 800 с.

Конституционное и международное право

УДК 342.5

МЕСТО ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОЗАЩИТНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Воротилина Т. В., канд. юрид. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», г. Москва, РФ;
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, РФ
VorotilinaT.V@rea.ru

Введение. В статье рассмотрены вопросы соотношения правовой системы и правозащитной системы, произведена попытка определения места Уполномоченного по правам человека Российской Федерации как одного из институциональных компонентов правозащитной системы, а также уделено внимание изучению проблем взаимодействия названного института с органами публичной власти в решении правозащитных задач.

Особый интерес к правозащитной тематике в целом и к отдельным аспектам функционирования конституционного института защиты прав и свобод человека наблюдается с конца XX столетия как у ученых, так и у практических работников России. Среди отечественных ученых, занимающихся научными исследованиями по различным вопросам, так или иначе связанным с деятельностью института уполномоченного по правам человека, отметим таких, как А. А. Бегаева, В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова, Н. В. Бутусова, Т. А. Васильева, И. Ф. Вершинина, А. М. Дроздова, Д. В. Замышляев, В. В. Комарова, Н. В. Корнеева, Е. А. Лукашева, М. В. Мархгейм, А. В. Мелехин, Т. Н. Москалькова, А. Ю. Семенова, Г. В. Синцов, Н. Ю. Хаманева, С. М. Шахрай, О. А. Шеенков, В. В. Эмих.

Основная часть. Более двухсот лет функционирует институт омбудсмена. За столь продолжительный период времени он стал эффективным средством защиты прав человека во многих странах. Институт Уполномоченного по правам человека не является статичным, он эволюционирует. Динамизм названного института проявляется как в формах своего существования (федеральный Уполномоченный, региональный Уполномоченный, многочисленные специализированные (отраслевые) Уполномоченные), так и в правовом статусе, объеме полномочий, порядке назначения на должность, способе отчетности перед парламентом и гражданами, месте в государственно-правовой системе в целом и в правозащитной системе, в частности.

В России институт омбудсмана сформировался почти на два столетия позже, чем в европейских странах. Федеральный Уполномоченный появился 17 января 1994 г., процесс формирования региональных Уполномоченных начался в 1996 г., а специализированные (отраслевые) Уполномоченные стали функционировать с первого десятилетия нулевых годов. Формирование и развитие института омбудсмана в России протекало в более короткие временные рамки, нежели, чем в европейских государствах, но при этом наблюдается явная рецепция основных характерных черт данного института. На основе анализа деятельности можно сделать вывод о том, что институт Уполномоченного по правам человека в РФ в настоящее время сформирован.

Не ставим целью данной статьи глубокий теоретический анализ соотношения понятий «правовая система» и «правозащитная система». Отметим лишь, что в науке общей теории права нет единого подхода к пониманию сущности, структуры и соотношения данных правовых терминов. Полагаем, что оба понятия многогранны, многофункциональны, имеют сложную структуру, в которую необходимо включать институциональный компонент (органы государственной власти, негосударственные организации, так или иначе участвующие в правовой жизни, индивидуальные субъекты), правозащитную политику (как самостоятельный компонент государственно-правовой политики), идеологическую составляющую (правосознание, правовую культуру), нормативную составляющую (нормы права, выраженные в нормативных предписаниях), правоотношения, правовые принципы, правовые гарантии, юридическую практику и многие другие элементы.

Поскольку правозащитная система в целом направлена на охрану и защиту прав человека, организаций, государственных структур, она является неотъемлемой частью более широкого понятия – «правовая система» [1], при этом имеет определенную специфику, связанную с возможностью применения в необходимых случаях (например, при нарушении правовых предписаний) принудительных мер со стороны государственных органов.

На протяжении нескольких десятилетий ученые и практики пытаются найти эффективные пути в решении правозащитных задач российского государства. Так, к примеру, Е. А. Цуков считает, что «построение оптимальной системы правовой защиты в современной России возможно только в ходе оптимизации всего государственного механизма» [2]. Как раз в рамках совершенствования механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в России и был создан дополнительный гарантийный институт в виде Уполномоченного по правам человека. Определим далее место данного института в правозащитной системе.

Как было отмечено ранее, в правозащитной доктрине и в общей теории права наличествуют многообразные подходы относительно структурной составляющей, а также относительно роли, которую структурные элементы играют в названной системе.

Субъекты правозащитной системы, являясь одновременно институциональным ее компонентом, неоднородны по своему правовому статусу и по объему прав, свобод, законных интересов и полномочий, поскольку таковыми являются как государственные органы, органы муниципальной власти, так и не наделенные властными полномочиями коллективные субъекты и отдельные лица. К названным субъектам необходимо также относить специализированные институты, одним из которых является Уполномоченный по правам человека.

Этот институт занимает важное место среди специализированных правозащитных структур, так как его задачей, помимо непосредственно правозащитных, является также воспитательная, связанная с повышением уровня правовой культуры личности и общества. Об этом прямо говорится в п. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ).

К знаковым особенностям деятельности отечественного омбудсмена по обеспечению прав человека следует отнести отсутствие у него императивных полномочий. Не смотря на указанное обстоятельство его правовой статус дает возможность воздействовать на решения публичных органов и проводить эффективную работу по охране и защите прав и свобод личности.

Заключение. Одним из значимых институциональных компонентов правозащитной системы является специализированный институт омбудсмена, который не входит в какую бы то ни было ветвь власти, является федеральным государственным правозащитным органом, который решает важную конституционную задачу – обеспечивает гарантии государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения различными субъектами, в том числе властными.

Список литературы

1. Варданян Д.С. Российская правозащитная система и личность: вопросы теории: автореф. дис... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. – С. 9
2. Цуков Е.А. Философские аспекты правозащитной деятельности в истории государства российского. – М.: Новая юстиция, 2008. – С. 130.

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАРЛАМЕНТА И ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Кулакова Е. В., канд. юрид. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

Kulakova@donnu.ru

Введение. Одной из важных сфер взаимодействия парламента и правительства является законодательный процесс.

Анализ зарубежной практики позволяет утверждать, что в большинстве государств, в которых деятельность правительства опирается на поддержку парламентского большинства, ключевую роль в законодательном процессе играет как раз правительство, а не парламент. Изучение и анализ зарубежного опыта правового регулирования участия правительства в законодательном процессе имеет существенное значение, поскольку именно высший орган исполнительной власти располагает, как правило, наибольшим объемом и полнотой информации о процессах, протекающих как внутри страны, так и за ее пределами, вследствие чего может наиболее эффективно выявлять именно те сферы общественных отношений, которые более всего нуждаются в законодательном регулировании или изменении действующих правовых норм, а также располагает необходимыми средствами для подготовки законопроектов.

Основная часть. В государствах с парламентской формой правления Конституция четко закрепляет, что правительство или его отдельные члены наделены правом законодательной инициативы (Греция, Германия, Венгрия) [1].

Правительство может инициировать законопроекты самостоятельно от всех его членов (большинство государств ЕС) или исключительно через премьер-министра (Франция) [2]. В некоторых странах (Болгария, Кипр) члены правительства могут самостоятельно инициировать законопроекты.

По общему правилу, все финансовые законопроекты также инициируются именно правительством. Конституции многих стран, таких как Российская Федерация, Хорватия, Болгария, Чехия, Франция, Германия, Испания и др., предусматривают исключительное право правительства на разработку и внесение в парламент законопроектов такого рода [3; 4].

Кроме того, анализ парламентской практики отдельных государств позволяет утверждать, что если деятельность правительства опирается на поддержку парламентского большинства, то именно правительство занимает ключевое место в законодательном процессе, а не парламент.

Например, в Германии правительственные законопроекты имеют больше шансов на прохождение, что объясняется тем, что законопроекты Бундестага вносятся чаще оппозицией, а позиция большинства выражается в предложениях правительству. В среднем, по инициативе Федерального правительства в Германии принимается до 80 % всех законов, тогда как, по инициативе Бундестага – 15 %, а Бундесрата – 5 % [6].

При этом, право законодательной инициативы закреплено как за членами парламента, так и за правительством в целом, однако чаще всего субъектом законодательной инициативы выступает правительство, а не отдельные парламентарии, что объясняется, прежде всего, уровнем партийной дисциплины членов парламента, а также наличием в правительстве действенных рычагов влияния на законодательный процесс.

Анализ зарубежной практики взаимодействия парламента и правительства в законодательном процессе, позволяет выделить следующие *особенности влияния правительства на законодательный процесс*:

1) правительство может обеспечить принятие законов с помощью парламентского меньшинства, которое его сформировало;

2) наделение правительства правом определения отдельных законопроектов как неотложных;

3) наделение правительства правом требовать, чтобы отдельные законопроекты рассматривались на протяжении определенного количества пленарных заседаний, например, не более трех (Греция);

4) кроме влияния на соответствующие законопроекты, правительство может влиять и на законодательный процесс в целом.

Например, в Греции предусмотрено, что законопроекты, которые касаются правового регулирования пенсионного обеспечения, вносятся только министром финансов после консультаций с контрольным Советом; законопроекты, которые касаются налогов и сборов, должны быть скреплены подписью министра экономической координации и финансов.

В Германии правительство дает заключения только относительно законопроектов, которые вносятся Бундесратом (верхней палатой) в Бундестаг.

5) право правительства высказывать свое мнение по всем проектам законов. Так, в Чехии, если правительство не выскажет своего мнения относительно законопроекта в течение 30 дней с момента его поступления, то проект считается одобренным правительством.

6) редко: правительство имеет право вносить поправки в законопроекты (Латвия);

7) еще реже: глава правительства подписывает законы вместе с президентом и главой парламента (Словакия, Чехия) [1; 4; 6].

Кроме того, необходимо упомянуть еще об одном направлении контроля правительства над законодательной деятельностью парламента, а именно о нормотворческой деятельности правительства.

Ее можно разделить на два вида:

1. Правительство уполномочено выдавать различные акты (постановления, распоряжения и т.д.), которые принимаются для исполнения законов и в его пределах. Эти акты имеют подзаконный характер и не принимаются по вопросам, которые относятся к исключительной компетенции парламента. Такое полномочие может быть прямо закреплено в законе. Например, Конституцией Германии предусмотрено, что закон может уполномочить Федеральное правительство или министра издавать постановления. При этом, в законе указывается содержание, цель и объем предоставляемых полномочий. В конкретном постановлении должна определяться правовая основа его издания. Отдельные постановления, если иное не предусмотрено законом, требуют одобрения Бундесрата. В частности, это постановления о тарифах за пользование почтовой и электронной связью, строительства и эксплуатации железных дорог и пр.

2. В отдельных случаях, осуществление законодательной функции может быть делегировано правительству. Например, такая возможность предусмотрена конституциями Италии и Латвии. Однако такая практика должна иметь четко определенные основы и ограниченные пределы использования.

Так, в Италии делегирование допускается «не иначе как с определением основ и критериев такого делегирования и только на ограниченный срок и относительно ограниченного круга вопросов» (ст. 76 Конституции Италии). Без делегирования парламента правительство не может выдавать декреты, которые имеют силу обычного закона. Однако, правительство выдает различные акты подзаконного характера – регламенты. В случаях срочной необходимости правительство может под собственную ответственность принимать распоряжения, которые имеют силу закона, но они в тот же день должны вноситься на рассмотрение палат парламента для утверждения. Декреты утрачивают силу с момента издания, если они в течение 60 дней с момента опубликования не получили законодательного утверждения.

В Латвии в промежутках между парламентскими сессиями правительство, в случае срочной необходимости, имеет право издавать постановления, которые имеют силу закона, при этом, они утрачивают силу, если не будут внесены на рассмотрение Сейма в течение трех дней с момента открытия ближайшей сессии. Однако, такие постановления не могут изменять закон о выборах в парламент, законы о судеустройстве, также они не могут касаться вопросов амнистии, налогов, таможенных сборов и пр. (ст. 81 Конституции Латвийской Республики).

Заключение. Таким образом, анализ зарубежного опыта регламентации законодательного процесса позволяет прийти к заключению о том, что в парламентских республиках именно

правительство выступает главным источником законодательной инициативы. В президентских республиках – ситуация несколько иная, что обуславливается отсутствием парламентской ответственности правительства и непарламентским способом его формирования, в таких государствах основным субъектом законодательной инициативы все-таки выступает парламент, и соответственно, президент.

Список литературы

1. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В. В. Маклаков – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Издательство БЕК. – 584 с.
2. Конституция Французской Республики // Конституции государств Европейского Союза / Под общей редакцией Л. А. Окунькова. – М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – С. 665-682.
3. Конституция Российской Федерации. Федеральные конституционные законы. С новыми поправками. – Москва : Мартин, 2020. – 64 с.
4. Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 2 / Под общей редакцией и со вступительной статьей директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Л. А. Окунькова. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 840 с.
5. Обзор законодательного процесса в зарубежных странах. – Министерство экономического развития Российской Федерации, Департамент оценки регулирующего воздействия. – Москва, 2017. – 162 с.

УДК 341.1/.8

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРИНЦИПА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ

Одегова Л. Ю., канд. юрид. наук, доц., *Куличенко Д. А.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
dimalex1100@mail.ru

Введение. В современном мире остро стоит вопрос, связанный с национально-этническими конфликтами. Часто данные конфликты сопровождаются применением вооружения и насилия и непрерывно очаги возгорания происходят в разных углах земного шара, независимо от того развивающиеся это государства Азии, Африки, Латинской Америки, либо развитые страны Европы и Северной Америки. Особенно наглядно подобного рода конфликты проявляются на постсоветском пространстве.

Следствием межэтнических столкновений становится появление новых государств, часть которых признается международным

сообществом (независимость Эритреи от Эфиопии в 1993 году), статус же иных так и не определен (Донецкая и Луганская Народные Республики, Косово, Абхазия и Южная Осетия, Нагорный Карабах, Палестина и т.п.), результатом чего является продолжение и усугубление межнациональных и религиозных конфликтов.

Основная часть. Отметим, что современное общество представляет собой сложную этническую систему, которая включает в себя различные нации, племена и иные этнические общности, следствием чего является то, что в составе около 200 государств проживает близко 5000 народов, 90% которых образуют собой многонациональные государства [1]. Это приводит к нарушению стабильности отношений в мире и внутри государства. Но во многих многонациональных государствах отсутствуют проблемы с взаимодействием народов, ведь конфликты появляются при ограничении социально-политических прав населения, в том числе по национальному признаку, в результате чего в силу невозможности самовыражения в признанных государством формах, национальное самосознание переходит в вооруженную оппозицию к власти.

Собственно в этот момент и появляются предпосылки к использованию права народов на самоопределение, которое, в свою очередь, может противоречить международному принципу территориальной целостности государства, ведь можно заметить как современное международное право, закрепляя свободу самоопределения как основополагающий принцип, требует соблюдения принципа территориальной целостности государств.

Так, согласно Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, необходимо уважать принцип равноправия и самоопределения всех народов, но п. 6 данной Декларации устанавливает, что всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций [2].

В этой связи возникает проблема, каким образом этнической общности можно реализовать свое право на самоопределение народов при сохранении территориальной целостности государства.

По мнению М. Померанса, толкование права народов на самоопределение изначально допускает использование политики «двойных стандартов», не позволяющей найти единый путь решения конфликтов. Однако можно возразить данной позиции, ведь принятие представленной выше Декларации ставило перед собой цель – решить вопрос колониальной зависимости.

Сейчас же, когда в мире не осталось классических колоний, современная интерпретация данной Декларации вызывает множество вопросов. Ведь на сегодняшний день в международном праве так и не

закреплены положения, которые бы четко определяли основания, когда вновь образованное государство может быть признано либо не признано международным сообществом, что влечет за собой зависимость от политических интересов приоритетности применения принципа территориальной целостности, либо права народов на самоопределение. Что можно наблюдать в признании прав за одними (Косово) и отрицании признания прав других (Абхазия и Южная Осетия).

Таким образом, очевидны противоречивость и неопределенность применения данных принципов.

Смягчить противостояние между правом народов на самоопределение и сохранением территориальной целостности государств, призван такой международно-правовой акт как Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, положения которой получили свое развитие в региональных правовых документах с учетом их особенностей. В Европе это – рамочная Конвенция о национальных меньшинствах, ратифицированная в РФ 10 апреля 1998 г., Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств (1992 г.) и др.

Такой общеизвестный и важный международно-правовой акт как Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами устанавливает, что при толковании и применении изложенные принципы являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен толковаться в контексте всех других принципов.

По своей сути принцип территориальной целостности необходим для защиты государства от внешней агрессии и включен в сферу межгосударственных отношений, в это же время принцип самоопределения народов является их первостепенным правом в определении своего политического статуса, направленного на дальнейшее экономическое, социальное и культурное развитие.

По мнению Барсегова М.Ю. именно использование права народов на самоопределение является ключом к территориальному разграничению, ведь именно свободное согласие народов может стать гарантом дружественных отношений между ними и установления территориального статуса государства [3].

Отдельного внимания заслуживают положения Декларации о принципах международного права. Так в Преамбуле указано, что «принцип равноправия и самоопределения народов является существенным вкладом в современное международное право и что его эффективное применение имеет первостепенное значение для содействия развитию дружественных отношений между государствами, основанных на уважении принципа суверенного равенства», в то же время при закреплении принципа равноправия и самоопределения народов

установлено, что «ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории» [4].

В. Кочарян отмечает те случаи, при наличии которых, по его мнению, недопустимо самоопределение:

- государство соблюдает в своих действиях принцип равноправия граждан,

- государство имеет правительство, представляющее все народы, проживающие на данной территории,

- в государстве не проявляется какой-либо дискриминации [5].

Из чего можно сделать вывод о том, что при наличии данных условий, следует отдавать приоритет сохранению единства государства, а в любом ином случае, целостность государства может быть нарушена.

Принцип равноправия и самоопределения народов наделяет народы неотъемлемым правом самостоятельно распоряжаться своей судьбой, реализуя данное право через свободное волеизъявление населения по выбору своего политического статуса.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что данное право не рассматривается как нарушение территориальной целостности, ведь прежде всего, международное право защищает целостность в тех государствах, границы которых установлены исходя из самоопределения проживающих на данной территории народов.

Подобная корреляция данных принципов зафиксирована в Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также в Венской Декларации и Программе действий, которая гласит: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». Отказ в предоставлении права на самоопределение, по мнению Всемирной конференции по правам человека, является нарушением прав человека.

Таким образом, в нынешнее время право народов на самоопределение, с точки зрения права, не должно рассматриваться только как сепарация, а может быть рассмотрено шире. Государства на законодательном уровне предоставляют различные возможности для развития культуры, быта и религии этносов, проживающих на их территории, например, используя политику мультикультуризма (Канада,

Австралия), либо построение федеративных отношений по согласию административных форм (РФ, Бельгия, Австрия и др.).

Заключение. Тем самым, можно отметить, что самоопределение не всегда должно выражаться в политическом отделении, но признание права на это отделение и есть признание принципа на самоопределение.

Таким образом, очевидно, что существует множество способов разрешения территориальных и этнических разногласий. Но главным условием для их реализации должно выступать истинное желание народа, учитывая при этом как интересы государств, так и верховенство прав и свобод человека.

Список литературы

1. Хабарова, Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование / Т.Я. Хабриева. – Москва: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. – 286 с.
2. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 14 декабря 1960 г. // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 02.09.2022).
3. Барсегов, Ю.Г. Обязательная сила права народов на самоопределение и средства его обеспечения / Ю.Г. Барсегов; [Междунар. гуманит. фонд арменоведения]. – М.: Междунар. гуманит. фонд арменоведения: Полигр. фирма «Армбук-Маштоц», 1993. – 32 с.
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXV сессии. – Нью-Йорк, 1970. – С. 151-155
5. Кочарян, В.В. Международно-правовые проблемы защиты национальных меньшинств: дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.10. – Международно право, Европейское право / Кочарян Виген Владимирович. Ереван, 1996. – 171 с.

УДК 341.231

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРАВА НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В РАМКАХ РЕФЕРЕНДУМОВ

Одегова Л. Ю., канд. юрид. наук, **Стельмашов В. В.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
vladstelmashov@gmail.com

Введение. Особую актуальность принцип права наций на самоопределение приобретает в связи с проведением референдумов в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике с 23 по 27 сентября 2022 года. Народ Донбасса претендует на самоопределение

еще со времен создания Донецко-Криворожской республики до создания Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики [1] и дальнейшего волеизъявления граждан на присоединение в качестве субъектов федерации к государству Российской Федерации.

Цель тезисов – проанализировать реализацию принципа права наций на самоопределение в рамках референдумов.

Основная часть. Вопрос о признании государств суверенными стал актуальным в XX веке с образованием Лиги Наций. В 1933 на VII Панамериканской конференции в Монтевидео была принята Заключительная Конвенция, которая дала правовое определение государства, включив в дефиницию четыре критерия:

а) постоянное население;

б) наличие определенной территории;

в) существование правительства;

г) способность государства вступать в сношения с другими странами [2]. Как Донецкая Народная Республика, так и Луганская Народная Республика имеют постоянное население, конституционно определенную территорию, в них существуют легитимные правительства, республики вступают в сношения с другими государствами. Например, функционирует Посольство Донецкой Народной Республики в Российской Федерации, имеется договоренность с Сирией об открытии дипломатических представительств на территории республики.

Международно-правовому признанию государства предшествует самоопределение народа, составляющего его население. Статья 1 Устава Организации Объединенных Наций разъясняет принцип самоопределения [3]. Этот принцип был впервые включен в Атлантическую хартию 1941 года и предложения Думбартон-Окса, которые впоследствии стали Уставом Организации Объединенных Наций. Согласно п. 2 ст. 1 Устава Организации Объединенных Наций к целям организации относится развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принятия иных мер для укрепления всеобщего мира. Его включение в Устав Организации Объединенных Наций знаменует всеобщее признание принципа самоопределения как основополагающего для поддержания дружественных отношений и мира между государствами. В соответствии со ст. 55 Устава Организации Объединенных Наций с целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружеских отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединенных Наций содействует: повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития; разрешению международных проблем в области экономической, социальной, здравоохранения и подобных проблем; международному

сотрудничеству в области культуры и образования; всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии. Из этого следует, что принцип права наций на самоопределение имеет важное международно-правовое значение и проведение референдума на территории республик будет способствовать соблюдению прав человека и основных свобод, укреплению всеобщего мира.

Определение реализации права на самоопределение было подтверждено в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

Согласно Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [7] принцип равноправия и самоопределения народов, закрепленный Уставе Организации Объединенных Наций, охватывает право всех народов свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, а также обязанность каждого государства уважать это право в соответствии с положениями Устава. Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к иному независимому государству или объединение с независимым государством или переход к любому другому политическому статусу, свободно определяемому народом, представляют собой способы реализации права на самоопределение, тем самым подчеркиваются в качестве важнейшего вопроса методы достижения решения, а не результат.

Можно утверждать, что народ реализовал свое право на самоопределение, когда он либо:

- 1) создает суверенное и независимое государство;
- 2) свободно сотрудничает с другим государством; или
- 3) свободно интегрировался в другое государство после выражения своей воли сделать это [8];
- 4) установил любой политический статус в соответствии с волеизъявлением народа.

Так, ранее в Донецкой Народной Республике и Луганской Народной Республике путем проведения референдума была провозглашена независимость от Украины, и на референдуме 2022 года решается вопрос об интеграции в Российскую Федерацию.

Заключение. Таким образом, проанализировано, что реализация принципа права наций на самоопределение в рамках референдумов, проводимых в Донецкой Народной Республике и Луганской Народной Республике, соответствует международно-правовым стандартам,

изложенным в Уставе Организации Объединенных Наций, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, следовательно, должна быть признана мировым сообществом.

Список литературы

1. Груздев В.В., Бабичев Д.А., Бабичева Н.А. История самоопределения народа Донбасса. Опыт Донецко-Криворожской советской республики // Вестник КГУ. – 2019. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-samooopredeleniya-naroda-donbassa-opyt-donetsko-krivorozhskoy-sovetskoj-respubliki> (дата обращения: 21.09.2022).
2. Харраз Муаз Азми. Международно-правовая регламентация принципа права наций и народов на самоопределение // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2011. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovaya-reglamentatsiya-printsipa-prava-natsiy-i-narodov-na-samooopredelenie> (дата обращения: 21.09.2022).
3. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско: 26 июня 1945 г.) – URL: <https://base.garant.ru/2540400/> (дата обращения: 21.09.2022).
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 21.09.2022). – Загл. с экрана.
5. Right to Self-Determination in International Law / by Shristi Suman. – URL: <https://blog.ipleaders.in/right-to-self-determination-in-international-law/> (дата обращения: 21.09.2022).

УДК 341.6

СПОСОБЫ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗНОГЛАСИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Поляков В. Ю., канд. юрид. наук, *Петрова Е. В.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
alena_petrova_99@mail.ua

Введение. Зарождение института международно-правовых средств и способов разрешения разногласий в юридической литературе традиционно относят к концу XIX – началу XX веков. Именно в указанный период фиксируются одни из первых серьезных попыток по созданию универсального способа ограничить право государств на ведение военных

действий и на войну. Ранее, безусловно, предпринимались усилия по выявлению предпосылок оправданности объявления войны, при этом вопросы о начале вооруженного конфликта и о целях его ведения в большей степени оставались на усмотрение государств. Следует также отметить, что долгое время в качестве проявления государственного суверенитета использовалась именно война как инструмент разрешения спора. Следовательно, неким показателем авторитета государства на международной арене выступали победа или поражение государств в конфликте. Однако были и исключения, когда государства заключали двусторонние соглашения о разрешении разногласий не военным путем.

До XIX века ученые-юристы (например, Гуго Гроций, Франсиско де Витория, Эмер де Ваттель и др.) высказывали позиции в обоснование ограничения методов войны как средств разрешения международных споров, однако утверждения носили теоретический характер. В свою очередь, на международном уровне впервые рассматриваемые вопросы были затронуты во II Гаагской конвенции «Об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам» (1907 г.). Отметим, что принятие указанной конвенции не поспособствовало отделению межгосударственных споров от ведения военных действий, а в дальнейшем государства всё равно прибегали к вооруженным конфликтам в целях разрешения спорных ситуаций. Неэффективной признается и система коллективной безопасности, основанная Пактом Бриана – Келлога (1928 г.) в рамках Лиги Наций. Пакт был направлен на отказ от войны как инструмента национальной политики [1, с. 204].

Основная часть. Изменение ситуации на международном уровне происходит с принятием Устава ООН, нормы которого устанавливают запрет применения силы в международных и межгосударственных отношениях, а сама война начинает признаваться крайней мерой. Следует отметить, что в п. 3 ст. 2 Устава ООН закреплён принцип мирного разрешения международных споров, который представляет собой один из основополагающих принципов международного права. Однако и в иных международных актах данный принцип находит свое отражение, например, в Декларации о принципах международного права (1970 г.), в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), в Пакте Лиги арабских государств (1945 г.), в Хартии Организации африканского единства (1963 г.), в Уставе Организации американских государств (1948 г.) и др.

Следует обратить внимание на содержание анализируемого принципа. Так, принцип мирного разрешения международных споров обязывает государства решать споры между собой любыми мирными способами, в то время как принцип ненападения обязывает государства воздержаться от угрозы силы или применения силы в отношениях между

собой [2, с. 38]. Также отметим, что рассматриваемый принцип определяет режим международного правопорядка в форме мирного сосуществования различных государств. В том числе провозглашает запрещение применения силы и угрозы её применения, вместе с тем провозглашает и обязанность для всех субъектов международных отношений разрешать (возникающие между ними) споры или же ситуации с помощью мирных средств [1, с. 205].

В соответствии с текстом Устава ООН мирное разрешение споров предполагает следующее: переговоры, обследование, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство, обращение к региональным органам или соглашениям, также допускаются иные мирные средства по своему выбору (ст. 33).

В качестве эффективных средств разрешения международных разногласий в международном праве выделяют также «добрые услуги», которые представляют собой одно из средств мирного урегулирования международных разногласий дипломатическим путем. Данный вид разрешения споров схож с переговорами и посредничеством, привлекается третья сторона в целях заключения международного договора между конфликтующими сторонами.

В контексте рассмотрения способов мирного разрешения споров в международном праве следует отметить, что в юридической литературе в качестве формы урегулирования конфликта на международном уровне выделяют также достижение баланса интересов при помощи политических технологий и процедур, что позволяет идентифицировать непосредственные предпосылки конфликта и, соответственно, устранить их. К таким процедурам можно отнести переговоры как дипломатический способ, временный компромисс, смену политических лидеров или режимов, войну.

Разрешение спора должно осуществляться с учетом социальных, экономических, политических, культурных и иных критериев развития каждой стороны конфликта. Учитывать следует также и специфику международных отношений в конкретном случае. В соответствии с обозначенным выделяют следующие модели урегулирования международного конфликта: гегемонистская модель, которая характеризуется поведением сторон с учетом «центра силы», в качестве отличительной особенности данной модели следует выделить использование насилия и угрозы его применения; статусная модель, которая характеризуется сопоставлением физических действий и поведения, что необходимо для поддержания баланса сил; ролевая модель, которая характеризуется сопоставлением физического поведения с необходимостью достижения своих целей, в том числе воздействием на цели другой стороны [3, с. 340].

Заключение. Согласно нормам Устава ООН все международные споры следует разрешать мирными средствами, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность. В свою очередь, безопасность государства определяется через взаимоотношения с соседними государствами. В таком случае обеспечение безопасности одного государства представляется невозможным без обеспечения безопасности всего мирового сообщества. Таким образом, субъектам международных правоотношений необходимо воздерживаться от действий, способных создать угрозу безопасности для конкретного государства, что в противном случае может спровоцировать применение вооруженных сил. В свою очередь, нарушение мирового баланса сил (даже постепенное) может повлечь обоснованное применение силы в целях удержания такого баланса. В рамках ООН существуют различные механизмы по поддержанию мира, а решение о проведении конкретных мероприятий принимается Советом Безопасности. Так, наиболее эффективными средствами урегулирования международных споров признаются: переговорные процессы, посреднические процедуры, арбитраж, сокращение и прекращение поставок оружия акторам, организация свободных выборов. При этом конфликтующие стороны могут иметь схожие интересы, которые в некоторых случаях могут играть значимую роль в процессе поиска путей выхода из конфликта, однако подобное встречается достаточно редко.

Список литературы

1. Томаева З.О. Международно-правовые средства разрешения споров // Перспективы развития науки в современном мире: сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 203-213.
2. Петрова Е.В. Становление и развитие принципа мирного урегулирования разногласий в международном праве // Актуальные вопросы права и государственного строительства: материалы студенческой научно-практической конференции. – 2022. – С. 38-39.
3. Дрючина В.В., Самборская А.Е. Способы предотвращения, прекращения, урегулирования и разрешения конфликтов в современных международных отношениях // Студенческие научные исследования: сборник статей международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 337-342.

К ВОПРОСУ О БАЛАНСЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПРАВООТНОШЕНИЯХ ПО ОХРАНЕ ЖИЛЬЯ ОСУЖДЕННЫХ ЛИЦ

Полякова Н. Г., канд. юрид. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
ngpoliakova@inbox.ru.

Введение. Принятие Конституционным Судом Российской Федерации постановления № 34-П от 9.07.2020 г., в котором суд указал на наличие пробела в системе действующего нормативного регулирования мер по охране остающегося без присмотра жилого помещения, собственником которого является осужденный, актуализировало исследование вопросов публично-правовой охраны жилья лиц, осужденных к отбыванию наказания [1]. Важность эффективной правовой регламентации указанных правоотношений обусловлена, в том числе, и тем, что, по данным Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), в России число заключенных, находящихся в местах лишения свободы, по состоянию на 1 сентября 2022 года составило 463 964 человек [2].

Рассмотрению вопросов публично-правовой охраны жилища уделяли внимание такие ученые как А. В. Булыгин, Н. В. Дулатова, Т. П. Водкина, Е. А. Шугрина, А. Н. Юсупова и др. В то же время, отдельные аспекты публично-правовой охраны жилья, а именно, жилища осужденных лиц в период отбывания ими наказания требуют дальнейшей научной разработки. Указанное, а также высокая социальная значимость затронутой проблематики обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Цель работы заключается в разработке мер по охране жилья осужденных, направленных на компенсацию объективно существующих ограничений реализации ими своих правомочий, а не на предоставление особых дополнительных преимуществ по сравнению с иными собственниками как необходимого условия для обеспечения баланса частных и публичных интересов.

Основная часть. Жилище как объект правовой охраны представляет собой публичную ценность, посягательство на которую нарушает права и интересы не только отдельных лиц, но и общества в целом. Следует отметить, что публично-правовые меры по охране жилья обладают специфическими чертами, выражающимися в особенностях субъектного состава возникающих правоотношений, а также задач, форм, способов, и порядка их осуществления. Особенность данных правоотношений состоит также в том, что в процессе их осуществления сталкиваются различные группы частных и публичных интересов, сбалансированность которых в

значительной мере обуславливает эффективность правового механизма по охране жилища осужденных.

Анализируя правовую природу указанных правоотношений, Е. А. Шугрина справедливо указывает на необходимость поиска баланса частных и публичных интересов [3]. В то же время, существующая на данный момент неопределенность в правовой регламентации указанных правоотношений ставит органы государственной власти и местного самоуправления в уязвимое положение, поскольку судебным решением на них может быть возложено выполнение функций, не относящихся к их компетенции. В частности, КС указал, что до принятия соответствующего нормативного регулирования суды могут возлагать отдельные обязанности по охране жилья осужденных лиц, в том числе, опечатывание жилого помещения, периодическую проверку его сохранности и иные обязанности, необходимые для охраны, на администрацию муниципального образования при отсутствии соответствующего бюджетного финансирования [1]. Учитывая изложенное, представляется, что в концепции, положенной в основу решения КС РФ, не вполне учтены публичные интересы органов местного самоуправления.

Что касается частного интереса осужденного лица как собственника, то он заключается в обеспечении сохранности своего недвижимого имущества на период отбывания наказания. При этом, правовой статус собственника жилья, осужденного к отбыванию наказания, и иных собственников, в целом, тождественны, за исключением ограничений, объективно обусловленных режимом отбывания наказания (ч. 2 ст. 10 УИК РФ). Аналогичную позицию занимает и КС РФ, указавший в определении от 30.11.2021 г. № 2640-О, что «лица, которые лишены свободы в установленном законом порядке, в целом обладают теми же правами и свободами, что и остальные граждане, кроме тех, которые обусловлены ... специальным режимом мест лишения свободы» [4]. Таким образом, и законодательство, и судебная практика исходят из равного объема правомочий осужденных и неосужденных собственников. При этом, лица, которые лишены возможности самостоятельно осуществлять охрану своего жилья по причинам, не связанным с ограничением свободы как меры наказания (эвакуация в связи с боевыми действиями или чрезвычайными ситуациями, длительная командировка, лечение и т.д.) не наделены правом на публично-правовую охрану своей недвижимости в особом порядке за счет бюджетных средств. В соответствии с положениями ч. 1 ст. 1 закона РФ «О полиции», общая обязанность по охране собственности возложена на органы полиции. Думается, что осужденное лицо вправе рассчитывать на осуществление полицией охраны правопорядка и собственности в той же мере, что и остальные собственники. Предоставление же осужденным лицам права на особый порядок охраны недвижимого имущества за счет средств государственного бюджета представляется необоснованным улучшением их правового

положения по сравнению с другими собственниками, не нарушающими закон, а также не отвечает общеправовым принципам равенства и справедливости.

Заключение. С учетом изложенного, думается, что разработка мер по охране жилья осужденных должна быть направлена, прежде всего, на компенсацию объективно существующих ограничений реализации ими своих правомочий, а не на предоставление особых дополнительных преимуществ по сравнению с иными собственниками. Такие компенсирующие меры могут заключаться в предоставлении осужденному лицу возможности по его ходатайству передать ключи от жилья соседям, сотрудникам управляющей организации или иным лицам, а также самостоятельно и за свой счет заключить договор на охрану жилого помещения с охранной организацией или Федеральным государственным казенным учреждением «Управление вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации», либо договор доверительного управления, аренды, страхования имущества. Реализация указанных мер будет способствовать обеспечению фактической сохранности имущества собственника, осужденного к отбыванию наказания. Указанный подход представляется оправданным как с точки зрения соблюдения общеправовых принципов справедливости и равенства всех перед законом, так и оптимизации бюджетных расходов.

Список литературы

1. По делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 34-П. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – 2022. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356882/ (дата обращения: 04.10.2022).
2. Федеральная служба исполнения наказаний. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. – Текст: электронный // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. – 2022. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 05.09.2022).
3. Шугрина, Е.С., Булыгин, А.В. Полномочия органов власти по охране жилища подозреваемого, обвиняемого или осужденного: проблемы законодательства и правоприменительной практики / Е.С. Шугрина, А.В. Булыгин // Местное право. – 2016. – № 4. – С. 3-14.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рэскоалэ Сергея Андреевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 82, частью второй статьи 94, частью первой статьи 109, частями первой и второй статьи 110 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 1 и подпунктом 4 пункта 7 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2640-О. – Текст: электронный // ЮИС «Легалакт». – 2022. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30112021-n-2640-o/> (дата обращения: 04.10.2022).

ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Рябченко А. А., Шаматава Н. Д.

Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Ростов-на-Дону, РФ
shamatavanino703@gmail.com

Введение. Проблемы, связанные с мировоззренческими правами и свободами человека и гражданина, с деятельностью религиозно-церковных организаций, стали заметными факторами политической и общественной жизни, а также и международных отношений. На современном этапе развития России произошли значительные перемены на институциональном уровне, которые привели к увеличению сферы деятельности религиозных объединений, росту конфессионального многообразия и числа зарегистрированных религиозных объединений.

Основная часть. В современных условиях религиозные организации в стране занимают далеко не последнее место и оказывают значительное влияние на государство, а оно в свою очередь вынуждено искать компромиссные пути работы с религиозными организациями для обеспечения полноценного функционирования общества.

Государство, являясь светским, отделено от церкви, но это не означает того, что религия с политикой также должны быть отделены друг от друга.

Согласно статье 14 Конституции, Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Статья 28 указывает, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Исходя из светского характера государства, закон одновременно провозглашает принцип уважения христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий.

Религиозной организацией в Российской Федерации признается согласно 125 ФЗ, добровольное объединение граждан Российской Федерации или иных лиц, постоянно на законных основаниях проживающих на территории РФ, в целях совместного исповедания и распространения веры, обладающие этой цели признаками и зарегистрированное в установленном законом порядке в качестве

юридического лица, является одним из видов некоммерческих организаций.

Религиозные организации в зависимости от территориальной сферы их деятельности подразделяются на местные и централизованные.

Местная религиозная организация создается не менее чем 10 участниками, достигшими возраста 18 лет, гражданами РФ и постоянно проживающими на территории одной местности.

Централизованная религиозная организация может быть создана не менее чем тремя местными организациями одной веры.

Автором был проведен опрос респондентов в возрасте от 15 до 19 лет с целью выяснить мнение студентов о положении религиозных объединений в РФ. Всего было опрошено 25 человек – студентов колледжа ВГУЮ. Полученные результаты представлены на рисунке 1.

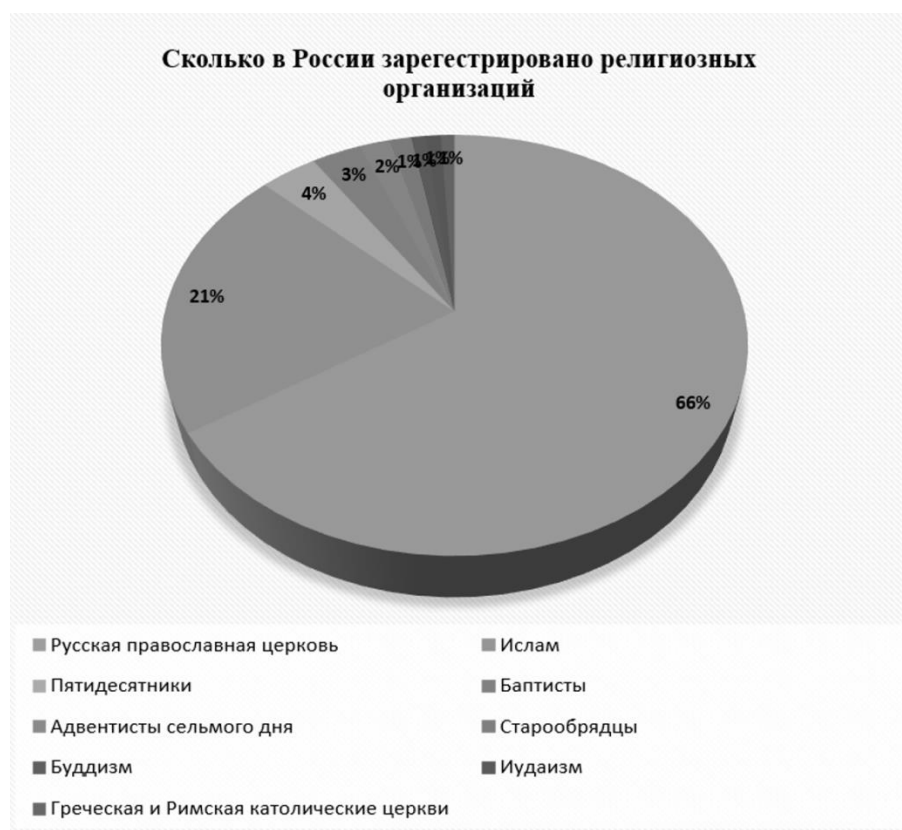

Рис. 1. Количество зарегистрированных организаций в России

Заключение. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод что, вопреки тому, что в данный момент между церковью и государством сохраняются определенные противоречия в способах выхода из насущных, общественно-политических проблем, которые актуальны в настоящем времени, они в значительной степени выступают в роли единомышленников, а не соперников.

Современная политическая действительность даёт возможность религиозным объединениям участвовать не просто скрыто, а принимать

непосредственное участие в социально-политическом процессе, что находит отражение на способности воздействовать на органы государственной власти.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.
3. Федеральный закон от 12 января 1996 г. «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – С. 145.
4. Замышляева М.А. Система взаимоотношений между государствами и религиозными объединениями. – Йошкар-Ола, 2019.
5. Алексеев С.В., Скочков А.К., Шумилов А.В. Государственно-церковные отношения в России: от традиции к глобальной информатизации // PolitBook. – 2019. – № 2. – С. 58 – 60.

УДК 342.5

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ ФЕДЕРАЦИИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Савицкий А. И., канд. юрид. наук, доц., **Дощатов А. А.**
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет
им. В.Ф. Яковлева», г. Екатеринбург, РФ
a.doshchatov@molprav66.ru

Введение. Принцип единства публичной власти, а точнее его определение и закрепление в действующем законодательстве об организации государственной власти в субъектах Федерации и местного самоуправления обсуждались в течении долгого периода времени: «Чем глубже и всестороннее будет экспертная проработка законов на базе новых конституционных положений, тем будет лучше наш общий результат, тем прочнее, современнее, эффективнее станет правовая система страны, а это, прежде всего, в интересах граждан, ради которых мы с вами и работаем». В январе 2020 года во время ежегодного Послания Федеральному Собранию, глава государства четко продемонстрировал необходимость закрепления в Конституции «принципа единства системы публичной власти». Главная цель введения данного принципа – эффективное

взаимодействие между федеральными, региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления – указанный принцип нашел свое отражение в принятом Государственной Думой Закон РФ «О поправке к Конституции РФ» [1].

Основная часть. Президент России на протяжении времени высказывался о том, что необходимо взаимодействие региональных властей с органами местного самоуправления для осуществления эффективной деятельности в пределах субъекта Федерации. Осенью 2020 года глава государства на встрече с представителями законодательной ветви власти отметил, что смысл конституционных «новинок» состоит в том, чтобы на конституционном уровне зафиксировать фундаментальные основы устойчивого развития страны: это историческая преемственность, моральные ценности, это надежные социальные гарантии, повышение роли гражданского общества.

В теории государства и права под публичной властью понимается власть, формально выделенная из общества и не совпадающая с населением страны. Данная разновидность власти названа так, потому что призвана действовать в интересах общества, и реализуя свои внутренние и внешние функции, выступает и действует от интересов всего общества, и в то же время в той или иной степени открыта и доступна обществу.

Единство государственного суверенитета порождает единство системы государственной власти, которое проявляется в следующем: единство органов государственной власти субъектов Федерации и федеральных органов государственной власти и принципов, на которых строится организация и деятельность федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации. Конституционный Суд определил: «что конституционные поправки однозначно определили цель единства системы публичной власти и взаимодействия всех ее органов – это означает, что вопрос должен решаться на том уровне, на котором это наиболее эффективно для населения. Единство публичной власти ни в коей мере не обесценивает демократические начала местного самоуправления.

В декабре 2021 года сенатор Совета Федерации Федерального Собрания РФ, председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А. А. Клишас и депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ VIII созыва по государственному строительству и законодательству П.В. Крашенинников внесли в Государственную Думу законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». В части 4 статьи 1 данного законопроекта говорится о том, что органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти, но органы местного самоуправления не входят в систему органов

государственной власти [3]. Органами местного самоуправления не являются население, группы граждан или общественные объединения. Данные субъекты публичной власти, в сущности, имеют незначительные отличия от органов государственной власти, за исключением большого доверия со стороны населения. В соответствии с частью 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

В сентябре 2021 года сенатор Совета Федерации Федерального Собрания РФ, председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Клишас и депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ VIII созыва по государственному строительству и законодательству П.В. Крашенинников внесли в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проект Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ». По словам парламентариев: «органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, осуществляют взаимодействие в целях создания условий для обеспечения гармоничного устойчивого и комплексного социально – экономического развития в пределах территории субъекта Российской Федерации» [4].

Вопросы, связанные с развитием и функционированием различных институтов демократического общества могли бы стать не только новой статьей, но и новой главой Конституции России, что способствовало бы развитию гражданского общества и демократизации социальной практики. По моему мнению, нормы Конституции о публичной власти способны раскрыть максимальный положительный потенциал, смогут найти отражение в действующем законодательстве. В заключении исследования следует отметить, что нормы Конституции Российской Федерации о публичной власти способны раскрыть максимальный положительный потенциал, смогут найти отражение в действующем законодательстве.

Также следует сказать о том, что потребуется внесение изменений в действующее федеральное законодательство и законодательство субъектов Федерации в обозначенном направлении с целью обеспечения реализации новых положений Основного Закона на территории субъекта Федерации и муниципального образования. Конституция Российской Федерации с уже принятыми поправками в исторически – правовом пространстве нашей страны имеет важный политический, правовой и социально – экономический смысл и несет в себе символический носитель традиции об опыте конституционных преобразований в нашей стране.

Список литературы

1. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1 – ФКЗ // Российская газета. 2020. №55. 16 марта.
2. О Государственном Совете Российской Федерации. Федеральный закон от 08.12.2020 №394 – ФЗ // Российская газета. 2020. №280. 11 декабря.
3. Законопроект №40361 – 8. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 05.01.2022)
4. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации. Федеральный закон от 21.12.2021 №414 – ФЗ // Российская газета. 2021. №294. 27 декабря.

УДК 327.7

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН ПО СОЗДАНИЮ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Соловьёва Ю. А., канд. юрид. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
ju.solovyova@donnu.ru

Введение. Проблема использования информационно-коммуникационных технологий привлекла к себе внимание, среди прочего, тем, что с помощью таких технологий стало возможным оказывать негативное воздействие как на целостность государственных инфраструктур, так и реализацию основных прав и свобод человека. Яркими примерами такого влияния можно считать информационные войны, целью которых была дискредитация (позднее смена) существующего правительства (режима), а именно: «цветные» революции в 2000 г. в Югославии, в 2003 г. в Грузии, в 2004 и 2013-2014 г. в Украине, в 2018 г. в Армении, в 2020 г. в Белоруссии, «арабская весна» и пр.

Основная часть. В этой связи вопросы обеспечения международной информационной безопасности стали предметом обсуждения на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН). Так, например, ГА ООН в декабре 1998 г. было принято консенсусом подготовленную РФ резолюцию «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Резолюция впервые указала на угрозы международной информационной безопасности относительно не только гражданской, но и военной сфер. П. 3 данной резолюции закреплялось обязательство государств-членов информировать Генерального секретаря о «собственном видении» проблем

информационной безопасности в мире; о тех мерах, которые предпринимаются на национальном уровне для обеспечения информационной безопасности и содействия международному сотрудничеству в этой сфере; о разработанных механизмах, которые могли бы способствовать укреплению информационной безопасности на глобальном уровне [1].

В связи с указанным уже в следующем году РФ был представлен доклад в котором акцентировалось внимание на том, что ряд государств увеличивают свой военный потенциал именно за счет использования информационно-коммуникационных технологий, что, по мнению его разработчиков, может привести к разительным изменениям мирового баланса сил. Значительная часть положений этого доклада впоследствии была использована при подготовке документа «Принципы, касающиеся международной информационной безопасности», который определил нормы поведения государств в информационном пространстве, установил для них моральные обязательства, а также заложил основу для международных переговоров под эгидой ООН по проблемам обеспечения международной безопасности в информационной сфере. В нем впервые были приведены определения понятийного аппарата международной системы информационной безопасности (например, информационное пространство, информационный ресурс, информационное оружие, информационная война, информационная безопасность и пр.). Кроме того в данном документе закреплялась компетенция субъектов международных отношений в информационном пространстве, а также определялись задачи, решение которых направлено на ограничение угроз в указанной сфере [2].

Отметим, что продолжая работу в данном направлении, РФ (совместно с Китаем, Узбекистаном и Таджикистаном) на заседании ГА ООН в 2011 г. было представлено проект «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности» [3], а на закрытой встрече глав специальных служб и силовых ведомств из 52 стран в Екатеринбурге – проект Конвенции об обеспечении информационной безопасности ООН [4]. В проекте указанной Конвенции была закреплена «триада» угроз военно-политического, террористического и криминального характера в сфере международной информационной безопасности. В основу противодействия этим угрозам положена взаимосвязанная система мер, опирающаяся на общепризнанные принципы и нормы международного права. При этом острое обсуждение проекта Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности продемонстрировало разные позиции государств относительно определения понятий, видения потенциальных информационных угроз и институционального обеспечения международного сотрудничества в рамках данной международной организации. В связи с чем была создана Группа правительственных

экспертов, которые должны осуществить компетентный анализ проблем в сфере международной информационной безопасности, разработать международные принципы регулирования коммуникационных сетей, учитывая, что инновационные технологии могут быть использованы для разрушения базовых систем обеспечения жизнедеятельности государств.

Заметим, что январе 2015 г. государства-члены Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) внесли на рассмотрение ГА ООН новую редакцию «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности» (редакция 2011 г. была взята за основу), ключевой особенностью которых стал «миротворческий характер» документа. Он нацелен, в первую очередь, на предотвращение конфликтов в информационной сфере. В нем закрепляются обязательства государств не применять информационно-коммуникационные технологии, которые могут привести к нарушению международного мира и безопасности, а так же позволят вмешиваться во внутренние дела других государств и способны подорвать их экономическую, политическую и социальную стабильность.

В 2019 г. ГА ООН утвердила резолюцию «Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности», в которой подтверждается необходимость создания открытой, безопасной, стабильной, доступной и мирной информационно-коммуникационной среды, установление доверительных отношений между государствами, расширение возможностей государств для сотрудничества и поощрения использования высоких технологий, которые будут способствовать уменьшению риска возникновения конфликтов. Практически на уровне ООН был создан новый формат Группы правительственных экспертов на основе справедливого географического представительства государств, которые таким образом могут внести существенный вклад в укрепление международной информационной безопасности [5].

Заключение. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что деятельность ООН в сфере обеспечения международной информационной безопасности, прежде всего, направлена на разработку международно-правовой базы, являющейся фундаментом для противодействия противоправному использованию научно-технического прогресса, а также консолидацию сил мирового сообщества в указанной сфере.

Список литературы

1. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: Доклад Генерального секретаря ООН (документ A/RES/53/70) – URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/a/53/70> (дата обращения: 10.09.2022).
2. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности: Доклад Генерального секретаря ООН (документ A/55/140) – URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/a/55/140> (дата обращения: 10.09.2022).

3. Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности – URL: <https://rus.rusemb.org.uk/policycontact/69> (дата обращения: 10.09.2022).
4. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/191666 (дата обращения: 10.09.2022).
5. Эффективное обеспечение киберстабильности: итоговый доклад (ноябрь 2019 г.) – URL: https://cyberstability.org/wp-content/uploads/2020/08/GCSC-Advancing-Cyberstability_RU.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

УДК 342

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Тимофеева А. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
a.timofeeva@donnu.ru

Введение. Местное самоуправление выступает в качестве центрального принципа осуществления публичной власти. Данный принцип закреплен как элемент конституционного строя России, через который должно осуществляться народовластие на местном уровне.

Для реализации поставленных задач местного самоуправления немаловажное значение имеет его функциональное назначение, так как именно из задач вытекают функции местного самоуправления, в которых проявляется общее и особенное содержание местного самоуправления.

Основная часть. Функции местного самоуправления носят комплексный и содержательный характер, поэтому включают в себя как общезначимые публичные функции, так и специфические функции, присущие только местному самоуправлению. Также следует различать функции местного самоуправления как функции конституционного института и функции органов местного самоуправления.

В связи с этим, прежде всего, необходимо рассмотреть само понятие функций местного самоуправления, тем более что в научной среде отсутствует определенность в данном вопросе.

В общем понимании функциями местного самоуправления выступают основные направления муниципальной деятельности, направленные на реализацию целей и задач местного самоуправления. Но некоторые ученые видят в функциях местного самоуправления продолжение функций государства. При этом акцент сделан на деятельность органов и должностных лиц местного самоуправления как представителей публичной власти на местном уровне.

В. В. Гулина в своем диссертационном исследовании указывает на необходимости отличать понятия функций местного самоуправления как

конституционного института и функций органов местного самоуправления. В соответствии с этим под функциями местного самоуправления понимается системное взаимодействие субъектов муниципальных отношений, законодательно закрепленных и имеющих материальное и организационное обеспечение, направленное на удовлетворение насущных потребностей населения муниципального образования и улучшения условий его проживания [1, с. 8–9].

Относительно классификации функций также существуют разные подходы. Некоторые ученые предлагают обобщенное деление функций, к которым относят: децентрализацию, демократизацию, выражение и защиту прав населения муниципальных образований [2, с. 127–130].

Более развернутую классификацию функций предлагают О. Е. Кутафин и В. И. Фадеев, которые взяли за основу конституционно установленные вопросы местного значения: управление муниципальной собственностью, обеспечение участия населения в решении вопросов местного значения, охрана общественного порядка и т.д. [3, с. 126–137].

Т. М. Бялкина, в свою очередь, предлагает перечень функций в соответствии с системой внутренних функций государства, учитывая при этом специфику каждого из уровней публичной власти. Соответственно автором были выделены следующие функции: политическая, экономическая, социальная, правоохранительная, обеспечения прав и свобод человека и гражданина [4, с. 13].

Заключение. Таким образом, при рассмотрении отдельных подходов к классификации функций местного самоуправления, можно наблюдать некий дуализм, когда речь идет или об общественных началах, или о государственных. Т.е. одни используют положения Конституции о местном самоуправлении, другие ориентируются на внутренние функции государства. Соответственно можно предположить необходимость дальнейшего исследования классификации функций местного самоуправления. Потому, как было отмечено выше, именно из функций определяются задачи местного самоуправления.

Список литературы

1. Гулина, В.В. Функции местного самоуправления: институционально-правовое исследование: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: спец. 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право/ Гулина Вера Васильевна. – К., – 2013. – 31 с.
2. Бланкенагель, А. Местное самоуправление против государственного управления в Российской Федерации / Бланкенагель А. // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1997. – № 1 (18). – С. 127–130.
3. Кутафин, О. Е. Муниципальное право Российской Федерации: учебник / Кутафин О. Е., Фадеев В.И. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2006. – 672 с.
4. Бялкина, Т.М. Функционально-целевая характеристика местного самоуправления как основа определения его компетенции / Бялкина Т.М. // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2017. – № 1. – с. 8- 21.

ПРАВОВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СТРАТЕГИИ ПАРТНЕРСТВА МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Ханин М. Ю.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
hatala199878@inbox.ru

Введение. Международное экономическое сотрудничество организуется по следующим основным направлениям [2, с. 86]:

- международная торговля (внешнеторговые сделки, экспорт, импорт),
- международное производственное сотрудничество (международная производственная кооперация),
- международное научно-техническое сотрудничество,
- экономическое и техническое содействие.

Цель конференции – исследование правового взаимодействия и стратегии партнерства между Российской Федерацией и международных организаций.

Основная часть. Стратегическое партнёрство предполагает комплексное сотрудничество, в основе которого – готовность производителя к инвестициям в развитие проекта и продвижение своего товара, развитие уникальных характеристик товара или создание принципиально новых продуктов. Стратегическое партнерство может также включать организацию встречных поставок, специальные логистические цепочки, совместные закупки сырья и т.п.

С точки зрения международного права международные организации имеют особый статус и потому их правосубъектность также отличается от правосубъектности государств. Самое первое и главное отличие такой правосубъектности заключается в том, что она не основана на суверенитете. Как мы уже отметили в первой главе, будучи субъектами международного права, международные организации являются производными по отношению к государствам.

Существует несколько типов международного сотрудничества. Наиболее распространенные формы – политическое, военное, экономическое, культурное, научно-техническое, сотрудничество в сфере космоса и экологии, информационно-коммуникационное.

ООН – универсальная международная организация, созданная в целях поддержания мира и международной безопасности и развития сотрудничества между государствами.

Организация Объединенных Наций не только занимает центральное место в системе межгосударственных организаций, но и играет исключительную роль в современном международно-политическом развитии.

Россия состоит в следующих международных организациях: Союзное государство. ООН (Совет Безопасности ООН) СНГ ОДКБ. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Организация черноморского экономического сотрудничества Совет Европы Большая двадцатка бриск АТЭС. Шанхайская организация сотрудничества. Центрально-Азиатское сотрудничество (организация). Евразийское экономическое сообщество. Международная организация по стандартизации.

На сегодня Россия состоит в следующих международных организациях: Союзное государство, ООН (Совет Безопасности ООН), ВТО, СНГ, ОДКБ, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. По данной теме мы уже выполнили. Договоры в Европе, Организация черноморского экономического сотрудничества, Совет Европы, Большая восьмёрка, БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества, Центрально-Азиатское сотрудничество.

Международные организации делятся на международные межправительственные (межгосударственные) организации и международные неправительственные (негосударственные, общественные) организации.

Международные межправительственные (межгосударственные) организации – объединения государств или государственных институтов, созданные на основе международного договора между государствами или их уполномоченными институтами.

По мнению И. Д. Бекмурзаева «Внешний долг страны – это определенное явление, являющееся наиболее распространенным. Внешний долг является не абсолютным, а относительно в цифрах» [2].

Крылов А. А. отмечает, что «Стратегическое партнерство признается весьма целесообразным компонентом, рассматривающее ряд лексических единиц. При этом, управление стратегия перетекла в долгосрочное планирование военных операций» [4].

Международные взаимоотношения между Россией и, к примеру, ЮАР имеют свои определенные критерии. Как отмечает С.Ю. Муртазалиева «В системе международных отношений предусмотрен один немаловажный способ в системе воспроизводства стратегического партнерства, являющегося достаточно максимально приближенным к общему толкованию данной трактовки, включая общеправовое сотрудничество несколько компаний» [5].

Стратегия сотрудничества представляет собой стратегию устранения возможных разногласий между коммуникантами путём передачи информации, не создающей дискомфорта и не ставящей под угрозу

отношения между участниками речевой ситуации. Цель стратегии сотрудничества заключается в поддержании толерантных отношений между говорящим и адресатом.

Заключение. Россия является участником многих международных конвенций и соглашений в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности:

- Рамочная конвенция ООН об изменении климата;
- Киотский протокол, Венская конвенция об охране озонового слоя,
- Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой,
- Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением и других.

Основными критериями типологии международных организаций являются: членство субъектов международных отношений и юридический статус организации; географическое распространение; функциональная направленность; характер деятельности.

В то же время общепризнанным является разделение на две основные группы: межгосударственные (межправительственные) организации и международные неправительственные организации.

Целями внешней политики Российской Федерации являются создание благоприятных условий для устойчивого социально-экономического развития страны, укрепление национальной безопасности, упрочение позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира.

Список литературы

1. Абросимова, Е. А. Международное частное право: учебник: в 2 т. – М.: Статут, 2019. – Т. 2: Особенная часть. – 764 с.
2. Бирюков, П. Н. Международное право. Учебное пособие. М.: Юристъ. – 1993. – 9 с.
3. Богатырева, Н. Г. Соотношение частного и публичного права / Н.Г. Богатырева // Молодой ученый. – 2017. – №21.1. – С. 92–94.
4. Богуславский, М. М. Проблемы соотношения международного публичного и международного частного права / М.М. Богуславский // Молодой ученый. – 2019. – №28. – С. 707–709.
5. Зараева, М. Г. Теории возникновения государства / М.Г. Зараева // ЕИ К(П)ФУ, г. Елабуга. – 2018. – С. 2–4.

Уголовное право и процесс

УДК 327

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ВСЕОБЩАЯ МИРОВАЯ УГРОЗА

Бружукова О. В., канд. экон. наук, **Наконечная Н. В.**

Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)», г. Ростов-на-Дону, РФ
nakonechnayanela@gmail.com

Введение. В данной статье рассматриваются вопросы касающиеся тенденции развития террористических организаций во всем мире, их видов и способов борьбы с ними. Все экстремистские движения влекут за собой массовые жертвы среди мирного населения. Именно поэтому, необходимо иметь хотя бы поверхностные знания о терроризме, их организациях и правилах поведения во время террористических актов, уже с раннего возраста.

Актуальность данной статьи с уголовной точки зрения заключается в выявлении роста тенденции террористических организаций мира, которые представляют социальную, экономическую и политическую опасность для общества в целом.

Основная часть. Согласно ч. 1 ст. 205 Уголовного Кодекса Российской Федерации, которая содержит признаки состава терроризма: «Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественных опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» [1].

В данной статье также говорится о том, что если лицо, которое участвовало в подготовке террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, в случае если оно своевременно предупредило органы власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму», под терроризмом понимается: идеология насилия, связанная с устрашением населения и иными формами противоправных действий [2].

Международные террористические организации представляют собой крупнейшую систему и имеют такие масштабы, которые вполне соответствуют ее техническому оснащению. К примеру, такие страны как Иран, Афганистан, Таджикистан, Косово могут подтвердить то, что террористические организации в мире готовы помимо организации единичных террористических актов, и на начало диверсионно-террористической войны, в том числе и участию в масштабных вооруженных конфликтах.

На данный момент, ряд ученых выявили приблизительно 280 террористических организаций и связанных с экстремистскими движениями группировок, из которых практически 60 входят в число международных террористических организаций. Тем временем, ни одно государство не может дать точный список всех террористических организаций мира. Но все же, официальный список имеется и находится он в приложении ежегодного рапорта Государственного департамента США «О характере и формах современного терроризма» за предыдущие годы. В их число вошли:

- «Черный сентябрь»;
- «Аль-Джихад»;
- «Господня армия сопротивления»;
- «Японская красная армия» [3].

Такой «черный список» не понравился странам Европы и США начали обвинять в том, что их Государственный департамент выборочно, а то и вовсе случайно составляет данные списки. К примеру, политикам из Германии стал непонятным факт отсутствия в реестре террористических группировок из Алжира и ИРА. К тому же, в списке не были предоставлены Индийские, Таджикистанские и Армянские группировки, на которые власти всех стран так же обязаны уделить пристальное внимание.

В свою очередь необходимо не помнить, что любое государство самостоятельно решает признавать ему или нет, ту или иную международную террористическую организацию опираясь лишь на свои социальные, экономические, политические и уж тем более географические показатели. Именно поэтому в мире нет единого так называемого «черного списка» и у каждого государства свой собственный список террористических группировок.

Число экстремистских организаций созданных по всему миру за 10 лет, насчитывают приблизительно 300 единиц. Они организовали около 5 тысяч террористических актов, во время которых погибло более 3 тысяч человек и пострадало более 9,3 тысяч человек [4].

Все чаще в мире устраивают террористические акты, и причинами этому могут служить, например: развитие кризисной тенденции; различные международные конфликты между странами; власти

государств, которые не могут контролировать все социально-политические и этнические ситуации происходящие у них в стране; мирные граждане, не обладающие необходимыми знаниями в политической сфере, но которых втянули в политические движения. В связи с вышеперечисленными факторами можно понять, почему у многих террористических организаций возникает желание воспользоваться способностями общественных и политических систем, а также строить «кратчайшие» пути к желаемому властвованию над всем обществом.

В современном обществе из-за отсутствия личных настроек конфигураций средств, для совершения террористических актов террористические группы находят материальные и экономические ресурсы у многочисленных государств и спецслужб, которые достаточно прибыльны, чтобы вводить террористические режимы на данной территории, стремясь к достижению своих целей. Например, ЦРУ неоднократно подозревалось сообществами по всему миру в финансировании экстремистской деятельности ИРА, но спецслужбы США это отрицает [5].

В Российской Федерации за преступления, которые несут террористический характер, наступает уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет, ограничением свободы от 1 до 3 лет либо и вовсе пожизненный срок. У каждой страны наказание за подобного рода деяния отличается.

Заключение. Таким образом, необходимо отметить, что террористические организации в современном обществе, предполагают собой серьезнейшую общественную опасность, и нуждается в жёсткой реакции со стороны органов власти. А так же, при изучении деятельности террористических организаций следует обратить внимание на тенденции развития экстремистских группировок во всем мире, которые связаны непосредственно с ростом общественной опасности данного явления.

Чтобы победить современный терроризм, недостаточно сражаться с его реальными явлениями – необходимо ликвидировать аспекты, способствующие его разрастанию и функционированию. В связи с этим нужно подчеркнуть, что террористические организации мира могут достичь своих целей, только полагаясь на защиту от конкретных сил на всемирной арене и общественного мнения внутри страны. Вот только и на сегодняшний день многие государства стараются с их помощью решить свои политические трудности, хотя способности такой поддержки стремительно сократились, да и в принципе, как подчеркивалось ранее всемирными сообществами – терроризм отрицается.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, №25 ст. 205

2. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. 26.05.2021) «О противодействии терроризму» // Российская газета, № 4014, 10.03.2006.
3. Авдеев Ю.И. Современный международный терроризм: Новые угрозы и актуальные вопросы противодействия // Актуальные проблемы Европы: сб. научных трудов. – М., 2017. – №1 – С. 10-26.
4. Вакула А.И., Назаров А.А. // Международный терроризм как угроза мировой стабильности / Сборник: Реализация принципов международного права: проблемы и перспективы. – Ростов-на-Дону, 2019. – С. 50-53.
5. Манойло А. Борьба с международным терроризмом в США: опыт, практика, инструментарий // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – № 7, т. 62. – С. 122-128

УДК 615.849

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Глизнуца А. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
a.gliznutsa@donnu.ru

Введение. Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959 г.) и другие международно-правовые акты содержат в себе в концентрированном виде основные общепринятые положения по обеспечению и дальнейшему осуществлению прав человека и основных свобод. Процесс соблюдения этих стандартов тесно переплетается с уголовным судопроизводством, его принципами. Сама проблема принципов уголовного судопроизводства была и остается одной из центральных в науке уголовного процесса.

Основная часть. Познание самой сути уголовного процесса, закономерностей становления, перспектив развития невозможно без глубокого и всестороннего изучения принципов уголовного процесса. Не случайно исследования принципов уголовного процесса было проведено большим количеством ученых-процессуалистов, в работах которых отражены различные аспекты этой темы. Принципам уголовного процесса посвящено немало юридических трудов советского периода функционирования уголовного процесса.

Проблема принципов уголовного процесса актуализировалась в постсоветский период, что отражено в научной литературе по уголовному

процессу современного периода. Глава «Принципы уголовного процесса» справедливо заняла первостепенное место в новейших учебниках по уголовному процессу. Поэтому можно с полным правом утверждать, что на сегодняшний день высказано немало всевозможных суждений о сущности и понятия принципов уголовного процесса, их значении, системы, оснований классификации и самой классификации, содержания каждого из принципов уголовного процесса. В литературе называется разное количество самих принципов уголовного процесса. Например, В. М. Тертишник включает в предложенную им концептуальную модель системы принципов уголовного процесса тридцать восемь, а позже тридцать девять принципов уголовного процесса.

Особое значение в действующем УПК ДНР имеет такая конституционная основа уголовного судопроизводства, как состязательность. Она воплощена в статье 16 УПК под названием «Состязательность и диспозитивность». Считаем принцип состязательности уголовного судопроизводства важнейшим принципом уголовного процесса, это подтверждается большим количеством научных публикаций, посвященных данной проблеме.

Состязательность в наиболее общем смысле представляет собой соперничество сторон. Относительно юридического процесса состязательность – это состязание сторон (субъектов с противоположными материально-правовыми интересами) за установление их точки зрения по делу в качестве истинной.

Элементами состязательности являются:

- наличие субъектов, обладающих противоположными материально-правовыми интересами;
- внешнее выражение состязательности, заключающееся в противоборстве сторон, которое осуществляется ими в рамках отдельных юридических процедур;
- цель состязательности, состоящая в придании своей позиции обязательной юридической силы.

Однако в научной литературе подчеркивается недопустимость перечеркивания одним принципом уголовного процесса других, таких как осуществление правосудия исключительно судами, независимости судей и подчинения их только закону, выяснения истины по делу. В связи с этим представляется необходимым проведение дальнейших теоретических исследований, учета опыта других государств мира, осмысления места суда и его роли в уголовном процессе. При этом важно прежде всего определиться с масштабами, степенью, широтой, пределами действия состязательности в уголовном судопроизводстве ДНР на современном этапе ее развития. Расширение основы состязательности уголовного процесса ДНР может быть либо одним из направлений его реформирования, либо сущности его реформирования. Решение этого вопроса напрямую зависит от того, какую

форму уголовного процесса считать для ДНР более приемлемой. От сделанного в этом вопросе выбора напрямую будет зависеть сама логика и основания выстраивания всех других принципов уголовного процесса, выделение среди них основных, базовых, наполнение каждого из намеченных принципов таким содержанием, что будет корреспондировать выбранной форме уголовного процесса. Правильный выбор может быть сделан только в случае обязательного учета закономерностей развития форм уголовного процесса в течение всей истории его существования как в нашем государстве, так и в государствах ближнего и дальнего зарубежья.

М. С. Строгович считал, что состязательность разворачивается в дебатах в форме устного спора речей и реплик сторон. Речь и реплики прокурора содержат обвинения, потому что они призваны убедить суд в виновности обвиняемого. Речь и реплики адвоката, наоборот, имеют целью: отрицать обвинения по существу; отрицать отдельные его пункты; отрицать квалификацию; отрицая обвинения, дать другую трактовку действий подзащитного; обратить внимание на обстоятельства, смягчающие вину.

В постсоветский период исследования проблемы состязательности в уголовном процессе начало осуществляться в другом аспекте. Направленность этому исследованию предоставило принятие Конституций бывших союзных республик, в которых закреплялись положения о том, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, состязательность сторон и свобода в предоставлении ими суду своих доказательств и в доказывании перед судом их убедительности. Это утвердило состязательность в ранге конституционных принципов уголовного судопроизводства.

Внимательное прочтение текста ст. 16 УПК ДНР позволяет утверждать, что состязательность тесно связана с такими уголовно-правовыми категориями, как «функция обвинения», «функция защиты», «функция разрешения (рассмотрения) дел». Следовательно, сущность состязательности в соответствии с действующим УПК заключается в том, что при рассмотрении дела в суде функции обвинения, защиты и разрешения дела не могут полагаться на одно и то же лицо.

Заключение. Таким образом, на законодательном уровне в ст. 16 УПК нашла свое признание точка зрения сторонников традиционного включения в понятие принципа состязательности уголовного процесса таких элементов (признаков), как разделение основных уголовно-правовых функций (обвинение, защита, разрешение дела), процессуальное равноправие сторон; активная роль суда в уголовном процессе.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 года. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 22.09.2022).

2. Строгович, М. С. Принципы советского уголовного процесса [Текст] / М. С. Строгович // Советское право. – 1927. – № 1. – С. 92-111.
3. Европейская конвенция об осуществлении прав детей (ETS N 160): заключена в г. Страсбурге 25 января 1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/4089570/> (дата обращения 24.09.2022).
4. Уголовно-процессуальный Кодекс Донецкой Народной Республики: принят Постановлением Народного Совета № 240-ІНС от 24 августа 2018 г. URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 23.09.2022).

УДК 343.1

МЕСТО И РОЛЬ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Гулина С. Н.¹, Байша А. А.²

¹ ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

² ФГАОУ ВО «НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, РФ
s.gulina@donnu.ru

Введение. В российском уголовном процессе вопрос о состязательности судопроизводства стоит очень остро. В Основном законе Российской Федерации закреплено положение о том, что в данном государстве судопроизводство ведется на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ). В 2001 году был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в котором были заложены начала состязательности для российского уголовного процесса. Однако, спустя 21 год действия данного нормативно-правового акта теории и практики пришли к выводу, что институты, которые были приняты для состязательности в уголовном судопроизводстве работают не так как было заложено в УПК РФ. Однако ведущие ученые отмечают, что необходимо вводить элементы состязательности тем самым реформируя действующее законодательство.

В данной статье делается анализ законодательства, которое регулирует деятельность субъектов, которые участвуют в уголовном судопроизводстве. Дается историческая оценка уголовному судопроизводству, которое существовала в период СССР. Раскрывается понятие состязательности и в какой форме с какими элементами существует уголовное судопроизводство в Российской Федерации.

Основная часть. Активное внимание к «состязательности» в уголовном судопроизводстве началось в 60-х годах XIX века, когда в обществе произошли изменения. В. К. Случевский отмечал, что начало

состязательности служит существенным основанием для развития деятельности сторон в судебном разбирательстве[1, с. 23].

Если рассматривать со стороны исторического аспекта, то проанализировав УПК РСФСР 1922 и 1923 годов можно сделать вывод о том, что элементы состязательности не были закреплены нормативно в данных актах. В советское время состязательность считалась буржуазным принципом, который был не свойственен социалистическому государству [2, с. 97]. Но не смотря на данный факт некоторые советские ученые все же выделяли мысль о том, что советскому уголовному судопроизводству необходимо нормативное закрепление элементов состязательности.

Ведущие ученые придерживаются такого мнения, что состязательность ведет к демократизации уголовного судопроизводства. С данной мыслью легко согласиться так как если проанализировать различные уголовные судопроизводства в мире, то можно сделать вывод о том, что не одно правовое государство не обходится без состязательности в уголовном процессе. В Российской Федерации состязательность появилась с проведением Конституционной реформы 1991 г. Данная реформа была направлена на ликвидацию неоинквизиционной модели уголовного судопроизводства и введения таких процессуальных, демократических институтах как презумпция невиновности и состязательность.

Следует отметить, что состязательными должны быть как судебные, так и досудебные части уголовного процесса. Данное положение характеризуется тем, что существуют две стороны в процессе, которые пользуются правами и обязанностями, а суд выступает независимым арбитром [3, с. 391].

Конституционный суд РФ также высказывался по данному вопросу, так в постановлении указано о том, что на как на судебной стадии так и на досудебной прокурор и обвиняемый должны обладать соответственно равными правами и обязанностями.

Ученые, которые изучают данный вопрос представляют состязательность в виде такой фигуры как треугольник. Так показывается три стороны и три угла в качестве таких субъектов как «суд» «защита» «обвинение». Такое расположение напоминает нам и зал судебного заседания, в котором «защита» сидит напротив «обвинения», а суд стоит сверху как бы над двумя субъектами [4, с. 191].

На основе анализа можно выделить два аспекта состязательности: беспристрастность суда и равноправие сторон.

В теории уголовного процесса выделяют еще и розыскной процесс. К сожалению для российского уголовного судопроизводства он характеризуется не только состязательностью, но и включают признаки и элементы от розыскного судопроизводства.

Заключение. Проанализировав историю развития уголовного судопроизводства можно сказать о том, что на современном этапе

авторами УПК РФ был взят принцип состязательности сторон как ключевое положение уголовно-процессуального законодательства не только на судебной, но досудебной стадии.

Данные положения включены для разграничения таких функций как расширения роли защитника, выделение сторон. Как показала практика, в современной реальности на этапе досудебного производства, сохранилась роль органов предварительного расследования, а состязательная форма проявила себя только в судебной стадии уголовного процесса.

Состязательность как форма осуществления уголовно-процессуальной деятельности не сводится к противоборству двух субъектов с противоположными интересами.

Суть состязательности наглядно предстает в виде «треугольника», в соответствии с которым разграничиваются функции обвинения, защиты и разрешения дела, а их носители: обвинитель, защитник и судья размещаются в зале судебного заседания. Поэтому внешне состязательность предстает в таком взаиморасположении участников правового спора.

Внутренними, сущностными свойствами состязательности являются: равноправие сторон и беспристрастность суда. Поэтому состязательность как юридическая конструкция есть единство трех указанных составляющих.

Список литературы

1. Макаркин А. И. Состязательность на предварительном следствии / науч. ред. В. В. Вандышев. – СПб., 2004.
2. Смирнов А. В. Деформализация уголовного преследования – главная задача реформы уголовного судопроизводства // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сб. ст. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н. С. Алексеева / под ред. Н. Г. Стойко. СПб., 2015. 346 с.
3. Калентьева, Т. А. Нужна ли нам такая состязательность? / Т. А. Калентьева // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Москва, 24–25 октября 2019 г.). – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 397 с.
4. Зайцева, Е. А. Публичный и частный интересы участников со стороны обвинения: обеспечение разумного баланса? / Е. А. Зайцева // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сб. ст. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н. С. Алексеева / под ред. Н. Г. Стойко. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. – 263 с.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ИНСТИТУТА ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Гулина С. Н., Руденко В. П.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
s.gulina@donnu.ru

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что институт дознания относится к важнейшим проблемам науки уголовного процессуального права. Сегодня данная категория сформировалась как самостоятельный институт уголовного процесса, получающий своё дальнейшее развитие в науке и практике. Цель исследования: на основе материалов науки и истории изучить возникновение, становление и развитие уголовно-процессуальной категории «дознание».

Основная часть. В науке уголовного процесса прошло достаточное количество времени, чтобы институт дознания нашел своё закрепление. Развитием данного института занимались учёные: А. Б. Сергеев, С. В. Бородин, И. Я. Фойницкий, В. В. Литвинов, Н. А. Власова, М. М. Кузенбаева, Н. И. Скударева, А. С. Шаталов, Л. В. Кокорева и многие другие. Именно они в разное время предприняли попытки установления наиболее правильного подхода пониманию к категории «дознание».

Мы считаем, что отправным началом данного института уголовного процесса необходимо признать период существования Российской Империи. Екатериной Второй в 1782 году был принят Устав благочиния, где были определены дознавательные полномочия полиции (хотя сам термин «дознание» в Уставе закреплён не был). Согласно данному документу, как только полиции станет известно о факте совершения преступления, она немедленно обязывалась произвести дознавательные действия; основанием для дознания был всякий противоправный поступок, приносящий обществу вред, а также различные жалобы, прошения и донесения. Огромную роль в данном процессе играл частный пристав, ведь он первым принимал решение по делу. К нему предъявлялись огромные требования, вплоть до запрета запира́ть свой дом круглосуточно.

По Уставу благочиния дознание происходило посредством исследования следующих фактов: если преступление совершено против жилища, то «обитание, над каким учинено; действие, что учинено; способ или орудие, чем учинено; время, когда учинено; где учинено; околичности; преступник, кем учинено», а если преступление совершено против личности, то «особа, над кем учинено; действие, что учинено; способ или орудие, чем учинено; место; преступник, кем учинено» [1, с. 63].

Нельзя не согласиться со Степановой И. А., которая в своей научной работе определила, что в эпоху Екатерины II происходил «постепенный переход от обвинительного процесса к процессу следственному, он сопровождался усложнением процедуры и возникновением тенденции к обособлению процессуальных функций» [2, с. 126].

С принятием Устава уголовного производства Российской Империи в 1864 году, можно установить закрепление термина «дознание». Здесь оно было определено как исходная проверка полицией информации о совершенном преступлении (то есть проводилось как бы «полицейское дознание»). Как утверждает Кокорева Л. В., с принятием данного Устава «появляются законодательные указания по наделению дознавателей правом проведения неотложных следственных действий» [3, с. 55]. Автор обозначила главное достижение этой реформы – отделение дознания в форме розыска, от предварительного следствия, ведь на сегодняшний день предварительное следствие является также самостоятельным институтом.

Всем известно, что в феврале 1861 года произошло очень важное событие – отмена крепостного права. На институте «дознания» в тот период, как считают многие ученые, это отразилось следующим образом: уездная полиция была переустроена, а со временем дознание осуществлялось специальным органом. Деятельность этого органа существенно отличалась от существующей в наше время, однако в 1923 г. она приобрела уже новую форму – уголовно-процессуальную.

Спустя время, в СССР институт дознания стал приобретать ярко выраженный процессуальный характер. В РСФСР с 1924 г. происходит разделение судебной деятельности от следственной, где дознание уже четко разграничивается от предварительного следствия правом проведения оперативно-разыскной деятельности. Проведение этой деятельности на законодательном уровне было закреплено лишь в 1960 г. Однако в то время процессуальный порядок регулировался ведомственными актами. Через некоторое время, уже в 1940 г. у органов дознания в РСФСР расширяются полномочия при расследовании уголовных дел. Целесообразно продолжить исследование развития дознания в УССР.

В Украинской ССР развитие института дознания в уголовном процессе было следующим: УПК УССР 1922 и 1927 годов не имели положений о конкретной деятельности в ходе дознания, однако несколько статей из данного Кодекса содержали как бы «порядок проведения оперативно-разыскных мероприятий», которые должны были выполнять органы милиции. Со временем был принят УПК УССР от 1960 года, который действовал до 2012 года. В нём уже чётко содержался раздел 2 «Возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие». В своей научной статье В.В. Литвинов упомянул, что дознание по УПК 1960 года «учёные определяли как форму досудебного расследования, которое осуществляется государственными органами, основной деятельностью

которых не является уголовно-процессуальная деятельность» [4, с. 265]. Но в 1993 г. в Украине был принят закон, согласно которому дознание выступало в качестве процессуальной деятельности на начальном этапе судебного расследования предусмотренными субъектами. После принятия этого закона была выявлена проблема возможности осуществления дознания в полном объеме, а именно проведение всех процессуальных действий и принятие конечных процессуальных решений по уголовным делам, которая была решена с принятием УПК Украины 2012 года.

В 2018 году был принят Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики, в котором институт дознания продолжил своё развитие. Нельзя не согласиться с Мамоной Т. М. и Сеник А. А. в том, что «УПК ДНР не дает четкого определения дознания, однако опираясь на ч. 1 ст. 115 УПК ДНР, ... дознание – это форма предварительного расследования уголовных дел, осуществляемая дознавателем с целью проведения неотложных следственных действий, направленных на выявление признаков преступления, факта совершения преступления, а также лиц, его совершивших. Основной проблемой осуществления дознания можно считать своего рода несамостоятельность проведения дознания по отношению к предварительному следствию» [5, с. 235].

Заключение. Таким образом, на основе материалов науки и истории было исследовано возникновение, становление и развитие уголовно-процессуальной категории «дознание». Считаем целесообразным выделить основные этапы развития института дознания в уголовном процессе: 1) возникновение в период Российской Империи; 2) становление в период дореволюционной России; 3) развитие в период СССР (в частности, УССР); 4) продолжение развития в постсоветском периоде и в ДНР. Сегодня многие учёные высказывают позицию об исключении этого института, но мы, как и законодатели, считаем это нецелесообразным.

Список литературы

1. Логинов, Е.А. Исторические аспекты возникновения и развития дознания в системе уголовного судопроизводства в Российской Империи / Е.А. Логинов // Аграрное и земельное право. – 2012. – №12(96). – С. 62-66.
2. Степанова, И.А. История возникновения и развития дознания в системе уголовного судопроизводства дореволюционной России / И.А. Степанова // Марийский юридический вестник. – 2017. – №1(20). – С. 125-128.
3. Кокорева, Л.В. Дознание в уголовном судопроизводстве: краткий исторический аспект / Л.В. Кокорева // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. – 2021. – С. 54-58.
4. Литвинов, В.В. Виды дознания в уголовном процессе Украины / В.В. Литвинов // Правовая культура в современном обществе. – 2019. – С. 264-268.
5. Мамона, Т.М., Сеник, А.А. Совершенствование процедуры дознания по уголовным делам в Донецкой Народной Республике / Т.М. Мамона, А.А. Сеник // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. – 2020. – С. 235- 237.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Гулина С. Н., Филин М. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
marta.filin777@gmail.com

Введение. В данной статье рассматривается необходимость внедрения информационных технологий в уголовный процесс Российской Федерации на основе анализа опыта зарубежных стран (ФРГ, Латвия, США, Азербайджан, Великобритания, Нидерланды).

Цель – выделить варианты внедрения цифровизации в уголовный процесс Российской Федерации.

Основная часть. В современном мире жизнь человека не представляется возможной без технологий, которые с каждым днем все больше внедряются не только в развлекательные или образовательные сферы жизни человека, но и в законодательную. Самым простым примером может являться то, что Конституция, Кодексы, Законы, подзаконные акты находятся в общем доступе во всемирной паутине «Интернет» и современному гражданину достаточно только вбить запрос в поисковую строку, и он тут же сможет ознакомиться с тем или иным нормативно-правовым актом.

Ещё одним примером цифровизации могут являться онлайн-консультации юристов или ученых-правоведов, либо онлайн-собрания (собрания, с использованием компьютерных технологий) кабинета Министров Российской Федерации для обсуждения ряда срочных вопросов.

В период пандемии тенденция развития цифровизации стала особенно заметна. Так, выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VIII созыва прошедшие 17–19 сентября были организованы с использованием справочно-информационно интернет-портала «Госуслуги». Граждане, имеющие «подтвержденную» учетную запись на данном портале имели возможность принять участие в голосовании, не выходя из дома, а соответственно, не подвергаясь опасности заразиться вирусом Коронавирусной инфекции COVID-19.

Данные факты являются очередным подтверждением того, что в современных условиях необходимо развивать цифровые технологии и внедрять их во все сферы общества, в том числе и в законодательную.

Достаточно наглядным примером может послужить опыт Федеративной Республики Германии, который рассматривается в статье

доктора юридических наук, профессора Масленниковой Л. Н. и кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовно-процессуального права Сушиной Т. Е. МГЮА имени О. Е. Кутафина «Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России» [1, с. 216].

Авторы в своей статье отмечают, что перед началом цифровизации, ученые ФРГ сформулировали определение данного процесса как применение в уголовно-процессуальном праве продуктов, сгенерированных при помощи информационных технологий, целью которых является улучшение взаимной деятельности судов, государственных органов между собой и населением [2, с. 35–61].

В качестве примера цифровизации в уголовном процессе ФРГ можно привести положение о том, что любое лицо имеет право подавать обращения в отдел полиции, прокуратуру или суд в электронном виде [3].

Достаточно интересным опытом может поделиться и Латвия. Так, Дмитрий Скачков, участник Совета Латвийской коллегии присяжных адвокатов, отметил, что адвокаты в своей деятельности не только успешно используют платформы для видео связи (например Zoom), но и применяют систему электронных цифровых подписей.

Адвокат из Нью-Йорка на XVIII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Юлия Бухман заявила что, не смотря на преимущества цифровизации, одним из главных недостатков является невозможность реализации конституционных прав человека в полном размере. Так, например, при соглашении на онлайн-слушание дела о признании вины, чтобы выйти из тюрьмы перед обвиняемыми возникает выбор: воспользоваться правом на юридическую помощь в полном объеме при рассмотрении дела в разумный срок или воспользоваться правом на рассмотрение уголовного дела в разумный срок при полноценном праве на защиту.

Но, не смотря на данные минусы, в США суды проводят онлайн-слушания в следующих случаях: рассмотрение срочных ходатайств в онлайн-режиме; освобождение под залог; предъявление обвинения; рассмотрение дела по существу; рассмотрение апелляционных жалоб; слушания об условно-досрочном освобождении.

В Азербайджане для усовершенствования судопроизводства сгенерировали специализированную информационную систему «Электронный суд», которая позволяет проводить судебные заседания по уголовным делам в дистанционном формате.

В Великобритании проводят не только онлайн судебные заседания, но и разрабатывают детальное руководство для участников процесса, в которых описывается какой электронной программой пользуется конкретный суд и как к данной программе подключиться.

Нидерланды с помощью Хартии электронного гражданина ещё с 2007 года используют публикацию всех электронных документов. С 2019 года в Нидерландах ввели нормы, благодаря которым все жалобы и обращения могут подаваться в электронном формате без требования об обязательном наличии бумажного варианта [4].

Заключение. Таким образом, изучив опыт зарубежных стран можно сформулировать несколько вариантов по внедрению цифровизации в уголовный процесс Российской Федерации:

Во-первых, необходимо усовершенствовать приложение «Госуслуги». На данном этапе существования данного приложения не редко происходят технические сбои, которые необходимо устранять.

Во-вторых, необходимо сформировать процедуру подачи жалоб и заявлений в электронном формате в органы полиции, суды и т.п. Для этого можно использовать имеющееся приложение «Госуслуги» добавив в него раздел с данными услугами.

В-третьих, необходимо внедрить данную процедуру на практику. Для этого необходимо прописать подробное руководство отдельно для должностных лиц и отдельно для гражданских лиц по использованию данных систем. Также, в данные руководства необходимо будет внести приложения, содержащие сведения о приложениях, которые используют (например) суды при онлайн заслушивании дел.

Список литературы

1. Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия... и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России. Актуальные проблемы российского права. 2020;15(6):214-224. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.214-224>
2. Boehme-Neßler V. Unscharfes Recht. Das Ende des Staates? Auswirkungen der Digitalisierung auf den Staat // Zeitschrift für Öffentliches Recht. 2009. S. 145 ff ; Mertens P., Barbian D., Baer S. Begriffe von Digitalisierung und Industrie 4.0 // Digitalisierung und Industrie 4.0 – eine Relativierung. Wiesbaden, 2017. S. 35—61.
3. Gesetz zur Einführung der elektronischen Akten in der Justiz und zur weiteren Förderung des elektronischen Rechtsverkehrs vom 05. Juli 2017 // BGBl. 2017. I. № 45. S. 2208.
4. Интернет-ресурс «Федеральная палата адвокатов Российской Федерации» статья по теме: «Шаги в цифровизации иностранных адвокатур и судов» от 27.11.2020. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fparf.ru/news/fpa/shagi-v-tsifrovizatsii-inostrannykh-advokatur-i-sudov/> – Дата посещения: 12.09.2022.

К ВОПРОСУ О ПОДДЕРЖАНИИ ПРОКУРОРОМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

Журба А. И., канд. юрид. наук, доц., **Федотов В. А.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
vlad.fedotov.1995@bk.ru

Введение. Обвинение – одно из древнейших и наиболее значительных процессуальных явлений. Вопрос обвинения, в общем, и поддержание государственного обвинения, в частности, всегда находятся в центре внимания юристов-теоретиков и практиков. Понятие и суть обвинения в юридической литературе освещены недостаточно, подходы ученых к его пониманию различны.

Основная часть. В настоящее время в Донецкой Народной Республике выросло гуманистическое направление государственного обвинения, которое, с одной стороны, призвано способствовать укреплению законности в сфере правосудия, а с другой – защите прав и законных интересов как жертв преступлений, так и лиц, которые подвергнуты уголовному преследованию. Это отражено в действующем Законе Донецкой Народной Республики «О прокуратуре» и Уголовно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики.

Законом Донецкой Народной Республики «О прокуратуре» определено, что, осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя.

Участие прокурора в судебных процессах на высоком профессиональном уровне является реальным обеспечением законности в судопроизводстве, принятия судами законных и обоснованных приговоров – с одной стороны, а с другой – призвано содействовать в случае необходимости своевременному пересмотру судебных решений, которые не соответствуют закону. При этом вся деятельность прокурора должна быть направлена на защиту конституционных прав и интересов граждан. Основными функциями правового государства, построение которого является целью Донецкой Народной Республики, является гарантирование, охрана, защита и реализация основных прав и свобод человека и гражданина. Особую остроту приобретает проблема реализации этих прав в уголовном судопроизводстве, где существует реальная возможность их существенного ограничения. Одной из гарантий обеспечения прав и свобод личности в этой сфере применения государственно-властных полномочий органов, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, дознание и досудебное следствие, – поддержание прокурором государственного обвинения в суде – конституционная функция прокуратуры Донецкой Народной Республики.

По нашему мнению, деятельность прокурора по поддержанию государственного обвинения является составной частью более широкого вида государственной деятельности, а именно – уголовного преследования лиц, совершивших преступления на различных стадиях уголовного и уголовно-исполнительного производства. В свою очередь, уголовное преследование является неотъемлемой составной частью правоохранительной функции государства.

Осуществляя уголовное преследование, прокурор возбуждает уголовные дела, может непосредственно принимать участие в их расследовании, утверждает обвинительный приговор по уголовным делам и направляет эти дела в суд. Все эти процессуальные решения и действия он реализует напрямую.

Прокурор принимает участие на всех стадиях, этапах ведения дел в суде, а не только в судебных прениях, где он по форме и по сути конкретизирует свой обвинительный тезис. На стадии предварительного рассмотрения дела судьей по ходатайству прокурора, как и других участников процесса, судья выясняет вопрос о том, нет ли оснований для привлечения к уголовной ответственности других лиц, переквалификации действий обвиняемого с учетом отягчающих обстоятельств, или же принятия соглашения о примирении виновного с потерпевшим, или признанием им вины.

В судебном следствии прокурор оглашает обвинительный приговор или его резолютивную часть по согласию сторон, первым допрашивает подсудимого после предложения председательствующего дать в деле показания, а также первым задает вопросы свидетелю, вызванному по ходатайству прокурора, может подать письменные запросы для разъяснений экспертов, первым допросить эксперта после оглашения его заключения. Участие прокурора в судебном заседании не сводится лишь к поддержанию государственного обвинения, а направлена на предотвращение нарушений закона, прав и интересов потерпевшего и других граждан и недопущения вынесения неправоудного приговора или иного решения.

Несколько отдельно стоит рассмотреть вопрос состязательности участников судебного процесса. Состязательность сторон как необходимое условие цивилизации судебного процесса – одна из основных конституционных основ судопроизводства. Суд, который в недалеком прошлом был одним из органов борьбы с преступностью, стал единственным государственным органом, наделенным исключительным правом решения дел, и независимо и беспристрастно обеспечивает сторонам возможность использования предоставленных им законом прав.

Участие прокурора в суде, его разносторонняя обвинительная деятельность в уголовном судопроизводстве, отношения с другими участниками судебного рассмотрения дела являются залогом состязательности в судебном заседании. По мнению Г. Грищенко, в

уголовном процессе состязательность заключается в том, что в судебном заседании процессуально спорят две стороны: сторона обвинения и сторона защиты. Каждая из них отстаивает свою правовую позицию, права и законные интересы теми средствами, которыми позволяет уголовно-процессуальный закон, помогая таким образом суд всесторонне, полно и объективно исследовать все обстоятельства дела с целью выяснения истины и принятия правильного решения.

На прокурора, как государственного обвинителя возложен ряд задач, в частности к ним относятся:

- обвинение лица, подвергающегося уголовному преследованию, в совершении преступления;
- защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, и интересов государства;
- содействие суду в установлении объективной истины по делу в выявлении всех обстоятельств, имеющих значение для вынесения обвинительного или оправдательного приговора, в определении меры наказания подсудимому и решении вопросов возмещения потерь, а также в становлении причин преступления и условий, ему способствовавших.

Заключение. Можно утверждать, что функция обвинения занимает доминирующее положение не только среди функций прокуратуры, но и в системе уголовно-процессуальных функций. Если не учитывать определение функции прокуратуры о поддержании государственного обвинения в суде. Обвинение является первичным для начала судопроизводства. Оно предшествует такой функции, как защита, и другим функциям, определение которых остается неоднозначным. Это касается и функции государственного обвинения, в основе которой лежит определенная деятельность органов прокуратуры, что составляет самостоятельный специфический вид государственной деятельности в целом, в современных условиях направленный на мировой опыт, где обвинения по своей сути сводится к уголовному преследованию.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики № 106-ПНС от 06.03.2020 [Электронный ресурс] – URL: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 08.09.2022).
2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики № 28-1 от 19.08.2014 [Электронный ресурс] – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnayadeyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnojrespubliki/> (дата обращения: 08.09.2022).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики №310 от 06.08.2021 [Электронный ресурс] – URL: <http://npa.dnronline.su/2018-09-10/240-ihc-ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki-dejstvuyushhaya-redaktsiya-po-sostoyaniyu-na-11-03-2021-g.html>
4. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции / Ю. Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 240 с.

СУД КАК СУБЪЕКТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Калмыкова А. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
a.kalmikowa@donnu.ru

Введение. Отношение суда к процессу доказывания является важнейшим вопросом уголовного процесса, так как от него во многом зависят его тип и особенности в конкретный исторический период и, следовательно, эффективность противодействия преступности и защиты прав и законных интересов сторон судопроизводства. Данный вопрос также является одним из наиболее спорных в современной уголовно-процессуальной науке, так как ученые-юристы имеют различные точки зрения на то, какую роль должен играть суд в доказывании. Это позволяет обозначить ряд значимых теоретических и практических проблем, на которых акцентировано внимание в данном исследовании.

Основная часть. Доказывание как важнейшая уголовно-процессуальная деятельность осуществляется определенными участниками уголовного процесса, которых в теории обычно именуют субъектами доказывания. В то же время субъектами доказывания принято считать участников уголовного процесса, которые играют в доказывании постоянную роль.

Таким образом, субъекты доказывания – это не все участники уголовного процесса, а только те из них, которые имеют в нем самостоятельный или представляемый процессуальный интерес.

Определение суда как одного из субъектов доказывания в уголовном судопроизводстве относится к ключевым проблемам теории субъектов доказывания. Дело в том, что между законодателем и научным сообществом, а также внутри научного сообщества не сложилось единого мнения о том, является ли суд субъектом доказывания. И если является, то какая роль отводится ему в процессе доказывания?

Так, ученые предлагают различные варианты определения степени активности суда в собирании доказательств. Так, М.К. Свиридов считает, что «... активность необходима не для самостоятельного собирания судом доказательств, а для воздействия на стороны с целью побудить их восполнить недостающие доказательства. Достичь этого можно путем предоставления суду права возвращать дело на доследование для получения доказательств, требующего производства следственных действий. Праву суда вернуть дело на доследование ни при каких условиях не должна корреспондировать обязанность суда самому собирать недостающие доказательства. Доказательства должны собираться только сторонами» [1, с. 147].

Гораздо шире определяет пределы активности суда в собирании доказательств А. А. Шамардин, который считает, что допустима та активность, которая преследует следующие цели: «а) обеспечение равенства возможностей сторон уголовного судопроизводства путем реализации правила «благоприятствования защите»; б) необходимость охраны прав и свобод личности (подсудимого, потерпевшего) в случае возникновения ситуации «непосильности опровержения» доказательств, представленных противоположной стороной; в) необходимость проверки доказательств, уже имеющихся в уголовном деле или представленных сторонами в судебном заседании» [2, с. 168].

Однако, изучив вышеуказанные точки зрения и проанализировав действующее законодательство, считаем необходимым отметить, что суд, являющийся субъектом проверки доказательств, вправе с данной целью собирать новые доказательства.

Так, суд как участник процесса доказывания правомочен производить определенные следственные действия по ходатайству сторон и по собственной инициативе. Тем самым суд может самостоятельно собирать такие доказательства, как: показания эксперта, заключения эксперта.

В свою очередь протокол судебного заседания - это самостоятельное доказательство по уголовному делу, поскольку в нем фиксируются (собраны) данные на судебных заседаниях по рассмотрению уголовного дела показания обвиняемого, потерпевшего и свидетелей. Все собранные судом сведения о фактах, информация закрепляются посредством протокола судебного заседания, а также путем вынесения постановлений по делу.

Кроме того, осуществляя доказывание, суд, в случаях, предусмотренных законом вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении в судебном заседании ранее данных подсудимым, потерпевшим или свидетелем показаний (ст. 316, 322 УПК ДНР [3]).

Также в судебном заседании, в случаях и порядке, установленного ст. 331 УПК ДНР может быть по инициативе суда осмотрено место происшествия. Кроме того суд производит собирание доказательств путем исследования и приобщения к материалам дела представленных сторонами или истребованных по собственной инициативе документов в соответствие со ст. 330 УПК ДНР. Указанные действия являются процессуальными, судебными действиями, а соответственно законными способами собирания доказательств (ст. 72 УПК ДНР).

Изложенное позволяет констатировать тот факт, что, суд обладает достаточно обширными средствами доказывания в ходе судебного разбирательства по уголовному делу. Это приводит к однозначному выводу о том, что суд является полноценным субъектом доказывания при рассмотрении дела по существу.

Как известно понятием доказывания в уголовном судопроизводстве охватывается процессуальная деятельность уполномоченных субъектов по собиранию, закреплению, проверке и оценке доказательств.

С учетом пределов доказывания суд не только вправе, но и обязан активно исследовать обстоятельства по уголовному делу посредством анализа собранных в досудебном производстве доказательств, а также получения недостающих средств доказывания для принятия правильного процессуального решения.

Суд, обеспечив надлежащим образом собирание, проверку и оценивание доказательств, устанавливает все фактические обстоятельства по уголовному делу, вследствие этого принимает правильное решение по делу – выносит законный и обоснованный приговор.

Заключение. Таким образом, основная роль суда в процессе доказывания отводится на этапе судебного разбирательства по уголовному делу, а точнее на стадии судебного следствия. На основе принципов непосредственности, устности, состязательности и гласности, на данной стадии рассматривается обвинение, предъявленное подсудимому, исследуются доказательства его невиновности и виновности. Только в ходе судебного следствия в рамках судебного разбирательства осуществляется доказывание в полном объеме: суд и стороны могут собирать, проверять, исследовать, оценивать доказательства. Оканчивается судебное следствие выводом суда, что суд и стороны не имеют больше доказательств к рассмотрению.

Список литературы

1. Свиридов, М. К. Установление судом истины в судебном разбирательстве / М. К. Свиридов // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 353. – С. 142-147.
2. Шамардин, А. А. Активность суда в доказывании и ее сочетание с принципом диспозитивности в рамках состязательной модели уголовного процесса / А. А. Шамардин // Школы и направления уголовно-процессуальной науки. Доклады и сообщения на учредительной конференции Международной ассоциации содействия правосудию. Санкт-Петербург, 5-6 октября 2005 г. / под ред. А. В. Смирнова. – СПб., 2005. – С. 164-169.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 240-ІІНС от 24.08.2018 года. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 24.09.2022).

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Карпенко Л. К., канд. юрид. наук, доц., *Шейка Я. А.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
karpenko@donnu.ru, yakov.sheyka@mail.ru

Введение. На сегодняшний день искусственный интеллект (далее – ИИ) является одной из самых инновационных технологий в мире. Практика применения данного феномена имеет результативный характер во всех сферах интегрирования последнего. Тем не менее, в настоящее время, ИИ используется не только для достижения общественно полезных целей, но и для совершения противоправных общественно опасных деяний.

По официальным данным, в 2020 году зарегистрировано более 510,4 тысяч киберпреступлений [1]. Поэтому, исследование причин преступности с использованием ИИ способствует определению основных способов воздействия на общественные отношения, направленных на предотвращение подобных преступлений.

Основная часть. К вероятным и практически реализуемым преступлениям с применением искусственного интеллекта целесообразно отнести: использование беспилотных автомобилей и боевых дронов в качестве оружия; нарушения работы систем, управляемых искусственным разумом; создание системой ложных новостей, дезинформирующих население; манипулирование финансовыми или фондовыми рынками; отказ в доступе к онлайн активности; преследование лица, а также иные противоправные деяния.

Наиболее распространенным пространством для совершения правонарушений с участием ИИ на сегодняшний день является интернет. Комплекс преступных деяний на просторах виртуального пространства имеет характерное наименование «киберпреступность», которая представляет собой «ограниченный круг деяний, направленных против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем и сетей и компьютерных данных» [2]. Кроме того, существуют также и иные преступления с применением искусственного разума, а именно: преступления, связанные с использованием персональных данных и спам; деяния, касающиеся авторских прав или товарных знаков, атаки DoS и DDoS (хакерские атаки), груминг (формирование доверительных отношений с ребенком с целью его сексуальной эксплуатации/сексуального насилия), фишинг (вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам и паролям).

Поскольку киберпреступления совершаются в виртуальной реальности, специфика факторов, оказывающих влияние на количество совершаемых деяний в данной сфере имеет несколько отличительный характер в сравнении с общими детерминантами преступности в науке криминологии.

Под общими причинами преступности понимают совокупность социально-негативных экономических, демографических, идеологических, социально-психологических, политических, организационно-управленческих явлений (процессов), которые непосредственно порождают, продуцируют, воспроизводят преступность, как свое следствие [3].

Так, причины преступности подразделяют на:

1. Социально-психологические. Подобные особенности описывают адаптированность индивида к социуму, его мировоззрение, а конкретно его антикриминальная устойчивость либо наоборот криминогенные склонности.

2. Организационно-управленческие. Данные причины характеризуются потерей доверия и отсутствием авторитета в лице индивида по отношению к деятельности власти в аспекте администрирования общественными отношениями.

3. Под политическими причинами следует понимать противоречия в организации управления и власти, обеспечении законности и т.д.

4. Экономические причины предполагают несоответствие между производством и потреблением, различия и противоречия в видах, формах и условиях труда, различия в уровне материальной обеспеченности, объективно обусловленные принципом распределения по труду.

5. Идеологические. Данные причины характеризуются противоречиями в условиях образования и воспитания, в состоянии общественного сознания, морали и нравственности, религиозные противоречия.

В свою очередь, специфика причин преступности с использованием рассматриваемых систем имеет свои отличительные особенности. Основной обусловленностью активно проявляющейся негативной тенденции совершения преступлений с использованием ИИ является автоматизированный характер деятельности данных технологий.

Первой причиной преступности с использованием ИИ является активный процесс компьютеризации общества. Данное утверждение основывается на статистических данных, согласно которым на январь 2021 года насчитывалось 4,66 миллиарда человек, пользующихся интернетом. В социальных сетях на сегодняшний день насчитывается около 4,20 миллиарда аккаунтов [4]. Примером является противоправное деяние, общественная опасность которого выражается в краже персональных данных, путем взлома и получения пароля аккаунта пользователя.

Вторая причина высокого уровня криминогенности в интернет-пространстве – незащищенность общественных отношений в вышеуказанной

области. Так, в объективном мире функционируют правоохранительные органы, наделенные полномочиями на раскрытие, предупреждение и пресечение преступлений и специальными средствами для реализации своих функций. Однако в киберпространстве очевидно, возникают колоссальные сложности в аспекте оперативно-розыскной деятельности. Осуществление различных видов расследований на практике является бессильным и невозможным. Например, исключаются такие мероприятия, как: оперативный осмотр (обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств), прослушивание телефонных разговоров, опрос (беседа с гражданами, которым могут быть известны факты, обстоятельства), исследование предметов и т. д. Особую сложность для правоохранительных органов представляет собой ситуация, когда преступление совершается на территории другой страны и задержание лица является крайне затруднительным. Вышеизложенное подтверждает, что подверженность интернет-пользователей киберугрозам со стороны преступников, применяющих искусственный интеллект для достижения своих противоправных интересов, обусловливается незащищенностью и невозможностью оперативного воздействия на виновного.

Третьей причиной киберпреступности с использованием интеллектуальных систем является тривиальная возможность достижения преступного результата с помощью высокотехнологичного ИИ, основанного на машинном, глубоком обучении или нейронных сетях. Для преступников, совершающих преступления в виртуальной реальности изоощренные системы вызывают особый интерес, поскольку юниты искусственного разума фактически реализуют преступный умысел виновного самостоятельно. Данные технологии могут создаваться целенаправленно для неправомерной деятельности. Подобного рода преступления характеризуются повышенным уровнем общественной опасности по причине того, что, используя ИИ, преступник обладает возможностью совершить неопределенное количество противоправных деяний в краткосрочный период времени.

Заключение. Таким образом, в качестве причин преступности с использованием искусственного интеллекта можно выделить: активный процесс компьютеризации общества; незащищенность общественных отношений в области киберпространства в связи с многосложностью проведения оперативно-розыскных мероприятий правоохранительными органами с целью задержания преступника; возможность достижения преступного результата с помощью высокотехнологичного ИИ.

Список литературы

1. Число киберпреступлений в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_киберпреступлений_в_России (дата обращения: 01.10.2022).

2. Кувшинова, В.С. Криминологическая характеристика киберпреступности / А. С. Кувшинова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – №5-4. – С.53.
3. Жадан В. Н. Некоторые подходы к анализу причин и условий, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними / В. Н. Жадан. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 4 (63). – С. 834-838. – URL: <https://moluch.ru/archive/63/10044/> (дата обращения: 01.10.2022).
4. Вся статистика интернета и соцсетей на 2021 год – цифры и тренды в мире и в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 01.10.2022).

УДК 343.953

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Карягина О. В., канд. юрид. наук, доц., ***Богославская К. Э.***
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог, РФ
o.karyagina@tmei.ru, bogoslavskaya.01@mail.ru

В процессе раскрытия, расследования и судебного разбирательства любого преступления в центре внимания всегда оказывается человек. Это может быть лицо, подозреваемое в совершении преступления, обвиняемый, подсудимый, осужденный, потерпевший и другие субъекты уголовного процесса. Проблема изучения личности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного всегда являлась предметом внимания уголовного права, уголовного процесса, уголовно-исполнительного права, теории оперативно-розыскной деятельности, криминологии и других юридических наук. Не оставляет без внимания эту проблему и криминалистика.

Анализ санкций статей Особенной части УК РФ [1] и судебной практики их применения свидетельствует, что наказание в виде лишения свободы (лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы) было и продолжает оставаться одним из наиболее распространенных видов уголовного наказания в РФ, что соответственно, не может не отразиться на общем количестве осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Под понятием «лицо, осужденное к лишению свободы» необходимо понимать человека, совершившего преступление, осужденного и отбывающего наказание в виде лишения свободы, характеризующегося неповторимой совокупностью физических, социальных, психических и других свойств, признаков и качеств. В наиболее широком аспекте

признаки и свойства личности осужденного к лишению свободы исследуются именно криминалистикой, что обуславливается ее целью и задачами раскрытия и расследования преступлений, установления и розыска преступников.

Среди разнообразия признаков и свойств личности осужденного можно выделить отдельные, которые, как свидетельствует практика, специфически присущи лицу, отбывавшему наказание в местах лишения свободы. Необходимо подчеркнуть, что к таким признакам и свойствам, как правило, относятся «уголовная татуировка», особенности языка (жаргон и язык жестов преступников), распространенность среди приговоренных к лишению свободы психических аномалий, не исключающих вменяемость.

Использование признаков облика человека в оперативно-розыскной и следственной практике обуславливает необходимость их обоснованной классификации. Этот вопрос решается разными учеными неоднозначно. Наиболее обоснованной является классификация, которая включает: общефизические и демографические признаки; анатомо-морфологические признаки; функциональные признаки; сопутствующие признаки; особые приметы (заметные признаки) [2, с. 92].

Решение идентификационных задач, связанных с отождествлением и установлением личности преступника в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершенных осужденными во время отбывания наказания, требует комплексного использования всей имеющейся информации об анатомо-морфологических, функциональных и сопутствующих элементах внешности, с обязательным использованием сведений об особых приметах (заметных признаках) облика осужденного [2, с. 243–245].

Говоря о признаках личности осужденного к лишению свободы, необходимо обратить внимание на такой специфический признак, как «уголовная татуировка». Путем толкования скрытого содержания уголовной татуировки осужденного можно получить информацию о: сведениях персонографического характера; социальном положении; памятных событиях в жизни осужденного; отношении к воровским правилам и обычаям; этапах преступной деятельности осужденного; видах режима учреждения, в котором отбывал наказание осужденный; видах исправительно-трудового учреждения, в котором отбывал наказание осужденный; составе совершенного преступления; преступной специализации и квалификации; способах и месте совершения преступления осужденным; наличии преступного опыта; статусе в преступной иерархии; принадлежности к конкретной преступной группировке; причинах преступного образа жизни; наличии отрицательных привычек; отношении к окружающим; личностных качествах; личностных поведенческих установках; отношении к

социальным институтам и нормам; психологическом состоянии; эстетических предпочтениях; отношении к религии и т.д. [3, с. 59–60].

В отличие от других особых признаков внешности осужденного, уголовная татуировка может быть источником такой значительной по объему информации, позволяющей получить сведения не только о физических свойствах личности – признаках ее внешности и их особенностях, но и о других (социальных, психологических свойствах и признаках личности и т.п.). Необходимо учитывать, что уголовная татуировка выполняет также и коммуникативную функцию – с ее помощью преступники распознают «своих» среди других людей. Уголовная татуировка является одновременно и знаковой системой общения, и средством стигматизации и украшения.

Анализируя вопрос криминалистической значимости изучения личности осужденного к лишению свободы, необходимо сформировать вывод о том, что наиболее важными из них являются психические процессы, психические состояния, темперамент, характер, мировоззрение и некоторые другие. Задачи быстрого и полного расследования преступлений, совершенных осужденными в исправительно-трудовых учреждениях во время отбывания наказания, требуют от следователей и работников органов дознания глубокого и тщательного изучения свойств психологического состава личности осужденных и их особенностей.

Психологическое изучение личности осужденного к лишению свободы должно включать в себя исследование его внутреннего мира, потребностей, побуждений, положенных в основу его поступков, эмоционально-волевой сферы, способностей, индивидуальных особенностей интеллектуальной деятельности (мышления, восприятия, памяти и других познавательных процессов), состояния его психического и соматического здоровья.

Таким образом, следователю необходимо учитывать как психологические особенности, характерные для большинства осужденных, так и индивидуальные особенности личности конкретного осужденного. Информация о свойствах психологического состава личности осужденного к лишению свободы, используемому в тактических целях, как правило, не имеет доказательного характера и выполняет вспомогательную (или ориентировочную) роль. Наиболее часто она используется для избрания эффективных приемов проведения следственных действий с осужденными-участниками расследования, в том числе для установления психологического контакта, а также для осуществления психологического воздействия и определения способности осужденного адекватно воспринимать информацию, запоминать и оценивать ее. Стоит акцентировать внимание на важности своевременного и полного получения следователем патопсихологической информации о личности осужденного и роли психологической экспертизы в решении этого вопроса.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 18 июля 2022 года: [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – Москва: Эксмо, 2022. – 350 с. – (Актуальное законодательство). – ISBN 978-5-04-004029-2. – Текст: непосредственный.
2. Анфиногенов В. А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Анфиногенов Василий Анатольевич ; Северо-Кавказский федеральный университет. – Ставрополь, 2016. – 214 с. – Текст: непосредственный.
3. Идрисов И. Т. Ресоциализация осужденных, и уголовная юстиция / И. Т. Идрисов. – Самара: Издательство Самарского университета. 2021. – 76 с. – ISBN 978-5-7883-1633-8. – Текст: непосредственный.

УДК 343.352

ПРОБЛЕМНЫЙ АНАЛИЗ ВОПРОСОВ КВАЛИФИКАЦИИ ПОЛУЧЕНИЯ И ДАЧИ ВЗЯТКИ В РАЗЪЯСНЕНИЯХ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИИ

Карягина О.В., канд. юрид. наук, доц., **Неглед Н. В.**

ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог, РФ
o.karyagina@tmei.ru

Разрешению проблемы единообразного толкования и разъяснения содержания уголовно-правовых норм посвящены особые нормативные правовые акты – Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые хотя и являются актами, издаваемыми высшим органом не законодательной, а судебной власти, тем не менее имеют статус официального толкования положений норм права, являющегося одним из главных ориентиров в правоприменительной деятельности судов, а также правоохранительных и контролирующих органов государственной власти.

«В связи с вопросами, возникающими у судов при рассмотрении уголовных дел о взяточничестве (статьи 290, 291 и 291.1 УК РФ) и об иных связанных с ним преступлениях, в том числе коррупционных (в частности, предусмотренных статьями 159, 160, 204, 292, 304 УК РФ), и в целях обеспечения единства судебной практики» [1] 09.07.2013 Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было принято Постановление № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», в котором верховный правоприменитель

изложил свое видение относительно наиболее дискуссионных вопросов уголовно-правового регулирования и квалификации признаков составов преступлений коррупционной направленности.

Однако несмотря на тщательное и всестороннее обсуждение проекта обозначенного постановления, с нашей точки зрения, оно содержит ряд весьма существенных недостатков, которые не способствуют достижению его целей, в связи с чем многие проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации преступлений коррупционной направленности остались неразрешенными.

Говоря, к примеру, об избыточном регулировании, нельзя не отметить ту часть Преамбулы, в которой говорится о том, что «правосудие по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях должно осуществляться на основе соблюдения принципов независимости судебной власти, состязательности и равноправия сторон, соблюдения прав и свобод человека, в строгом соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства». Представляется, что такое разъяснение, даваемое Пленумом ВС РФ судам общей юрисдикции явно излишне: оно не содержит разъяснений каких-либо особенностей уголовного судопроизводства по делам о преступлениях коррупционной направленности.

Более того, его наличие в разъяснениях Верховного Суда России позволяет предположить, что нижестоящие суды, которым предназначены данные разъяснения, нуждаются в разъяснениях относительно принципов осуществления правосудия, в напоминаниях о неприкосновенности прав и свобод человека и гражданина и о необходимости неукоснительного соблюдения законодательных основ уголовного судопроизводства. Создается впечатление, что правосудие по делам только о коррупционных преступлениях «должно осуществляться на основе соблюдения принципов независимости судебной власти...», что, безусловно, не так и представляет собой яркий пример явно избыточного регулирования правоотношений в сфере уголовного судопроизводства.

Аналогичного рода недостаток содержится в абз. 3 п. 18 рассматриваемого ППВС РФ, в котором указывается, что «если в процессе вымогательства взятки либо предмета коммерческого подкупа должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, совершило действия (бездействие), повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, содеянное при наличии к тому оснований должно быть дополнительно квалифицировано по статье 285, 286 или 201 УК РФ». С нашей точки зрения, предложенный ППВС РФ алгоритм дополнительной квалификации существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций по статье 285, 286 или 201 УК РФ распространяется не только на случаи вымогательства, но и на любые

иные виды получения взятки или коммерческого подкупа, независимо от содержания действий и стадии совершения преступления, на которой причинен вред гражданам или организациям. В связи с этим обозначенная часть рекомендаций верховного правоприменителя, существенно сужающая предмет регулирования до одного особо квалифицированного вида преступления, на наш взгляд, требует редактирования.

Кроме того, п. 22 рассматриваемого постановления разъясняет аналогичный порядок необходимости дополнительной квалификации не только по отношению к вымогательству взятки или коммерческого подкупа, но и по отношению к иным видам данных преступлений, не связанным с вымогательством: «Обратить внимание судов на то, что совершение должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, за взятку либо незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе действий (бездействие), образующих самостоятельный состав преступления, не охватывается объективной стороной преступлений, предусмотренных статьей 290 и частями 5-8 статьи 204 УК РФ. В таких случаях содеянное взяткополучателем подлежит квалификации по совокупности преступлений как получение взятки за незаконные действия по службе и по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, служебный подлог, фальсификацию доказательств и т.п.».

Приведенные в п. 18, 22 ППВС РФ рекомендации свидетельствуют о дублировании и излишнем правовом регулировании данного вопроса в Постановлении Пленума ВС РФ. Исходя из вышеизложенного, предлагаем:

1. Исключить из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019 №59) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» абзац 5 Преамбулы со словами «Правосудие по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях должно осуществляться на основе соблюдения принципов независимости судебной власти, состязательности и равноправия сторон, соблюдения прав и свобод человека, в строгом соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства».

2. Исключить из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019 №59) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» абз. 3 п. 18.

Подводя итог, отметим, что, несмотря на масштабное редактирование антикоррупционных норм УК РФ и рекомендаций Пленума ВС РФ по квалификации взяточничества, сохраняет актуальность проблема их внутри- и межотраслевой несогласованности, в одних случаях

неполноты, а в других – напротив, избыточности, противоречивости и несоответствия принципам законодательной техники, оказывая негативное влияние на эффективность уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией.

Список литературы

1. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 (от 24.12.2019). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.09.2022 г.)

УДК 343

НОВЫЕ ВИДЫ ФИШИНГА В 2022 ГОДУ В СФЕРЕ ОНЛАЙН-ИГР

Копшева К. О., канд. юрид. наук, доц., **Задёра В. В.**

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, РФ
vasya.22814@yandex.ru

Фишинг – распространённый в настоящее время вид интернет-мошенничества в сфере онлайн-игр, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей: логину, паролю и другим данным личного кабинета. Способом получения таких данных являются «фишинг-атаки» – массовые рассылки на электронные почты писем со ссылками на сайт или сервис, которые являются мало отличающимися от настоящего адреса. Такие рассылки происходят от «имени» мировых компаний и брендов, сообщений внутри социальных сетей и т.д.

В 2002 году появилась первая вредоносная программа, направленная для кражи данных учетных записей – Trojan-PsW.Win32.Lmir. Несмотря на то, что прошло уже 20 лет, основные принципы фишинг-атак остаются неизменными. После того, как пользователь переходит по ложной электронной ссылке, регистрируется в онлайн-игре, то сразу активируется вредоносная программа, которая не только фиксирует вводимые данные, но и сохраняет их в базу, а затем отправляет авторам данной программы через электронную почту.

Начиная с 2019 года преступления в сфере онлайн-игр сильно утратили свои позиции в рейтинге киберпреступлений. В первую очередь это связано с появлением новых трендов, которые не только не утрачивают своей актуальности, но и набирают популярность: например, злоумышленники активно используют в спам-рассылках тему COVID-19. Более того, на второй волне популярности фишинговых атак, связанных с пандемией, получили сертификаты прививок и QR-коды, которые

оставались одной из главных тем года. Также всё больше набирают обороты среди киберпреступников «инвестиционные предложения», а также «розыгрыши призов» и предложения получить подарки к знаменательным датам. Согласно отчёту «Лаборатории Касперского», за 2021 год чаще всего мошенники маскировали свои страницы под сайты онлайн-магазинов (17,61%), на 2 месте находятся глобальные интернет-порталы (17,27%), а на 3 поднялись платежные системы (13,11%), которые обошли банки (11,11%). Онлайн-игры всего лишь замыкают десятку (1,51%) [1].

Однако, всплески активности преступлений в этой сфере не прекращаются, что отмечают и международные специалисты одной из ведущих мировых компаний по предотвращению кибератак «Group-IB». С начала 2022 года было выявлено порядка 250 мошеннических ресурсов, с помощью которых мошенники используют видеоигры и названия их разработчиков. Так, например, геймерам предлагают приобрести карты для оплаты в игровом онлайн-магазине PlayStation Store, хотя компания «Sony Interactive Entertainment» приостановила работу цифрового магазина в России еще в первой половине марта. В данной ситуации, злоумышленники использовали фишинговые ресурсы, которые распространяли через сайты-поисковики или в социальных сетях (мессенджерах), в которых они распространяли подробную информацию о товаре. Преступники не использовали карты с маленьким номиналом, а только от 2,5 тыс. руб. до 6 тыс. руб. После выбора товара, пользователя направляют на фишинговую форму, где он вводит данные своей банковской карты для оплаты, после чего мошенники похищают эти данные и списывают деньги со счёта [2].

Представляется, что популярность мошенничества с помощью онлайн-игр будет только расти. Кроме всего прочего, это связано с началом проведения Россией военной специальной операции на территории Украины. Поскольку в начале марта некоторые компании приостановили поставки игр и устройств в Россию, а также отключили в РФ официальные интернет магазины для их покупки, приобретать игры официально больше нет возможности. В связи с этими ограничениями игровые консоли практически стали бесполезными. Поэтому все активные пользователи игровых приставок всеми силами пытаются обойти данные ограничения и получить для себя игры, как следствие, именно в такой момент и создаются все условия для деятельности онлайн-мошенников.

В такой ситуации среди потерпевших играет роль не столько возраст, сколько восприятие действительности, психологические факторы – человек отказывается смириться с тем, что действительно можно взять и все заблокировать. Этот культурный код, когда говорят «нет», но если очень захотеть, то можно, – и играет на руку мошенникам.

В обмане пользователи обвиняют не только мошенников, но и сами компании, например, производитель «Sony». Так, в конце мая группа

пользователей подала коллективный иск в Хорошевский районный суд г. Москвы к «Sony Interactive Entertainment Europe Limited» и московскому офису «Sony» из-за прекращения её работы в России. В соответствии с исковыми требованиями 28 истцов просят предоставить доступ к PlayStation Store, вернуть возможность покупки игр и компенсировать моральный вред 280 млн. руб. – по 10 млн руб. каждому. Как отмечают юристы по данному вопросу, односторонний отказ компании от оказания услуг нарушает права пользователей игровых приставок и сервисов [3].

И если привлекать к ответственности компании, которые решили уйти с российского рынка, крайне затруднительно, то кибер-мошенники привлекаются к уголовной ответственности очень активно. Так, например, районный суд г. Екатеринбурга приговорил к 2 годам и 6 месяцам ограничения свободы местного жителя Андрея К., по ч. 2 ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ».

Данный случай стал первым делом в России о киберпреступлении в области игровой индустрии. Злоумышленника обвинили в том, что он продавал чит программы, которые дают определённое преимущество геймерам в онлайн-играх при помощи введения кода в программу, который изменяет ход её работы, к мировым популярным играм World of Tanks и World of Warships. Сначала программу можно было найти в открытом доступе, а затем киберпреступник создал сайт, на котором начал продажу самой чит программы. Андрея К. задержали сотрудники управления «К» подразделения МВД. В ходе обысков дома у подсудимого нашли 24 тыс. дол. и почти 50 тыс. евро. По оценке следствия, сумма ущерба компании-разработчику от действий мошенника составила 670 млн. руб. Однако «Wargaming» отказалась предъявлять иски к обвиняемому лицу [4].

Таким образом, с юридической точки зрения, в случае кражи виртуальной собственности игрока состав преступления отсутствует, и привлекать злоумышленников к ответственности можно только за распространение вредоносных программ или за мошенничество. Поэтому компаниям, которые создают антивирусные программы необходимо создать все условия для того, чтобы оградить своих клиентов от кражи паролей к онлайн-играм, добавляя в антивирусы новые поведенческие признаки программ, осуществляющих неправомерный доступ к игровым клиентам и оперативно предоставлять базы уже всех вредоносных программ в управление «К» подразделения МВД РФ.

Список литературы

1. Спам и фишинг в 2021 году. – Текст: электронный // Лаборатория Касперского: официальный сайт – 2022 – URL: <https://securelist.ru/spam-and-phishing-in-2021/104407/> (дата обращения: 15.08.2022 г.).

2. Геймеров заманивают на фишинг. – Текст: электронный // Российская газета «Коммерсантъ» – 2022 – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5408604> (дата обращения: 16.08.2022 г.).
3. Российские владельцы PlayStation подали иск к Sony на 280 млн. рублей – Текст: электронный // Все публикации подряд/Хабр – 2022 – URL: <https://habr.com/ru/news/t/668470/> (дата обращения: 17.08.2022 г.).
4. В России вынесли первый приговор за чит-коды в игре. – Текст: электронный // Право.ru – 2022 – URL: <https://pravo.ru/news/241790/> (дата обращения: 17.08.2022 г.).

УДК 343.34

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА

Крайнова Н. А., канд. юрид. наук, доц., **Жижжун И. К.**, **Михайлова А. И.**

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»,
г. Санкт-Петербург, РФ

kraynova.n@unecon.ru, zhizhkun2001@mail.ru, alexasha.m@ya.ru

Введение. Информационный терроризм не является качественно новым явлением, но сложно отрицать, что он претерпел радикальные изменения. Целью нашего научного исследования является изучение форм информационного терроризма в современных условиях, проработка форм противодействия совершению преступлений террористической направленности в информационной сфере.

Основная часть. В научных трудах встречаются разные точки зрения: Григорьев Н. Ю. и Родюков Э. Б. определяют информационный терроризм как *«прямое воздействие на психику и сознание людей в целях формирования нужных мнений и суждений, определенным образом направляющих поведение людей»* [1, с. 175].

Саунина Е. В., Бажина И. Д. дают следующее определение: *«информационный терроризм — это устрашающая население идеологически обоснованная практика воздействия, которая имеет своей целью принятие решения или совершение действия (бездействия) различных субъектов власти в пределах информационного пространства»* [3, с. 108].

Прохорова Л. М. характеризует следующим образом: *«информационный терроризм — это прямое воздействие на психику и сознание людей в целях формирования противоречивого представления, негативного возмущения и ошибочного понимания, определённым образом направляющих поведение людей»* [2, с. 199].

Все они правы, но те определения, что уже были даны информационному терроризму не раскрывают в полной мере значение данной дефиниции, в связи с чем нам представляется допустимым

представить свое: информационный терроризм представляет собой отдельный вид информационной технологии, являющейся воплощением отрицательных, протестных действий и сочетающей в себе психологические приемы воздействия, целью которых является нарушение общественного спокойствия через одновременное воздействие на группы людей.

Информационный терроризм вышел на новый уровень – для совершения неправомерных действий в социальных сетях, в сети Интернет в целом не нужно вербовать и обучать отдельно взятых людей. Изменились формы информационного терроризма. Рассмотрим подробнее:

Призывы к совершению определенных действий через формирование определенных взглядов, которое может выражаться в опубликовании записей и проведение видеотрансляций публичных выступлений лиц, признанных иноагентами, публикации информационных постов в социальных сетях, размещении роликов соответствующего содержания в открытом доступе, рекламы и др.

Использование информационных технологий для изменения информации на официальных ресурсах государственных структур, иных публичных ресурсах – выражающееся в изменении содержания информации, опубликованной в открытом доступе на официальных интернет-ресурсах, новостных и др. каналах на дискредитирующую и имеющую радикальную окраску.

Неправомерное завладение информацией и ее последующее опубликование – выражается в использовании запрещенных средств доступа к конфиденциальной информации, как правило, сопровождающееся ее опубликованием в открытом доступе (банки, сервисы и др.).

Уничтожение находящейся на носителях информации – данная форма информационного терроризма схожа с предыдущей в части получения доступа к информации, но конечная цель лица, совершающего данное действие, заключается в нарушении нормального функционирования ее правообладателя. К примеру, удаление части кода, являющегося основой сайта органа государственной власти, или удаление части информации, содержащей сведения о сотрудниках определенной организации и др.

Данные формы допустимо классифицировать в зависимости от вида действия, совершаемого с информацией:

– по содержанию: *комплексные*, т.е. сочетающие в себе набор качественно разных действий с информацией, и *самостоятельные*, т.е. содержащие только одно действие.

– по цели: *технические*, имеющие целью нанесение ущерба техническим средствам-носителям определенной информации, и *психологические*, имеющие целью психологического воздействия на общественные массы.

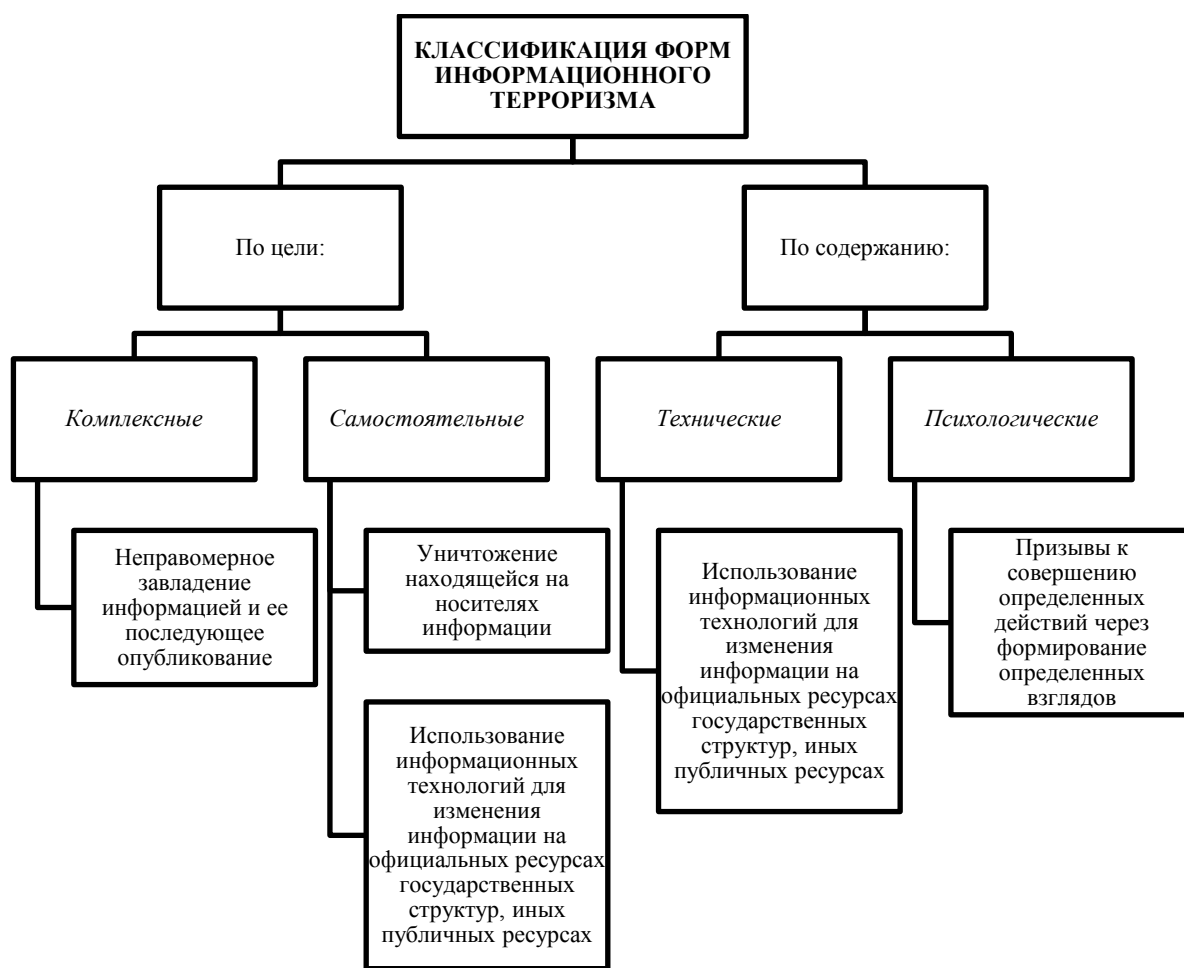

Рис. 1

Стоит отдельно отметить, что интернет-пространство не поддается тем способам регулирования и контроля, которые присущи классическим областям общественных отношений. Нам представляется допустимым выделить следующие методы:

Активное использование интернет-ресурсов и возможностей социальных сетей для размещения информации о деятельности государственных органов власти, о государственных структурах, о событиях и новостях конкретного региона должно стать разумным замещением всех тех источников информации, которые пользуются популярностью сейчас. Данная мера позволит обеспечить людей достоверными источниками информации, поднять уровень доверия и поддержки государства со стороны граждан.

В качестве еще одного метода допустимо выделить создание комплекса нормативно-правовых актов, позволяющих контролировать информацию, поступающую от самих граждан. К примеру, перед публикацией информации в социальных сетях в обязательном порядке проводить проверку материала – автоматизированная система будет искать в тексте конкретные слова или связки слов в предложениях, использование

которых может свидетельствовать о нарушении законодательства в сфере использования информации.

Проработка и совершенствование существующих способов защиты персональных данных, а также данных, передаваемых между ведомствами и организациями, иными критическими инфраструктурами путем создания собственного программного обеспечения, а также совершенствование законодательства в сфере защиты охраняемых государством данных также могут быть предложены в качестве методов противодействия информационному терроризму.

Заключение. Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что нормативная база в информационной сфере нуждается в доработке, и помимо выработки мер противодействия информационному терроризму, необходимо прогнозировать, рассматривать наперед возможность появления новых составов преступлений.

Список литературы

1. Григорьев, Н.Ю. Информационный терроризм / Н. Ю. Григорьев, Э. Б. Родюков // Вестник университета. – 2015. – № 5. – С. 175-180.
2. Прохорова, Л. М. Информационный терроризм как угроза информационной безопасности / Л. М. Прохорова // Актуальные вопросы современной экономики в глобальном мире. – 2018. – № 8. – С. 198-201.
3. Саунина, Е.В. Международный опыт правового регулирования противодействия информационному терроризму / Е. В. Саунина, И. Д. Бажина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2022. – № 1. – С. 108-115.

УДК 343.1; 343.2; 343.9

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, А ТАКЖЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТУ ИХ ПРАВ

Максименко О. Б.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
porova.olga@donnu.ru

Сеть Интернет, являясь крупнейшим средством обмена информацией, порождает возможность осуществления противоправных деяний по отношению к несовершеннолетним, а также преступлений, совершаемых несовершеннолетними, связанных с использованием информационных технологий.

В последнее время число преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также преступлений в отношении несовершеннолетних, с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий, возрастает, о чем свидетельствует статистика официальных сайтов МВД различных регионов Российской Федерации. Глобальные изменения в сфере информационных процессов не могли не сказаться на состоянии преступности несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних.

Новые технологии все чаще выступают средством совершения самого широкого круга действий по вовлечению несовершеннолетних в совершение ими различных категорий преступлений, среди которых: хищение денежных средств, мошенничество, кражи с банковского счета, вымогательство, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений в качестве соучастников и другие.

В то же время, информационные технологии все больше внедряются в жизнь человека, упрощая и облегчая ее. Так, в Российской Федерации в 2017 г. была принята стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, согласно которой, в качестве приоритетного направления внутренней политики определяется развитие информационных и коммуникационных технологий, формирование информационного пространства и соответствующей инфраструктуры [1].

Информационные технологии все глубже проникают в повседневную жизнедеятельность большинства граждан. Использование мобильного доступа к сети Интернет, возрастание средней скорости интернета в десятки раз, использование электронных средств массовой информации, информационных систем, социальных сетей, технологий беспроводного доступа в сеть Интернет, высокоскоростной мобильной связи стало частью повседневной жизни большей части населения России молодого, а также старшего возраста.

Также государство поощряет указанные тенденции. Так, создана система предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, что позволяет гражданам направлять в электронной форме индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

В настоящее время в Российской Федерации активно продолжается процесс цифровизации практически всех сторон жизнедеятельности посредством внедрения технологий искусственного интеллекта, биометрической идентификации, работы с большими объемами данных, облачного хранения информации, дистанционного банковского обслуживания. Широко обсуждается перспектива использования технологии блокчейн, в том числе и в сфере оказания государственных и муниципальных услуг в городах-миллионниках Российской Федерации.

Все большее количество персональной информации пользователи помещают в информационные системы. Посредством электронной почты пересылаются копии документов, удостоверяющих личность. На сервисы платежных систем направляются реквизиты банковских карт, в социальных сетях размещается информация о личной жизни. Посредством мессенджеров передается иная конфиденциальная информация.

Поэтому, полностью ограничить несовершеннолетнего от использования и обучения использованию новых информационных технологий с целью защиты, невозможно и более того, губительно бы сказывалось на его развитии несовершеннолетнего и его социализации в современном IT обществе.

Чтобы избежать негативных последствий для несовершеннолетних, необходимо быть предельно бдительными и помнить основные правила безопасного поведения и общения посредством информационно-телекоммуникационных технологий.

В то же время, следует максимально использовать средства информационных технологий в правозащитной практике с целью защиты интересов несовершеннолетних.

Целесообразным является привлечение правозащитных организаций для: разработки тактических действий по предупреждению совершения преступлений несовершеннолетними, а также преступлений в отношении несовершеннолетних, с использованием средств информационно-коммуникационных технологий и сети Интернет, а также для слаженных действий по распространению подобного алгоритма действий среди целевой аудитории: педагоги, несовершеннолетние и их родители (опекуны).

Одним из шагов реализации такого предложения может стать разработка памятки для родителей для защиты несовершеннолетних от вовлечения их в преступную деятельность, совершаемые по сети интернет.

Список литературы

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Мамона Т. М.

ГБОУ ВО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, РФ
tuz_1976@mail.ru

Введение. Разрешение гражданского иска одновременно с уголовным делом представляется возможным только в случае единства уголовной и гражданско-правовой ответственности. На сегодняшний день интересы гражданского истца на должном уровне не обеспечены законодательной защитой, которая соответствовала бы социальной роли проблем потерпевших от преступлений, что, несомненно, требует научного осмысления и глубокого анализа в с целью определения новых парадигм изучения процессуального статуса гражданского истца и его роли в уголовном судопроизводстве.

Основная часть. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве является частью механизма обеспечения прав и свобод лиц, потерпевших от преступления.

Существование данного института повышает эффективность правосудия в целом и обеспечивает всестороннюю защиту прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе.

Особенность института гражданского иска в уголовном процессе заключается в его межотраслевом характере. Данный институт находится на стыке гражданского, гражданского процессуального и уголовно-процессуального права.

Исходя из норм действующего законодательства гражданский истец должен соответствовать следующим характеристикам:

- предъявить требование о возмещении имущественного вреда;
- должен быть признан гражданским истцом на основании процессуальных документов.

Заметим, что вред должен быть причинен непосредственно преступлением, рассматриваемым в порядке уголовного судопроизводства.

Предъявлению гражданского иска, а также принятию вышеуказанных решений всегда должно предшествовать разъяснение прав на предъявление иска лицам, которым был причинен данный вред.

Гражданский иск может предъявить исключительно правоспособный и дееспособный субъект, или иными словами потерпевший, которому был причинен вред непосредственно преступлением.

К числу таких субъектов можно отнести:

- собственника вещи;

- законного владельца вещи;
- лица, которые в связи с потерей кормильца имеют право на
- возмещение ущерба;
- лица, понесшие расходы в связи с погребением потерпевшего.

В уголовном процессе гражданским истцом признается как физическое, так и юридическое лицо. Если говорить о законодательном определении гражданского истца в уголовном процессе, то согласно на ст. 50 Уголовно-процессуального Кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УПК ДНР) гражданским истцом является гражданин или юридическое лицо, понесшее материальный ущерб от преступления и заявившее иск о возмещении вреда, если есть основания полагать, что этот вред причинен им непосредственно преступлением.

Права гражданского истца аналогичны правам потерпевшего, установленным УПК ДНР, но при этом они имеют исключительную направленность на поддержание гражданского иска.

- поддерживать гражданский иск;
- представлять доказательства;
- давать объяснения по предъявленному иску;
- заявлять отводы и ходатайства и т.д. (ст. 50 УПК ДНР) [2].

Гражданский истец, и его представители вправе не просто аккумулировать письменные доказательства, а предоставлять полученное для приобщения к уголовному делу лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, что дает нам возможность рассматривать данное явление как составную часть (фрагмент) более емкого уголовно-процессуального явления – содействия следователю, дознавателю или суду (судье) в сборе доказательств [3, с. 14].

Исходя из анализа, действующего законодательства следует, что большинство прав гражданского истца и средства их обеспечения идентичны правам потерпевшего.

Однако следует отметить, что закон ограничивает возможность гражданского истца отказа от предъявленного гражданского иска, что нарушает его права, гарантии и законные интересы.

Отказ от предъявляемого гражданского иска может стать основанием для прекращения производства по уголовному делу по примирению сторон и как следствие прекращение производства по нему.

Исходя из вышеизложенного, востребовано закрепления данной нормы в УПК ДНР. Закрепление данной нормы, а следовательно, и ее соблюдение даст возможность органам дознания, предварительного следствия или суду прекратить производство по уголовному делу за примирением сторон [4, с. 65].

Предусмотрев возможность предъявления гражданского иска в уголовном деле, законодатель, исходя из связи причиненного вреда с преступным деянием, преследовал цель наиболее эффективно защитить

субъективные гражданские права потерпевших и обеспечить их скорейший доступ к правосудию.

Заключение. Таким образом, сегодня существует необходимость выработки в законодательстве новых научных подходов к институту гражданского иска в уголовном деле обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном процессе особенно важно для субъектов, которые вовлекаются в сферу уголовного судопроизводства и имеют непосредственную личную заинтересованность в исходе уголовного дела.

Отсутствие определенных положений закона на практике влечет нарушение права гражданского истца в уголовном судопроизводстве на доступ к правосудию, непосредственную реализацию своих прав и обеспечение интересов в ходе конкретного судебного разбирательства.

Внесенные в УПК ДНР изменения относительно права отказа от предъявленного гражданского иска окажут положительное воздействие на статус гражданского истца и расширят его возможности участия в уголовном процессе.

Список литературы

1. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики – Текст: электронный: Постановление Народного Совета Донецкой Народной Республики № 81-ІНС от 13.12. 2019. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 20.09.2022).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики – Текст электронный: Постановление Народного Совета ДНР № 240-ІНС от 24.08.2018.// Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: <https://dnrsovet.su//zakonodatelnaydeyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovnoprotsessualnyjk-odeks-donetskoj-narodnojrespubliki/> (дата обращения 20.09.2022).
3. Титов П.С. Об участии подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей в собирании доказательств / Титов П.С. // Адвокатская практика. – 2013. – № 3. – С. 14.
4. Якимович Ю.К. Участие потерпевшего в уголовном преследовании / Якимович Ю. К. // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 4. – С. 65.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Манивлец Э. Е., канд. юрид. наук, доц., *Базака В. В.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
e.manivlets@donnu.ru

Введение. В Донецкой Народной Республике аналога института пробации нет, но положительный опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что механизм пробации предупреждает криминализацию личности, снижает рецидивную преступность, что в конечном итоге, способствует повышению результативности деятельности уголовно-исполнительная система (УИС).

Имеющаяся система уголовно-исполнительных инспекций ГСИН ДНР выполняет функцию по контролю и надзору за условно осужденными и исполняет наказания, не связанные с лишением свободы.

Основная часть. Основной задачей службы пробации в зарубежных стран является выявлении потребностей осуждённого лица и содействие их разрешения. Помощь службы пробации не заключается в оказании финансовой или иной материальной помощи, а нацелены на выполнение посреднических функций между субъектом и различными государственными и муниципальными органами [1, с. 29].

Ведомства, на которое должна возлагаться обязанность осуществления постпенитенциарную помощь в Донецкой Народной Республике остаётся открытым и дискуссионным, выделяются 3 варианта решения данного вопроса:

– первая группа учёных убеждена, что данные функции необходимо возложить на органы местного самоуправления, т.к. они обладают экономическими и материальными ресурсами по трудовому и бытовому обустройству осужденных [2, с. 88].

– вторая группа считает, что обязанности по ресоциализации осужденных необходимо возложить на общественные организации, призывая остальных оказывать им помощь и содействие (включая и государственный аппарат) [3, с. 40]. К примеру, в Швеции распространено осуществление волонтерами функций надзора за лицами, отбывающими наказание, не связанное с лишением свободы. Работниками данной структуры, в основном, являются молодые лица, в виде вознаграждения им предоставляется ряд льгот (к примеру, при поступлении на обучение, скидки при походах на культурно-развлекательные мероприятия и ряд других).

– третья группа учёных считает нужным возложить данные обязанности на правоохранительные органы, т.к. данная группа имеет

опыт с работой осуждённых, что положительно скажется на результате ресоциализации осуждённых лиц [4, с. 65].

Считаем, необходимым отметить, что помимо оказания постпенитенциарной помощи, данное ведомство выполняет ряд других задач:

- выполняет надзор за исполнением уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы;

- представляет досудебные доклады о правонарушителе суду и прокуратуре с целью рекомендации в избрании данному лицу меры пресечения;

- организация процедур примирения и восстановления.

Перечисленный список задач является не полным, в каждом государстве, где служба пробации функционирует – задачи и функции у службы разнятся.

Заключение. На наш взгляд, осуществление постпенитенциарной помощи необходимо возложить на органы местного самоуправления и волонтеров, необходимо создание Государственной службой пробации, которая будет осуществлять контроль и надзор за деятельностью вышеупомянутых субъектов, данная система может привести к необходимому результату социализации осуждённых лиц. Необходимо отметить важность поддержки качественного правового сопровождения (от правоохранительных органов), которое позволит повысить результативность деятельности УИС, оптимизировав расходы на её содержание.

Налаженный механизм пробации в Донецкой Народной Республике позволит снизить уровень рецидивной преступности, повысить качество жизни лица после понесённого им наказания, а, следовательно, улучшить всю систему УИС ДНР.

Список литературы

1. Ильмалиев Ж.Б. Посткриминальный контроль в зарубежных странах: особенности правового регулирования. – URL: <http://www.jurlugansk.ucoz.org/publ/9-1-0-120> (дата обращения: 15.06.2022).
2. Габраев А. Ш., Новиков А. В. Перспективы реализации института пробации в современной пенитенциарной политики Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – URL: <http://scienceeducation.ru/ru/article/view?id=23244> (дата обращения: 05.02.22)
3. Тепляшин П. В. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями // ФГКОУ ВПО Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2018. – № 16–2. – С. 40–41.
4. Темирбекова А. Пробация: сущность, цели и методы реализации – URL: <http://www.adilet.gov.kz/ru/node/8643> (дата обращения: 05.02.22).

ОБ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ДОКАЗЫВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Манивлец Э. Е., канд. юрид. наук, доц., *Новикова И. А.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
e.manivlets@donnu.ru

Введение. Доказывание представляет собой важную часть уголовно-процессуальной деятельности. От того, насколько полно и всесторонне собраны и рассмотрены доказательства, зависит законный и справедливый приговор суда. Актуальность темы исследования заключается в том, что процесс доказывания является наиболее важным компонентом, необходимым для решения задач уголовного процесса. Цель данного исследования – на основе анализа исторических данных выявить значение процесса доказывания для современной уголовно-процессуальной практики, поскольку реальность есть следствие прошлого [1, с. 67].

Основная часть. На каждом этапе своего развития государство делало попытки поиска путей развития доказывания. Как справедливо отмечает академик РАЕН – Лариса Анатольевна Петручак: «Доказывание существует столько же времени, сколько существует и само право». В самом деле, многие элементы теории доказывания были известны ещё римскому праву. К данным элементам можно отнести понятие доказательств, некоторые характеристики доказательств, систему средств доказывания, а также предмет доказывания. Итак, далее рассмотрим историю развития процесса доказывания в отечественном праве. Многие учёные-правоведы нашего государства выделяют два критерия, которые необходимы для анализа истории становления доказывания. Этими критериями являются, во-первых, господствующий в соответствующую эпоху развития человечества тип мышления, и во-вторых, способ легитимации приговора в социальном обществе [2, с. 58–59].

Первым этапом развития процесса доказывания можно считать подписание в 911 году договора между Византией и князем Олегом. Именно этот договор принёс в Киевскую Русь некоторые процессуальные нормы об использовании судебных доказательств (например, присяга, розыск, показания свидетелей). С этого момента на Руси процесс доказывания приобретает частно-исковой характер и выступает в виде «послухов» (современные свидетели), «актов» (появились к концу Древнерусского периода, представляли собой письменные доказательства) и «судов Божьих» (жребий, ордалии, судебный поединок). Сравнивая доказывание по ныне действующему УПК ДНР и доказывание периода Древней Руси (или Русской Правды), стоит отметить, что в современном

УПК нет жесткого правила о том, чтобы по уголовному делу проходило не менее двух свидетелей [3, с. 32].

Второй этап развития начинается с издания Судебника в 1497 году. С этого момента процесс доказывания приобретает состязательно-инквизиционный характер. Появились такие доказательства как «ссылки из виноватых» (другими словами, когда одна сторона ссылается на свидетельские показания другой стороны). На этом этапе появился розыск, который служил средством поимки преступников, а также «повальный» обыск, который позволял узнать мнение населения о подозреваемом. Далее важен период правления Петра Великого. Он провозглашает «Воинский устав», в котором закрепляется уже розыскной характер уголовного процесса в Российской империи. Возникает самое важное свидетельское показание рассматриваемого периода – личное признание подозреваемого. Для получения такого доказательства применялись пытки, которые в то время не запрещались законодательством (для современного УПК это было бы чем-то из ряда вон выходящим). При получении свидетельских показаний отдавали предпочтение показаниям мужского пола, имеющим внушительное состояние и являющимся духовным представителем. На данном этапе известны уже различные виды экспертиз. Например, судебно-медицинская экспертиза была обыденной частью в Артикуле воинском 1715 года, который собственно и закрепил порядок её производства. Допросы, обыски, выемки, экспертизы, осмотры и освидетельствования являлись действиями по сбору таких доказательств, как заключения экспертов, показания свидетелей, протоколы осмотров и личные объяснения обвиняемого [4, с. 32–33].

Теперь перейдём к третьему этапу развития процесса доказывания. Здесь ключевую роль играет УПК РСФСР 1922 года. В данном кодексе был закреплён принцип свободной оценки доказательств согласно внутреннему убеждению. Также закрепляется требование о том, чтобы доказательства были рассмотрены в соответствии со всеми обстоятельствами уголовного дела. Затем, уже в УПК РСФСР 1960 года регламентируются предмет, субъект и сам процесс доказывания. Этот УПК под доказательствами понимал данные, которые были получены из показаний потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, вещественных доказательств, заключений эксперта, протоколов следственных и судебных действий. Важно вспомнить и УПК РСФСР 1992 года: в нём было закреплено право обвиняемого иметь защитника с целью гарантировать права обвиняемого. Это право получает не только обвиняемый, но и подозреваемый при задержании или аресте. Однако, УПК 1992 года имел ряд недостатков, а именно: 1) недостаточное обеспечение состязательности и равноправия сторон; 2) отсутствие на практике независимости суда; 3) декларацией являлась презумпция невиновности [5, с. 268–269].

Что касается современного этапа жизни нашего государства, то можно с уверенностью сказать о том, что принятый Постановлением Народного Совета 24 августа 2018 года Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики соответствует требованиям действительности о процессе доказывания. На сегодняшний день сущность доказывания в ДНР складывается из совокупности процессуальных действий, а именно собирания, проверки и оценки доказательств, которые совершаются в определенной последовательности и установленной УПК ДНР форме.

Заключение. Подводя итог, можно с уверенностью сказать о том, что становление и развитие процесса доказывания в уголовном судопроизводстве содержит в себе множество этапов, каждый из которых имеет свои особенности. Развитие процесса доказывания было обусловлено объективными факторами мировоззренческого и юридического порядка, игнорирование которых может привести к неприятным последствиям для общества. Современный процесс доказывания в большей мере соответствует как мировоззренческому, так и юридическому порядкам. Это говорит нам о развитии науки, человеческой цивилизации, и что само главное, о развитии законотворческой деятельности в Донецкой Народной Республике, основанной на практической деятельности правоприменителя.

Список литературы

1. Маркевич, Ю.Г. Процесс доказывания в уголовном процессе / Ю.Г. Маркевич // Научный поиск курсантов. – 2019. – С. 67-68.
2. Алсултанов, М.Р. Доказательства и доказывания в процессе раскрытия и расследования преступлений / М.Р. Алсултанов // Вестник СевКавГТИ. – 2014. – № 17. – С. 58-61.
3. Михайлов, А.А. Системы доказывания в уголовном процессе: история и современность / А.А. Михайлов // Уголовная юстиция. – 2015. – № 2(6). – С. 31-42.
4. Логманова, Э.Л. История развития института доказывания: сравнительно-правовой анализ / Э.Л. Логманова // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты. – 2019. – С. 32-34.
5. Сергеева, Т.А. Становление и развитие института доказывания в России: история и современность / Т.А. Сергеева, Т.В. Бисерова // Актуальные проблемы правоведения. – 2018. – С. 265-272

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЖЕСТОКИМ ОБРАЩЕНИЕМ С ЖИВОТНЫМИ

Манивлец Э. Е., канд. юрид. наук, доц., *Шумайлова Ю. А.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
e.manivlets@donnu.ru, julia_sh2000@bk.ru

Введение. Актуальность данного исследования, прежде всего, связана с тем, что в научной литературе до настоящего времени ведутся споры относительно назначения наказания за деяния, связанные с жестоким обращением с животными, а также, существующие пробелы в законодательстве Донецкой Народной Республики. Этой теме посвятили свои работы такие авторы, как: А. И. Чучаева, И. И. Лобов, В. С. Мирошниченко и многие другие.

Целью данного исследования является выявление проблем назначения наказания за деяния, связанные с жестоким обращением с животными на основании мнений различных ученых по данному вопросу, а также выработка механизма предотвращения данного деяния, путем внесения изменений в действующее уголовное законодательство Донецкой Народной Республики.

Основная часть. Жестокое обращение с животными – это общественно опасное, противоправное и наказуемое деяние, заключающееся в антигуманном и безжалостном отношении к животным из хулиганских или корыстных побуждений, совершенное с использованием садистских методов или в присутствии несовершеннолетних и повлёкший смерть или травмы животных [3].

Законы о защите животных приняты и успешно функционируют во многих государствах. Так, в Российской Федерации вопросы о защите животных от жестокого обращения с ними регулируются следующими нормативно-правовыми актами: Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, Закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Рассматривая законодательство Украины, необходимо отметить следующую нормативно-правовую базу, которая регулирует ответственность за жестокое обращение с животными в данном государстве: Закон Украины «О защите животных от жестокого обращения», Уголовный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях.

В Донецкой Народной Республике вопрос об ответственности за жестокое обращение с животными регулируется следующими нормативно-

правовыми актами: Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, Кодекс об административных правонарушениях.

Преступления насильственного характера, которые совершаются взрослыми людьми, негативно влияют на нормальное физическое развитие и нравственное воспитание ребенка, а также его психику. Влияние взрослых лиц на несовершеннолетних имеет высокую социальную опасность непосредственно из-за значительности вреда психическому развитию, однако в результате такого влияния появляется и вероятность самостоятельного вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность.

А. Н. Игнатов по этому поводу писал: «Уничтожение животных, не имеющее смысла, их истязание, мучение не только оскорбляют нравственные чувства граждан, но и, непосредственно, совершаясь на глазах детей, способствуют развитию в них таких отрицательных качеств, как жестокость, злость и душевная черствость, равнодушие к страданиям живого существа, также, способствуют формированию садистских наклонностей, наносящих колоссальный вред их воспитанию и мировосприятию» [2].

Говоря о пробелах в нормах уголовного законодательства Донецкой Народной Республики, стоит отметить, что уголовно-правовая защита животных от жестокого обращения также не является достаточно эффективной. Статья 289 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики, устанавливающая ответственность за жестокое обращение с животными, крайне редко применяется и практика по ней не отличается многообразием. Это происходит по следующим причинами:

1. Нет перспективности расследования данного вида преступления, отсутствуют криминалистические методики и опыт в расследовании таких преступлений;

2. В иерархии объектов уголовно-правовой охраны данный вид преступления занимает более низкое положение, что влияет на приоритет расследования преступлений против иных благ;

3. Существует недостаток материальных, человеческих и иных ресурсов (например, при доказывании умысла лиц, совершивших данное деяние, необходимо проведение дорогостоящих исследований трупов собак для выявления причины смерти и вида смертоносного яда) [1].

Прямые доказательства вины живодёров как правило отсутствуют, так как лица, совершившие данное преступное деяние избегают от трупов, а лица, ставшие свидетелями данного преступного деяния, в оцепенении от увиденного или пытаясь помочь погибающему зверю, не обращаются в правоохранительные органы, и, как следствие, правоохранительные органы не могут зафиксировать данного рода деяние.

Заключение. Подводя итоги вышесказанного, можно сделать вывод, что правоприменители не видят в данном деянии, связанном с жестоким

обращением над животными, особой опасности, и поэтому не имеют достаточных правовых эффективных средств предупреждения совершения данного деяния. Нормы, которые содержатся в ст. 289 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики являются необходимыми для поддержания и защиты общественной нравственности, однако они подлежат серьезной доработке.

Таким образом, к наиболее эффективным методам предотвращения данного деяния следует отнести:

1. Разработка действенных средств и методов по расследованию преступлений, связанных с жестоким обращением с животными, на основании следующих критериев: особенности личности преступника либо потерпевших, особенности способа совершения преступления, обстановки и предмета преступного посягательства и т.д.;

2. Реализация комплекса внутривоспитательных мер образовательного и воспитательного характера в отношении молодого поколения с целью обеспечения его надлежащего нравственного развития и формирования отношения к гуманному отношению к животным;

3. Реформирование системы правоохранительных органов с целью уменьшения латентности жестокого обращения с животными, обеспечения надлежащего учета и расследования этих действий;

4. Ужесточение уголовной ответственности за преступления, связанные с жестоким обращением с животными, а именно следующий вариант санкции: наказывается штрафом от тридцати тысяч до ста двадцати тысяч рублей или в размере выплаты заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, а по ч. 2 ст. 289 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики, предлагается следующая редакция: наказывается штрафом от ста пятидесяти тысяч до четырехсот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного сроком от одного до двух лет либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до трех лет.

Список источников

1. Абдрахманова Е. Р., Савельев И. С. Юридическая ответственность за жестокое обращение с животными: проблемы и перспективы // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – С. 4.
2. Мирошниченко, В.С. Жестокое обращение с животными (уголовно-правовые и криминологические аспекты): авто-реф. дис. ... канд. юрид. наук / Мирошниченко В.С. – М., 2013. – С. 29.
3. Саратова, О.В. Жестокое обращение с животными: постановка проблемы / О. В. Саратова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2007. – С. 51–54.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Меркулов С. Н., канд. юрид. наук, доц., **Базака В. В.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
merkulovepf@mail.ru

Введение. В Донецкой Народной Республике аналога института пробации нет, но положительный опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что механизм пробации предупреждает криминализацию личности, снижает рецидивную преступность, что в конечном итоге, способствует повышению результативности деятельности уголовно-исполнительная система (УИС).

Имеющаяся система уголовно-исполнительных инспекций ГСИН ДНР выполняет функцию по контролю и надзору за условно осужденными и исполняет наказания, не связанные с лишением свободы.

Основная часть. Основной задачей службы пробации в зарубежных стран является выявлении потребностей осуждённого лица и содействие их разрешения. Помощь службы пробации не заключается в оказании финансовой или иной материальной помощи, а нацелены на выполнение посреднических функций между субъектом и различными государственными и муниципальными органами [1, с. 29].

Ведомства, на которое должна возлагаться обязанность осуществления постпенитенциарную помощь в Донецкой Народной Республике остаётся открытым и дискуссионным, выделяются 3 варианта решения данного вопроса:

– первая группа учёных убеждена, что данные функции необходимо возложить на органы местного самоуправления, т.к. они обладают экономическими и материальными ресурсами по трудовому и бытовому обустройству осужденных [2, с. 88].

– вторая группа считает, что обязанности по ресоциализации осужденных необходимо возложить на общественные организации, призывая остальных оказывать им помощь и содействие (включая и государственный аппарат) [3, с. 40]. К примеру, в Швеции распространено осуществление волонтерами функций надзора за лицами, отбывающими наказание, не связанное с лишением свободы. Работниками данной структуры, в основном, являются молодые лица, в виде вознаграждения им предоставляется ряд льгот (к примеру, при поступлении на обучение, скидки при походах на культурно-развлекательные мероприятия и ряд других).

– третья группа учёных считает нужным возложить данные обязанности на правоохранительные органы, т.к. данная группа имеет

опыт с работой осуждённых, что положительно скажется на результате ресоциализации осуждённых лиц [4, с. 65].

Считаем, необходимым отметить, что помимо оказания постпенитенциарной помощи, данное ведомство выполняет ряд других задач:

- выполняет надзор за исполнением уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы;

- представляет досудебные доклады о правонарушителе суду и прокуратуре с целью рекомендации в избрании данному лицу меры пресечения;

- организация процедур примирения и восстановления.

Перечисленный список задач является не полным, в каждом государстве, где служба пробации функционирует – задачи и функции у службы разнятся.

Заключение. На наш взгляд, осуществление постпенитенциарной помощи необходимо возложить на органы местного самоуправления и волонтеров, необходимо создание Государственной службой пробации, которая будет осуществлять контроль и надзор за деятельностью вышеупомянутых субъектов, данная система может привести к необходимому результату социализации осуждённых лиц. Необходимо отметить важность поддержки качественного правового сопровождения (от правоохранительных органов), которое позволит повысить результативность деятельности УИС, оптимизировав расходы на её содержание.

Налаженный механизм пробации в Донецкой Народной Республике позволит снизить уровень рецидивной преступности, повысить качество жизни лица после понесённого им наказания, а, следовательно, улучшить всю систему УИС ДНР.

Список литературы

1. Ильмалиев Ж.Б. Посткриминальный контроль в зарубежных странах: особенности правового регулирования. – URL: <http://www.jurlugansk.ucoz.org/publ/9-1-0-120> (дата обращения: 15.06.2022).
2. Габраев А. Ш., Новиков А. В. Перспективы реализации института пробации в современной пенитенциарной политике Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – URL: <http://scienceeducation.ru/ru/article/view?id=23244> (дата обращения: 05.02.22)
3. Тепляшин П. В. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями // ФГКОУ ВПО Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2018. – № 16–2. – С. 40–41.
4. Темирбекова А. Пробация: сущность, цели и методы реализации. – URL: <http://www.adilet.gov.kz/ru/node/8643> (дата обращения: 05.02.22).

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ИЛИ ПОЖИЗНЕННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Милич Иван, д-р юрид. наук

Государственный университет в городе Нови-Сад, Республика Сербия

i.milic@pf.uns.ac.rs

Введение. Суд может вынести в отношении лица, совершившего уголовное преступление, лишь ту меру наказания, которая разрешена законом. В Республике Сербии смертная казнь давно отменена как мера наказания, которая может быть вынесена лицу, совершившему уголовное преступление. Вместо смертной казни в Республике Сербии было установлено тюремное заключение, продолжительностью 40 лет, но в 2019 году введено пожизненное заключение. Конечно, уголовные кодексы отдельных государств устанавливают и смертную казнь.

Основная часть. Уголовное право не является устойчивой категорией. Положения в уголовных кодексах нередко меняются. Поправки могут быть обусловлены различными причинами: экономическими, социальными, культурными, политическими и др. Однако, нередко положения уголовного кодекса в отдельных странах меняются, хотя для этого нет обоснованных причин. Изменения, например, касаются как отмены или изменения имеющихся уголовных преступлений или введения новых, так и сферы уголовного преследования.

Можно сказать, что в современном уголовном праве все больше заметна тенденция установления наказаний, альтернативных тюремному заключению – условное уголовное наказание, предупреждение суда, общественные работы или домашний арест. Так и в случае с Республикой Сербией [1, с. 258].

Однако, когда речь идет о наказаниях, смертная казнь всегда была вопросом номер один. Смертная казнь, кажется, все еще актуальная тема как в научной, профессиональной, так и в общественной среде. Ее регламентирование и вынесение, конечно, привлекало внимание общественности. Конечно, важен вопрос регламентирования смертной казни, который никак не относится только к области уголовного права, он также затрагивает другие научные дисциплины. Основной вопрос, который встает: должна ли существовать смертная казнь как вид наказания? С другой стороны, если смертная казнь не установлена, то встает вопрос, какое наказание является альтернативным ей?

Важен также вопрос, связанный со способом приведения смертной казни в исполнение – это расстрел, повешение, смертельный укол или иной способ. Также, если обратиться к истории, встанет вопрос, должна ли смертная казнь исполняться публично, так как считалось, что таким образом она помогает в профилактике преступлений в целом.

Представители отдельных криминологических школ и теорий полагали, что смертельная казнь должна существовать. Они, в первую очередь, думали, что она должна быть применена в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления – неисправимых преступников. Итак, если кто-либо является неисправимым преступником, он после отбытия наказания снова совершит уголовное преступление, поэтому в данном случае единственным решением является смертная казнь. По их мнению, другой вид наказания не исправит такого осужденного, в связи с чем в результате вынесения и исполнения смертной казни общество защищается от криминальности.

Общественность, как правило, выступает за строгие наказания. В частности, надо отметить, что после совершения тяжкого уголовного преступления общественность этим обеспокоена. Иногда под влиянием этой широкой общественности и регламентируются конкретные уголовные преступления или определенные наказания. Так и в случае с Республикой Сербией. Итак, до 2019 года самым строгим наказанием в Республике Сербии было тюремное заключение со сроком не более 40 лет. В 2019 году было установлено пожизненное тюремное заключение [2]. Конституция Республики Сербии [3] запрещает вынесение смертной казни. Пожизненное тюремное заключение в Республике Сербии применено на данный момент лишь в нескольких случаях. Оно не может быть регламентировано как единственное наказание, оно выносится вместе с тюремным заключением с определенным сроком, который в Республике Сербии не превышает 20 лет.

С точки зрения вынесения наказания в виде пожизненного заключения, возможно, крупнейшей проблемой является и то, что в отношении лиц, осужденных на пожизненное заключение, не действует возможность условно-досрочного освобождения: например, убийство или наиболее тяжкие случаи изнасилования детей. В данном случае осужденный, когда начинается исполнение его наказания, знает, что он никогда не сможет выйти из тюрьмы по УДО. Тогда встает вопрос исправления заключенного, то есть его ресоциализации. Пожизненное тюремное заключение, конечно, имеет свои недостатки: целесообразно ли заключенного всю жизнь держать в тюрьме, является ли данное наказание строже, чем смертная казнь? С другой стороны, в Республике Сербии, несмотря на то, что в отношении осужденного за конкретные уголовные преступления вынесено наказание в виде пожизненного тюремного заключения, есть возможность УДО после 27 лет, проведенных в тюрьме. Итак, в Республике Сербии УДО осужденного на пожизненное тюремное заключение зависит от того, за какое уголовное преступление вынесено пожизненное заключение.

Отдельные страны устанавливают смертную казнь за особо тяжкие уголовные преступления, которая исполняется различными способами. В

этим странах, как правило, считается, что это наказание соответствует совершенному уголовному преступлению, и его вынесение и исполнение влияют как на специальную, так и на общую профилактику. Так, например, в Донецкой Народной Республике в Уголовном кодексе регламентирована смертная казнь за особо тяжкие уголовные преступления [4]. Смертная казнь может быть установлена лишь в отношении особо тяжких уголовных преступлений против жизни или преступлений, совершенных в конкретный период: во время войны или боевых действий. Также, несмотря на вынесение смертной казни осужденный может быть помилован – в результате помилования смертная казнь может быть заменена на пожизненное тюремное заключение или тюремное заключение, сроком 25 лет. В Уголовно-исполнительном кодексе ДНР регулируется исполнение уголовных наказаний и предусматривается порядок приведения смертной казни в исполнение в ст. 197 [5]. Эта статья, помимо прочего, предусматривает, что смертная казнь не исполняется публично, определяет способ лишения жизни осужденного, присутствие лиц при исполнении смертной казни и способ исполнения. В экспертной среде считается, что речь идет о законе, похожем на уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [6, с. 33]. В профессиональной литературе есть мнение, что смертная казнь – это идеальный метод защиты общества от криминальности, и это более гуманное наказание, по сравнению с пожизненным тюремным заключением [7, с. 153], и речь идет о наказании, которое обязательно должно существовать [8, с. 205].

Заключение. Бесспорно, что государство должно установить наказания, с применением которых обеспечивается как общая, так и специальная профилактика. В научной среде, конечно, есть авторы, полагающие, что смертная казнь целесообразна, и приводят обоснованные аргументы. Нельзя забывать и тот факт, что лица, совершившие особо тяжкие уголовные преступления, самые жестокие преступники, и они заслуживают вынесения и исполнения самого строго наказания.

Список литературы

1. Иван Милич. Пожизненное лишение свободы в Сербии, Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности. VI Тихоокеанский юридический форум, 8 октября 2021 г. : материалы / сост. В. В. Гаврилов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. С. 258.
2. Кривични законик, Службени гласник РС, бр. 85 од 6. октобра 2005, 88 од 14. октобра 2005 - исправка, 107 од 2. децембра 2005 - исправка, 72 од 3. септембра 2009, 111 од 29. децембра 2009, 121 од 24. децембра 2012, 104 од 27. новембра 2013, 108 од 10. октобра 2014, 94 од 24. новембра 2016, 35 од 21. маја 2019.
3. Устав Републике Србије, „Службени гласник РС“, бр. 98 од 10. новембра 2006, 115 од 30. новембра 2021 - Амандмани I-XXIX, 16 од 9. фебруара 2022.
4. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014, (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2022).

5. Уголовно-исполнительный кодекс Донецкой Народной Республики, Принят Постановлением Народного Совета 30 июня 2021 года (С изменениями, внесенными Законом от 24.12.2021 № 334-ПНС, от 14.06.2022 № 377-ПНС, от 08.07.2022 № 395-ПНС).
6. Скиба, А. П. Уголовно-исполнительный кодекс Донецкой Народной Республики: структура и некоторые положения / А. П. Скиба, Н. С. Малолеткина // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – Т. 17(1–4), № 1. – С. 33–37. – DOI : 10.33463/2687-122X.2022.17 (1-4).1.033-037.
7. Горбатый Р. Н., Кротенко Е. С., Смертная казнь как суровое и справедливое наказание, Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). – Том 9: Юридические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. С. 153.
8. Мамона Т. М., Сафонова К. Ю., Смертная казнь как исключительная мера наказания в Донецкой Народной Республике, Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). – Том 9: Юридические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – С. 205.

УДК 1,343

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ ПОНЯТИЙ «КОРРУПЦИЯ» И «КОРРУПЦИОННОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ (ПРЕСТУПЛЕНИЕ)»

Нуртазин М. С.¹, канд. соц. наук, проф.,

Данакари Л. Р.², канд. философ. наук, доц., *Ивентьев С. И.³*

¹ Филиал Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан по Западно-Казахстанской области, г. Уральск, Республика Казахстан

² ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, РФ

³ ООО «ДЭЛИЛ», г. Казань, РФ

nurzko@mail.ru, liliya.danakari@yandex.ru, sergei-zsk@mail.ru

Введение. Концепты «преступление», «преступник», «коррупционное преступление», «коррупционное правонарушение» и «коррупция» – основные категории уголовного права и юридической науки. При этом понятие «преступник» был подвергнут духовно-нравственному осмыслению доктором юридических наук, профессором Тольяттинского государственного университета Н. А. Бобровой, кандидатом философских наук Волгоградский государственный университет Л. Р. Данакари и соавтором настоящей статьи, практикующим юристом (Россия) [4, с. 53–59].

Впервые концепт «духовно-нравственный смысл» был применён О. А. Самыловой в научном исследовании смысла жизни молодёжи [14,

с. 307–309]. Данный концепт был проработан в статье Г. Р. Асадуллиной, О. В. Шкуран и соавтора данного исследования «Духовно-нравственный смысл деятельности как фактор консолидации молодёжи и общества» [1, с. 401–407].

Под духовно-нравственным смыслом человека понимается «осознание им того, что он, прежде всего, является духовной личностью (сущностью), имеющего дух и душу, что, в свою очередь, позволит ему осознать и понять истинный смысл жизни в нашем мире» [1, с. 401–407].

Обзор имеющейся литературы показывает, что имеются много исследований, раскрывающих морально-нравственный аспект правонарушений и преступлений. При этом такой вид преступления, как коррупция, не был подвергнут именно духовно-нравственному осмыслению, что будет сделано в настоящем исследовании.

Основная часть. В настоящем исследовании под духовной личностью (сущностью) или реальностью человека понимается душа и дух человека [2, с. 21–29], которые представляют трансцендентное и духовное начало человека. При этом следует отметить, что многими исследователями под ними мыслится сознание и (или) подсознание человека.

Под духом человека подразумевается эманация (лат. *emanatio* – «истечение, распространение») Бога, а под душой человека – Божественная и духовно-нравственная ценность, совершенно самостоятельное духовное Разумное Энергетическое Существо (Суть), способное жить без тела человека, бессмертное Творение Бога [2, с. 21–29].

Современная наука духовность относит к внутренней, психической жизни человека, связанная с нею, а также к религии [6]. В монотеистических (авраамических) религиях – иудаизм, христианство и ислам – духовность напрямую увязывают с Богом, верой в Творца и миром Святого духа [16, с. 186–190]. При этом понятие «духовность» не мыслится без Бога, а также без души и духа человека [2, с. 21–29; 10, с. 32–35].

Таким образом, под духовностью следует подразумевать Бога, Его характеристики, свойства и деятельность, человека как образ и творение Бога, природу и деятельность души и духа человека.

«Нравственность – внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы, которые исходят от религии» [7, с. 100–101]. Понятия «духовность» и «нравственный» имеют сакральную семантику [17, с. 336–353].

Душа человека часто отождествляется с нравом, т.е. свойством (характеристикой) души [10, с. 32–35], которое определяет нравственный смысл действий (поступков), поведения самого человека и его души.

Концепт «духовно-нравственный смысл», как духовность и нравственность, обладает сакральной семантикой.

Все правовые (уголовные) преступления, определённые законом, являются духовно-нравственными преступлениями, так как представляют собой нарушения норм морали (нравственности) и прав души и духа человека, а также направлены против души человека [4, с. 53–59]. Соответственно, в духовном и нравственном понимании под правонарушителем (преступником) подразумевается человек, который нарушил не только юридический закон, но и нормы морали (нравственности) и права души и духа другого человека, посягнул на духовную личность (сущность) человека. При этом правонарушитель вредит сам себе, своей духовной личности, в целом наносит вред своей душе.

Под коррупцией (от лат. *corrumpere* – растлевать, лат. *corruptio* – подкуп, порча) понимается не только правовое (уголовное), но и духовно-нравственное преступление [3, с. 24–28]. В религиозном понимании коррупция – это грех или нравственный порок [3, с. 24–28].

Коррупция – это следствие злых помыслов (мыслей, намерений) и безнравственных поступков [12, с. 54–56].

Национальные законодательства Российской Федерации (далее – РФ), Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) и Республики Казахстан имеют идентичные правовые определения понятия «коррупция». Например, в соответствии с пунктом 1 статьи 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», коррупция – это: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [15].

В законодательстве РФ, ДНР и Республики Казахстан отсутствует правовое определение «коррупционное преступление», но имеются понятия «коррупционное правонарушение», «преступления коррупционной направленности». При этом в РФ данный термин используется в судебной системе, что подтверждается постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». То есть в праве под коррупционным правонарушением могут подразумевать коррупционное преступление, если совершенное деяние подпадает под действие уголовного законодательства.

Согласно статье 1 Закона ДНР «О противодействии коррупции», коррупционное правонарушение – это деяние, обладающее признаками коррупции, за которое действующим законодательством установлена

гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность [11].

В юридической науке под коррупционным преступлением понимают «предусмотренное уголовным законом общественно опасное незаконное использование лицом своего публичного статуса или незаконное предоставление выгоды лицу, обладающему публичным статусом, совершаемое с прямым умыслом и целью получения выгоды для себя или своих близких» [8, с. 8].

Традиционно правоведы под коррупционным преступлением подразумевают деяние, обладающее признаками коррупции, за которое действующим законодательством установлена уголовная ответственность.

Коррупция связана с конфликтом интересов и духовно-нравственными рисками, под которыми понимаются «риски, связанные с духовными нравственным уровнем человека, который определяет верные и направленные на пользу человека и общества управленческие решения» [9, с. 179–182]. «Конфликт интересов представляет собой не только юридический конфликт, но и духовно-нравственный конфликт, который возникает между духовно-нравственными ценностями, душой, совестью человека и его личными интересами» [5, с. 22–28]. Слабый духовно-нравственный уровень человека или его отсутствие порождает различные человеческие пороки, которые приводят человека к правонарушениям и преступлениям [5, с. 22–28].

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что в духовно-нравственном понимании коррупция, коррупционные и другие правонарушения (преступления) – это духовно-нравственные и определённые законом правовые правонарушения (преступления), направленные против духовной, социальной и биологической личности (сущности) человека, и представляющих собой нарушение и игнорирование норм морали (нравственности) и прав души и духа человек, а также юридического закона.

По мнению соавтора, «создание антикоррупционных органов, введение высоких стандартов найма госслужащих, принятие кодексов поведения, публикация данных о доходах – меры необходимые, но недостаточные. В условиях коррупционной системы их легко симулировать. Реальные действия должны корректироваться не только по мере осуществления отдельных мероприятий, но и с учётом результатов глубокого анализа коррупции, её причин, мотивации коррупционного поведения, более серьёзной и объективной оценки антикоррупционной политики государства, а также на основе механизма раннего обнаружения точек возникновения коррупционных рисков» [13, с. 243–245].

Нами обращается внимание на то обстоятельство, что при разработке мер профилактики и борьбы с коррупцией необходимо учитывать духовно-нравственные риски и конфликты.

Заключение. В ходе исследования было установлено, что коррупция и коррупционные правонарушения (преступления) направлены не только против социальной, биологической сущности человека, но и духовной личности человека, его души и духа.

Список литературы

1. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И., Шкуран О. В. Духовно-нравственный смысл деятельности как фактор консолидации молодёжи и общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 15.02.2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О.А. Полюшкевич. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – С. 401–407.
2. Асадуллина Г.Р., Ивентьев С.И. Национальная духовная культура и душа человека // Башкирская духовная жизнь в поликультурном пространстве: прошлое, настоящее и будущее: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Уфа, 21.05.2020 г.) / отв. ред. Г.С. Кунафин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 21–29.
3. Асадуллина Г.Р., Ивентьев С.И. Духовно-нравственная ответственность и коррупция // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 9 декабря 2020 г. / под ред. А. В. Морозов [и др.]; Минобрнауки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Казань : Изд-во КНИТУ, 2021. – С. 24–28.
4. Боброва Н.А., Данакари Л.Р., Ивентьев С.И. Духовно-нравственный смысл понятий «преступник», «жертва» и «сакральная жертва» // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях: Материалы II международной научно-практической конференции, 20-21 мая 2022 года, г. Донецк / отв. ред. к.ю.н., доцент С.Ю. Мироненко. – Донбасская юридическая академия. – Донецк, 2022. – С. 53–59.
5. Боброва Н.А., Данакари Л.Р., Ивентьев С.И. Духовно-нравственные риски в политической и научной деятельности России // Национальная безопасность и идеология // Сборник научных статей. / Под общей редакцией доцента Саркаровой Н.А. – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2022. – С. 22–28.
6. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 544 с.
7. Гузенко С.С. Свобода совести, физическая культура и спорт // Здоровьесбережение как инновационный образования: сборник материалов Международной научно-практической интернет-конференции, Санкт-Петербург, 15.04.2020 г. – СПб.: ЧОУ ВО СПбУТУиЭ, 2020. – С. 100–108.
8. Григорьев В.А., Дорошин В.В. Коррупционное преступление: понятие, признаки, виды. М., 2002.
9. Гузенко С.С., Тимофеев Р.А. Духовно-нравственный аспект риск-менеджмента // Информационные технологии в экономике: материалы IV Республиканской научно-практической Интернет-конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, 25-26 марта 2020 года [Электронное издание]. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2020. – С. 179–182.
10. Данакари Л.Р., Ивентьев С.И. Человек и духовно-нравственная интуиция // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26–

- 28.10.2021 г.). – Том 10: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – С. 32–35.
11. Закон ДНР «О противодействии коррупции». – URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0027-265-20160405/> (дата обращения: 31.07.2022).
 12. Ивентьев С.И. Коррупция – это следствие злых помыслов и безнравственных поступков // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения: материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 11 декабря 2019 г. / под ред. А. В. Морозова; Минобрнауки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2021. – С. 54–56.
 13. Нуртазин М.С. Институциональная реформа и антикоррупционная стратегия – ключ к укреплению имиджа госаппарата // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 5-1. – С. 243–245.
 14. Самылова О.А. Духовно-нравственный смысл жизни юношеского периода // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 2 (51). – С. 307–309.
 15. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. – 30.12.2008. – № 266.
 16. Штумпф С. П. Генезис духовности в контексте религиозно-философского дискурса // Ярославский Педагогический Вестник. – 2014. – № 1. – Т. I. – С. 186–190.
 17. Шкуран О.В. Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты. Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т.10. – № 2. – С. 336–353.

УДК 343.69

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Сапрунова Е. С., Попова А. А.

Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Ростов-на-Дону, РФ
rf@rpa-mjust.ru.

Введение. В соответствии с основными направлениями деятельности российского государства, укрепление законности и правопорядка являются приоритетными в обеспечении высокого уровня защищенности граждан. В следствие этого, необходимой мерой при расследовании преступлений и судебном рассмотрении дел является проведение различных судебных экспертиз, которые позволяют с высокой степенью достоверности, на основе применения специальных научных знаний, установить те или иные фактические данные, имеющие существенное значение для разрешения вопросов, стоящих перед судебными органами.

Проведение судебной экспертизы в большинстве дел является незаменимым средством доказывания, установления истинны. На

сегодняшний день применяется множество экспертиз, которые активно используются при расследовании различных категорий преступлений и правонарушений, разрешения гражданско-правовых споров. Особую значимость судебные экспертизы имеют в рамках уголовного судопроизводства, где для каждого случая существуют приоритетные направления выбора экспертизы в зависимости от обстоятельств дела и характера совершенного преступления.

В рамках данной работы рассмотрим судебную строительно-техническую экспертизу, которая проводится с целью исследования строительных объектов и территории, функционально связанной с ними для получения фактических данных, имеющих доказательственное значение в ходе судопроизводства, а также при проверке сообщений о преступлениях [1, с. 1].

Основная часть. Постоянное возрастание масштабов строительства приводит как к положительным, так и к негативным последствиям. Травматизм и даже гибель рабочих на стройках, обрушение зданий и сооружений являются отрицательным фактором общественного прогресса в данном виде работ. В большинстве случаев причиной такой неблагоприятной ситуации является преступная халатность, нарушение правил ведения строительных работ, злоупотребления должностными полномочиями и тому подобное. Таким образом, обеспечение безопасности и качественного проведения строительных и ремонтных работ в ходе строительства и эксплуатации промышленных и гражданских объектов перестало быть отраслевой проблемой, а вышло на общегосударственный уровень. По статистике Росстата в 2017 году численность пострадавших с утратой трудоспособности в строительстве сфере на 1 рабочий день и более, в том числе и со смертельным исходом составила 2146 человек, из которых погибло 214, в 2018 году 1930 и 190 человек соответственно. За последние три года данные показатели также характеризуются значительным количеством смертельных исходов (2019 – 166, 2020 – 144, 2021 – 191) и утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более в том числе со смертельным исходом (2019 – 1823 человека, 2020 – 1575, 2021 – 1701 человек) [2].

Главным фактором успешного выявления и раскрытия преступлений в строительной сфере является способность надлежаще использовать специальные знания субъектами судопроизводства. Это обуславливается рядом причин, а именно: особой специализацией организации и ведения строительных работ, их соответствующего материально-технического и технологического обеспечения; наличием причинно-следственных связей между совершением преступлений в сфере строительства и профессиональной деятельностью хозяйствующих субъектов в данной области; необходимостью специальных знаний о нормативно-правовой и технологической документации; характере материальных следов;

сложностью восстановления всей цепочки событий – обнаружения, осмотра, фиксации и исследования нетрадиционных с точки зрения криминалистики вещественных доказательств.

Несмотря на то, что строительно-техническая экспертиза при расследовании преступлений в строительной сфере имеет значимый приоритет перед иными процессуальными действиями в виде комплексности и достоверности проверки механизма совершения противоправных деяний, сложность вызывает назначение самой экспертизы. Это связано, с тем, что признаки состава тех или иных уголовных норм не всегда имеют ярко выраженную форму, а наличие смежных по содержанию правовых норм не предусматривает назначение судебно-строительной экспертизы.

Например, при возбуждении уголовных дел по фактам несчастных случаев на предприятиях строительной сферы преступления зачастую ошибочно квалифицируются по статье 216 УК РФ. Это заблуждение отчасти связано с тем, что область применения СНиП 12-03-2001 распространяется на изготовление изделий, предназначенных для строительного производства. При этом смежность данного вида деятельности к строительной отрасли не имеет решающего значения.

Однако, сами процессы изготовления строительных материалов, отдельных элементов сооружений по своей сути, технологическим характеристикам является заводским производством, а не строительством. Следовательно, если при проведении расследования уголовного дела о преступных нарушениях правил ведения строительных работ будет выявлена причинно-следственная связь между изготовлением некачественных строительных материалов или дефектных строительных агрегатов и причинением тяжкого вреда здоровью или смертью человека, установленные нарушения будут квалифицированы по совокупности статей 216 и 238 УК РФ. И в этом случае требуется усилить внимание на разграничении квалификации данных видов деяний.

Ещё один вопрос возникает исходя из положений части 1 статьи 144 УПК РФ, где законодателем в стадии возбуждения уголовного дела предусмотрена возможность производства исследований не только с участием эксперта, но и специалиста. Следует акцентировать внимание на том, что такое решение законодателя является не точным и не в полной мере обоснованным. Ведь проведенное специалистом исследование, с точки зрения допустимости доказательств остается спорным, так как отсутствует процедура его получения [3, с.14]. В связи с этим важно разработать методические рекомендации для следователей и судей, назначающих проведение строительно-технической экспертизы; четко регламентировать процессуальные аспекты ее проведения экспертизы.

Заключение. Резюмируя вышеизложенное, следует сказать, что проведение судебной строительно-технической экспертизы в настоящее время требует не только правильной квалификации противоправных

деяний для ее назначения, но и уголовно-процессуальную детализацию оснований и порядка проведения, как со стороны специалиста, так и эксперта. На сегодняшний день судебная строительно-техническая экспертиза еще не является полностью сформировавшейся и для ее развития необходимо предпринимать качественные меры, организационно-методического и правового характера.

Список литературы

1. ГОСТ Р 59529-2021. Судебная строительно-техническая экспертиза. Термины и определения: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 25 мая 2021 г. № 449-ст. – Москва: Стандартинформ, 2021. – 11 с.
2. Сведения о травматизме на производстве и профессиональных заболеваниях. – Текст: электронный // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – 2022. – URL: https://rosstat.gov.ru/working_conditions?print=1 (дата обращения 23.09.2022).
3. Гречихина Е.А., Салькова Е.В. Проблемы и направления совершенствования системы судебной строительно-технической экспертизы на современном этапе // Современные научные исследования: теория и практика: материалы научно-практической конференции. – Нефтекамск, 2021. – С. 12-19.

УДК 615.849

СОЗДАНИЕ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВРЕДОНОСНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ КАК СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Семыкин Н.В., канд. юрид. наук, доц., **Грачева И. А.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
qr.irina98@mail.ru

Введение. На сегодняшний день электронные технологии функционируют буквально во всех сферах жизни общества, что, в свою очередь, актуализирует проблему сохранности (в качестве конфиденциальных) и доступности охраняемых правом сведений о человеческой жизни, содержащихся в компьютерных системах. Решая данную проблему, законодатель закрепил в Уголовном кодексе Донецкой Народной Республики [1] (далее – УК ДНР) состав ст.318 об ответственности за «создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ».

Цель исследования заключается в изучении особенностей квалификации преступлений, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ.

Основная часть. Преступления в сфере обеспечения компьютерной безопасности набирают частоту совершения и поэтому законодательно необходимо своевременно вносить соответствующие изменения в уголовное законодательство. Так преступники находят новые способы совершения преступлений в данной сфере и, в связи с этим, необходимо своевременно реагировать, и дополнять диспозиции статей, предусматривающих уголовную ответственность за то или иное преступление в сфере обеспечения компьютерной безопасности, чтобы преступные деяния не оставались безнаказанными.

Перед тем как рассматривать упомянутое выше преступления по ст. 318 УК ДНР, следует обратиться к самому определению «вредоносных компьютерных программ». Необходимо отметить, что в законодательстве ДНР отсутствует четкое и однозначное определение понятия «вредоносная компьютерная программа», что значительно усложняет деятельность по привлечению к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений данной сферы. Если толковать данное определение, ссылаясь на формулировку, изложенную в ч. 1 ст. 318 УК ДНР, то под подобными программами следует рассматривать все те, что были написаны с целью незаконного копирования, использования, передачи или изменения компьютерной информации. Получается, что основной акцент законодателем делается именно на цели написания программы, но не на ее структурные составляющие. С позиции такого подхода к определению можно объяснить отсутствие состава преступления в случае написания подобных программ в рамках учебного процесса, так как написавший программу не ставит перед собой задачу использовать ее для нарушения общественного порядка. В тоже время, обращение к таким субъективным категориям как мотив и цель можно назвать нецелесообразными в рамках рассмотрения подобных правонарушений. Таким образом, очевидна необходимость выявления отдельных характеристик, позволяющих четко определить способность программы к совершению указанных в законе преступных функций.

Далее рассмотрим объективные и субъективные признаки преступления, предусмотренного ст. 318 УК ДНР.

Основным непосредственным объектом являются общественные отношения, которые обеспечивают информационную безопасность, а предметом – собственно компьютерная информация. Факультативный непосредственный объект может выражаться в личных правах граждан, неприкосновенности частной жизни, отношениях собственности, общественной безопасности [2, с. 491].

С объективной стороны анализируемое преступление проявляется в совершении хотя бы одного из следующих действий:

– создание компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного

уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации;

- использование таких компьютерных программ или такой компьютерной информации;

- распространение таких компьютерных программ или такой компьютерной информации.

Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 318 УК ДНР, сконструирован по типу формального, что прямо вытекает из буквы и смысла закона. Следовательно, для признания преступления оконченным не требуется наступления вредных последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации либо копирования информации, нарушения работы различных устройств или их сети. Достаточно установить факт совершения хотя бы одного из альтернативно перечисленных в диспозиции статьи действий. Но в случае, когда указанные выше последствия наступили, действия виновного подлежат дополнительной квалификации по совокупности преступлений.

Достаточно спорными являются потенциально возможные общественно опасные последствия, указанные в части первой рассматриваемой статьи. На практике достаточно сложно установить цель совершаемых виновным действий и их связь с будущими последствиями. Также сложность состоит в том, что в уголовном законе не раскрываются характеристики данных последствий, что также затрудняет процесс квалификации. Было бы целесообразным внести соответствующие разъяснения этих терминов для судебных органов в целях единообразной квалификации совершаемых посягательств.

Субъективная сторона состава преступления выражается в словосочетании «заведомо предназначенных», таким образом, можно констатировать, что формой вины выступает прямой умысел. Субъектом данного преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет.

Квалифицирующими признаками преступления являются групповой характер преступной деятельности, использование лицом служебного положения, а также корыстный мотив или наступление крупного ущерба, а особо квалифицирующим признаком выступает причинение тяжких последствий или угроза их причинения. В случаях, когда в статье указываются конкретные последствия, состав преступления по конструкции будет материальным. Причем тяжкими последствиями могут выступать различные виды причинения ущерба: прекращение работы организации, утрата ценной информации, нанесение вреда здоровью человека и другие.

Заключение. В современном мире имеется большое количество вредоносных компьютерных программ, однако, что они представляют

собой и каких видов бывают – непонятно. Безусловно, что это сказывается и на практике правоприменения, поскольку законодатель не всегда единообразно квалифицирует преступные деяния. В связи с этим встает необходимость закрепления в разъяснительном постановлении Пленума Верховного Суда ДНР в целом вопросов, связанных с квалификацией создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, а также отражением в нем и терминологического обозначения таких дефиниций как вирус, вредоносные компьютерные программы и их виды и т.д.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 года. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 22.09.2022).
2. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник / Г. Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комисарова, А. И. Рарога. 3-е изд. перераб. и доп. – М. : Проспект, 2011. – 688 с.

УДК 343.85

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

Семыкина Л. А., канд. юрид. наук, доц., **Савицкая Ю. А.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
semikina@donnu.ru, juliasav2000@mail.ru

Введение. В современном обществе одним из наиболее актуальных вопросов является вопрос противодействия торговле людьми. Торговля людьми лишает миллионы людей во всем мире их достоинства и свободы, она подрывает национальную безопасность, искажает рынки, обогащает транснациональных преступников, террористов и является оскорблением общечеловеческих ценностей. За последние несколько лет международное сообщество стало проявлять все большую озабоченность этим явлением, часто отмечая тот факт, что торговля людьми приобретает все большую актуальность и требует механизма противодействия.

Целью данного исследования является анализ проблемы торговли людьми и необходимых мер по противодействию этого преступного деяния.

Основная часть. Каждый год дети, женщины и мужчины попадают в руки торговцев людьми, находясь при этом как в своей стране, так и за рубежом. Так, общее число жертв международной торговли людьми оценивается от 600 до 800 тысяч человек в год [1, с. 96].

Организация «Human Rights Watch» считает, что реальное число ежегодно продаваемых людей достигает 800-900 тыс. По оценкам Центра безопасности человека (ныне действует при Университете Саймона Фрэзера в Ванкувере, Канада), ежегодно в рабство продаются до 4 млн. человек. Международные документы обращают внимание на то, что 80% пострадавших от транснациональной торговли людьми составляют женщины и дети, из которых 70 % продаются в другую страну в целях сексуальной эксплуатации [2, с. 278].

Ежегодно, как свидетельствуют оценки ООН, торговцы людьми зарабатывают более 7 млрд. долларов США. В эту сумму входят только доходы, получаемые за счет продажи и перепродажи людей; доход, приносимый рабами своим хозяевам, не учитывался [3, с. 182].

Распространение торговли людьми связано с бедностью, нестабильностью, большим количеством безработных, низким уровнем образования, кризисом института семьи (рост насилия в семье, невнимание к детям), низким уровнем правового воспитания населения. Также распространению способствуют вооруженные конфликты, стихийные бедствия, приводящие к появлению большого количества перемещенных лиц, которые в последующем подвержены риску стать жертвами торговли людьми.

Из вышеизложенного следует, что противодействие торговле людьми – сегодня одна из самых острых проблем, носящих не только государственный, но и мировой характер.

Для того, чтобы противодействовать торговле людьми, необходимо действовать в различных сферах: в сфере законодательства, правоохранительных органов, социально-экономической сфере и СМИ.

Одним из эффективных методов по борьбе с торговлей людьми является совершенствование международного и внутригосударственного законодательства, так как именно законодательство является нормативной базой для применения мер по борьбе с торговлей людьми, оно оказывает предупредительное и воспитательное влияние на современное общество.

Речь идет о признании государствами международных Конвенций, Протоколов, их ратификации, разработке на государственном уровне дополнительных правовых актов в этой сфере.

Так, основные меры по борьбе с этим опасным явлением излагаются в ряде международных документов: в 1949 г. ООН приняла Конвенцию по борьбе с торговлей людьми и использованию их для проституции, в 1989 г. принята Конвенция ООН о правах ребенка, в 2000 г. принят Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, а в 2010 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила Глобальный план действий по борьбе с торговлей людьми.

В статье 3 Конституции Донецкой Народной Республики устанавливается, что человек, его права и свободы представляют собой

высшую ценность, их признание, соблюдение и защита являются обязанностью государства [4].

В УК Донецкой Народной Республики повторяется международно-правовое положение о торговле людьми и говорится в ней о таких способах, как купля-продажа, вербовка, перевозка, передача, получение, укрывательство [5]. Однако уголовный закон не в достаточной степени обеспечивает необходимую правовую регламентацию противодействия преступлениям в сфере торговли людьми.

В связи с этим целесообразно было бы принять в Донецкой Народной Республике отдельный закон, направленный на борьбу с торговлей людьми. Потребность такого закона объясняется необходимостью устранения причин этого явления, игнорирование которых может привести к еще большему росту преступности и количеству жертв.

Важным элементом противодействия торговле людьми являются правоохранительные органы, действия которых должны быть направлены на предупреждение, пресечение совершения новых преступлений в сфере торговли людьми.

В социально-экономической плане необходимо повышать уровень жизни людей, бороться с бедностью, большим количеством безработных, низким уровнем образования, поскольку эти факторы влияют на распространение торговли людьми. Также необходимо оказание финансовой и другой помощи жертвам торговли людьми для возмещения причиненного им вреда, для их реабилитации.

Для противодействия торговле людьми необходимо и информирование общества через СМИ о существующей проблеме: нужно раскрыть обществу суть проблемы. Более того, должно быть взаимодействие между государственными органами, СМИ и общественными организациями в борьбе с торговлей людьми.

Заключение. Таким образом, противодействие такому транснациональному преступлению, как торговля людьми, требует системы отлаженных действий. Четкость действий необходима на всех уровнях – международном, государственном, местном. Это может быть достигнуто при взаимодействии государств в рамках сотрудничества с международными и неправительственными организациями, совместной разработке новых международно-правовых актов, имплементации их в национальное законодательство, своевременных действий правоохранительных органов, направленных на предупреждение совершения новых преступлений, разрешения проблем социально-экономического характера, адаптации в общество жертв данного преступления, должного информирования граждан.

Список литературы

1. Кобец, П. Н. Противодействие торговлей людьми и рабским трудом: опыт и проблемы / П. Н. Кобец // Современные научные исследования и разработки. – 2017. – № 6(14). – С. 95-104.

2. Конысбекова, А. Т. Актуальные вопросы противодействия торговле людьми / А. Т. Конысбекова // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2013. – № 1-2 (29-30). – С. 278-282.
3. Бородич, А. И. Международное сотрудничество в противодействии торговле людьми / А. И. Бородич // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2020. – № 1(39). – С. 181-185.
4. Конституция Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 16.09.2022). – Загл. с экрана.
5. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 №ВС 28-1 (по состоянию на 28.06.2022 №183-ПНС). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 16.09.2022).

УДК 343.575

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ

Смирнов А. А., канд. юрид. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
smirnov.a.a-2020@yandex.ru

В уголовном законодательстве Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) не предусмотрено специальной статьи, которая регламентировала бы совместную деятельность следователя и оперативных сотрудников правоохранительных ведомств, при расследовании уголовных дел в рамках единой организационной структуры. Нет и самостоятельных ведомственных и межведомственных нормативных актов, которые бы в полной мере регламентировали порядок формирования и деятельность следственно-оперативных групп (далее – СОГ), в том числе и межведомственных. В свою очередь это требует от уголовно-процессуальной науки разработки актуальных проблем создания таких групп, выдвинутых практической необходимостью предварительного следствия.

В тоже время, успешная борьба с преступностью требует постоянного совершенствования деятельности органов предварительного следствия. Трудности, связанные с раскрытием и расследованием особо сложных преступлений, обуславливают необходимость объединения процессуальных возможностей следственных и внепроцессуальной оперативной работы сотрудников органов дознания правоохранительных ведомств.

Формой такого взаимодействия, предполагающее согласованное осуществление следственной и оперативно-розыскной деятельности, направленной на быстрое, своевременное и полное раскрытие преступлений, является межведомственная СОГ, в состав которой могут входить следователи и оперативные сотрудники существующих в ДНР правоохранительных ведомств.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на основания создания межведомственных СОГ. Среди них можно выделить: а) сложность получения большого по объему доказательственного массива информации, значительное количество субъектов, которые участвовали в преступной деятельности и характер преступной группировки; б) большой объем следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, которые необходимо провести по многоэпизодным уголовным делам; в) реализация в рамках конкретного уголовного дела оперативных материалов различных правоохранительных органов; г) расследование особо сложных преступлений против жизни и здоровья «первых лиц государства»; в сфере экономики, в том числе в кредитно-финансовой, банковской систем, внешнеэкономической деятельности; связанных с проявлениями коррупции в действиях высокопоставленных должностных лиц, организованной преступностью, имеющей межрегиональный и межгосударственный характер и т.д. [1].

Вместе с тем при создании межведомственной СОГ есть проблемы, которые остаются неопределенными, что препятствует ее эффективной деятельности и функционированию. Очень важно правильно оформить решение о создании такой группы, так как следователи и оперативные сотрудники органа дознания правомочны приступить к производству расследования только тогда, когда их полномочия надлежащим образом отражены в материалах уголовного дела.

Однако, ни следователь, ни начальник следственного подразделения не имеют необходимой распорядительной власти для создания межведомственной следственно-оперативной группы. Не может решить этот вопрос и правоохранительного органа, поскольку указанное лицо, будучи начальником органа дознания, не имеет достаточных процессуальных прав для создания группы, в которую входят не только оперативные работники, но и следователи, тем более сотрудники различных правоохранительных ведомств [2].

Определяя целесообразность создания межведомственной СОГ, прокурор должен учитывать объем и характер будущего следственного производства, определить структуру и персональный состав группы. В частности выяснить, является ли целесообразным включение вместе со следователем прокуратуры-следователя органов государственной безопасности, а также органов внутренних дел, в зависимости от вида (квалификации) расследуемого преступления и тому подобное.

Инициатором создания межведомственной СОГ может быть: прокурор, который непосредственно осуществляет надзор; вышестоящий прокурор; следователь, который сначала принял дело к своему производству; начальник следственного подразделения; начальник подразделения, осуществляющего проверку и реализацию материалов оперативно-розыскной деятельности по данному уголовному делу; руководитель соответствующего правоохранительного органа.

Инициатор представляет руководителям других правоохранительных органов обоснование о необходимости создания межведомственной СОГ с расчетом необходимых сил сотрудников правоохранительных органов, участие которых необходимо в расследовании уголовного дела, а также материально-технического и финансового обеспечения работы группы.

Достаточно важным вопросом является выбор руководителя группы, поскольку на него возлагается обязанность руководства коллективом следователей и оперативных работников, контролировать действия всех участников группы. При выборе руководителя (старшего) межведомственной СОГ необходимо исходить из того, что МГБ, МВД, прокуратура и т.п. являются самостоятельными правоохранительными органами, и потому нельзя опираться на такой критерий, как занимаемое должностное положение (например, следователь по особо важным делам, начальник следственного отдела) или наличие высшего, чем у других следователей, звания или классного чина.

Поскольку главная роль в деятельности межведомственной СОГ предстоит следователю-руководителю, то он: а) несет персональную ответственность за организацию работы группы и подчиненных сотрудников, соблюдение законности, достижение конкретных результатов в расследовании и раскрытии преступлений; б) принимает решение о направлении расследования дела, выносит от своего имени постановления о привлечении лиц в качестве обвиняемых, о закрытии дела, представление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, подписывает обвинительное заключение и т.п.; в) организует взаимодействие участников межведомственной СОГ и тому подобное [3].

В результате сочетания процессуальных действий следователей и оперативно-розыскных мероприятий (применение которых является исключительной компетенцией оперативных подразделений) в деятельности межведомственной СОГ, достигается наибольшая эффективность в сборе доказательств и установлении истины по делу, что позволяет в короткий срок раскрывать особо сложные и опасные преступления. При такой форме организации работы облегчается взаимный обмен информацией между членами группы, работа по уголовному делу ведется одновременно, организовано, в условиях постоянного делового контакта, что в целом улучшает процесс расследования [4].

Таким образом, в связи с чрезвычайностью правового статуса межведомственных СОГ, необходимо законодательно закрепить порядок их создания в уголовно-процессуальном законодательстве ДНР.

Список литературы

1. Литвишко, П.А. Создание и деятельность совместных следственно-оперативных групп в СНГ: текущий этап нормотворчества / П.А. Литвишко // Российский следователь. – 2010. – № 4.
2. Травкин, Е.А. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 8.
3. Матвейчев, Ю.А. Теоретические, правовые и организационные основы расследования уголовных дел следственно-оперативными группами: моногр. / Ю.А. Матвейчев. – Могилев: Могилёвский институт МВД, 2016. – 140 с.
4. Матюк, А.В. Взаимодействие следователя Следственного комитета Республики Беларусь с органом дознания при раскрытии и расследовании преступлений против порядка осуществления экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Матюк. – М., 2019. – 195 с.

УДК 340

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИЗМ»

Тимошенко Н. А., канд. юрид. наук, доц., **Бабаскин Б. М.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
nina.timoshenko@donnu.ru

Актуальность исследования терроризма как явления, создающего угрозу национальной и международной безопасности, обусловлена значительным распространением данного негативного фактора общественной жизни. Следует отметить, что терроризм имеет свою историю становления и развития, также некоторые особенности, а существенная его трансформация отнесена к периоду XX-XXI ст., когда исследуемое явление признаётся одной из основных проблем и одной из угроз национальной безопасности. На современном этапе развития государства и общества глобальные масштабы приобретают процессы противодействия и борьбы с различными проявлениями терроризма.

В настоящее время одной из актуальных проблем в процессе исследования терроризма, его истории и сущности, представляется отсутствие унифицированного нормативного закрепления понятия «терроризм» на национальном и международном уровнях, что значительно усложняет процесс исследования данного вопроса.

В целях проведения качественного анализа генезиса понятия «терроризм» следует рассмотреть некоторые его исторические трансформации. Например, в период Французской буржуазной революции (1793-1794 гг.) исследуемое понятие означало «правление ужаса» [1, с. 109]. Далее, во второй половине 50-х гг. XX ст. данный термин использовался прежде всего в контексте антиколониальной борьбы, вспыхнувшей в Азии, Африке и на Ближнем Востоке. Подобное понимание терроризма сохранилось и в 70-е гг. XX ст. с поправкой на то обстоятельство, что группы, практиковавшие террористическую деятельность, постепенно стали распространять идеологию терроризма на «новые» территории и регионы. В свою очередь, ряды террористических организаций постепенно дополняются радикальными группами, для которых характерна идеологическая мотивация и политическая ориентация. Описанные группы и организации в своей деятельности следуют целям противостояния институтам западного демократического государства.

В начале 80-х гг. XX ст. под терроризмом стали понимать умышленные действия, осуществляемые с целью нарушения равновесия мировой политической системы, которая сформировалась после Второй мировой войны. Уже в 90-х гг. XX ст. термин «терроризм» применяют в целях обозначения угрозы стабильности национальных государств, которая исходит от негосударственных исполнителей и организаций неподконтрольных государству. Также указанный термин применяют для определения насилия, оказывающего влияние на население в городе или на другой территории, где власть перешла от законного правительства к полукриминальным структурам. В свою очередь, в начале XXI ст. значение и использование слова «терроризм» стали более размытыми, анализируемым термином обозначают также вооруженные конфликты, которые не подпадают под рамки традиционных представлений о войне как о вооруженном столкновении двух или более воюющих государств, где боевые действия ведутся регулярными армиями или подконтрольными одной из враждующих сторон иррегулярными силами (партизанами) [2, с. 23–25].

Таким образом, эволюция терроризма как феномена и как социально-политического явления в XX в. и XXI в. позволяет сделать вывод о его достаточно широкой содержательной интерпретации и анализируемого понятия. При этом понятие «терроризм» представляет собой своеобразный инструмент для различных идеологических и политических манипуляций общественным сознанием в целях дестабилизации общества.

Следует обратить внимание, что в юридической литературе выделяют следующие сущностные характеристики терроризма: терроризм представляет собой общественно-опасное деяние, которое создаёт угрозу гражданскому обществу посредством запугивания, а также созданием

стрессовых и напряжённых ситуаций; акты терроризма совершаются в светлое время суток, что отличает терроризм от иных преступлений; террористические акты совершаются в целях создания напряжения для большего количества людей, чтобы привести к большому количеству жертв, а также в целях привлечения большего внимания к произошедшему; применение насилия к большому количеству людей [3, с. 215].

Единый подход к формулированию и закреплению на международном уровне универсального понятия «терроризм» имеет основополагающее значение в скоординированном обеспечении противодействия ему, в том числе позволяет сформировать правовую базу международных обязательств по борьбе с указанным явлением. Отметим, что первые стремления зафиксировать понятие «терроризм» были предприняты в 1937 году в проекте Конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него, разработанном по инициативе Лиги Наций (была принята, но так и не вступила в силу). Проект конвенции содержал понятие международного террористического акта, перечисление его субъектов и объектов; в свою очередь, терроризм определялся как преднамеренное действие, способное подвергнуть опасности человеческие жизни путём создания общей опасности. Следует обратить внимание, что на международном уровне основная координирующая роль по вопросу выработки понятия «терроризм» и его политико-правовой трактовки принадлежит Организации Объединённых Наций. Например, в 1972 г. Генеральной Ассамблеей ООН было принято решение о создании Специального комитета по международному терроризму, который в 1996 г. был преобразован в Специальный комитет по терроризму. Уже в 2001 г. Совет Безопасности ООН учредил Контртеррористический комитет. Указанные специализированные органы призваны осуществлять межгосударственную координацию борьбы с терроризмом и оказывать техническую помощь государствам-членам ООН в создании систем противодействия терроризму, в том числе разработка универсального понятия «терроризм». Однако в документах, принятых под эгидой ООН, до сих пор используются отличающиеся друг от друга определения понятия «терроризм». Причиной указанного является отсутствие в научном экспертном сообществе общих подходов и критериев по толкованию основных терминов при определении понятия «терроризм», а также динамика современного терроризма как социально-политического явления, в том числе неоднозначное восприятие рассматриваемого явления в индивидуальном и общественном сознании [4, с. 18].

Рассмотрим международные акты различного уровня, которые ориентированы на борьбу и противодействие терроризму, на предмет наличия или отсутствия непосредственного понятия «терроризм». Например, дефиниция исследуемого понятия отсутствует в следующих

актах: в Декларации 1994 года о мерах по ликвидации международного терроризма; в Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом; в Международной конвенции 1999 года по борьбе с финансированием терроризма; в Международной конвенции 2005 года о борьбе с актами ядерного терроризма; в Конвенции 2008 года о взаимной правовой помощи и выдаче в целях борьбы с терроризмом; в Европейской конвенции 1977 года о пресечении терроризма; в Соглашении 2006 года о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств-членов Шанхайской организации сотрудничества лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности; в Договоре государств-участников Содружества Независимых Государств 2007 года о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма.

В свою очередь, дефиниция исследуемого понятия закреплена в следующих актах: в Договоре 1999 года о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом; в Шанхайской конвенции 2001 года о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; в Конвенции 2009 года Шанхайской организации сотрудничества против терроризма.

Отдельно следует выделить Конвенцию 2005 года Совета Европы о предупреждении терроризма, в тексте которой отсутствует термин «терроризм», при этом под «террористическим преступлением» понимается любое из преступлений в рамках положений и определений, содержащихся в одном из договоров, перечисленных в Приложении к указанному акту.

Целесообразно обратить внимание на закрепление понятия «терроризм» в национальном законодательстве Российской Федерации. Так, в ст. 3 ФЗ РФ «О противодействии терроризму» закреплена следующая дефиниция: «терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Таким образом, можно сформулировать следующий вывод. Несмотря на работу ООН и её специализированных органов, к настоящему времени так и не выработано универсальное понятие «терроризм», которое носило бы общепринятый характер и использовалось бы в международных правовых документах. Рассмотренные акты в своём большинстве (например, Декларация 1994 года о мерах по ликвидации международного терроризма) рассматривают терроризм как собирательное понятие, охватывающее различные его проявления, запрещенные многочисленными актами. В свою очередь, следует акцентировать внимание, что на

региональном уровне в некоторых документах (например, Договор 1999 года о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом) закрепляется дефиниция терроризма, несмотря на отсутствие понятия «терроризм» в универсальных международных актах. Также в отношении самой дефиниции анализируемого явления следует отметить, что наиболее приемлемой представляется закрепленная в Конвенции 2009 года ШОС против терроризма, т.к. акцент направлен на идеологию насилия, что соотносится с непосредственной этимологией самого термина. В свою очередь, дефиниции, закреплённые в Договоре 1999 года о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и в Шанхайской конвенции 2001 года о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, также представляются актуальными, однако содержат перечисления конкретных уголовно наказуемых деяний, что в большей степени относится к определению террористического акта.

Исходя из анализа научных подходов к определению понятия «терроризм», а также с учётом нормативного закрепления и понимания анализируемого термина в международных актах, целесообразным представляется сформулировать следующее определение: «терроризм» – идеология насилия, сопровождающаяся воздействием на органы власти и (или) международные организации путем совершения насильственных и (или) иных преступных действий либо угрозой совершения таковых (посредством устрашения населения, причинения ущерба личности, обществу и государству) в целях серьезной дестабилизации и (или) разрушения основополагающих политических, конституционных, экономических, социальных структур того или иного государства или международной организации.

Список литературы

1. Байханов А.И. Что представляет собой терроризм? // Профилактика экстремизма в системе образования. – 2021. – С. 107-117.
2. Терроризм – взгляд изнутри / Б. Хоффман; [Пер. с англ. Е. Сажина]. – М., 2003. – 252 с.
3. Эльмурзаев С.М. Некоторые особенности вербовки молодежи в экстремистские организации посредством сети Интернет // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 1-1. – С. 214-218.
4. Bogmatsera E.V., Il'ichev I.E. Terrorism: origins, concept, threats // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2018. – № 3. – P. 12-29.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Тимошенко Н. А., канд. юрид. наук, доц., *Таразанова К. С.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

nina.timoshenko@donnu.ru

Введение. Охрана семьи и несовершеннолетних осуществляется в том числе в рамках Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) [1]. В главе 20 УК ДНР содержатся 9 статей, направленных на охрану уязвимой категорий граждан – несовершеннолетних, а также института семьи. Стоит отметить, что зарубежное уголовное законодательство охраняет институт семейных ценностей более тщательным образом. Представляет интерес рассмотрение указанного зарубежного опыта, и возможное его заимствование.

Цель тезисов – проанализировать зарубежный опыт уголовно-правовой регламентации преступлений против семьи и несовершеннолетних, разработать предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства.

Основная часть. Автор М.В. Чугунова обобщает, что Уголовным кодексом Испании (далее – УК Испании) предусмотрена наиболее последовательная и обширная охрана интересов семьи. Нормы, устанавливающие уголовную ответственность за посягательства на семью, расположены в разделе XII УК Испании «Преступления против семейных отношений», состоящем из глав и отделов. В частности, УК Испании за незаконное усыновление предусмотрено лишение свободы на срок от 6 месяцев до двух лет с лишением родительских прав на срок до 10 лет (ст. 221) [2], что является более строгим наказанием по сравнению с УК ДНР, где лишение свободы вообще не предусмотрено в качестве наказания, а только: штраф, обязательные либо исправительные работы, арест. Считаем, что такое наказание, установленное испанским уголовным законом, является более справедливым, поскольку штраф или же арест за незаконные действия по усыновлению (удочерению) – слишком мягкие наказания по отношению к виновным, совершившим преступление, меняющее судьбу несовершеннолетнего.

Полагаем, что также широко освещена проблема семейных преступлений в перуанском уголовном законодательстве. Уголовный кодекс Перу (далее – УК Перу) [3] содержит часть III «Преступления против семьи», включающую 4 главы. Первая глава касается незаконных браков, вторая посвящена преступлениям против гражданского состояния,

третья глава содержит посягательства на родительские права, четвертая – отсутствию помощи семье. Представляет интерес уголовная ответственность за двоеженство, предусмотренная в ст. 139 УК Перу, а также за вступление в брак с заведомо состоящим в браке человеком (ст. 140 УК Перу). В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 139 УК Перу лицо, состоящее в браке и вступающее в повторный брак, наказывается лишением свободы на срок не менее одного года и не более четырех лет. Согласно ч. 2 ст. 139 УК Перу если в отношении своего семейного положения лицо вводит в заблуждение лицо, с которым он вступает в повторный брак, наказывается лишением свободы на срок не менее двух и не более пяти лет.

Брак с человеком, состоящим в браке, наказуем в соответствии со ст. 140 УК Перу. Не состоящее в браке лицо, которое сознательно вступает в брак с состоящим в браке лицом, наказывается лишением свободы на срок не менее одного года и не более трех лет.

Особенно проблема повторных браков при наличии действующего брака актуализируется в связи с множественностью гражданства в Донецкой Народной Республике. Лицо могло вступить в брак в Украине, где печать в паспорт о браке уже не ставится, и в дальнейшем заключить брак в Донецкой Народной Республике, имея при этом паспорт Донецкой Народной Республики, что ставит под угрозу семейные ценности, возможность выполнения лицом алиментных обязательств, институт брака в целом. Следовательно,

Г.А. Решетникова подчеркивает важность охраны интересов ребенка, его полноценного воспитания и развития, которая осуществляется всеми без исключения уголовными законами иностранных государств. Особое внимание следует обратить на то, что, в отличие от статьи 162 УК ДНР, статьи иностранного законодательства о неисполнении обязанности по воспитанию несовершеннолетних содержат так называемые составы поставления в опасность и не ограничивается ответственность лиц, совершивших преступление, простым фактом жестокого обращения. В частности, Уголовный кодекс Швейцарии наказывает тюремным заключением любое лицо, которое нарушает или проявляет небрежность по отношению к несовершеннолетнему и которое таким образом ставит под угрозу его физическое или духовное развитие. Вместо тюремного заключения может быть наложен штраф, если лицо действует по неосторожности (статья 219) [4].

Также стоит отметить, что в четвертой главе части III «Преступления против семьи» УК Перу, касающейся оставления без помощи семьи, содержится ст. 150 УК Перу «Оставление беременной женщины в критической ситуации». В соответствии с данной нормой лицо, бросающее беременную женщину, которая находится в соответствии с правовыми нормами в критической ситуации, подлежит наказанию в виде лишения

свободы на срок не менее шести месяцев и не более четырех лет, взысканию штрафа. Действительно, матери-одиночки часто могут попасть в критическую ситуацию – лишиться работы, утратить трудоспособность, заболеть трудноизлечимой болезнью, лечение которой влечет существенные расходы для этой женщины. Полагаем, что критичность ситуации должна устанавливаться судом в каждом конкретном случае с учетом материального положения женщины и других значимых факторов. Такая охрана материнства и детства уголовным законодательством представляется необходимой.

Заключение. Таким образом, проанализировано, что требуют закрепления в отечественном уголовном законодательстве нормы об уголовной ответственности за совершение следующих преступлений: 1) оставление беременной женщины в критической ситуации; 2) вступление в повторный брак лицом, состоящим в браке; 3) вступление в брак с заведомо состоящим в браке лицом.

Предложено ужесточить уголовную ответственность за незаконные действия по усыновлению (удочерению) путем дополнения перечня возможных наказаний лишением свободы на определенный срок.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014, действующая редакция по состоянию на 15.09.2022/. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.09.2022).
2. Código Penal. Decreto Legislativo № 635 (Уголовный кодекс Перу). – URL: <https://diariooficial.elperuano.pe/pdf/0034/codigo-penal-29.07.2020.pdf> (дата обращения: 21.09.2022).
3. Чугунова М.В. Сравнительно-правовой анализ уголовной охраны интересов семьи и несовершеннолетних в законодательстве зарубежных стран // Вестник ЧелГУ. – 2011. – №35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-ugolovnoy-ohrany-interesov-semi-i-nesovershennoletnih-v-zakonodatelstve-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 20.09.2022).
4. Решетникова Г.А. Охрана семьи и несовершеннолетних в уголовном законодательстве зарубежных государств // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2005. – №6-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-semi-i-nesovershennoletnih-v-ugolovnom-zakonodatelstve-zarubezhnyh-gosudarstv> (дата обращения: 20.09.2022).

ПОНЯТИЕ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Тимошенко Н. А., канд. юрид. наук, доц., **Хулла Е. В.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
nina.timoshenko@donnu.ru

Актуальность и необходимость научного осмысления проблем уголовно-правовой свободы личности проявляется в том, что свобода является необходимым и главным элементом конституционно-правового статуса человека. Недопустимость нарушения свободы личности возможно обеспечить путем установления ответственности за посягательства на свободу. Уголовная ответственность является разновидностью юридической ответственности, устанавливающей наказания за общественно-опасные деяния. Установление на законодательном уровне уголовной ответственности за посягательства на свободу личности, позволяет сделать вывод, что свобода личности является важной категорией правовой охраны, посягательства на которую квалифицируются как общественно-опасное деяние.

Следует отметить, что свобода личности в юридической науке рассматривается в качестве неотчуждаемого гарантированного и охраняемого государством состояния независимости индивида, который познает правовую действительность и действует в соответствии с познанным, разумно сочетая свои интересы с интересами иных участников правоотношений. Например, как утверждает А.Н. Калюжный состояние преступности в сфере посягательств на свободу личности может свидетельствовать о высокой латентности, организованности, транснациональности и прибыльности данных преступных деяний. Посягательства на свободу личности признаются одним из наиболее негативных социальных явлений, получивших свое распространение во всем мире. Глобальные масштабы данных преступлений, их организованный характер, жестокость обращения к жертвам и длительные сроки незаконного удержания человека в состоянии несвободы предполагают необходимость принятия активных мер по противодействию этим негативным явлениям, а также свидетельствуют об уровне общественной опасности данных деяний [1, с. 29].

Далее следует обратить внимание на законодательное закрепление дефиниции «свобода личности», например, в Конституции Российской Федерации (ст. 2) [2] закреплена высшая ценность человека, его прав и свобод. В свою очередь, обязанностью государства (органов власти и должностных лиц) являются признание, соблюдение и защита прав и

свобод человека и гражданина. Исходя из проанализированного следует, что дефиниция «свобода личности» отождествлена с категорией «права и свободы человека и гражданина»; также представляется, что юридическая природа дефиниций «право» и «свобода», «личность» и «человек» равнозначны. При этом основная цель свободы личности заключается в предоставлении индивиду возможности совершать действия путем закрепления в законодательстве субъективных прав и способов их реализации, а также в недопущении нарушения человеком прав и свобод других индивидов в процессе реализации собственных прав и свобод.

Свобода личности в процессе функционирования гражданского общества обеспечивается посредством закрепления в уголовном законодательстве Российской Федерации противоправных деяний против свободы, чести и достоинства личности. К преступлениям против свободы, чести и достоинства личности законодательно отнесены: похищение человека (ст. 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ), торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ), использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ), незаконное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ), клевета (ст. 128.1 УК РФ) [3].

Перечисленные уголовно наказуемые деяния, относящиеся к категории преступлений против свободы, чести и достоинства личности, не относятся к числу распространенных, однако обладают значительным уровнем латентности и достаточно низким уровнем раскрываемости. Следовательно, уголовно-правовое обеспечение защиты свободы, чести и достоинства личности представляет собой важный элемент в процессе создания безопасных условий существования индивида в обществе, что приобретает особую актуальность в рамках настоящего исследования.

Необходимо отметить, что «свобода личности» в понятийно-категориальном аппарате юридической науки занимает одно из центральных мест и играет важную роль, так как является «точкой отсчета» для правового регулирования основных сфер жизнедеятельности демократического общества. Во-первых, свобода личности выступает в качестве базового понятия, связанного со всеми правовыми институтами. Во-вторых, свобода личности является основополагающим принципом правового регулирования [4, с. 35].

Так, ст. 18 Конституции РФ закрепляет, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Как представляется, даже ограничение свободы потерпевшего со стороны близких людей или родственников, которые считают свои действия защитой от неблагоприятных последствий, обладает достаточной общественной опасностью, чтобы считать содеянное преступлением. Во-

первых, незаконное лишение свободы ограничивает потерпевшего в реализации его права на гарантированную государством свободу, т.е. представляет собой нарушение конституционного права человека. Во-вторых, за период удержания потерпевшего могут произойти события, имеющие важность для потерпевшего, например, связанные с другими членами семьи потерпевшего (тяжелая болезнь или смерть члена семьи), или события, в результате которых он упускает возможность заключения выгодной имущественной сделки [5, с. 731].

Исходя из содержания указанного термина следует отметить, что значительное количество авторов уделяет внимание соотношению понятий «свобода личности» и «личная свобода», также «физическая свобода» [6, с. 18] и др. В основном сходятся на мнении, что «свобода личности» по своему содержанию объемнее, чем «личная свобода». Так, в «свободу личности» принято включать все права, гарантируемые второй главой Конституции РФ. В свою очередь, в понятие «личной свободы» различные авторы вкладывают разное содержание. Основные несоответствия заключаются в том, что одни считают личную свободу возможностью реализовывать целый комплекс действий сообразно своей воле, а другие полагают, что этого недостаточно и необходимо включить также свободу психического состояния. Следовательно, «физическая свобода» заключается в физической неприкосновенности, а психическая составляющая личной свободы заключается в исключении посягательства на психику человека [7, с. 250].

Проанализированные подходы в рамках уголовно-правовой науки позволяют выделить следующие критерии категории «свобода личности»:

1. Физический критерий, заключающийся в наличии реальной возможности человека перемещаться в пространстве и определять свое местоположение без каких-либо физических ограничений, затруднений, вмешательств. Данный критерий является одним из основных, выделяемых исследователями категории «свобода личности», и характеризует признак «беспрепятственности».

2. Психологический (волевой) критерий, подразумевающий возможность реализации своей деятельности при отсутствии вмешательства извне. Самостоятельность выбора способов реализации своей деятельности и отсутствие психологического или морального воздействия третьих лиц, что характеризует «самостоятельность» как признак анализируемой категории «свобода личности».

3. Интеллектуальный критерий, предполагающий необходимость осознанного восприятия происходящих событий, понимания значения и последствий совершаемых поступков, предвидения возможных результатов. Представляется неверным привлечение к ответственности лица, не осознающего характера совершаемых им поступков, подвергнутого обману, введению в заблуждение или добровольно

заблуждающегося. Рассматриваемый нами критерий акцентирует внимание на «осознанности» как признаке категории «свобода личности».

4. Юридический критерий, предусматривающий установленные государством запрещенные модели поведения, нарушающие свободу личности, реализация которых влечет наступление правовых последствий в виде привлечения к ответственности. Данный критерий позволяет определить меру свободы личности, зафиксировать в рамках правового поля границы данной свободы, определить допустимый уровень поведения других членов общества. Анализируемый критерий предопределяет «правомерность» как признак категории «свобода личности».

Изложенное свидетельствует, что свобода личности как объект уголовно-правовой охраны характеризуется физическим, психологическим (волевым), интеллектуальным и правомерным критериями, предопределяющими коррелирующие их признаки: беспрепятственность, самостоятельность, осознанность и правомерность.

Таким образом, понятие «свобода личности» включает в себя характеристики, отражающие социальный и правовой статус индивида в обществе и государстве, выступает в роли важнейшего качественного показателя и уровня развития правовой системы, критерия самоорганизации населения, степени реализации идей демократического правового социального государства. По сравнению со свободой личности все иные институты и категории, характеризующие демократизм общества, уровень самоорганизации населения, эффективность функционирования публичной власти и т.п., являются вторичными и производными. Свобода личности получила статус неотъемлемого права, присущего каждому человеку от рождения и находящегося не только под охраной отдельных государств, но и гарантированного международным сообществом в целом.

Список литературы

1. Калужный А.Н. Изобличение преступной деятельности, посягающей на свободу личности: отдельные проблемы следственной и судебной практики // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 28-31.
2. Конституция Российской Федерации: принята от 12.12.1993 г. (ред. от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 06.10.2022).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.07.2022 г. № 33-П; с изм. и доп., вступ. в силу от 25.07.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06.10.2022).
4. Елецкий И.Ю. Понятие свободы личности в праве Российской Федерации // Еромен. Global. – 2019. – С. 31-35.
5. Юхнина Н.С. Свобода личности как объект уголовно-правовой охраны // Верховенство права: человек в государстве. – 2019. – С. 729-733.

6. Бязров В.Г. Разграничение захвата заложника и похищения человека: вопросы квалификации // Российский следователь. – 2015. – № 1. – С. 18-22.
7. Журкина О.В. Личная свобода как объект преступления, предусмотренного ст. 127 Уголовного кодекса Российской Федерации // Известия ОГАУ. – 2014. – № 6 (50). – С. 248-250.

УДК 615.849

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ушакова К. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
k.yshakova@donnu.ru

Введение. Рассматривая статью 107 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики [1] (далее – УК ДНР) с точки зрения состава преступления, стоит сказать о том, что в отношении некоторых элементов состава преступления возникают среди теоретиков и практиков разногласия. Так к таким проблемным моментам относят: вопрос о том, в какой же момент рождающийся ребенок приобретает статус человека и гражданина, жизнь которого охраняется современным уголовным законодательством; как толковать понятие «психотравмирующая ситуация» и др. Следует отметить, что из-за данных правовых пробелов в указанной норме встречаются противоречия и в судебной практике, из которых вытекает вывод о том, что законодатель, приняв данную норму, не обратил внимания ни на субъективные признаки преступления, ни на его объективную сторону.

Основная часть. Убийство матерью новорожденного ребенка является привилегированным видом убийства, что означает совершение такого убийства при обстоятельствах, значительно снижающих общественную опасность содеянного. Рассмотрим более подробно состав указанного преступления и выявим основные проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 107 УК ДНР, выступает жизнь новорожденного ребенка. Стоит обратить внимание и на то, что в уголовном законе до сих пор нет четкого ответа на вопрос ни о начальном, ни о конечном моменте рождения ребенка, что так или иначе влияет на правовую природу данной нормы и ее применении в практике. Определить, с какого момента право на жизнь возникает, и когда начинается его уголовно-правовая охрана очень сложно. В вопросе о

начале жизни тесно переплетаются некоторые ключевые вопросы медицины и права. В теории уголовного права начало жизни – это тот момент, с которого уголовный закон берет жизнь ребенка под свою охрану. В биологическом же понимании, жизнь – это обмен веществ, который у новорожденного ребенка начинается с первым вдохом, соответственно начало жизни человека – это начало легочного дыхания [2, с. 410].

Так в ст. 44 Закона ДНР «О здравоохранении» [3] указано: «моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов». В этой связи, как объект уголовно-правой охраны жизнь человека должна получить свое легальное определение и законодательное закрепление. Считаем, целесообразным, признать моментом начала жизни – момент полного отделения организма ребенка от организма матери, до извлечения плаценты, в совокупности с проявлением хотя бы одного из критериев живорождения (мышечной активности, сердцебиения, дыхания), при рождении на сроке беременности более 22-х недель.

Учитывая тот факт, что объектом преступления выступает жизнь новорожденного ребенка, потерпевшим может выступать только новорожденный ребенок. Здесь возникает вопрос в определении временного промежутка, в течение которого ребенок является новорожденным. Данный вопрос законодательно не регламентирован и УК ДНР не содержит легального указания срока новорожденности, что также является пробелом в праве.

Объективная сторона выражается в действии или бездействии матери, направленного на лишение жизни новорожденного. Для квалификации по привилегированному составу достаточно установить, что убийство младенца было совершено «во время или сразу же после родов», при этом никаких иных условий для квалификации не потребуется – не нужно доказывать наличие провоцирующих моментов или расстройства психики.

Следует отметить, что данная норма будет иметь смягчающий характер всего лишь при наличии одного из указанных признаков:

1. Лишение жизни матерью новорожденного ребенка во время родов (начало периода – момент схваток, окончание периода – изгнанием последа) или сразу же после родов.

2. В условиях психотравмирующей ситуации, под которой понимается непосредственно обстановка, спровоцировавшая совершение преступления. Не смотря на постоянные споры вокруг данного признака единого понятия термина «психотравмирующая ситуация» в научной литературе нет. Ю. А. Ляпунов говорит об эмоциональной напряженности матери, которая вкупе с беременностью и родами вызвала аморальные реакции [4, с. 71]. Отметим, что данный признак является скорее

оценочным, так как его официальное толкование в законодательстве ДНР не закреплено.

3. В состоянии психического расстройства, которое не исключает вменяемость. Под данный вид следует отнести наличие психических расстройств, которые не делают женщину невменяемой, но несут за собой отклоняющиеся изменения в поведении, в том числе, алкоголизм и наркомания.

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется умышленной формой вины. Действия матери квалифицируются как оставление в опасности по ст. 126 УК ДНР при отсутствии умысла на лишение ребенка жизни, когда она оставляет его, например, хорошо защищенным и в таком месте, где его могут быстро обнаружить.

Субъектом состава преступления выступает мать, признанная вменяемой, достигшая возраста 16 лет. Однако, обратим внимание, что среди ученых до сих пор не утихают споры по поводу возраста уголовной ответственности за детоубийство матерью, не достигшей 16 лет. Поскольку в настоящий момент уже не редким является беременность девушек в возрасте 14-15 лет, которые зачастую не могут сделать аборт и при этом не желают оставлять ребенка по разным причинам, они принимают решение об убийстве ребенка сразу же после родов.

Но что делать, если мать убила своего новорожденного ребенка, не достигнув 16 лет? В данном случае законодатель своей трактовкой поставил 14-15-летних убийц в неравное положение с девушками более старшего возраста. Исходя из этого, возможно предположить, что данные лица либо не несут наказания за столь жестокое убийство в связи тем, что в статье не установлена ответственность за детоубийство лицам, не достигшим 16 лет, либо 14-летней детоубийце грозит лишение свободы по ст.106 УК ДНР. Поскольку, несмотря на свой возраст 14-летнюю мать в любом случае следует считать субъектом преступления по данной статье. Поэтому важно снизить возраст уголовной ответственности. В связи с этим, полагаем, что законодатель должен внести изменения в диспозицию анализируемой статьи.

Заключение. Таким образом, анализ уголовного законодательства и правоприменения свидетельствует о наличии проблем квалификации убийства матерью новорожденного ребенка, требующих законодательного разрешения и дальнейшего изучения данного вопроса.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 года. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 22.09.2022).
2. Бородин, С.В. Преступления против жизни / С.В.Бородин. – М., 1999. – 356 с.

3. Закон Донецкой Народной Республики «О здравоохранении» от 24 апреля 2015 года № 42-ІНС. – URL: <http://npa.dnronline.su/2015-06-06/42-ins-o-zdravoohranenii-dejstvuyushhaya-redaktsiya-po-sostoyaniyu-na-18-08-2021-g.html> (дата обращения 22.09.2022).
4. Уголовное право. Особенная часть: учебник/ отв.ред. Н.И.Ветров, Ю.И.Ляпунов. – М.: Новый юрист, 1998. – 768 с.

УДК 343.94

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ О ЛИЧНОСТИ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ

Хань Г. А., канд. юрид. наук, доц., *Кармазина А. А.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
bernittorry@gmail.com

Введение. Актуальность темы обусловлена уровнем латентности серийных убийств. Трудности в расследование данного вида преступлений вызывают, в том числе, и вопросы, связанные с личностью преступника. Возникает необходимость в выявлении и предотвращении причин формирования личности преступника, в разрушении стереотипов о серийных убийцах, а также в применении новых, и даже нестандартных подходов к изучению личности преступника.

Основная часть. Анализируя причины совершения серийных преступлений, можно сделать вывод, что многие ученые одной из основных причин формирования личности серийного убийцы выделяют факторы влияющие на преступника в детском и подростковом возрасте.

Стоит разграничить понятия серийные убийства и массовые убийства, разница которых во временном промежутке между убийствами, поэтому рассмотрены будут только одинаковые факторы формирования личности преступника в этих двух понятиях.

Будущий преступник не обязательно должен проявлять апатию к учебе и внеучебной деятельности, напротив, в проанализированных случаях, чаще всего будущие убийцы хорошо проявляли себя в учебе, состояли в спортивных командах и другой школьной деятельности.

Одной из самых популярных выделяемых причин являться жестокость в фильмах и играх. Однако СМИ могут лишь притуплять чувствительность людей, а убийцами становятся не из-за игр или фильмов, а из-за предшествующего просмотру или игре психического заболевания. Поэтому жестокость в играх и фильмах скорее действуют как вариант сценария совершения преступления, а не как причина.

Трудности в общении, травля не являются причинами совершения серийных убийств. Подростки, совершавшие расстрелы в школах имели

достаточный круг общения, в некоторых случаях имели даже некоторую популярность и соответственно как таковыми жертвами травли не были, напротив, чаще всего сами и являлись, так называемыми, задирами, а если в их сторону и были насмешки, то чаще всего в ответ на их поведение.

Одиночество можно рассматривать не в смысле отсутствие круга общения. Как упоминалось ранее, круг общения может быть довольно обширным, а в плане ощущения себя таковым, чувство непонимания и отверженности.

И также следует добавить, что чаще всего семьи анализируемых стрелков являлись благополучными.

Также следует отметить, что учеными доказано существование, так называемого, гена воина, люди, у которых он был обнаружен, отличались своей импульсивностью. Наличие данного гена у человека никак не влияет на жизнь человека, кроме как наличием выше указанной черты, однако, физическая или психологическая травма мозга может активировать этот ген, что уже и станет фактором формирования личности серийного убийцы. Опять же следует учитывать, что данный ген характерен для серийных убийц, но не для всех.

Так, примером может стать резкий рост серийных убийств в 50-80 годах XX века. У лиц, участвовавших в военных действиях, часто наблюдалось посттравматическое расстройство, что вызывало злоупотребление алкоголем и агрессию, в таких условиях и росли дети, что могло и способствовать активированию врожденной мутации генов.

Следует определить черты характера, которые чаще всего соответствуют личности серийного убийцы – это агрессивность, замкнутость, нарциссизм, эгоизм, импульсивность и т.д., на основании этого, можно сделать вывод, что для серийного убийцы чаще всего характерен высокий уровень «темной триады».

«Темная триада», представленная тремя негативными нормативными чертами: макиавеллизмом, нарциссизмом и психопатией [1, с. 223].

Рассматривая подробнее данный феномен необходимо определить значение черт «темной триады». Макиавеллизм обычно определяется, как склонность человека в ситуациях межличностного общения манипулировать другими людьми тонкими, едва уловимыми или не физически агрессивными способами, такими, как лесть, обман, подкуп или запугивание [2, с. 122]. Под нарциссизмом З. Фрейд подразумевал специфическое состояние, согласно которому человек концентрирует полностью свой интерес на самом себе [3, с. 152].

Психопатии – группа психических аномалий, проявляющихся в нарушениях эмоционально-волевой сферы, дисгармоничном складе личности, характера [4, с. 36].

Как уже было сказано, у серийных убийц чаще всего наблюдаются психопатия, социопатия и другие расстройства, которые не относятся к

психическим заболеваниям, а являются *диссоциальными расстройствами личности, либо же вообще таковые отсутствуют, следовательно, как привалило, серийные убийства являются осознанными и контролируемыми действиями, а лицо, совершившее их, подлежит уголовной ответственности.*

Так, серийные убийства отличаются своей латентностью и могут продолжаться на протяжении десятков лет, что способствовало появлению стереотипа о высоком интеллекте серийных убийц, однако статистикой это не подтверждается. Чаще всего серийные убийцы обладают средним уровнем интеллекта: IQ серийного убийцы (базовая статистика): средний IQ 94,5, самый низкий 54, высший 186 [5, с. 12].

Заключение:

1. Хотя из биографии серийных убийц можно проследить такие факторы, как неблагополучная семья, проблемы в общении с противоположным полом, травля в школе и т.д., данные проблемы не могут браться за основу причин совершения серийных убийств, ввиду того, что чаще всего перечисленным выше обстоятельствам предшествует та самая первопричина, которая усугубляется этими факторами, что и приводит к такому результату. Из данного положения и вытекает проблема, выявить эту первопричину. Это крайне трудно, однако возможно, так как тем или иным образом это проявляется в поведении (например, жестокое отношение к животным), увлечениях (увлечение жестокими фильмами, восхищением жестокими персонажами и личностями) и др. Для предотвращения формирования личности серийного убийцы, как родители, так и учебные заведения должны реагировать на такие ненормальные проявления у ребенка, однако, на данный момент это пускается на самотек.

2. Следует понимать, что посредством СМИ, кинематографа, книг стали появляться некоторые стереотипы относительно серийных убийц, которые стали восприниматься как безумные злые гении, которые не могут остановиться в совершении убийств, и в целом на вид являются антисоциальными личностями. И чаще всего все это не так. Как было выше сказано, серийные убийцы не являются психически больными людьми, чаще всего им присуще диссоциальное расстройство личности, либо и вовсе отсутствует какое-либо расстройство, а то есть они могут остановиться. Уровень интеллекта чаще всего является средним, а так долго остаться на свободе помогает их жестокость, хладнокровие, а так же тот факт, что к совершению преступления они тщательно готовятся. Стоит понимать, что внешний вид никак не выдает серийного убийцу, они могут иметь семьи, хорошую работу, быть приятными в общении, заниматься общественной деятельностью и т.д.

3. Можно отметить, значительное снижение серийных убийц в XXI веке, по сравнению с предыдущими периодами. Причиной является и

уровень развития технологий, и усложнение механизма совершения убийств, продиктованные современными реалиями, однако, отдельно следует выделить следующий фактор: удовлетворение извращенных фантазий с помощью сети интернет. Чаще всего это относится к серийным убийствам по мотивам сексуального удовлетворения. Современные социальные сети всячески пытаются минимизировать контент 18+, распространение порнографических материалов карается по закону. С другой стороны, такого рода контент позволяет в какой-то мере удовлетворить нездоровые фантазии человека и уменьшить его влечение к совершению такого рода преступлений.

4. Убийцы оставляют подсказки на месте преступления потому, что хотят, что бы их поймали. Психологами было доказано, что серийные убийцы оставляют зацепки по нескольким причинам: убийца привыкает к совершаемым им убийствам и ему начинает не хватать адреналина, преступник убеждается в своей неуловимости и начинает «играть» с сыщиками, жажда славы и внимания. Следовательно, дело вовсе не в желании быть пойманным.

Список литературы

1. Дереш Ф.В. Темная триада личности: Обзор современных исследований/ Вестник пермского университета.– 2021. – №2. – С. 222- 235
2. Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности/ Сибирский психологический журнал. – 2001. – С. 122-128
3. Шамшикова О.А., Клепикова Н.М. Операционализация понятия «нарциссизм» в пределах психической нормы / Мир науки, культуры и образования. – 2011. – №3(28). – С. 151 -158
4. Магдилова П.М., Омарова З.Р. Словарь основных терминов. Психология: Учеб. пособие/ П.М. Магдилова, З.Р. Омарова. – Махачкала, 2015. – 55 с.
5. Aamodt, Dr. Mike. "Serial Killer Statistics". Radford University/FGCU Serial Killer Database. Retrieved, September 4, 2016. – 20 p.

Гражданское право и процесс

УДК 347.12

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ИНТЕРЕСОВ В ПРАВЕ

Андреанов В. М.

ФКГОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя», г. Москва, РФ
avmurist@mail.ru

Значение интереса в жизни общества трудно переоценить. Интерес является движущей силой любой деятельности, в т. ч. правотворческой и правоприменительной. Часть исследователей даже право определяет через категорию интереса: право как защищённый (законный) интерес, как совокупность общих и индивидуальных интересов, результат борьбы интересов индивидов, групп и сословий общества (Рудольф фон Иеринг) [4]; право как разграничение интересов (Н. М. Коркунов, известный дореволюционный социолог и юрист) [5, с. 89]; право в его социологическом выражении – как форма осуществления социальных интересов по принципу формального равенства (В. В. Лапаева) [6, с. 89]; «право ... как результат справедливой оценки интересов » (А. И. Экимов) [9, с. 28]. М. В. Витрук [2, с. 11] включает законный интерес в правовой статус лица как его элемент, И. Т. Тарасов [7, с. 410–411] – правовой статус акционера, Ю. А. Тихомиров дает определение права как своеобразного выразителя социальных интересов. Право, отмечает Ю. А. Тихомиров, – это правовые взгляды и позиции, выражающие общественные интересы и закрепляемые в системе общеобязательные принципы и правила поведения, установленные государством и международными структурами, и регулирующие общественные отношения, обеспечиваемые государством и институтами гражданского общества и мирового сообщества [8, с. 8].

В противовес указанным авторам С. Н. Братусь определяет интерес доправовой категорией – как предпосылку для приобретения субъективных прав [1, с. 20], в чем его поддерживают другие исследователи, подчеркивая, что интерес предшествует правам и обязанностям независимо от того, находит ли он прямое закрепление в законодательстве или просто подлежит правовой защите со стороны государства. По нашему мнению, роль интереса в праве неоднозначна (многопланова). Его вряд ли можно безоговорочно признать сугубо правовой или наоборот – лишь составной категорией.

Интересы являются побудительной силой для установления, изменения и прекращения правовых связей. Они «возбуждают правовое творчество и оказывают на него влияние» [4, с. 68]. По оценке Р. фон Иеринга, правовые предписания предстают на основе действия интересов. Ф. Хекк, развивая это положение, определяет законы как «результаты взаимодействия противоречивых интересов» [4, с. 68]. Интерес предшествует правам и обязанностям независимо от того, находит ли он прямое закрепление в законодательстве или просто подлежит правовой защите со стороны государства.

Сочетание общественных и типичных личных интересов, подчеркивает В. П. Грибанов, отображается в любом субъективном праве. Интерес является предпосылкой не только приобретения, но и реализации субъективных прав. От интереса уполномоченного лица в значительной степени зависит и защита субъективного права, в частности, обращение с требованием защиты права к компетентным органам (суд) или отказ от такого обращения [3, с. 240–241]. Эффективное применение нормативно-правовых актов также в значительной степени зависит от того, насколько полно и сбалансировано в них учтены интересы исполнителей и других участников общественных отношений, регулируемых этими актами.

Одновременно категория законного интереса, на наш взгляд, является правовой, поскольку в той или иной степени отражается в праве (в общих принципах права) и гарантируется государством, а также выполняет важные функции – побудительную (относительно установления правоотношений, их изменения и прекращения), регулирующую (определяя возможность действовать для достижения интереса), гарантийную (относительно правовой защиты в случае нарушения со стороны других лиц).

Следовательно, интерес играет многогранную роль в праве:

а) он побуждает к установлению правовых норм и, соответственно, наделению субъектов права определенными правами и обязанностями;

б) без его наличия невозможна реализация последних (прав и обязанностей), применение правовых норм;

в) от степени сбалансированного учета в нормативно-правовом акте интересов участников отношений, на которые направляется регулирование, зависит эффективность норм, их авторитет, а следовательно, добровольное исполнение, игнорирование или даже сознательное нарушение;

г) законный интерес составляет элемент содержания правоотношений, поскольку его защита гарантируется государством с использованием соответствующих правовых механизмов.

Следовательно, интерес, в его правовом аспекте, с его побудительными, регулируемыми и защитными свойствами проявляется соответственно в правотворческой, правоприменительной и

правозащитной деятельности на всех уровнях (от общегосударственного до локального) и обеспечивает установление новых, изменение или прекращение существующих правоотношений, восстановление нарушенных прав и законных интересов, а также принятие превентивных мер по предотвращению в дальнейшем подобных нарушений.

Список литературы

1. Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. – 1949. – № 8.
2. Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. – М., 1985.
3. Грибанов В.П. Интересы в гражданском праве / В кн. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав.- М.: Статут, 2000.
4. Иеринг Р. Интерес и право. Пер. с нем. В 2-х кн. – Ярославль, 1880. 1 кн. – 149 с., 2 кн.
5. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права.- СПб, 1898.- 354 с. Лапаева В. В. Социология права в системе обществоведения // Государство и право. – 2000. – № 4.
6. Лапаева В. В. Социология права в системе обществоведения // Государство и право. – 2000. – № 4.
7. Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях (по изданию: Учение об акціонерныхъ компаніяхъ. Разсужденіе И. Тарасова, представленное для публичной защиты на степень доктора. – Киевъ: В университетской типографіи (І. Завадзкаго), 1878). – М.: Статут, 2000.
8. Тихомиров Ю. А. Публичное право: Учебник для юрид. факультетов и вузов. – М.: БЕК, 1995.
9. Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984.

УДК 347.441

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Асеева Н. В., канд. юрид. наук, доц., *Гокунь Ю. С.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
n.aseeva@donnu.ru , yulya.gokun@mail.ru

Введение. Применение вспомогательных репродуктивных технологий регламентируется одновременно несколькими отраслями права, среди которых семейное, конституционное и медицинское. Особое значение в нормативной регламентации вспомогательных репродуктивных технологий имеет гражданское право, т.к. рассматриваемые правоотношения носят договорной характер, зачастую являются имущественными, основаны на автономии воли и равенстве сторон. Однако отечественный Гражданский кодекс, являющийся

основополагающим актом в сфере цивилистики, не содержит ни одной нормы, связанной с урегулированием вспомогательных репродуктивных технологий. Это позволяет сделать вывод о недостаточной гражданско-правовой регламентации вспомогательных репродуктивных технологий, а также вызывает необходимость в модернизации Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики в части включения в него соответствующих положений.

Основная часть. Вариативность в рамках схемы «отец – мать – дополнительные участники вспомогательных репродуктивных технологий – ребенок (дети)» достаточно широка, гипотетически в нее может быть включено до шести человек (например, в том случае, когда суррогатная мать вынашивает зачатого от донорских спермы и яйцеклетки ребенка для бесплодной пары) [1, с. 27–33]. Эта схема отражает складывающиеся договорные правоотношения, т.к. между каждым из ее участников существуют договорные связи:

1) между потенциальными родителями (родителем) и клиникой, предоставляющей услуги в сфере вспомогательных репродуктивных технологий;

2) между вышеуказанной клиникой и донорами биоматериалов;

3) между донорами биоматериалов и потенциальными родителями;

4) между суррогатной матерью и потенциальными родителями.

Из предложенной схемы и ее расшифровки становится понятно, что указанные правоотношения усложняет наличие значительного количества контрагентов, каждый из которых имеет свои законные интересы, права и обязанности, а также нуждается в их надлежащей защите. Это также свидетельствует о необходимости включения в Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики положений, которые смогли бы урегулировать рассматриваемые правоотношения.

Помимо сложных договорных правоотношений невозможно не уделить внимание и сложности вспомогательных технологий как способу лечения бесплодия, на что указывают их основные признаки:

1) вспомогательные репродуктивные технологии рассматриваются как особый вид биомедицинских технологий, т.к. они представляют собой вмешательство в процесс естественного зачатия и рождения человека;

2) вспомогательные репродуктивные технологии направлены на репродуктивное здоровье обращающихся к ним лиц;

3) вспомогательный характер исследуемых методов репродуктивной медицины [2, с. 52–59];

4) осуществление манипуляций с гаметамы вне организма человека;

5) наличие цели в виде наступления беременности и рождения здорового ребенка [3, с. 88–94].

Таким образом, предлагаем внести в Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики изменения, направленные на регулирование

вспомогательных репродуктивных технологий, изложив их в следующей формулировке:

«Применение вспомогательных репродуктивных технологий осуществляется на основании гражданско-правового договора, носящего возмездный либо безвозмездный характер.

Каждый договор о применении вспомогательных репродуктивных технологий должен содержать перечень предоставляемых услуг, порядок, условия и этапы их оказания, а также права и обязанности сторон».

На примере Российской Федерации и некоторых европейских государств отметим, что наиболее урегулированными являются такие вспомогательные репродуктивные технологии, как суррогатное материнство, экстракорпоральное оплодотворение и искусственная инсеминация. При этом, ненадлежаще регламентированными остаются интрацитоплазматическая инъекция сперматозоида, интрацитоплазматическая инъекция морфологически нормального сперматозоида, рассечение оболочки эмбриона и преимплантационная диагностика. Предлагаемые нами изменения в законодательство Донецкой Народной Республики будут распространяться на все без исключения вспомогательные репродуктивные технологии, и признаются актуальными и для модернизации российского законодательства.

Заключение. Развитие медицины и, в частности, вспомогательных репродуктивных технологий, происходит стремительными темпами и зачастую опережает собственное нормативно-правовое регулирование. В связи с этим, законодателю крайне важно своевременно реагировать на происходящие в обществе события и совершенствовать отечественное законодательство, уделяя особое внимание медицине и репродуктивным технологиям.

Список литературы

1. Новицкая Т. Вспомогательные репродуктивные технологии как фактор реконфигурации семейно-родственных связей в Беларуси и России / Т. Новицкая // Наука и инновации. – 2018. – Т. 4, № 182. – С.27-33.
2. Шилко В. В. Понятие и виды вспомогательных репродуктивных технологий / В. В. Шилко // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2017. – № 3. – С. 52–59.
3. Воронкова Н.В. Медведева М.А. Хакимов Ф.М. Вспомогательные репродуктивные технологии (правовые и этические аспекты) / Н. В. Воронкова, М. А. Медведева, Ф. М. Хакимов // Современные гуманитарные исследования. – 2015. – №2(63). – С.88-94.

К ВОПРОСУ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ПОСТРАДАВШИМ ОТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Беспалова Е. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr@donnu.ru

Введение. Современный терроризм – это сложное, многомерное и многоуровневое явление действительности, которая посягает на разные сферы жизнедеятельности людей разнообразными способами.

Проблемы возмещения ущерба от террористического акта в той или иной степени рассматривались в работах многих отечественных и зарубежных ученых и практиков [1–5].

Основная часть. Существует три типа лиц, имеющих право на *возмещение вреда здоровью в результате совершения террористического акта*: пострадавший, иждивенцы, косвенно связанные с пострадавшим, и члены семей пострадавшего.

К прямым пострадавшим относятся лица, которые непосредственно понесли телесные повреждения в результате деликтного деяния или другого причинения вреда, к иждивенцам – лица, в отношении которых пострадавший нес обязанность по содержанию в соответствии с законом. К членам семьи пострадавшего относятся лица, которые считаются таковыми согласно закону.

В случаях возмещения телесных повреждений лицам в связи с травмами, инвалидностью, вызванными телесными повреждениями, непосредственная жертва является единственным правообладателем компенсации; Ни иждивенец, ни близкий родственник не являются правообладателями и не имеют права требовать компенсации за телесные повреждения.

В случаях возмещения телесных повреждений в связи со смертью лица, которое понесло телесные повреждения, непосредственная жертва более не обладает гражданскими правами в связи со смертью, а косвенная жертва (законный иждивенец, близкий родственник умершей жертвы) является правообладателем компенсации; Косвенный потерпевший также может выступать в качестве правообладателя компенсации только в случае смерти непосредственного потерпевшего.

В результате совершения террористического акта нарушаются право на здоровье, право на жизнь, право на неприкосновенность, между сторонами формируются правоотношения, связанные с возмещением ущерба.

Субъектом права на компенсацию в случае причинения вреда здоровью является непосредственная жертва. Если потерпевший не умер,

но не может участвовать в судебном разбирательстве из-за травмы, и доверяет своим близким родственникам или другим лицам участвовать в судебном процессе, потерпевший по-прежнему является истцом и правообладателем компенсации. Доверенное лицо не может стать истцом, и его или ее статус является статусом доверенного агента. Кроме того, если потерпевший не умер и близкие родственники оплачивают медицинские расходы потерпевшего и другие расходы, близкие родственники не могут подать иск в качестве истца на этом основании. Медицинские расходы, уплаченные близкими родственниками, могут быть взысканы с ответчика только самим потерпевшим в качестве истца. Если расходы потерпевшего на содержание его близких родственников оплачиваются из его доходов, и если доходы потерпевшего уменьшаются или теряются вследствие серьезного увечья или инвалидности, и невозможно выплачивать алименты, потерпевший, как истец, взыскивает с ответчика ущерб исходя из неполученного дохода. В тех случаях, когда близкие родственники теряют содержание из-за серьезного увечья или инвалидности жертвы, они также могут подать иск о возмещении ущерба.

Второй категорией лиц, имеющей право на компенсацию ущерба является косвенный потерпевший. Под косвенным потерпевшим понимается лицо, которое находилось на содержании умершего при его жизни.

Третьей категорией лиц, имеющих право на компенсацию, является близкий родственник умершего. Деликтное право предусматривает, что когда речь идет о близких родственниках умершего, подразумевается возмещение в том числе психического вреда, так как деликтный поступок ущемляет личные интересы умершего, нанося ущерб близким родственникам умершего. После смерти потерпевшего его родители, дети, братья и сестры могут подать гражданские иски как близкие родственники. Им может быть разрешено избрать представителя для участия в разбирательстве или, в соответствии с процедурой правопреемства, суд может непосредственно назначить преемника первого разбирательства.

Основанием возникновения права на возмещение вреда является противоправное поведение лица, которое нарушает субъективные права лица, которое повлекло за собой наступление негативных последствий имущественного или неимущественного характера, или которое создало угрозу наступления таких последствий.

Деликтные обязательства, как и другие гражданско-правовые обязательства, возникают при наличии юридических фактов, связанных с причинением вреда, то есть деликтом. Поскольку деликтные обязательства содержат ответственность за нанесенный вред, то основания возникновения деликтного обязательства совпадают с основаниями деликтной ответственности.

Основание ответственности в результате причинения вреда и основание применения способа защиты совпадают. Потерпевший

приобретает право на возмещение вреда в случае нарушения его имущественных или неимущественных прав. Под вредом, причиненным жизни или здоровью понимают негативные последствия в виде повреждения или расстройства здоровья (увечье, болезнь, в том числе и профессиональное, психическое расстройство), физические и моральные страдания; смерть о лица, а также уменьшение связанных с жизнью и здоровьем материальных благ: потерю заработка (полностью или частично), дополнительные расходы на лечение, протезирование, постоянный присмотр, усиленное питание.

Лицо, причинившее вред считается виновным до тех пор, пока он не докажет свою невиновность. Однако в случаях, если этот вред нанесен незаконными деяниями органом государственной власти, или органом местного самоуправления, судебных и правоохранительных органов, источником повышенной опасности и в некоторых других случаях, что прямо предусмотрено законом, то он возмещается независимо от вины лица, которое нанесло этот вред.

Как в случае возмещения вреда в натуре, так и в случае возмещения нанесенного ущерба денежными средствами, потерпевшему по его требованию возмещаются неполученные доходы в связи с причинением вреда имуществу.

Заключение. В настоящее время представляет сложность определение размера возмещения вреда, который согласно закону должен определяться путем суммирования размера вреда, который нанесен здоровью; заработка (дохода), утраченного потерпевшим в результате потери или уменьшения профессиональной или общей трудоспособности; дополнительных расходов; морального вреда.

Таким образом, институту юридической ответственности от террористического акта присущи проблемы, которые характеризуют юридическую ответственность в целом. Прежде всего, речь идет о том, что в обществе нарушается принцип неотвратимости юридической ответственности, которая перестает быть равной мерой для всех, что взрывает устои права как общественного феномена.

Список литературы

1. Архипова О. А. Компенсация морального вреда как способ гражданско-правовой защиты прав граждан // Вестн. ТИСБИ. – 2007. – № 4 – С.18-20.
2. Григорьев М.Ю. Актуальные проблемы расследования превышений должностных полномочий сотрудниками Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России), совершённых с применением психического и физического насилия // Наркоконтроль. – 2013. – № 1. – С. 37-40.
3. Гончарова А. А. Краткий комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / А. А. Гончарова, А. В. Маслова ; отв. ред. и авт. предисл. А. А. Гончаров. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – 216 с.
4. Гусев В.А. Восстановление нарушенных прав и возмещение вреда, причиненного гражданину действиями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2012. – Т. 53, № 1. – С. 107–112.

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ И ЖЕНЩИН

Бружукова О. В., канд. экон. наук, **Глотова Н. В.**

Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Ростов-на-Дону, РФ
nina.glotova.0100@mail.ru

Введение. В статье рассматривается содержание определения брачного договора; анализируются обстоятельства регулирования имущественных и неимущественных отношений в брачном контракте; особенности разрешения вопросов защиты прав женщин и детей брачным договором. Брачный договор (контракт) – это обычная сделка, которая может быть оспорена в суде как лицами, ее заключившими, так и другими заинтересованными сторонами. В Российской Федерации сформировалась устойчивая судебная практика, позволяющая предъявлять иски, связанные с признанием брачных договоров недействительными.

Основная часть. Брачный договор, или добрачное соглашение, как привыкло называть его большинство граждан, – это договор лиц, которые собираются вступить в брак. Супружеский контракт ориентирован на укрепление имущественных прав и обязанностей каждого из супругов, как в браке, так и впоследствии его расторжения. Основы и процедура разрешения брака регулируются статьями Семейного кодекса Российской Федерации (глава 8). Поскольку супружеский договор является разновидностью гражданско-правового контракта, на него распространяются критерии, которые используются к расторжению и изменению гражданско-правовых договоров [1].

Сегодня в российском законодательстве договорный режим имущества супругов установлен статьями 40-44 Семейный кодекс РФ. Законодатель осознает супружеский контракт как контракт лиц, вступающих в брак, или супругов, которое определяет их прямые обязанности и правила в браке и при его расторжении [2].

Таким образом, из этого определения ясно, что, с одной стороны, брачный договор может быть заключен как до государственной регистрации, так и в любое время, во время брака, а с другой стороны, брачный договор регулирует только имущественные обязательства и права супругов.

Вопрос защиты прав женщин и детей на недвижимость имеет возможность быть урегулирован в рамках супружеского договора. К ним относятся, в частности, регулировка персональных отношений в сфере недвижимости (например, обещание сохранять верность или уважение к супругу) и, не считая такого, скорректировать, а также ограничить прямые

обязанности и права супруга по отношению к детям (выяснить, с кем останется ребенок после развода, порядок общения с ним будет у отдельно живущего родителя) [3].

Еще супружеский договор не обязан ограничивать правоспособность или дееспособность одного из супругов (например, право женщины на образование, выбор профессии, свободу передвижения и т.д.), право обратиться в суд за защитой своих прав.

Брачный контракт не может ограничивать право недееспособного супруга (например, жены во время беременности и через три года после рождения общего ребенка) на адекватное содержание со стороны супруга. Таким образом, подчеркивается вклад супруга в семью, который может быть не только материальным, но и нематериальным, выражающимся в уходе за детьми, ведении домашнего хозяйства и т.д.

Кроме того, важно подчеркнуть, что не допускается включать в документ брачного контракта элементы, которые каким-либо образом нарушают права одного из супругов. Брачный договор не может поставить одного из супругов в крайне неблагоприятное финансовое положение. К примеру, в случае если в случае расторжения брака муж, согласно супружескому соглашению, передает большую часть недвижимости и движимого имущества (дом, дачу, машину, гараж и т.д.), а супругу – квартиру-студию, то договор с такими условиями может быть расторгнут, поскольку это ставит супруга в крайне невыгодное положение по отношению к супругу. Супружеский контракт не имеет возможность ущемлять ребенка, установленные СК РФ. Это касается вопросов алиментов на малыша, предоставления образования, прав ребенка на недвижимость и т.д.

Заключение. В заключение следует подчеркнуть, собственно что супружеский контракт в целом считается способом защиты прав женщин и детей в той же степени, что и защита прав мужчин, поскольку законодатель не разделяет субъектов семейных отношений по признаку пола. Следует отметить, собственно что семейное законодательство не имеет совершенного списка тех обязательств и прав, которые супруги могут урегулировать брачным договором. Данный перечень, который является открытым, имеет возможность быть дополнен другими положениями, которые после чего не будут признаны и отменены судом, что в некоторых случаях усложняет процедуру защиты прав членов семьи при помощи супружеского контракта.

Значение супружеского контракта заключается в том, собственно что он позволяет определить основной круг имущественных отношений супругов. В современном мире материальная сторона семейной жизни является одним из факторов, определяющих обязанности, права и роль супругов в повседневной жизни. Часто имущественные споры становятся не только основной причиной распада брака, но и источником нарушения

прав одного из супругов. Договорный порядок взаимоотношений позволяет супругам самостоятельно определять не только режим супружеского имущества, но и защищать права каждого члена семьи на получение конкретных вещественных благ.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2021) / Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ (в ред. от 20.04.2016 N 101-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – N 1. – Ст. 16;
3. Лапаева Н.В. Брачный договор как способ защиты прав супругов в международном пространстве // Право: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 10 – 16.

УДК 347.426.42

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Бружукова О. В., канд. экон. наук, ***Филенко А. Ф.***

Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Ростов-на-Дону, РФ
polina_filenko04@mail.ru

Введение. Основные вопросы, связанные с компенсацией морального вреда, по большей части касаются размеров денежных средств, подлежащих компенсации. Ключевой парадокс заключается в том, что по сей день ни один нормативный документ России не устанавливает пределов размера компенсации морального вреда. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в науке гражданского права и процесса возникают новые правовые споры и прецеденты, которые связаны с компенсацией морального вреда.

Основная часть. Становление института компенсации морального вреда берет свое начало еще в Древнем мире. До настоящих дней сохранился правовой источник законов, а именно Законы XII таблиц, в котором сохранились первые задокументированные нормы, напрямую касающиеся компенсации морального вреда [1].

Необходимо учитывать индивидуальность каждого человека при рассмотрении вида и качества нанесенного морального ущерба. Физический вред может быть не так страшен, как нравственный. Физические повреждения легко обследовать и вылечить, но нравственные дело иное. Нравственные страдания могут долго накапливаться внутри подсознания гражданина, и однажды они проявятся в виде большой

психологической проблемы. Требуется очень большое внимание к человеку, пережившему какое-либо эмоциональное потрясение. В случае ухудшения психологической стабильности, постоянных эмоциональных скачков и прочих симптомов нравственных страданий, следует обратиться к специалисту. Со стороны специалиста очень важно, аккуратно, не вызывая лишних воспоминаний установить корень проблемы. После установления причины следует долгая, тонкая работа с психологическим состоянием человека. Не стоит забывать, что из-за нравственных страданий могут обостриться и физические недуги.

Если моральный вред человеку был нанесен другим гражданином, то при разбирательстве суд может обязать обидчика выплатить денежную компенсацию пострадавшему, руководствуясь нормами ст. 151 ГК РФ. При этом суд устанавливает уровень морального вреда. Следует учитывать индивидуальность каждого человека. Моральный вред, выраженный даже в мелочах, например, увольнение с работы, может иметь огромные психологические последствия для человека. Компенсация морального вреда производится в денежно форме, что приводится в п. 1 ст. 1101 ГК РФ [2]. Размер компенсации устанавливается:

1. в судебном порядке;
2. соглашением двух сторон.

В первом случае, когда размер компенсации устанавливается в ходе судебного разбирательства, суд рассматривает размер выплаты по некоторым признакам, перечисление которых приводится ниже.

Тип нанесенного физического или нравственного урона пострадавшему. При этой процедуре суд, руководствуясь сложившейся практикой, оценивает тяжесть полученных пострадавшим, страданий.

Наличие причинно-следственной связи так же играет большое значение. На этом стоит остановиться подробнее. Рассмотрим ситуацию. Пострадавший заявляет, что в связи с действиями обвиняемого, которые не являлись законными, его здоровье ухудшилось, а психологическая стабильность пошатнулась, также обострилось расстройство личности. С целью доказать, что действия обвиняемого послужили причиной всех страданий пострадавшего, суд может назначить врачебную экспертизу для подтверждения этих фактов [3]. Врачебная экспертиза, изучив все психофизические повреждения, составляет заключение о степени и последствиях нанесенного вреда. В заключении так же указывается связь между действиями ответчика со страданиями истца. В случае, если связь не подтверждается, суд назначит выплату компенсации меньшую чем требует пострадавший [4].

Наличие и степень вины также определяют порядок и размер компенсации морального вреда, но только в тех случаях, когда эти гражданско – правовые категории являются важными обстоятельствами по делу. Этот признак отвечает за вину ответчика перед истцом.

Но в законодательстве есть и исключения, когда последний пункт не нужен для осуществления компенсации морального вреда. Такими обстоятельствами, в соответствии со ст. 1079 ГК РФ, могут быть причинение вреда с помощью объекта имеющую высокую опасность, а также в результате незаконного осуждения, заключения, привлечения к уголовной ответственности и иными действиями со стороны должностных лиц, если руководствоваться нормами, прописанными в ст. 1070 ГК РФ [5].

Соотношение характера и степени физических и нравственных страданий и размера компенсации морального вреда невозможно на законодательном уровне по соображениям этики и морали. Даже при существующих правовых пробелах и неурядицах в гражданском судопроизводстве, законодатель не обладает субъективным правом «оценивания» перенесенных физических или нравственных страданий в денежном эквиваленте.

Заключение. На основании всего сказанного, можно сделать вывод о том, что порядок компенсации морального вреда предусмотрен в рамках гражданского законодательства не в полнугулирован законодателем, даже в таких важных вопросах, как размер денежной компенсации [6].

Список литературы

1. Хуснутдинова С. А. История возникновения и развития института компенсации морального вреда в российском праве. // Молодой ученый. – 2015. – № 23 (103). – С. 793.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (чаой мере. Даже при наличии прописанных базовых положений, сложившаяся судебная практика доказывает тот факт, что этот вопрос еще не в полной мере уресть первая) от 06.12.2007 № 333-ФЗ // Российская газета. – 1994. – № 238-239.
3. Дербишева О.А. Процессуальный порядок доказывания вреда в делах о компенсации морального вреда // Сборник научных работ серии «Право». – 2020. – № 3 (19). – С. 40.
4. Ефремова Т.Ю. Анализ практики применения законодательства российской федерации по возмещению морального вреда в связи с причинением вреда здоровью // Студенческий. – 2020. – № 38-4 (124).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 06.12.2007 № 333-ФЗ // Российская газета. – 1994. – № 238-239.
6. Плетников В.С., Плетникова М.С. Институт компенсации морального вреда, причиненного преступлением в уголовного процессе: этапы формирования, особенности нормативного закрепления // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 1. – С. 5.

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

Горбатенко Е. В., канд. юрид. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
gorbatenko2010_2011@mail.ru

Введение. В настоящее время наблюдается тенденция повышения роли договора для всего современного гражданского права. Прежде всего, это связано с гибкой правовой формой, которую могут принимать различные по характеру общественные отношения. В современных условиях договор является основным способом регулирования имущественных отношений между участниками гражданского оборота, с помощью которого они взаимосогласованно реализуют свои возможности для достижения общей цели.

Основная часть. Делая попытку выяснить сущность договора, следует прежде всего исходить из философских подходов, которые под сущностью понимают категорию, представляющую собой основное, главное, определяющее в предмете, такое, что обусловлено глубинными, необходимыми, внутренними связями и тенденциями развития и познается на уровне теоретического мышления [1, с. 345]. Сущность договора следует рассматривать с позиций «субъективной» и «объективной» теорий договора. Первая рассматривает договор как соглашение двух или более лиц, направленное на установление взаимных прав и обязанностей. Сущность договора, согласно субъективной теории, заключается в совпадении стремлений договаривающихся сторон. Она базируется на концепции свободы личности, предусматривающей право каждого человека на реализацию своих интересов путем свободного заключения договора на наиболее выгодных условиях.

Развитие гражданских правоотношений способствует тому, что содержание свободы договора претерпевает значительные изменения: свободно заключать можно только те договоры, которые отвечают интересам общества. Право все больше препятствует неконтролируемым проявлениям свободы волеизъявления в договоре, что и положило начало объективной теории договора. Она в меньшей степени, чем субъективная теория, базируется на совпадении свободы сторон в договоре и значительно больше внимания уделяет результатам, которые должны вытекать из поведения сторон договора. Объективная теория договора объясняет влияние государства на процесс заключения и исполнения договоров, который основан на формальном равенстве сторон в договоре и свободе их волеизъявления.

Когда речь идет о договоре, то необходимо учитывать, что этот термин применяется в разных значениях: как основание возникновения правоотношения (юридический факт), как само правоотношение, возникающее из этого основания (договорное обязательство) и как форма, которую соответствующее правоотношение принимает.

Сущность договора заключается в том, что в её основе, как правовом явлении, лежит совокупность волеизъявлений сторон, осуществленная во взаимной договоренности с целью реализации собственных интересов. Договор является одним из правовых средств, в рамках которого интерес каждой стороны может быть удовлетворен только в результате удовлетворения интереса другой стороны. Это порождает общий интерес сторон к заключению договора и его надлежащему исполнению, ведь он устанавливает связь между юридически равными субъектами, равенство которых основано на их однопорядковой правоспособности [2, с. 171].

Указанное многопонятийное представление о договоре последовательно развито в трудах ряда ученых. О. С. Иоффе отмечал, что для всестороннего ознакомления с сущностью договора он должен изучаться «как юридический факт, и как правоотношение, которое им порождается» [3, с. 26]. В большинстве случаев гражданско-правовой договор определяют как сделку (волеизъявление двух или более сторон), то есть понятие договора сужается до значения юридического факта. Законодатель в ст. 8 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики устанавливает, что основанием возникновения гражданских прав и обязанностей являются договоры [4].

Договор как юридический факт имеет следующие черты: 1) в нем проявляется воля не одной стороны, а двух или более. Причем должно быть соответствие, а не однородность воли сторон. В то же время волеизъявление участников по своему содержанию должно совпадать и соответствовать друг другу; 2) договор – это такое действие лиц, которое направлено на достижение общего юридического результата: установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Договор как юридический факт сам по себе не имеет материального содержания. Такое смысловое значение не позволяет выявить все существенные признаки гражданского договора, поскольку договоренность сторон еще не является договорным правоотношением, а лишь имеет целью их установления. Договор как правоотношение не только устанавливает взаимные права и обязанности, но и предусматривает осуществление субъектами действий, содержание которых закрепляется в договоре-документе. Если договор как юридический факт предполагает определенную систему условий, на которых он заключается, договор как правоотношение – определенную систему взаимных прав и обязанностей, то договор как документ –

определенную последовательность изложения их регулирования, отражённую в пунктах конкретным содержанием с соблюдением необходимых формальных реквизитов. Вместе с тем значение договора этим не исчерпывается, поскольку он является не только юридическим фактом, правоотношением и документом, но и средством регулирования общественных отношений.

Заключение. В цивилистике сформировалось несколько подходов к понятию категории «договор» и его сущности. Это понятие используется для обозначения правоотношений, возникающих из договора; документа, в котором выражено достигнутое сторонами соглашение; юридического факта; источника права индивидуального действия. Определение договора как документа или договора как источника права являются отдельными аспектами, присущими части гражданско-правовых договоров, поэтому распространение указанных подходов на все многообразие гражданско-правовых договоров считаем нецелесообразным. Нельзя также отождествлять обязательства как правоотношения между должником и кредитором и договор как правовое основание их возникновения. Базовой концепцией для понимания договора в сфере гражданского права является определение договора как юридического факта, что приводит к возникновению, изменению или прекращению гражданского правоотношения. Такое определение, однако, не исключает применения других производимых в гражданско-правовой науке подходов к толкованию указанной категории.

Гражданско-правовой договор является составной частью механизма правового регулирования, но не является актом индивидуально-правового регулирования. Механизм правового регулирования – совокупность юридических средств (нормы права, субъективные права и юридические обязанности, юридические факты, властные акты правоприменительных органов, организационная деятельность государства и его органов), с помощью которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений.

Список литературы

1. Философский энциклопедический словарь / В.И. Шинкарук. – 2-е изд., перераб. и доп. – К: Абрис, 2002. – 742 с.
2. Яковлев, В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В. Ф. Яковлев. – 2-е изд., доп. – Москва : Статут, 2006 (Ярославль : Ярославский полиграфкомбинат). – 238 с. – ISBN 5-8354-0339-9.
3. Иоффе О. С. Обязательственное право. – М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.
4. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР №81-ПНС от 13.12.2019 Официальный сайт Народного Совета ДНР URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 24.09.2022).

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СУДА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Дербишев Р. О.

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк, РФ
rus_don@mail.ru

Введение. В современном мире проблема защиты прав и свобод человека является одной из самых актуальных. В этом направлении принят ряд международных нормативно-правовых актов, определяющих человека наивысшей ценностью общества, а надлежащее обеспечение его прав и свобод – главной обязанностью каждого демократического государства.

По общему правилу, независимо от личности причинителя вреда или потерпевшего, причиненный вред возмещается в полном объеме.

Основная часть. Как известно, согласно правилам специального деликта, основаниями ответственности за ущерб, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов, и в том числе суда, являются: вред, незаконные действия и причинно-следственная связь между незаконными действиями и вредом. Обратим внимание, что наличие вины не является обязательным условием, так как в соответствии с ч. 1 ст. 1199 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР) вред возмещается независимо от вины должностных лиц [1].

К особенностям вреда, причиненного незаконными действиями суда, следует отнести:

1) обязательное наличие морального вреда, который заключается не только в психических страданиях потерпевшего, но и в утрате доверия к правосудию вообще, а значит и к государству, это правосудие осуществляющему;

2) наличие имущественного вреда, в структуре которого преобладают реальные убытки, связанные с незаконным привлечением к ответственности: утраченный заработок и другие доходы, убытки в связи с выплатами штрафов, судебные издержки, расходы на оказание юридической помощи и тому подобное, но также имеет место упущенная выгода, несмотря на сложности доказывания в судебном порядке.

Поскольку гражданские правонарушения причиняют вред всему комплексу явлений, охватываемых категорией объекта гражданского правонарушения, то и вред как результат гражданского правонарушения рассматривается в трех аспектах – как социальный, юридический и фактический вред.

В ч. 2 ст. 1199 ГК ДНР указывается, что вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае установления вины судьи вступившим в силу приговора суда [1]. При этом не делается разницы между причинением вреда в ходе уголовного или гражданского судопроизводства. Аналогичная норма содержится и в ч. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2].

Для примера необходимо отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), как специальный нормативный правовой акт, содержит целый ряд статей, посвященных институту реабилитации (ст. ст. 133-139, 397, 399 УПК РФ) [3]. В свою очередь, в Донецкой Народной Республике лишь в ст. 59 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК ДНР) устанавливается обязанность правоохранительных органов, в том числе и суда, по принятию мер к возмещению ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями [4], что при отсутствии закона о порядке возмещения вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов не может гарантировать в полной мере защиту и соблюдение прав потерпевших граждан в уголовном судопроизводстве.

Что касается гражданского судопроизводства, то ни в законодательстве Российской Федерации, ни в законодательстве Донецкой Народной Республики нет специальных норм, регулирующих правоотношения, складывающиеся при причинении вреда вынесением незаконного решения. Вынесению решения в гражданском судопроизводстве предшествуют действия судьи, направленные на развитие или прекращение гражданского процесса. Так, принятие искового заявления зависит от ряда обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение гражданско-процессуальных правоотношений. Отказ судьи в принятии искового заявления реализуется путем вынесения определения суда об отказе в принятии искового заявления, которое должно отвечать требованиям главы 21 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГПК ДНР) [5].

Как в случае несогласия с содержанием определения суда, так и в случае незаконности такого постановления, у заинтересованных лиц возникает право на апелляционное обжалование в соответствии со ст. 333 ГПК ДНР [5].

Возможность возмещения вреда, причиненного в результате вынесения незаконного определения суда об отказе в принятии искового заявления по гражданскому делу, может быть реализовано при наличии постановления суда высшей инстанции. Однако ГПК ДНР не содержит специальных норм, устанавливающих обязанности суда и алгоритм его действий для обеспечения возможной защиты прав потерпевших при причинении им вреда в результате незаконных действий должностных лиц суда.

Заключение. Анализ вышеперечисленных нормативных правовых актов позволяет сделать следующие выводы:

1). В УПК ДНР необходимо внести дополнения, касающиеся порядка реабилитации потерпевших от уголовного преследования с целью его унификации с УПК РФ и детального регулирования порядка возмещения вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства;

2). Раздел III и IV ГПК ДНР необходимо дополнить специальными нормами об обязанности суда при пересмотре дел обеспечить гражданам, потерпевшим от незаконных действий суда в гражданском судопроизводстве, реализацию права на защиту их прав и законных интересов.

Эти и другие меры, направленные на обеспечение и соблюдение прав граждан при осуществлении правосудия, позволят вывести как уровень правосознания граждан, так и степень доверия государственной правовой системе на качественно иной уровень.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики от 13.12.2019 г. № 81-ПНС [Электронный ресурс]. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.09.2022).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/efc06d551072971346ee3a0ea5b9d3de97b65474/ (дата обращения: 21.09.2022).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/3911b8a97895714db18d9b21fea27d1667ddfe4e/ (дата обращения: 21.09.2022).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 № 240-ПНС [Электронный ресурс]. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki> (дата обращения: 21.09.2022).
5. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 30.04.2021 № 278-ПНС [Электронный ресурс]. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.09.2022).

РОЛЬ СУДЕБНЫХ ДЕБАТОВ В ФОРМИРОВАНИИ РЕШЕНИЯ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Дербишев Р. О., Гунько А. В.

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк, РФ
olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Введение. В данной статье рассматривается роль судебных дебатов в формировании решения суда первой инстанции, а также раскрывается суть вопроса, почему так важно формирование решения суда первой инстанции и правила достижения качественной риторики в выступлениях лиц, участвующих в деле, в судебных прениях. Несмотря на то, что в Донецкой Народной Республике (далее ДНР) действуют также апелляционная, кассационная и надзорная инстанции согласно Закону ДНР «О судебной системе Донецкой Народной Республики», решение суда первой инстанции является исходным фундаментом в восстановлении нарушенного права и правильное применение не только норм материального, но процессуального права, что является залогом обеспечения безапелляционного решения задач в восстановлении законности и справедливости судом перед гражданами Донецкой Народной Республики.

Основная часть. Гл. 14-16 ГПК ДНР определены части судебного разбирательства, которые являются неизменными и следуют в строго определенной последовательности и не подлежат изменению в процессе рассмотрения дела [1].

Все части судебного разбирательства являются обособленными и при несоблюдении порядка проведения судом хотя бы одной из частей судебного разбирательства ведет к безусловной отмене решения не зависимо от правильного применения норм материального права. На протяжении всего судебного разбирательства действия участников судебного процесса направлены на аргументирование своих доводов по существу дела с целью убедить суд в правильности их доводов и имеют цель убедить суд принять решение в их пользу. После исследования всех доказательств и выяснения мнения участников процесса об отсутствии дополнений и заявлений председательствующий по делу судья объявляет рассмотрение дела по существу законченным и суд переходит к судебным прениям.

Участники судебных прений не вправе ссылаться на доказательства, которые не исследовались в судебном заседании. Если возникает необходимость выяснить новые обстоятельства, имеющие значение для дела, исследовать новые доказательства, то суд своим определением возобновляет разбирательство, по существу. [2]

Суд не вправе ограничить участника процесса во времени выступления, а лишь может указать ему на отклонение его выступления от высказывания позиции не по существу спора. Однако, существует категория «представителей и сторон», которые отличаются излишней многословностью, при том, что излагаемые доводы зачастую либо не относятся к предмету спора, либо откровенно направлены на затягивание процесса. Такие представители в течении всего судебного разбирательства отнимают время не только у суда, но и у других участников процесса. Соответственно такое поведение повторяется и в судебных прениях.

Гаврилов С. Н. поддержал данную позицию и указал, что в судебных речах нельзя выходить за пределы доказывания, ссылаясь на не исследованные в суде доказательства. Речь должна быть краткой и сдержанной [3, ст. 23].

Частью 4 статьи 202 ГПК ДНР закреплено право лиц, участвующих в процессе выступить с репликами после основного выступления в судебных прениях всех лиц. Право последней реплики всегда принадлежит ответчику, его представителю.

Зачастую, в судебной практике лица, участвующие в деле, понимая всю ответственность на этапе судебных прений ходатайствуют перед судом об объявлении перерыва для подготовки к судебным прениям, для составления заключительной речи и обоснования своих доводов в поочередной последовательности исследования судом доказательств. Объявление перерыва после начала судебных прений и до удаления суда в совещательную комнату для принятия решения по существу спора не допустим. Речь выступающего должна быть аргументирована, логично построена, последовательна и понятна для всех участников дела. Таким образом, судебные дебаты являются важной частью рассмотрения дела по существу, ведь имеют целью подведение итогов выяснения обстоятельств дела и проверки их доказательствами для принятия решения.

Оскар Бюлов писал: «Одним из глубочайших основных начал судебного процесса является распределение бремени судебного разбирательства между обеими сторонами: каждая сторона обязана внести свой вклад в аргументацию судейского убеждения. «Это служит проявлением требования естественной справедливости, чтобы в борьбе спорящих сторон за раздел равно распределить солнце и воздух и не возлагать все бремя доказывания на сторону, ищущую свое право» [4].

Многие обыватели, участвующие в процессе и юристы считают, что выступление в судебных прениях это систематизированная передача всего, что происходило на протяжении судебного разбирательства и составляют свою речь путем изложения подробных описаний показаний сторон, свидетелей, исследованных в судебном заседании доказательств, что является ошибкой, которая приводит к безосновательному затягиванию судебных дебатов и не может способствовать доведению до суда, того что

является очевидным и не способствует функции судебных дебатов выразить установленную истину в судебном заседании дабы убедить суд принять решение в свою пользу. Необходимо делать акцент на факты и аргументы, которые оппонент признал или не отрицал, что даст возможность указать суду на несостоятельность фактов и аргументов оппонента.

Заключение. Подводя итоги аргументации важности судебных дебатов в формировании решения суда первой инстанции необходимо отметить, что на протяжении становления гражданского процесса в правовой системе Донецкой Народной Республики применялся Гражданский процессуальный кодекс Украины по состоянию на 14 мая 2014 года. ГПК ДНР был принят Народным Советом ДНР 30.04.2021 и вступил в действие 01.07.2021. При разработке Кодекса за основу был взят ГПК РФ с последними изменениям, внесёнными в него и связанными с проводимой реформой процессуального законодательства в России. Однако следует отметить, что норма закона регулирующая судебные прения остается неизменной в части последовательности выступлений и времени на обоснование своей позиции. Из этого следует, что законодатель, закрепляя данную норму исходил из основных принципов гражданского судопроизводства таких как законность, равенство граждан и организаций перед законом и судом, гласность, состязательность, процессуальное равноправие сторон, что ярко выражено в том, что продолжительность судебных прений законодательно не регламентирована, суд не может ограничивать выступления определенными временными рамками. Однако с целью избежания определенных злоупотреблений председательствующий может остановить выступающего в случае, когда он выходит за пределы рассматриваемого дела судом, или повторяется. Законодатель не закрепляет критериев излагаемой речи в судебных дебатах для лиц, участвующих в деле, а лишь дает право суду вернуть оратора в пределы исковых требований и высказываться по существу дела.

Таким образом, цель, поставленная перед лицами, участвующими в деле при выступлении в судебных прениях, направлена на грамотное, четкое и обоснованное формирование исследованной доказательной базы в процессе рассмотрения дела по существу, способной повлиять на принятие решение суда первой инстанции.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики: принят Народным Советом Донецкой Народной Республики 30 апреля 2021, вступил в законную силу 01 июля 2021 <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
2. Гражданский процесс: учебник / под ред. А. Г. Коваленко, А. А. Мохова, П. М. Филиппова. – М.: Юридическая фирма "КОНТРАКТ", ИНФРА-М, 2008. – С. 174.

4. Гаврилов С.Н. Процессная модель качества квалифицированной юридической помощи в контексте цифровой трансформации адвокатуры // Адвокатская практика. – 2019. – № 2 – С. 9-24.
5. Оскар фон Бюлов. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки / пер. с нем. Д. С. Ксенофоновой; отв. ред. Д. Х. Валеев. – Москва : Статут, 2019. – С. 34.

УДК 347.661

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

Дербишев Р. О., Кравчук А. Л.

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк, РФ
olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Введение. Актуальность темы обусловлена освещением гражданско-правового института собственности, которая занимает одно из важнейших мест в любой правовой системе, неважно романно – германская или англо – саксонская. Собственность представляет собой одну из наибольших ценностей, как для общества в целом, так и для каждого лица в частности. Поэтому важно обеспечивать правовое регулирование отношений собственности.

Основная часть. Появление собственности – является предпосылкой становления любого общественного строя. Она появилась еще у истоков становления человечества, выражаясь на раннем этапе в индивидуальном присвоении первобытными людьми своей добычи, а затем и в присвоение той или иной вещи уже коллективно. Ни о каком обществе не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности, поскольку всякое производство есть присвоение лицом ресурсов природы в пределах определенной общественной формы. Собственность способна как сформировать, так и разрушить общество.

Право собственности, согласно Гражданскому законодательству – это совокупность правоотношений между лицом или группами лиц по поводу присвоения вещей, по средствам этой вещи. Собственность как экономическая категория присуща человеческому обществу на протяжении долгого времени. Конечно, на протяжении многих столетий собственность претерпевала серьезные изменения, обусловленные, главным образом, развитием промышленных сил, иногда довольно сильным, как, например, это имело место в период промышленной революции или играет важную роль в нынешнюю эпоху научно – технического прогресса. Право собственности не нуждается в

существовании государства как такового. Нормы права собственности гораздо старше, чем сама идея государственности, при этом содержание этих норм меняется от места к месту, от формации к формации [1, с. 40].

В общем понимании и виде в экономической науке под определением собственности понимается принадлежность ресурсов и продуктов производства определенным лицам в отдельных исторических условиях. В юридической науке или в рамках разных правовых систем данное понятие права собственности трактуется по-разному.

Право собственности в объективном смысле – это совокупность правовых норм, охраняющих и закрепляющих принадлежность материальных благ конкретным лицам, а также возникновение, осуществление, прекращение, защиту прав собственника, а также их возможность владеть, пользоваться и распоряжаться данными материальными благами [2, с. 26].

Право собственности в субъективном смысле – это субъективное право собственника по осуществлению принадлежащим ему имуществом по собственному усмотрению и в личных интересах, включающее в себя право владения, пользования и распоряжения [3, с. 28].

Основания приобретения права собственности подразделяются на:

1. Первоначальные, т.е. не зависящие от прав предыдущего собственника на данную вещь;
2. Производные, т.е. при которых право собственности возникает по воле предшествующего собственника [4, с. 37].

В романо-германской системе понятие права собственности рассматривается довольно в узком смысле, как одна из разновидностей вещного права. Собственность в ней рассматривается как личная вещь и является формально не делимой [5, с. 31]. Из этого следует, что собственник имеет следующие права: владение, пользование, распоряжение. Однако эти понятия трактуются по-разному. Владение и пользование – более экономические понятия, а распоряжения – правовое. Поэтому в государствах романо-германской правовой системы основные правомочия определяются по-разному [2, с. 10]. Например, в Италии или Франции они сводятся к пользованию и распоряжению, в России закреплена определенная триада прав собственника.

Более широкий подход к понятию собственности используют экономисты, а также представители англо – саксонской правовой системы государства. В англо – саксонской системе, вещь имеет множество измерений по форме, времени, и месту положения. Многогранность правоотношений обусловлена многообразием полезных свойств той или иной вещи. Следовательно, общее право происходит от понятия собственности как сложного комплекса правомочий, существенно отличающихся по своим последствиям и характеру, при условии, что права на одну и тот же ресурс могут принадлежать разным лицам [4, с. 60].

Из этого следует, что право собственности полностью специфицировано. Более полное понятие права собственности выдвинуто английским юристом А. Оноре, признанное в настоящее время – классическим. Следует заметить, что, рассматривая право собственности на примере романо-германской правовой системе, довольно трудно увидеть межотраслевые связи, так как остается в стороне представитель собственника, в экономическом обороте в большинстве случаев распоряжающийся имуществом [3, с.12]. Более целесообразно представляется рассматривать право собственности как синоним экономических отношений, в частности возможности субъекта.

Заключение. В заключение можно сказать, что право собственности является одним из основополагающих факторов становления и развития общества, а также неотъемлемой частью правовой отрасли гражданских правоотношений между лицами. Хотелось бы отметить, что понятие права собственности имеет более широкое определение именно в англо-саксонской системе права, но при этом основополагающие понятия утверждены в вышеперечисленных системах, но каждая из них имеет разную специфику и разный подход к трактовке одного и того же понятия.

Список литературы

1. Янгуразов М. В. Категория права собственности в Англо – Саксонской и Романо-Германской правовых системах / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/33799/1/Янгуразов.pdf>
2. Давид Р. Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/116177>
3. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве.- М.: Статут, 2107г. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/2390541/>
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государств и права: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2016. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/document?id=166512>
6. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Юрайт-М, 2016. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://laws.studio/prava-teoriya/teoriya-gosudarstva-prava-uchebnik-dkya.html>

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Дербишева О. А.

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк, РФ
olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Введение. В зарубежной правовой доктрине давно используется такая терминология как «транспарентность судебной системы». Последнее время данное понятие все чаще интегрируется и в российскую юридическую науку. Помимо теоретических проблемных аспектов существуют и практические проблемы обеспечения транспарентности судебной системы, которые фактически ставят под вопрос наличие транспарентности как таковой в той или иной судебной деятельности.

Основная часть. Согласно толковому словарю Т. Ф. Ефремовой под «транспарентностью» следует понимать отсутствие секретности, доступность любой информации. В то же время «гласность» Т. Ф. Ефремова определяет как доступность, открытость информации о деятельности различных государственных структур и возможность её обсуждения как одна из черт демократического общества, а «публичность», как происходящее в присутствии публики, людей; открытое, гласное [1].

В научной литературе встречаются совершенно противоположные мнения по поводу отождествления принципа гласности и принципа публичности. Так, по мнению М. Н. Становкиной «гласность» и «публичность» несут в себе одинаковую смысловую нагрузку, так как публичность реализуется путем проведения открытого (гласного) процесса и обозначается основополагающим началом судебной деятельности – принципом гласности [2, с. 39]. В. М. Лебедев и Т. Я. Хабриева считают по-другому, по их мнению принцип гласности судебного разбирательства является одним из проявлений принципа публичности судебной деятельности [3, с. 272]. Полагаем, что принцип публичности более глобален и соответственно имеет большую объективацию, нежели принцип гласности, так как вмещает в себя не только отношения, связанные с ведением открытого судебного заседания, но и все остальные отношения, связанные с публичной деятельностью суда. В общем и целом под публичным принципом судебной системы следует понимать деятельность суда во всех ее внешних контактах.

Если по поводу соотношения принципов гласности и публичности в правовой науке пришли уже к более или менее конкретным концепциям, то принцип транспарентности – это совершенно новый объект для

дискуссии. По поводу его терминологического обозначения нет ясности вообще. Возникает очевидный вопрос, с чем нужно отождествлять принцип транспарентности, с принципом гласности или с принципом публичности, или же он является совершенно самостоятельным? Отвечая на данный вопрос, согласимся со взглядами Е. Б. Абросимовой, которая считает, что существует несколько форм транспарентности, иными словами, несколько видов информации о правосудии, которая должна быть доступна любому заинтересованному субъекту, и называет в их числе информацию: о суде; конкретном судебном процессе, судебном самоуправлении [4, с. 122–123]. Также отметим очень интересную позицию В. М. Лебедева и Т. Я. Хабриевой относительно содержания публичного принципа судебной системы: «Данный перечень должен быть дополнен сведениями о кадровых назначениях и возможностях доступа к судебной должности (объявление конкурса на замещение вакантной должности судьи), что в настоящее время предусмотрено законодательно». Исходя из такого подхода к принципу транспарентности полагаем обоснованным отождествлять его с принципом публичности судебной системы [3, с. 273].

Рассмотрим основные проблемные аспекты принципа гласности правосудия как одного из элементов транспарентности судебной системы.

В настоящее время процесс попадания в зал судебного заседания не урегулирован ни одним нормативным документом. На практике нередки случаи, когда гражданам, практикующим юристам невозможно попасть в здания суда без предъявления повестки и паспорта, в арбитражные суды – без специального пропуска, в Верховный Суд ДНР – без надлежащего документа о приглашении конкретного гражданина в суд, с его регистрацией в списках посетителей, наличием комплекта документов, подтверждающих личность и участие в деле. Таким образом, нарушается принцип гласности судебного процесса. Тем не менее, объективно обеспечить возможность прохода в суд всем желающим судебные органы не в состоянии ввиду банальной недостаточности мест в зале судебного заседания. Однако, с целью совершенствования правовой системы ДНР, такая правовая неурегулированность попадания на судебное заседание не должна существовать. Мы полагаем, что раз возникает объективная невозможность исполнения принципа гласности судопроизводства, то значит необходимо законодательно установить ограничения на количество возможных присутствующих в зале судебного заседания исходя из площади зала судебного заседания и максимального количества посадочных мест. При этом разделив лиц на обязательных к участию и второстепенных, для того, чтобы обязательные участники в любом случае находились в зале. Также необходимо будет определить стандарты по размерам зала судебного заседания для различных инстанций и производств с учетом статистических данных по количеству лиц

присутствующих на судебном заседании. Кроме того, отметим, что такое нововведение не будет чем-то радикальным в виду того, что подобные ограничения применяются ко многим конституционным принципам. Также, нередки случаи, когда судьи проводят закрытые судебные заседания без достаточных для того оснований.

В Российской Федерации (далее – РФ) постарались устранить указанные пробелы в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов». Однако в данном Постановлении большое внимание уделили правам журналистов, определив обязательность их пропуска, в случае если судебное заседание проводится в открытом формате, в то же время в нем нет ни единого упоминания о правах иных лиц претендующих на участие в судебном процессе и не являющимися его участниками. Несмотря на это в настоящем Постановлении отметили, что несоблюдение требований о гласности судопроизводства в ходе судебного разбирательства свидетельствует о нарушении судом норм процессуального права и является основанием для отмены судебных постановлений, если такое нарушение соответственно привело или могло привести к принятию незаконного и (или) необоснованного решения [5].

Заключение. В заключение проведенного исследования отметим, что настоящая проблематика требует более глубокого и детального исследования, особенно в практическом направлении в виду отсутствия единого нормативного акта о доступе в зал судебного заседания. Также подводя итоги, подчеркнем теоретические аспекты, а именно то, что под транспарентностью судебной системы следует понимать термин большей объективации нежели гласность судебной системы, который вмещает в себя внешнюю деятельность суда во всех ее процессуальных и непроцессуальных публичных проявлениях.

Список литературы

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц : [В 2 т.] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – 27 см. – (Библиотека словарей русского языка : А). Т. 2: П – Я. – 1084 с.
2. Становкина М. В. Транспарентность судебной деятельности: содержательная характеристика // Новый университет. Серия «Экономика и право», 2013. – С. 38-41.
3. Правосудие в современном мире: монография / Под ред.: Лебедев В. М., Хабриева Т. Я. – М.: Норма, 2014. – 720 с.
4. Абросимова Е. Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. – М.: Институт права и публичной политики, 2002. – 160 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 года №35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // НПП «Консультант-Плюс.

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВОПРЕЕМСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Дербишева О. А., Железнова В. Е.

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк, РФ
olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Введение. Проблема наследственного преемства имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Так, проблема развития наследственного преемства в гражданском праве Донецкой Народной Республики (далее ДНР) заключается в несовершенном механизме реализации данного права. При такой ситуации в настоящее время, возникают ряд сложностей в правоприменительной практике.

Основная часть. Современные правовые системы относят наследственное право в целом к частному праву. Вместе с тем, как утверждает О. В. Шведкова, то порядок перехода имущества наследодателя к другим лицам в значительной степени определяется этическими, моральными, религиозными, семейными и иными аналогичными аспектами [1, с. 69].

Подобного рода гипотеза основана еще на римском частном праве, в нормах которого в лице наследника опосредованно видели юридическую личность самого наследодателя [2, с. 61].

В связи с этим возникла необходимость обновления гражданского законодательства ДНР о наследовании.

Учитывая изложенное, в подходе к решению данной проблемы уместно привести цитату русского ученого Г. Ф. Шершеневича, который писал, что совокупность юридических отношений, в которые поставило себя лицо, со смертью его не прекращается, но переходит на новое лицо... Новое лицо заменяет прежнее и занимает в его юридических отношениях активное или пассивное положение, смотря по тому, какое место занимал умерший. Оно является субъектом прав собственности, сервитутов, залога, прав требования; на него падают обязанности по всем долгам умершего [3].

Так, в соответствии с частью 1 статьи 1239 Гражданского кодекса ДНР (далее – ГК ДНР), при наследовании имущество умершего (наследство, наследственное имущество) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, если из правил ГК ДНР не следует иное [4].

Проанализировав указанную норму права, становится очевидным, что статья является императивной и закрепляет следующие основные

положения. Наследование становится возможным только в том случае, если гражданин является умершим (юридический факт – смерть гражданина влечет два обязательных последствия, а именно это потеря его гражданской правоспособности и одновременно начало процесса наследования) [5, с. 48].

Указанные мнения в своей основе базируются на идее правопреемства и идее транзитивности (переходности) и дискретности (непереходности) субъектных прав и обязанностей. Сперва появилась концепция правопреемства как перехода прав и обязанностей. Сущность заключается в понимании правопреемства как перехода прав и обязанностей от одного субъекта права другому, которое осуществляется как в силу закона, так и в соответствии с соглашением.

Что касается этимологии понятия наследственного преемства, то здесь следует понимать переход имущества умершего к другому лицу или к другим лицам – его наследникам.

Однако, поскольку имущество умершего (наследство, наследственное имущество) составляет совокупность принадлежащих наследодателю имущественных прав, то наследование, или наследственное преемство, следует понимать как переход этих имущественных прав от наследодателя к его наследникам. Институт наследственного права начал формироваться в рамках римского права – *ius succedendi*. Известные римские юристы знали, что одной из составных частей наследственного права необходимо считать общее преемство как отражение наследственной правоспособности. Как результат, основами развития *ius succedendi* было универсальное преемство и сингулярное преемство соответственно.

Вступая в наследство, наследник не только приобретает соответствующие права, но и становится ответственным по имеющимся обязательствам наследодателя. В том случае, даже если наследственная масса состояла исключительно из долговых обязательств наследодателя, универсальный характер наследственного преемства приводил в доюстиниановом праве к ответственности наследника по долгам наследства.

Современное российское законодательство характеризует наследственное правопреемство как универсальное. В связи с этим, статья 1110 ГК Российской Федерации впервые закрепляет этот принцип и конкретизирует его, выделяя три признака, дающих основания полагать, что правопреемство является универсальным.

Таким образом, подводя итог научному исследованию, необходимо отметить следующее.

Заключение. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что наследование представляет собой переход прав и обязанностей умершего лица к другим лицам в порядке универсального правопреемства или в порядке сингулярного правопреемства с сохранением признака универсальности.

Реализуя указанное положение, органу законодательной власти ДНР представляется необходимым рассмотреть вопрос о совершенствовании гражданского законодательства.

В связи со сложившейся юридико-технической практикой изложения материала, необходимо ГК ДНР дополнить статьей 1239¹, которая регламентировала бы виды наследственного преемства.

Итак, статью 1239¹ ГК ДНР целесообразно изложить в следующей редакции:

«Статья 1239¹. Наследственное преемство

1. Наследование имущества умершего осуществляется в порядке универсального и сингулярного преемства. 2. Универсальное наследственное преемство представляет собой процесс перехода всех имущественных прав и обязательств наследодателя. 3. Сингулярное наследственное преемство представляет собой процесс перехода отдельных имущественных прав и обязательств наследодателя для одного получателя.».

Законодательная регламентация общественных отношений в части законодательного закрепления видов наследственного преемства целесообразна исходя из того, чтобы устранить возможность разночтения нормативных положений о наследовании.

В связи с реформированием норм действующего гражданского законодательства, в частности наследственного преемства, необходимо учесть предложение по внесению изменений в законодательство ДНР. Обусловлено это, рядом причин, которые заключаются в постоянном развитии общественных отношений, требующих законодательного закрепления для последующего их регулирования.

Подобного рода законодательное закрепление видов предполагает придание фундаментальным положениям наследственного преемства статуса официальных.

Список литературы

1. Шведкова, О.В. Понятие наследственного правопреемства / О.В. Шведкова // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – №5. – С. 68-72.
2. Михайлова, А.С. Наследственное правопреемство в свете реформирования гражданского законодательства / А.С. Михайлова // Евразийский Союз Ученых. – 2018. – №11. – С. 60-63.
3. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М., СПАРТАК, 1995.
4. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: закон Донецкой Народной Республики от 13.12.2019 № 81-ПНС. – [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Народного Совета ДНР. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
5. Цыпляева, Е.В. К вопросу о правопреемстве в наследственных правоотношениях / Е.В. Цыпляева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2015. – №15. – С. 47-51.

ОСНОВАНИЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

Дербишева О. А., Иванюк К. Б.

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк, РФ
olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Введение. В работе отмечается, что правоотношения супругов относительно общего имущества являются достаточно сложным и многогранным вопросом. Проведен анализ научной литературы, семейного законодательства ДНР и РФ, который позволил определить следующие основания возникновения права общей совместной собственности супругов, а именно: официально зарегистрированный брак, совместное проживание, совместный труд супругов над приобретением общего совместного имущества. Также в работе рассмотрены фактические брачные отношения (конкубинат), их законодательное закрепление в Семейных кодексах и на основании этого подготовлены предложения по совершенствованию действующего семейного законодательства ДНР.

Основная часть. Правовые аспекты возникновения права общей совместной собственности супругов отражены во множестве научных работ, данное понятие рассматривается как имущественная база союза двух людей, заключивших брак.

Данной точки зрения придерживается во многих научных исследованиях Т. О. Ариванюк, где она подчеркивает, что «общность имущества супругов возникает тогда, когда лица регистрируют брак. При этом право на имущество возникает независимо от оснований его возникновения (купля-продажа, мена, вознаграждение за труд, приобретение совместного имущества и т.д.)» [1, с. 11].

Именно с момента регистрации брака, по мнению С. М. Лепеха, «начинает действовать презумпция общности относительно всего имущества, которое приобретается супругами, кроме исключений установленных законом» [2, с. 86].

«Основанием возникновения правоотношений общей собственности супругов является только брак, заключенный в установленном законом порядке», так считает Л. М. Пчелинцева: «Фактические семейные отношения мужчины и женщины без государственной регистрации заключения брака независимо от их продолжительности не создают совместную собственность на имущество» [3, с. 186].

Однако не всеми учеными основаниями общности имущества супругов признается только зарегистрированный брак, есть ряд ученых, таких как Рейхель М. О., Манаев К. И., Пилипенко С. А. и др., которые

считают, что право общей совместной собственности супругов возникает не только в момент заключения брака, но при этом должно присутствовать наличие совместного труда обоих супругов над приобретением данного имущества и совместное проживание супругов.

Как справедливо по этому поводу отметил М. О. Рейхель «обязательными элементами юридического состава, необходимого для возникновения общности имущества супругов, является приобретение имущества во время зарегистрированного брака и наличие совместного труда супругов». Под совместным трудом супругов, ученый понимает «полезный труд, который, независимо от его характера, либо непосредственно, либо в своей овеществленной форме направлен на создание общего имущества супругов» [4, с. 109].

Рассмотрение данного вопроса не будет полным без анализа норм Семейного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – СК ДНР).

В СК ДНР возникновение прав и обязанностей супругов регулируется ч. 2 ст. 10, а именно установлено, что «права и обязанности супругов возникают со дня государственной регистрации заключения брака в органах записи актов гражданского состояния». Также важно отметить, что на основании ч. 2 ст. 1 СК ДНР, в республике «признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния» [5]. Что касается имущества, нажитого супругами во время брака, то согласно ч. 1 ст. 34 СК ДНР такое имущество является совместной собственностью супругов.

Анализируя Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) приходим к выводу, что в РФ такие отношения также, как и в ДНР, не признаются государством в качестве брачных отношений. Основанием этому является содержание ч. 2 ст. 1 СК РФ, где указано, что «признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния» [6]. Таким образом, учитывая данную норму права можно утверждать, что действующее законодательство РФ нельзя применять относительно имущественных прав между «фактическими» супругами.

Что касается имущественных прав супругов на совместную собственность, ч. 1 ст. 34 СК РФ содержит норму, согласно которой имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. В комментарии к данной статье говорится, что «законный режим применим только к имуществу лиц, чей брак зарегистрирован в органах загса. Что касается фактических брачных отношений, то при них возникает не общая совместная, а общая долевая собственность. Здесь при наличии имущественного спора необходимо доказать, что средства, на которые приобретена та или иная вещь, были общими, и только после этого требовать своей доли на нее».

В данном контексте, на наш взгляд, будет интересным упомянуть Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 15 от

05.11.1988 г., согласно которого Верховный Суд РФ указал: «поскольку в соответствии с законодательством, которое действовало до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года, незарегистрированный брак был приравнен к зарегистрированному, на имущество, сообща приобретенное лицами, состоявшими в фактическом браке до 8 июля 1944 года, распространяется режим совместной собственности» (п. 16 абз. 2) [7].

Заключение. Проведенное исследование позволило прийти к выводу, что фактические отношения между мужчиной и женщиной, на сегодняшний день, становятся все более актуальными и с данной формой брака обществу и государству необходимо считаться. Рассмотрев СК ДНР, в котором данная форма отношений между мужчиной и женщиной не предусмотрена, по нашему мнению, необходимо в данный кодекс внести следующие дополнения:

1. Ст 10 СК ДНР необходимо дополнить ч. 3 следующего содержания: «Права и обязанности фактических супругов возникают со дня заключения между ними в сложной письменной форме конкубинатного договора, удостоверенного нотариусом».

2. Дополнить ст. 34 СК ДНР статьей следующего содержания: «Имущество фактических супругов, нажитое во время их совместного проживания, является их общей совместной собственностью, если это предусмотрено конкубинатным договором (между мужчиной и женщиной, проживающими одной семьей, не состоящих в браке), удостоверенного нотариусом».

Список литературы

1. Ариванюк Т.О. Правове регулювання відносин власності між подружжям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Одеса, 2004. – 20 с.
2. Лепех С.М. Правовий режим грошей як спільного майна подружжя. Право України. – 2013. – № 10. – С. 85-96.
3. Пчелинцева Л. М. Семейное право России: учебник для вузов, 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 688 с.
4. Рейхель М. О. Общеимущественные отношения супругов в советском праве. Советское государство и право. – 1940. – № 8-9. – С. 109-120.
5. Семейный кодекс Донецкой Народной Республики от 17.07.2020 г. № 172-ІІНС. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-172-iihc-20200717/>.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021). КонсультантПлюс. Надежная правовая поддержка. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.
7. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 15 от 05.11.1988 г. (с изменениями на 6 февраля 2007 года). http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/901720393_.

АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Ефремова А. В., канд. юрид. наук, доц., ***Худовердова К. А.***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
kristina_9699@mail.ru

Введение. 20 ноября 1989 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция о правах ребенка, согласно которой каждый ребенок должен быть обеспечен специальной охраной и заботой, в том числе это должно включать и надлежащую правовую защиту [1]. Данные положения международного права являются фундаментальными. Актуальность проведения анализа правового регулирования имущественных прав несовершеннолетних лиц, в рамках гражданского права обосновывается тем, что в юридической литературе данный вопрос остается без должного научного исследования. Само определение имущественных прав относится к отрасли гражданского права, и выступает его предметом. Однако отечественное гражданское законодательство не имеет конкретной нормы определяющей и комплексно регулирующей имущественные права несовершеннолетних лиц. Потому считаем, что вопрос имущественных прав несовершеннолетнего лица относится к категории малоисследованных в юридической науке и требует усовершенствования.

Основная часть. Несовершеннолетние лица являются особыми субъектами гражданского права в силу незрелости своего возраста. Основы участия детей в имущественных отношениях заложены именно в гражданском законодательстве, в котором определяются такие фундаментальные понятия, как правоспособность, дееспособность, закрепляются виды дееспособности и ее особенности у несовершеннолетних лиц.

Гражданская дееспособность – это способность лицо своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их [2].

Объем гражданской дееспособности ограничен законодательством в зависимости от возраста, в частности: дееспособность малолетних, не достигших 14 лет, дееспособность несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет.

Таким образом, малолетние лица вправе осуществлять мелкие бытовые сделки, сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения.

Объем дееспособности несовершеннолетних лиц с 14 до 18 лет шире, поскольку они вправе самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей и попечителей: распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами; осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности; вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими; совершать сделки, которые законом относятся к самостоятельному ведению малолетних.

При исследовании указанного вопроса считаем целесообразным обратить внимание, что в основном нормы об имущественных правах несовершеннолетних лиц закреплены в Семейном законодательстве. Так, комплекс имущественных прав несовершеннолетнего лица закреплен в ст.60 Семейного кодекса Донецкой Народной Республики и Российской Федерации, которая гласит следующее:

1. Ребенок имеет право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи;

2. Суммы, причитающиеся ребенку в качестве алиментов, пенсий, пособий, поступают в распоряжение родителей (лиц, их заменяющих) и расходуются ими на содержание, воспитание и образование ребенка.

3. Ребенок имеет право собственности на доходы, полученные им, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на средства ребенка [3].

Анализ рассматриваемой нормы позволяет сделать вывод, что дальше для возможности распоряжения несовершеннолетним лицом своим имуществом идет отсылка к нормам Гражданского законодательства, в частности статьями 29 и 31 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики [4]. Нормы закона гласят, что данные права могут приобретаться ребенком в зависимости от объема предоставленной им дееспособности, соответственно устанавливаются некие границы имущественных прав несовершеннолетнего.

Жилинкова И. В. в своих трудах отмечает тот факт, что в основном в цивилистической литературе особое внимание уделяется такому имущественному праву несовершеннолетних, как право на получение алиментов [5, с. 162]. При этом данное право определяется больше, с точки зрения законодателя, как обязанность родителей по уплате средств по его содержанию и что важно отметить так же регулируется семейным законодательством.

Правовое регулирование имущественных прав несовершеннолетних в гражданском законодательстве заключается непосредственно в регулировании реализации данных прав. Раскрывая отдельные имущественные права, законодатель указывает на условия их осуществления.

Отдельные виды имущественных прав, которые закреплены в гражданском законодательстве при их применении и реализации требуют

обращения к нормативным актам иных отраслей права, к примеру, земельного, семейного, жилищного законодательства.

При непосредственном применении целого комплекса нормативного регулирования имущественных прав несовершеннолетних может возникнуть ряд проблемных аспектов, в случае неверного сочетания существующих положений.

Хотелось бы кратко отметить, что в Российской Федерации законодательные основы имущественного положения несовершеннолетних лиц регламентируются гражданским, семейным кодексом, а также федеральным законодательством, в частности в сфере социальной поддержки населения.

Заключение. Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что правовое регулирование имущественных прав несовершеннолетних имеет весомое значение в гражданско-правовых отношениях.

Установлена взаимосвязь и взаимозависимость правового регулирования имущественных прав несовершеннолетних в гражданских, семейных и иных отраслевых правоотношениях.

Проведенный анализ исследования позволяет сделать вывод, что представленный перечень в ст. 60 Семейного кодекса Донецкой Народной Республики не отражает все возможные объекты имущественных прав несовершеннолетнего лица.

На данный момент вопрос имущественных прав несовершеннолетних лиц требует продолжительного всестороннего анализа и разработки предложений по созданию целостной системы регулирования, с целью устранения пробелов и коллизий, поскольку научные труды посвящены лишь отдельным аспектам данной сферы и не носят комплексного характера исследования.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка: Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989 // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 22.09.2022)
2. Гражданское право: учебник [для вузов]: [в 3 ч.] / [Арсланов К. М. и др.] ; под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. – Москва: Эксмо, 2009. – 22 см. – (Российское юридическое образование). – Ч. 2. – 2009. – 719 с.; ISBN 978-5-699-29780-1
3. Семейный Кодекс Донецкой Народной Республики от 17 июля 2020 г. № 172-ПНС (ред. от 17.06.21) // СК ДНР. – 2021.
4. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС от 13.12.2019, действующая редакция по состоянию на 28.12.2021 // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 22.09.2022)
5. Жилинкова, И.В. Правовой режим имущества членов семьи / И. В. Жилинкова // – Х.: Ксилон, 2000. – 398 с.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Каравацкая С. А.

ГБОУ ВО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, РФ
svetun1997@mail.ru

Введение. Применение процедуры медиации направлено на преобразование и прекращение спорных материально-правовых отношений посредством заключения медиативного соглашения. Исследование правовой природы данного соглашения имеет значение для реализации установленных сторонами обязательств.

Основная часть. Медиативное соглашение представляет собой соглашение, достигнутое сторонами спорного правоотношения при применении медиативной процедуры в целях урегулирования спора или некоторых разногласий по спору. Действующим законодательством установлена письменная форма совершения указанного соглашения и обязательность указания сведений о сторонах, предмете спора, процедуре медиации, медиаторе, предмете, условиях, сроках исполнения предусмотренных сторонами обязательств.

Проведение медиативного процесса вне процессуального порядка предопределяет возможность заключения медиативного соглашения, совпадающего с предметом иска, частью предмета иска или выходящего за предел исковых требований. Вследствие рассмотрения правовых и иных оснований спора содержание юридической конструкции соглашения могут составлять юридически не значимые, но имеющие значение для сторон условия.

Правовая природа медиативного соглашения, достигнутого сторонами в процессе внесудебного разрешения спора в сфере гражданских правоотношений, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение субъективных прав и обязанностей сторон. Нормы об отступном, новации, прощении долга, зачете встречного однородного требования, возмещении вреда подлежат применению к указанной сделке. Осуществление защиты прав в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением медиативного соглашения производится посредством способов, предусмотренных гражданским законодательством. Несмотря на отсутствие специальных указаний, существо данной сделки предопределяет применение норм гражданского законодательства о способах обеспечения обязательств и основаниях, и последствиях недействительности сделок.

Требуется определение законодателем правовой сущности и природы медиативных соглашений, заключаемых в области трудовых и

семейных правоотношений. «Представители научного сообщества предполагают допустимость субсидиарного распространения режима гражданско-правовых сделок на медиативные соглашения, заключенные в результате урегулирования спора, возникшего из семейных и трудовых правоотношений» [1, с. 151].

Внесение изменений и расторжение медиативного соглашения, достигнутого в результате проведения процедуры медиации по спору, возникшему из гражданских правоотношений, предполагает применение правовых норм, устанавливающих основания изменения и расторжения договора. Основаниями изменения и расторжения медиативных соглашений, заключаемых в специализированных сферах медиации, являются «согласованная воля и волеизъявление сторон на изменение или расторжение соглашения» [3, с. 66].

Исключение преобразования соответствующих соглашений составляют противоречие закону и несоблюдение прав и законных интересов третьих лиц или публичных интересов.

При законодательной регламентации зачета встречных однородных требований, предварительного договора, мирового соглашения будет возникать объективная необходимость дифференциации медиативного соглашения и смежных по конструкции и составу явлений.

Особенностью медиативного соглашения является обязательность волеизъявления участников спорного правоотношения в отношении участия в медиативном процессе, зачет взаимных однородных требований допускает волеизъявление одной стороны. Гражданское законодательство содержит положение о соблюдении условий встречности и однородности зачитываемых требований. Законодательство в сфере медиации должно содержать несоизмеримость требований сторон медиативного процесса.

Предварительный договор содержит обязательство заключения сторонами в будущем основного договора на основании предусмотренных предварительным договором условий. Определение существенных условий медиативного соглашения производится непосредственно при проведении примирительной процедуры, исключая допустимость заключения в целях урегулирования спора иных договоров.

Мировое соглашение представляет собой элемент судопроизводства, заключение, содержание, принудительное исполнение которого являются предметом регулирования норм процессуального права. Заключение медиативного соглашения осуществляется сторонами спорного правоотношения в связи с согласованием взаимоприемлемых условий разрешения спора. Указанное соглашение, заключение и содержание которого регламентировано нормами материального права, является потенциальным результатом окончания медиативного процесса.

Медиативное соглашение, совершенное при применении процедуры медиации вне процессуального порядка, должно быть утверждено судом, в

производстве которого находится рассматриваемое дело, в качестве мирового соглашения.

Исполнение вне процессуального медиативного соглашения осуществляется сторонами на основании предусмотренных указанным соглашением порядка и срока. Неисполнение или ненадлежащее исполнение установленных утвержденным судом соглашением обязательств способствует предопределению принудительного исполнения данного соглашения в силу исполнительного листа по правилам исполнительного производства.

Медиативное соглашение, направленное на урегулирование спора во внесудебном и досудебном порядке, не будет иметь силы исполнительного документа. Неисполнение или ненадлежащее исполнение указанного соглашения опосредует обращение заинтересованной стороны в суд с целью защиты прав и законных интересов. В связи с необходимостью обеспечения исполнения медиативного соглашения представляется возможным «нотариальное удостоверение соглашения, достигнутого сторонами в результате обращения к посреднику или непосредственно с участием нотариуса» [2, с. 190].

Заключение. Таким образом, значение определения правовой сущности медиативного соглашения состоит в реализации предусмотренных сторонами обязательств. В законодательстве необходимо установить гражданско-правовую природу медиативного соглашения, направленного на урегулирование спора в сфере гражданских правоотношений.

Было бы целесообразно законодателю регламентировать зачет встречных однородных требований, предварительного договора, мирового соглашения, для предопределения дифференциации медиативного соглашения и указанных правовых явлений.

Список литературы

1. Дмитриев, О. В. Медиативное соглашение, заключаемое в результате применения процедуры медиации к спорам, возникшим из трудовых правоотношений / О. В. Дмитриев, А.А. Фуртак // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2012. – №3 (32). – С. 146-152. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediativnoe-soglasenie-zaklyuchennoe-v-rezultate-primeneniya-protsedury-mediatsii-k-sporam-voznikshim-iz-trudovyh-pravootnosheniy> (дата обращения: 23.09.2022).
2. Мищенко, Д. К. Проблемы исполнения медиативного соглашения / Д.К. Мищенко // Проблемы современной экономики (Новосибирск). – 2015. – № 28-2. – С. 186-190. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolneniya-mediativnogo-soglasheniya> (дата обращения: 14.09.2022).
3. Фуртак, А. А. К вопросу о возможности изменения и расторжения медиативного соглашения / А.А. Фуртак // Российская юстиция. – 2014. – № 5. – С. 65-68.

МЕДИАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Ковалёв И. П., канд. юрид. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

i.kovalev@donnu.ru

Введение. Вступление Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики в законную силу с 01.07.2021 ознаменовало новый этап развития гражданского судопроизводства Донецкой Народной Республики. Одной из проблем совершенствования отечественного законодательства является внедрение альтернативных способов разрешения гражданско-правовых споров. В рамках исследования проанализированы роль и место медиации в правоприменительной сфере.

Цель исследования – определить основные абсолютные преимущества процедуры медиации и перспективы применения процедуры медиации в гражданском судопроизводстве.

Основная часть. В современных правовых системах способы защиты прав и урегулирования конфликтов, возникающих между участниками общественной жизни, не исчерпываются судебными формами. Одной из широко распространенных форм альтернативного урегулирования (разрешения) споров является медиация [1].

Медиация – это внесудебный способ урегулирования спора (разработан в 60-е и 70-е годы в США) между сторонами при участии третьего беспристрастного, не заинтересованного в данном конфликте лица – медиатора [2].

Особенно широкое применение в западных странах получила медиация в бизнес-среде, где многие интересы и действия направлены на получение прибыли, на поиск нового, что поможет стать еще успешнее. Следовательно, бизнес-среда – это наиболее гибкая и продвинутая сфера, где новое быстрее произрастает. Поэтому опыт развития медиации в западных странах говорит о высокой заинтересованности в медиации именно представителей бизнеса [3].

Основным преимуществом медиации – быстрое урегулирование разногласий. При использовании медиации бесспорные или несложные споры не будут доведены до суда [4, с. 177].

П. А. Астахов рассуждает о том, что медиация является новой стадией развития цивилизованного общества. Поскольку медиация учит правильно мириться, на законных основаниях и с взаимной выгодой [5, с. 41].

Следует отметить, что все вышеуказанные преимущества в Российской Федерации нашли своё отражение в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [6, с. 111; 7].

Действующим гражданском процессуальным законодательством ДНР в ст. 156 ГПК ДНР установлен ряд примирительных процедур и указано, что «споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения, или использования других примирительных процедур, если это не противоречит закону» [8].

При этом, пункт 5 ст. 150 ГПК ДНР устанавливает в перечне действий судьи при подготовке дела к судебному разбирательству действия по содействию примирению сторон, принимает меры по заключению сторонами мирового соглашения, в том числе по результатам проведения в порядке, установленном законом, процедуры медиации, которую стороны вправе проводить на любой стадии гражданского процесса, разъясняет условия и порядок реализации данного права, существо и преимущества примирительных процедур, а также разъясняет сторонам последствия таких действий. При выявлении намерения сторон обратиться к судебному примирителю суд утверждает его кандидатуру, выбранную сторонами, в порядке, предусмотренном ГК ДНР [8].

Также нормы о проведении процедуры медиации содержатся в ст. 158 ГК ДНР, в которых установлено, что стороны вправе урегулировать спор путем проведения процедуры медиации в порядке, установленном ГК ДНР и законом, регулирующим правоотношения в сфере альтернативной процедуры урегулирования споров с участием медиатора.

При этом, п. 11 ст. 431 ГК ДНР установлено, что положения ГК ДНР, связанные с проведением процедуры медиации, вводятся в действие со дня вступления в силу закона об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации).

На данный момент Закон ДНР «О медиации» не принят. На территории же Российской Федерации вопросы применения медиации урегулированы Федеральным Законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 07.07.2010 г. [7].

Как указывает Балдина Н. О. «в ходе судебного примирения рекомендации, данные судебным примирителем, могут оказывать двойной эффект на ход переговоров: с одной стороны судебный примиритель, будучи судьей в отставке, может предложить к обсуждению сторонам оптимальное решение, основанное на анализе судебной практики и исполнительного производства, которое может удовлетворить стороны, с другой стороны, такие рекомендации могут противоречить позициям сторон и их представителей, что в конечном счете может только усугубить

имеющийся конфликт. Поэтому такое полномочие судебного примирителя является весьма неоднозначным» [9].

Таким образом, рассматривая порядок проведения процедуры медиации и судебного примирения в гражданском процессе, отметим, что разрешение спора в рамках проведения медиации проходит в более мягком для сторон режиме. Так порядок проведения медиации устанавливается сторонами в соглашении о проведении процедуры медиации. Стороны самостоятельно могут определять формат, а также время и место проведения переговоров, отразив в соглашении о проведении процедуры медиации свои пожелания что, несомненно, способствует сохранению деловых отношений между сторонами.

Следовательно, с целью более активного развития законодательства ДНР в контексте, прежде всего, наращивания интеграции в правовое поле Российской Федерации актуальным для законодателя ДНР остается разработка и принятие Закона ДНР «О медиации».

Список литературы

1. Старцева С.В., Мусина О.В. Медиация в семейном праве. Обзорная статья – Текст: электронный // Киберленинка – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-semeynom-prave-1> (дата обращения – 22.09.2022)
2. Преимущества медиации Шеянов В. С.1, Велькина М. В.– Текст: электронный // Киберленинка – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-mediatsii> (дата обращения – 22.09.2022)
3. Идрисова С. Б. Вопросы совершенствования законодательства о медиации – Текст: электронный // Киберленинка – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva-o-mediatsii>
4. Ерохина, Е. В. Альтернативные формы защиты гражданских прав в Оренбургской области: теоретико-прикладное исследование / Е. В. Ерохина, Т. В. Летуца, И. З. Шагивалеева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. № 13 (188).
5. Астахов П. А. За медиацией – будущее цивилизованного общества // Медиация и право. – 2014. – № 3 (33). – С. 40-41.
6. Худойкина Т. В., Брыжинский А. А. Проблемы и перспективы развития медиации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 3. – С. 109-115.
7. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162
8. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики №278-ПНС – Текст: электронный // Народный Совет ДНР: официальный сайт. – 2021. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 22.09.2022).
9. Балдина Н.О. Судебное примирение и медиация в арбитражном процессе – Текст: электронный // Киберленинка – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-primirenie-i-mediatsiya-v-arbitrazhnom-protsesse>

О СУЩНОСТИ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Лебедь Н. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr.zav@donnu.ru

Введение. Современное понятие исковой давности в гражданском праве дается следующее – это установленный период или срок времени, за который субъект право которого было нарушено, имеет право требовать, в судебном порядке восстановление и защиту нарушенного права.

Одним из проблемных аспектов в гражданском судопроизводстве является возможность физических и юридических лиц реализовать свои гражданские права в течение определенного периода времени, т.е. срока исковой давности.

Под сроком исковой давности для судебного разбирательства понимается установленный законом срок обращения правообладателя с ходатайством в суд с целью использовать обязательные процедуры для защиты своих законных прав и интересов. В том случае, если лицо, право которого нарушено, не реализует свои права в течение установленного срока, он утрачивает свое право на удовлетворение требования.

Основная часть. Срок исковой давности относится к событиям, которые происходят естественным образом на основании непрерывного существования определенного фактического состояния в течение определенного времени, установленного законом, и не определяется волеизъявлением сторон. При употреблении понятия «срок исковой давности» обычно имеют в виду срок исковой давности для судебного разбирательства.

Если обратиться к истокам становления норм, устанавливающих временные промежутки, сроки применительно к складывающимся в обществе правоотношениям, то следует рассматривать историческое развитие исковой давности со времен римского права. Как известно римское право легло в основу многих правовых институтов современного законодательства, и институт сроков давности не стал исключением. О сроках исковой давности в настоящем контексте классическое римское право не знало. Были известны лишь строго установленные сроки для отдельных исков.

Принципиальная разница между ними и исковой давностью заключается в том, что право при определенном сроке может действовать только в течении его времени, в то время как при действии исковой давности, в случаи бездействия управомоченного лица право будет погашено. Также в некоторых случаях использовался такой механизм как приостановление и перерыв исковой давности, происходило это в

ситуациях, когда не могли доказать бездеятельность как вину, что было невозможно при срочных исках. [2].

Исходя из этого, можно сказать, что первые попытки создать институт сроков, были предприняты в римских законах. Одним из первых видов давностных сроков является приобретательская давность. В правоотношениях между римскими гражданами, приобретательская давность использовалась еще со времен «Закона двенадцати таблиц». В те времена действовали лишь короткие сроки приобретательской давности, которые составляли для земельных наделов – сроком на два года владения, для иных вещей – сроком в один год владения. При этом и условия приобретения были весьма просты:

- 1) владение вещью не менее установленного срока;
- 2) вещь не должна была быть краденой [3].

Если правообладатель, чьи гражданские права были нарушены, не реализует свои права в течение установленного законом срока исковой давности, по истечении указанного срока суд больше не защищает права правообладателя. В том случае, когда правообладатель подает ходатайство в течение срока исковой давности, установленного законом, суд обязывает должника исполнить взятые на себя обязательства. Если по истечении срока исковой давности правообладатель не воспользуется своим правом требования, суд больше не будет его защищать. Стоит отметить, что после истечения срока исковой давности, хотя правообладатель может отказаться от исполнения своих обязательств, сами права и права требования не аннулируются. Если сторона подает иск после истечения срока исковой давности, суд принимает его. Если после принятия будет установлено, что нет оснований для приостановления, прерывания или продления срока исковой давности по иску правообладателя, судебное решение отклоняет его иск о судебном разбирательстве согласно ст. 264 ГК РФ.

Для подачи заявления в суд о защите гражданских прав срок исковой давности составляет три года. Он исчисляется с даты, когда правообладатель узнал или должен был узнать, что его право нарушено и что должник был ущемлен. Однако, если срок превысил 3 года с даты, когда правам должника причинен ущерб, суд не будет защищать его, а при наличии особых обстоятельств может принять решение о его продлении на основании заявления правообладателя.

Если срок исковой давности для судебного разбирательства истекает, лицо, принявшее на себя обязательство, может выступить в защиту в связи с неисполнением обязательства. Если после истечения срока исковой давности для судебного разбирательства должник соглашается на исполнение, он не может быть защищен на том основании, что срок исковой давности для судебного разбирательства истек.

Прерывание срока исковой давности означает, что в течение срока исковой давности в связи с наступлением определенных установленных

законом оснований пройденный срок исковой давности является недействительным, а после устранения причины прерывания срока исковой давности срок исковой давности возобновляется.

Под приостановлением течения исковой давности понимается приостановление течения исковой давности по определенным законодательным основаниям, возникшим в ходе исковой давности, так что правообладатель не может реализовать свое право требования, а исчисление срока исковой давности приостанавливается.

Условия приостановления исковой давности:

– приостановление течения исковой давности должно произойти по уважительным причинам. Эти законодательные причины включают в себя две категории: во-первых, форс-мажорные обстоятельства, такие как стихийные бедствия, военные операции и т.д., которые являются объективными обстоятельствами, которые не могут быть предвидены и преодолены сторонами; во-вторых – иные обстоятельства, препятствующие правообладателю реализовать свое право требования;

– законная причина наступает в течение последних 6 месяцев срока исковой давности, и возникает последствия приостановления течения исковой давности;

– срок приостановления не засчитывается в течение срока исковой давности, и по этой причине гражданское законодательство рассматривает приостановление течения исковой давности как временное препятствие для завершения срока исковой давности. Последствия приостановления течения исковой давности продолжают рассчитываться после устранения причин приостановления течения исковой давности. Срок исковой давности, который уже был установлен до приостановления, остается в силе, и после устранения установленных законом оснований для приостановления течения исковой давности, ранее рассчитанный срок исковой давности продолжается до истечения срока исковой давности.

Заключение. В течение всего периода развития гражданского законодательства понятие срока исковой давности не изменялось, изменялись лишь его протяженность, в зависимости от обстоятельств, при которых необходимо защитить нарушенное право или интерес.

Список литературы

1. Тархов В.А. Советское гражданское право. – Саратов. Издательство Саратовского университета, 1978. – 568 с.
2. Растеряев Н. Недействительность юридических сделок по русскому праву. Часть общая и часть особенная: Догматическое исследование. (по изд. 1900). – М. Статут. 2000. – 234 с.
3. Хвостов, Проф. В. М. Хвостов История Римского права / Проф. В. М. Хвостов. – М.: Московское научное издательство, 2018. – 116 с.

ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Левченко И. А., Кислякова М. Г.

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк, РФ
Kiskiakova.mari@mail.ru

Введение. Основным богатством любого государства является его народ, его люди, его население. Самый незащищенный и самой уязвимой частью народонаселения государства являются дети, молодая, перспективная его составляющая, его будущее. Понятие «ребенок» дается в статье 1 Конвенции ООН «О правах ребенка»: ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее [4]. Взрослые, все институты власти государства, правоохранительные органы, судебная система, законодатель обязаны стоять на страже интересов, прав и обязанностей детей и подростков. Все вышеперечисленные органы должны проводить активную разъяснительную работу среди несовершеннолетних и их родителей (либо лиц их заменяющих) по формированию системы знаний, умений и навыков в юридическом поле. В последнее время по телевидению, в других средствах массовой информации ведется целенаправленная работа по обучению теоретическим и практическим знаниям по финансовой грамотности, однако в реалиях современного общества, куда важнее научить детей грамотности юридической. Защита гражданских прав детей должно стоять в приоритете в развитом демократическом государстве, так президент РФ в послании Федеральному Собранию подчеркивает: «Общество, в котором на деле защищают права ребенка и уважают его личное достоинство, не только добрее и человечнее, это общество быстрее и лучше развивается, имеет благоприятную, предсказуемую перспективу» [3]. Данный институт гражданского права является важным, так как в силу своего возраста, дети не знают и не понимают норм законодательства, которое стоит на страже их интересов. Однако, несмотря на то что институт защиты детей в гражданском судопроизводстве является значительным, положение ребенка в гражданском обществе является не до конца регламентированным. Актуальность данного исследования мотивирована тем, что гражданско-процессуальный статус несовершеннолетнего остается практически неизученным и из-за этого возникают пробелы в защите ребенка.

Основная часть. Дети имеют гарантированную возможность на судебную защиту своих прав и законных интересов. Данное положение регламентируется международными и национальными нормативно-

правовыми актами. В Донецкой Народной Республике (далее ДНР) право несовершеннолетнего лица на защиту, в первую очередь, предусматривается в Конституции в статье 39, в которой говорится, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [1]. То есть под формулировкой «каждого» подразумевается и судебная защита детей. Помимо Конституции ДНР, исходя из положений статьи 56 Семейного кодекса ДНР им также предусмотрена возможность осуществлять защиту своих прав и свобод в суде по достижении возраста 14 лет [2]. Также международные правовые акты, стоят на страже защиты прав детей, в частности, статья 3 Конвенции «О правах ребенка», которая выступает в качестве основного международного документа, регулирующего права детей, предусматривает обязанность государства обеспечить несовершеннолетнему защиту, необходимую для его благополучия, и принять для этого соответствующие законодательные и административные меры [4]. Исходя из норм данных документов можно сделать вывод, что государство с помощью средств судебной защиты должно способствовать осуществлению и регулированию прав ребенка и их защиты. Несмотря на то, что общество стремится обеспечить повышенную правовую защиту и подчеркнуть особое положение несовершеннолетних лиц, на сегодняшний день существуют проблемы, которые требуют устранения.

Законодатель в гражданском судопроизводстве делит несовершеннолетних лиц, права которых нарушены на две основные группы:

- лица в возрасте до четырнадцати лет, интересы которых представляют только их законные представители (ч. 3, 5 ст. 37 ГПК ДНР) [5];

- лица в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, которые в случаях, предусмотренных законом, могут вести свои дела не только через законных представителей, но и лично (ч. 4 ст. 37 ГПК ДНР) [5].

Исходя из данной классификации, первую группу составляют несовершеннолетние лица в возрасте до четырнадцати лет, от их имени какие-либо процессуальные действия совершают их законные представители, то есть родители, опекуны. Однако, исключением будет являться тот случай, если суд захочет услышать мнение ребенка (ст. 57 СК ДНР), например, определяя его место жительства в судебном порядке при раздельном проживании родителей (ч. 2 ст. 65 СК ДНР) [2]. Представитель не сможет самостоятельно огласить мнение ребенка, то есть несовершеннолетнее лицо в возрасте до четырнадцати лет само будет выполнять данное процессуальное действие. Вторую группу составляют несовершеннолетние лица от четырнадцати до восемнадцати лет. Детей данной возрастной категории, суд обязан привлечь к непосредственному участию в деле и учесть их мнение при решении вопросов об изменении их имени и фамилии (ст. 59 СК ДНР), о восстановлении в родительских

правах их родителей (ст. 72 СК ДНР), об их усыновлении (ст. 132 СК ДНР) и т.д. [3]. Также данная категория несовершеннолетних уполномочена законом на самостоятельное ведение отдельных категорий гражданских дел. Основанием для возбуждения таких дел может стать невыполнение или ненадлежащее выполнение родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка или злоупотребление родительскими правами (ч. 2 ст. 56 СК ДНР) [3].

На основании вышеизложенных можно понять, что данный институт регулируется нормами гражданского и семейного права, однако вопрос процессуального статуса несовершеннолетнего в гражданском процессе ДНР до конца не регламентирован, поскольку в нормах законодательства устанавливается только возможность осуществления ребенком своего права на защиту в суде. Конкретный механизм подачи искового заявления в суд лицом, не достигшим совершеннолетия, с целью защиты его прав, свобод и интересов, не прописан, в силу этого, никак не регулируются конкретные права и обязанности ребёнка, другими словами, его процессуальный статус.

Заключение. В данной работе был проанализирован институт защиты детей в гражданском судопроизводстве, его роль в государстве и в законодательных основах и нормах. Также был определен проблемный аспект в законодательстве, регулирующем защиту прав несовершеннолетних, а именно отсутствие механизма в подаче искового заявления в суд, процессуальный статус лица, не достигшего совершеннолетнего возраста.

Список литературы

1. Конституция ДНР от 14.05.2014 года – Текст: электронный // Государственная информационная система НПА ДНР: официальный сайт. – URL: <https://gisnpa-dnr.ru/rev/2868/> (дата обращения - 20.09.2022).
2. Семейный кодекс ДНР № 172-ПНС от 17.07.2020 - Текст: электронный // Государственная информационная система НПА ДНР: официальный сайт. – URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-172-iihc-20200717/> (дата обращения - 20.09.2022).
3. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 г. – Парламентская газета, 2010, 3 декабря.
4. Конвенция ООН «О правах ребенка» от 20 ноября 1989 года/ Конвенция ООН о правах ребенка - извлечения. // Семейный Кодекс РФ с краткими комментариями. М., 1996. (с учетом поправок, внесенных законами РФ р поправок к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6, от 30.12.2008).
5. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики №278-ПНС – Текст: электронный // Народный Совет ДНР: официальный сайт. – 2021. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения - 20.09.2022)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ДНР

Левченко И. А., Степченко И. Н.

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк, РФ
istepchenko1@gmail.com

Под доказыванием необходимо понимать систему действий суда и лиц, участвующих в деле, направленных на представление или истребование доказательств, а также их исследование и оценку.

Суть процедуры доказывания состоит в установлении фактических обстоятельств дела с помощью судебных доказательств. Судом в процессе получения сведений о фактах определяется наличие или отсутствие обстоятельств дела, имеющих значение для осуществления правосудия.

Доказывание представляет собой институт гражданского процесса, имеющий решающее значение для правильного и своевременного разрешения дела, поскольку лишь доказательства дают возможность установить обстоятельства, значимые для дела. Ни один гражданско-правовой спор не может быть разрешен без процедуры доказывания. В связи с этим является актуальным вопрос обеспечения доказывания.

Положения статьи 65 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГПК ДНР) предусматривает возможность обеспечения доказательств.

Необходимо отметить, что на практике данная правовая норма применяется достаточно редко ввиду того, что для их применения необходимо наличие оснований опасаться, что представление необходимых доказательств станет невозможным или затруднительным.

В части 2 статьи 66 ГПК ДНР установлено, что обеспечение доказательств производится только по ходатайству лиц, участвующих в деле. Инициатива суда в данном случае не рассматривается [1]. Под целью обеспечения доказательств понимается исключение возможности их утраты, уничтожения, непредставления, без чего впоследствии невозможным будет установление истины и правильное разрешение дела.

Необходимым условием для обеспечения доказательств считается реальное существование и возможность получения доказательства на момент подачи заявления, а также невозможность представления этого доказательства в будущем.

Для более полного понимания в качестве примера можно привести осмотр партии скоропортящихся продуктов, либо допрос в качестве свидетеля лица, переезжающего на постоянное место жительства в другую страну [2, с. 45].

Считается необходимым проанализировать и процедуру подачи заявления об обеспечении доказательств. Следует отметить, что в Арбитражно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики (далее – АПК ДНР) и ГПК ДНР имеются некоторые различия в данной процедуре.

В частности, ГПК ДНР предполагает, что «заявление об обеспечении доказательств подается в суд, в котором рассматривается дело или в пределах подсудности которого должны быть совершены процессуальные действия по обеспечению доказательств» [1].

Поэтому законодатель делает акцент на возможности подачи заявления об обеспечении доказательств в суд по месту нахождения самих доказательств, который, однако, не рассматривает дело по существу.

В то же время в части 2 статьи 68 АПК ДНР установлено, что «заявление об обеспечении доказательств подается в арбитражный суд, в производстве которого находится дело» [3].

Важно подчеркнуть, что формулировка, содержащаяся в ГПК ДНР, в некотором смысле противоречива, поскольку в части 3 статьи 67 Кодекса зафиксировано, что «если обеспечение доказательств имело место быть не в суде, где рассматривается дело, то будут применяться правила статей 63 и 64 настоящего Кодекса» [1].

В данных противоречиях сходных норм арбитражного и гражданско-процессуального законодательства состоит коллизия правовых норм.

В связи с вышесказанным рекомендуется объявить представить предложение части 1 статьи 66 ГПК ДНР следующим образом: заявление об обеспечении доказательств подается в суд, в котором дело рассматривается.

Также следует уделить особое внимание вопросу, связанному со стадией процесса, на которой возможно обеспечение доказательств.

В отличие от АПК ДНР положения ГПК ДНР устанавливают возможность применения обеспечения доказательств только после возбуждения производства по делу. В то же время в АПК ДНР предусмотрена возможность предварительного обеспечения доказательств, которое применяется по аналогии с предварительным обеспечением иска. Необходимо указать, что фактически обеспечение доказательств не носит имущественный характер, иначе говоря, не имеет своей целью ограничение имущественного права, как зачастую это бывает с обеспечением иска. Данной особенностью обусловлено основное различие этих процессуальных институтов.

С точки зрения автора, возможность предварительного обеспечения доказательств – наиболее эффективное средство для достижения цели доказывания, в связи с чем считается целесообразным дополнить статью 65 ГПК ДНР частью 2, которую необходимо изложить следующим образом: суд по ходатайству организации или гражданина вправе принять меры по обеспечению доказательств до предъявления иска.

Считается необходимым также рассмотреть вопрос о порядке обеспечения доказательства.

Вероятно, единственной возможной процедурой обеспечения считается судебное заседание, в процессе которого доказательства получают своё закрепление в протоколе. При этом в ГПК ДНР предоставлена возможность обеспечения доказательства, с помощью исполнения судебного поручения.

Целью судебного поручения является фиксация доказательств, субъектом осуществления которого выступает судья. Данная процедура осуществляется в судебном заседании по правилам, установленным законом [4, с. 127].

Между тем, выше уже упоминалось о такой возможности, как предварительное обеспечение доказательств, однако в данном нормативном правовом акте отсутствует норма, дающая возможность направить судебное поручение без возбуждения производства по делу.

Для разрешения вышеуказанной проблемы наиболее рациональным считается введение в гражданско-процессуальное законодательство Донецкой Народной Республики такой возможности, как направление судебного поручения об обеспечении доказательства до возбуждения производства по гражданскому делу. Следовательно, считается необходимым внести изменения, а конкретно дополнить часть 1 статьи 63 ГПК ДНР следующим предложением: Судебное поручение об обеспечении доказательства может направлено до возбуждения производства по делу.

Подытоживая всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что действующее гражданско-процессуальное законодательство Донецкой Народной Республики является недостаточно сформированным, требует введения новых и внесения дополнений в уже существующие правовые нормы.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики №278-ПНС – Текст: электронный // Народный Совет ДНР: официальный сайт. – 2021. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-protssesualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 22.09.2021)
2. Ленковская Р.Р. Процедура обеспечения доказательств судом в гражданском процессе.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики №277-ПНС – Текст: электронный // Народный Совет ДНР: официальный сайт. – 2021. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/arbitrazhnyj-protssesualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
4. Деревянченко Ю.С., Рубанов С.А. Доказательства в гражданском процессе.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ НА ОСВОБОЖДЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ДНР

Левченко И. А., Филипченкова И. А.

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк, РФ
filip4enckova@mail.ru

Введение. Организация функционирования как публично-правовых, так и частноправовых структур на освобожденных территориях Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) имеет свои особенности ввиду непрекращающихся боевых действий, разрушений объектов инфраструктуры, проблем с нехваткой специалистов, правовым статусом жителей и т. д. Несоответствия существующих норм закона сегодняшним реалиям порождают ряд недостатков в правовом механизме, в частности, реализации сделок с недвижимостью на освобожденных территориях ДНР.

Основная часть. Законодательная база в области регулирования реализации сделок с недвижимостью на освобожденных территориях ДНР является незначительной. Так, Государственный комитет обороны ДНР принял Постановление «О признании права собственности на недвижимое имущество, расположенное на освобожденных территориях Донецкой Народной Республики, ранее временно находившихся под контролем Украины», в п. 2.1 которого указывается, что документы, подтверждающие возникновение, переход, прекращение вещных прав физических лиц на жилое недвижимое имущество, которое расположено на освобожденных территориях, удостоверенные нотариусами Украины после 19 февраля 2022 года, признаются недействительными [1]. Следовательно, после 19 февраля 2022 года такие сделки должны быть совершены нотариусами ДНР. В республике отсутствует особый или временный порядок осуществления нотариальных действий нотариусами ДНР на освобожденных территориях.

Направление работников нотариата в служебные командировки решают, но не в полной мере, вопрос нехватки нотариусов на освобожденных территориях. Указанная проблема затрагивает основы действия конституционного принципа гарантирования права на получение квалифицированной юридической помощи. Поэтому предлагается разработать специальный порядок переквалификации нотариусов Украины для предоставления им возможности осуществлять работу в Республике.

Кроме этого, имеется проблема обеспечения нотариальной деятельности рабочими местами на освобожденных территориях. В том случае, если имеются существенные разрушения инфраструктуры, следует предусмотреть возможность реализации сделок с недвижимостью в части

удостоверения их нотариусом в административном здании в специально предусмотренном помещении.

Спорным и требующим своего разрешения является вопрос о возможности передачи поврежденного имущества. Например, на компенсационное жилье, выданное взамен утраченного, накладывается имущественное обременение на 3 года [2]. Какие-либо ограничения по поводу распоряжения недвижимым имуществом, являющимся поврежденным, отсутствуют. Реализация сделок с имуществом такого характера затруднительна, поскольку денежную оценку, в частности, предварительно, до проведения восстановительных работ, осуществить невозможно.

В условиях несовершенства законодательной регламентации института реализации сделок с недвижимостью на освобожденных территориях прогнозируются случаи наступления правовых рисков. Правовой риск, как отмечают С. М. Аламова и А. Р. Гайнутдинова, прежде всего сопряжен с вероятностным знанием о возникновении позитивного или негативного последствия, но эти знания не носят очевидного характера [3, с. 78].

Так, жители освобожденных территорий Республики могут столкнуться с правовым риском при распоряжении недвижимостью, связанным с возможностью признания сделки после ее совершения недействительной. Статья 571 ГК ДНР устанавливает обязанность продавца передать товар свободным от прав третьих лиц [4]. Подтверждающим документом является информационная справка из Единого регистрационного центра (далее – ЕРЦ). Сведения о тех правах собственников, которые были оформлены до 2014 года являются неактуальными, поскольку удостоверить отсутствие наследников, прописанных лиц необходимо по факту. Также информации из ЕРЦ до 2014 года не содержится в системах ДНР, а доступ к ЕРЦ Украины отсутствует (в любом случае данные Украины считаются недействительными на территории ДНР). В данном случае, следует признать, что сделка с недвижимостью будет иметь алеаторный характер, поскольку в любой момент лицо, например, претендующее в законном порядке на имущество или его долю, может заявить о своем праве, сделка будет считаться недействительной.

При этом, нужно отметить, что обе стороны спекулируют своими правами в данном случае, поэтому значительную роль имеет предварительная консультация с целью ознакомления с возможным исходом событий при наступлении определенных обстоятельств.

Заключение. На сегодняшний день законодательный массив ДНР нуждается в тщательном пересмотре и дополнении нормами, соответствующими обстоятельствам, возникшим на освобожденных территориях.

К сделкам с недвижимостью законодатель предъявляет определенные требования, которые не всегда могут быть исполнены и обеспечены на освобожденных территориях ДНР. Во многом, это связано с невозможностью или затруднительностью организации процесса деятельности публично-правовых и частноправовых структур в связи с существующими приоритетами восстановления первоочередных объектов жизнеобеспечения населения.

Однако, по мнению автора, нормативное закрепление некоторых особенностей реализации сделок с недвижимостью является обязательным. В связи с данным обстоятельством необходимо разработать правовую регламентацию отношений, связанных с реализацией сделок с недвижимостью на освобожденных территориях ДНР, а именно – установить Временный порядок по совершению таких сделок. В данном порядке должны быть установлены гарантии реализации прав граждан при совершении сделок с недвижимостью, предусмотрены меры по уменьшению рисков ситуаций, определены категории недвижимого имущества, в отношении которых возможно совершение сделок, перечень таких сделок и др.

Список литературы

1. Постановление Государственного комитета обороны ДНР № 153 от 08.07.2022 «О признании права собственности на недвижимое имущество, расположенное на освобожденных территориях Донецкой Народной Республики, ранее временно находившихся под контролем Украины» - Текст: электронный // Государственная информационная система НПА ДНР: официальный сайт. – URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0036-153-20220708/> (дата обращения: 21.09.2022).
2. Постановление Государственного комитета обороны ДНР № 175 от 30.07.2022 «О компенсации за утраченное или поврежденное жилье, а также за утраченное имущество первой необходимости лицам, пострадавшим в результате боевых действий» - Текст: электронный // Государственная информационная система НПА ДНР: официальный сайт. – URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0036-175-20220730/> (дата обращения: 21.09.2022).
3. Аламова, С. М. Правовые риски в современной правоприменительной деятельности: общетеоретические проблемы / С. М. Аламова, А. Р. Гайнутдинова // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – С. 77-81 – Текст: электронный – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-riski-v-sovremennoy-pravoprimenitelnoy-deyatelnosti-obshcheteoreticheskie-problemy> (дата обращения: 21.09.2022).
4. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС от 13.12.2019 – Текст: электронный // Народный Совет ДНР: официальный сайт. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.09.2022).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ «ДРОБЛЕНИЯ» ЗАКУПОК В РАМКАХ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Лопатина Н. Д., Лопатин С. С.

ОБПОУ «Курский монтажный техникум», г. Курск, РФ
rhtlbnjh46@rambler.ru

Введение. Государственные и муниципальные закупки представляют собой одно из приоритетных направлений развития экономики государства. Их доля из года в год увеличивается. Государство взяло курс на обеспечение комфортной и качественной жизни для каждого гражданина государства, в этой связи, в рамках взятых обязательств осуществляется большой объем закупочных процедур. «Дробление» закупок представляет серьезную проблему, ограничивающую конкуренцию между участниками рынка.

Основная часть. Проведение закупок обеспечивает стабильность экономического роста в Российской Федерации [4, с. 34]. Благодаря существованию инструментов нормативно-правового характера в государстве обеспечивается конкурентоспособность проведения закупочных процедур, благодаря чему все участники рынка имеют равный доступ к системе государственного заказа. Система публичных торгов обеспечивает защиту внутреннего рынка, поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства, эффективность расходования денежных средств государственными заказчиками.

Проведение закупочной процедуры должно осуществляться в соответствии с требованиями законодательства. Положения Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ (далее – 44-ФЗ) предусматривают достаточно жесткие рамки, как для исполнителя (поставщика, подрядчика), так и для заказчика (покупателя).

Можно смело говорить о том, что государство является самым крупным заказчиком на рынке продукции [1, с. 30]. Размещение государственного заказа на торговых площадках и проведение конкурентной закупочной процедуры позволяет создавать здоровую конкуренцию между участниками экономических отношений [2, с. 106]. За последние несколько лет проведение закупочных процедур стало более прозрачным, так как помимо совершенствования функционала Единой информационной системы в сфере закупок, в которой размещаются закупочные процедуры, было упрощено законодательство, регулирующее сферу государственного заказа. Кроме этого, органы прокуратуры и

Федеральной антимонопольной службы (далее-ФАС) взяли чистоту и точность проведения конкурентных процедур под особый контроль.

Справедливо отметить существование проблем контрактной системы для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Они сводятся к неточностям законодательных формулировок и правовым пробелам и коллизиям [5, с. 427]. Существует тенденция, согласно которой практика в области государственного заказа, сформированная, как самими заказчиками и покупателями, так и контролирующими органами, задает вектор реформирования 44-ФЗ. Мы считаем, что должен быть выработан обратный механизм – сначала создается законодательство, продумываются все нюансы правоприменения, проводится анализ его соотношения с существующими нормами права, а потом уже изменения законодательства доводятся до лиц, непосредственно применяющих положения 44-ФЗ.

Еще одним проблемным вопросом является «дробление» закупок. Это подразумевает, что государственные заказчики вместо проведения конкурентной процедуры делят единый объем закупаемого однородного товара (работы или услуги) на несколько составных частей и далее заключают контракт с единственным поставщиком в рамках допустимых сумм. Таким образом, не обеспечивается реальная конкуренция и исполнитель (продавец, подрядчик) выбирается заказчиком самостоятельно.

Проблемным этот вопрос является потому, что со стороны ФАС и законодателя не выработана единая позиция, касающаяся подхода к «дроблению» закупочной процедуры. Органы ФАС субъективно оценивают каждую конкретную ситуацию и в индивидуальном порядке принимают решение о привлечении к ответственности [3, с. 14].

Не смотря на то, что статьей 24 44-ФЗ предусмотрено право заказчика самостоятельно выбирать способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), фактически контролирующие органы привлекают заказчиков к ответственности, ссылаясь на неэффективность использования денежных средств, выделенных учреждению. К тому же, «дробление» закупки приводит к тому, что ограничивается круг участников, который мог бы стать исполнителем (поставщиком, подрядчиком) в рамках процедуры, не происходит экономия денежных средств, выделенных на нужды учреждения.

На практике «дробление» закупки происходит тогда, когда учреждение не располагает достаточным количеством времени для проведения полноценной закупочной процедуры. Бывают ситуации, когда лимиты денежных средств доводятся до учреждения в конце года и их необходимо срочно расходовать. То есть, осуществление закупочных процедур тесно связано с вопросами финансирования, а так как заказчики – государственные учреждения, то денежные средства до них доводит Учредитель. Зачастую, позиция Учредителя так же играет большую роль с точки зрения осуществления порядка проведения закупок.

Практика ФАС и законодательство в области государственных закупок не должны носить казуальный характер и по-разному оценивать каждую конкретную ситуацию. Должен быть сформирован единообразный подход к столь сложному вопросу «дробления» закупок. Мы считаем, что искусственное «дробление» закупки недопустимо. Товары, услуги или работы с единообразными характеристиками должны закупаться в полном объеме единой закупкой, а не по частям. Также все закупочные процедуры необходимо организовывать заблаговременно, заранее беспокоясь о сроках и об эффективности освоения бюджетных средств.

К планированию закупочной деятельности государственного учреждения, к освоению им денежных средств следует подходить осознанно и аккуратно, соблюдая принципы результативности и эффективности, заложенные Бюджетным кодексом Российской Федерации.

Еще одной законодательной проблемой является то, что положения 44-ФЗ не содержат определения или трактовки понятия «дробление» закупки. Мы считаем наиболее точным следующее определение «дробления» закупки – умышленное разделение стоимости единого крупного заказа на более мелкие.

На сегодняшний день в практике судебных и правоприменительных органов сложился следующий подход к признакам «дробления» закупки:

- контракты в рамках государственного заказа заключаются в короткий промежуток времени, либо же в один день;
- в качестве объекта закупки выступают товары, услуги или работы, которые технически дополняют друг друга, имеют схожие функциональные особенности;
- контракты заключаются с одним и тем же поставщиком;
- рынок товаров и услуг не является «закрытым» или ограниченным.

Заключение. Подытоживая сказанное, отметим, что при осуществлении государственных закупок следует придерживаться позиции, согласно которой осуществление закупок у единственного поставщика является крайней мерой, которая используется в случае отсутствия конкурентоспособного рынка, невозможности или нецелесообразности применения конкурентных способов закупок.

Список литературы

1. Богданова, А.В. Актуальные проблемы осуществления внешнего государственного финансового контроля за состоянием и управлением государственным долгом субъекта Российской Федерации / А.В. Богданова // Финансовое право. – 2019. - № 6. – С. 30-34. – Текст : непосредственный.
2. Грачева, Е.Ю., Соколова Э.Д. Финансовое право: учебник для средних специальных учебных заведений. / Е.Ю. Грачева. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Столица, 2020. – 319 с. – Текст : непосредственный.
3. Клещенко, Ю.Г., Савченко, М.М. Финансовый контроль как один из факторов обеспечения финансовой безопасности / Ю.Г. Клещенко // Финансовое право. – 2019. – № 5. – С. 14-18. Текст : непосредственный.

4. Кузнецова, М.В. Коррупция в сфере государственных (муниципальных) закупок / М.В. Кузнецова // Вестник Уральского финансово-юридического института. – 2016. – №1(3). – С. 34-39. – Текст : непосредственный.
5. Паулов, П.А. Понамаренко С.С. Актуальные проблемы государственного регулирования в сфере закупок/ П.А. Паулов // Современные научные исследования и разработки. – 2019. – №8 (16). – С. 427-428. – Текст : непосредственный.

УДК 347.1

ПРАВО НА ИМЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Максимов В. А.

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург, РФ
maximovva@mail.ru

С целью действенной защиты прав, свобод и интересов человека, с целью обеспечения стабильности гражданских отношений необходимо каким-то образом индивидуализировать людей. Это является существенным вопросом участия человека в правовой коммуникации, ведь новые технологии начинают с большей силой внедряться не только в повседневную жизнь, но и в правовую систему, что представляет собой стремление установить определенный контроль над каждым гражданином.

Внедрение цифровых технологий влияет на вопросы обеспечения безопасности персональных данных и на аспекты защиты имущественных прав. Сегодня цифровая безопасность каждого из нас под угрозой. Речь идет о мошенниках, которые проворачивают схемы с вирусными рассылками, с помощью которых нарушители полностью раскрывают наши персональные данные. С каждым днем эта проблема распространяется на все большее количество людей, а в свою очередь правопорядок не в состоянии обеспечить должную безопасность в сети для каждого из нас без целостного контроля данных со своей стороны. Указанное вызывает необходимость защищенности персональных данных от всех.

Цифровая личность – уникальное сочетание имени, электронной почты, даты рождения, фото и текстов, конфиденциальной информации и, самое важное, социальных связей. Иными словами, цифровая личность составляет идею присвоенного, на определенном праве, цифрового контента.

Обратившись к действующему законодательству мы не встретим определений цифровой личности. В гражданском законодательстве говорится, что участниками гражданских правоотношений являются физические и юридические лица, а также публично-правовые образования, и что их идентификация осуществляется с помощью имени

(наименования). Право на имя является личным неимущественным правом или, если быть точнее, – нематериальным благом, которое охраняется гражданским законодательством в соответствии со статьей 150 Гражданского кодекса (далее – ГК РФ) и которое, благодаря функции распознавания, обеспечивает социальное существование физического лица. Имя помогает физическому лицу вступить в гражданские правоотношения, приобретать и реализовывать гражданские права и обязанности и, в частности, позволяет осуществлять и выполнять эти права от собственного имени. Имя каждого гражданина фиксируется в документах: свидетельстве о рождении, паспорте и в других документах, удостоверяющих личность.

Имя необходимо человеку для вступления в правовую коммуникацию, для реализации гражданских прав и обязанностей, что нормативно закреплено в статье 19 ГК РФ.

Как уже было отмечено, с фактической точки зрения, имя лица является методом обозначения индивидуальности. То есть благодаря имени мы можем отличать людей, их черты, манеру общения, можем проводить параллели с людьми, имеющими такое же имя, выстраивать определенное представление о человеке, руководствуясь лишь его именем и фамилией. В фактический состав имени входит родовое и личное имя, то есть ФИО. Почему же в нашей стране мы начинаем обозначать собственное имя именно с родового признака? Ответ довольно прост – наследие СССР. В те времена гораздо удобнее было искать и наблюдать за людьми именно по фамилии, потому что имена играли уже уточняющую роль в идентификации личности.

Имя и фамилия полностью закрепляют права лица на обозначение себя. Человек получает свои первые документы с указанием собственного имени, далее, благодаря этим именным документам, лицо может пойти на учебу, работу, подписывать гражданские договоры, закреплять важные решения, что было бы невозможным без наличия имени. Также в гражданском праве присутствует защита имени и псевдонима, целью которого является как предотвращение банального вымогательства, так и незаконного использования имени другими лицами как такового.

В отдельных случаях лицо может и не применять всех составляющих своего имени, например, в случае отсутствия такой составляющей как отчества (что характерно для европейской традиции применения имени), или же использование инициалов (что более характерно в случаях указания авторства на объекты интеллектуальной собственности). Однако, в таких случаях использование неполного имени может привести к потере основного назначения имени – индивидуализации субъекта. Поэтому, для таких случаев, целесообразно употребление имени и отчества полностью или же следует указывать другие идентифицирующие признаки физического лица.

В связи с проблемой цифровой личности и ее идентификации отметим, что в широком смысле государство имеет меньшее влияние на цифровой профиль граждан, чем корпорации, которые создали программы, с помощью которых люди всего мира могут поддерживать связь друг с другом.

Анализируя фактические данные исследований и исследований стало понятно, какая именно концепция и стратегия мирового порядка доминирует в сфере защиты персональных данных в сети: защита частной жизни, точнее её отсутствие, обусловлена лоббированием интересов власти и интересов компаний (сборщиков персональных данных), которые за свои бесплатные и невероятно значимые для глобализации и открытости человечества программы и приложения берут не только денежную плату, но и покупают персональные данные, переводят в нормативы свободу в цифровом пространстве и соответственно виртуализируют повседневную жизнь человека.

Объектом правовой охраны являются все те блага, которые обеспечиваются отраслевой правовой охраной. В нашем случае приватностью в информационной сфере являются все те блага, которые обеспечиваются гражданско-правовой охраной. Исходя из опыта нашего государства и других стран, можно сделать вывод, что действенного закона о защите данных в Интернете, как не было, так еще до появления новых честных и революционных корпораций, которые внесут демократические условия и правила пользования (без нарушений свободы персональных данных) и не будет. Возможно это вопрос риторический.

Возникает определенное убеждение, что процесс отслеживания данных о гражданине ни сколько не остановился, а наоборот с помощью новейших технологий и процессов этот надзор усилился. Прикрытие борьбой с терроризмом, расшатыванием мира и войной до сих пор остаются, так же как и «Facebook», и «Google» хранят старые условия пользования, дополняя их с каждым обновлением новым подпунктом ограничений прав пользователей.

Также, по нашему мнению, в Российской Федерации не существует прочного понятия защиты персональных данных, ибо специальные службы, имеют, если не беспрепятственный, то точно большой доступ к прослушиванию и использованию данных всех пользователей. Это безусловно правильно на фоне военной напряженности на границах России. Мы должны привыкнуть к тому, что с целью защиты территориальной целостности и ради блага граждан, государство должно знать, кто именно и в какой момент хочет подорвать национальную безопасность и совершить террористические акты. Тем не менее, это не меняет того факта, что эффективных регулирующих норм пока не создано. Сейчас нет обеспеченных правом гарантий того, что персональные данные не окажутся в руках враждебных сил.

Надеемся, что цифровая революция, которую вводит нынешняя власть будет проходить и в дальнейшем не только под лозунгами защиты данных, но и будет обеспечена надлежащими правовыми инструментами.

Заключение. Несмотря на то, что наша страна выбрала вектор своего развития, нам следует четко осознавать тенденции развития учений о личных неимущественных правах в других странах. Это создаст условия сформировать представление о том, каким образом и в каком направлении должно развиваться отечественное гражданское законодательство, призванное регулировать личные неимущественные отношения, и, с учетом общих унификационных подходов, ускорить процессы эволюции.

УДК 347

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЁННЫЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Матвиенко Е. А., канд. юрид. наук, доц., *Макарова К.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
k.matvienko@donnu.ru, ms.katerina.makarova@mail.ru

Введение. На сегодняшний день все больше возникает дискуссий относительно правового регулирования юнитов искусственного интеллекта (далее – ИИ), определения их статуса в правоотношениях, возможности наделения правами и обязанностями. Благодаря научным достижениям в настоящее время искусственный интеллект приобрел самостоятельность, которой ранее робототехнические устройства с искусственным интеллектом не обладали. Самостоятельные действия ИИ не ограничиваются только правомерными, что порождает необходимость в решении вопроса об ответственности за вред, им причинённый.

Основная часть. В резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 года «Нормы гражданского права о робототехнике» под искусственным интеллектом предлагается понимать небиологическую автономную киберфизическую систему, способную взаимодействовать с другими аналогичными системами, самообучаться, адаптировать свои решения, действия и поведение в соответствии условиями среды [1]. Однако способность ИИ самообучаться, самостоятельно взаимодействовать с другими системами и совершать иные действия, которые говорят об автономности ИИ, не даёт оснований приравнивать квазисубъекта к человеческому сознанию.

В наших реалиях не решён вопрос и отсутствуя правовой базы в области правового регулирования отношений, возникающих в связи с

использованием ИИ в различных сферах. Так, наиболее обсуждаемым является вопрос о наделении ИИ правосубъектностью. Вне зависимости от того, станет ли он самостоятельным квазисубъектом в правовом поле либо же нет, возникает иной, не менее важный пробел: кто должен нести ответственность за действия ИИ, обладающего большой автономностью. Круг таких субъектов является достаточно многочисленным: пользователь/собственник ИИ, разработчик, создатель, завод-создатель, иные субъекты, обслуживающие систему ИИ либо же – сама система.

Несмотря на ещё сравнительно небольшую историю развития ИИ, есть ряд несчастных случаев, которые подтверждают небезопасность указанных систем. Приведём некоторые примеры, которые известны СМИ. В 2020 году в Ливии военный полностью автономный дрон Kargu-2 впервые напал на людей, приняв решение об атаке [2]. В 2007 году девять южноафриканских солдат были убиты и 14 ранены автоматическим компьютеризированным зенитным оружием Oerlikon GDF-005, неожиданно открывшим беспорядочный огонь [3]. Данные прецеденты являются внешним проявлением рисков и угроз, связанных с развитием ИИ.

Юридическая ответственность понимается через принудительные меры, применяемые государством в случае совершения лицом правонарушения. Понятие правонарушения составляет четыре элемента: субъект, объект, противоправное деяние и вина. Ключевым применительно к реализации юридической ответственности по отношению к ИИ является такой элемент, как вина – внутренне психическое отношение лица к совершаемому правонарушению. Здесь затрагиваются такие категории как человеческое сознание, психика, что для ИИ определённно не свойственно. Какой бы ни была «умной», самостоятельной система, робот остаётся всего лишь машиной, которой чужды человеческие качества.

За правонарушение в гражданских отношениях ответственность наступает при наличии четырех элементов: противоправного деяния, последствия, причинно-следственной связью и вины, где последний не является обязательным, чего нельзя сказать об уголовно- и административно-правовых отношениях. Соответственно предложение о самостоятельной ответственности ИИ на практике применимо лишь к гражданским правоотношениям.

Соответственно, в целом для широкого круга правоотношений применим следующий круг лиц, на которых может быть возложена ответственность за вред, причинённый ИИ:

1. Пользователь/собственник ИИ (как физическое лицо);
2. Разработчик ИИ (как физическое лицо);
3. Создатель ИИ (как физическое лицо);
4. Завод-создатель ИИ (как юридическое лицо);
5. Третье лицо, неправомерно завладевшее ИИ (как физическое лицо).

С целью обеспечения принципов справедливости и вины в каждом отдельном случае необходимо устанавливать обстоятельства, которые стали причиной противоправного поведения ИИ.

Как отмечает доктор юридических наук Апостолова Н. Н. «необходимо будет сначала доказать факт причинения вреда действиями (бездействиями) автономного «умного» робота, а потом установить и дать юридическую квалификацию действиям (бездействиям) программиста, производителя, пользователя, иного лица, а также наличие либо отсутствие причинно-следственной связи между действиями (бездействиями) этих лиц и причинившими вред действиями (бездействиями) автономного ИИ» [4, с. 115].

Таким образом, важным аспектом является выявление связи между действиями (бездействием) круга субъектов и последствиями (вредом), которые наступили в результате действий ИИ.

Как показывает практика правоприменения, виновное лицо не всегда удаётся установить, что в нашем случае усложняется ещё и высоким уровнем автономности ИИ. Рекомендательными нормами Европарламента предлагается введение системы обязательного страхования.

Считаем нужным её реализацию на практике, поскольку данный институт позволит защитить права лиц, которые пострадали от действий ИИ в случаях, когда определить связь между противоправным поведением ИИ и действиями (бездействием) лица, потенциально ответственного, не удастся установить. Необходимо создание различных групп фондов, которые будут выступать гарантом возмещения причиненного вреда в случаях нарушения ИИ прав человека и гражданина. Обязательные страховые взносы позволят сделать отношения между субъектами в области использования ИИ более защищёнными в правовом поле.

Заключение. Несмотря на то, что ИИ обладает большой самостоятельностью, невозможно приравнять его автономность к человеческому сознанию. Таким образом, ответственность за вред, причинённый действиями ИИ, должна лежать на лице, действия которого так или иначе повлекли за собой противоправное поведение ИИ. В данном случае возложение всей ответственности на ИИ приведёт к безнаказанности «творца» и многочисленным возможностям недобросовестных граждан совершать преступления с помощью ИИ.

Ответственность должна быть распределена по разным этапам жизненного цикла искусственного интеллекта (этап разработки, этап эксплуатации, этап утилизации). При этом ответственность ИИ сводится не к карательно-воспитательным мерам, а к установлению действенного механизма управления рисками.

Список литературы

1. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) [Электронный ресурс] // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0005_EN.html (дата обращения: 18.09.2021)
2. Впервые в истории боевой робот убил человека по собственной инициативе [Электронный ресурс] // Cnews. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-05-31_vpervye_v_istorii_boevoj (дата обращения: 10.09.2021).
3. Роботизированная пушка открыла огонь по своим [Электронный ресурс] // Habr. URL: <https://habr.com/ru/post/15221/> (дата обращения: 10.09.2021).
4. Апостолова Н. Н. Ответственность за вред, причинённый искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. Проблемы уголовного и процессуального права. – 2021. – № 1. – С. 112-119.

УДК 347

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Меживой А. В., Юрченко Д. Е.

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Держинского», г. Донецк, РФ
Admsud19@mail.ru

Введение. На основании ч. 2 ст. 39 Конституции Донецкой Народной Республики (далее ДНР) каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [1]. Одним из таких способов в гражданском процессе является предоставление доказательств своей непричастности в совершении того или иного правонарушения. Однако, на практике сложилась такая тенденция, что и некоторые доказательства подлежат обеспечению.

Обеспечение доказательств позволяет сторонам как истцу, так и ответчику тщательно подготовиться к защите своих прав и законных интересов, а также закрепить свою позицию до начала судебного разбирательства.

На основании ст.65 ГПК ДНР необходимость применения норм гражданского процесса для обеспечения доказательств применяются только лишь в случае если есть угроза исчезновения или умышленного уничтожения определенных доказательств до судебного рассмотрения дела, по существу [2].

К примеру такими обстоятельствами могут быть: когда в качестве вещественных доказательств используются скоропортящиеся продукты, теряющие внешний вид и свойства, когда произошла авария и на месте происшествия можно установить ее объективные причины, либо когда лицо, которое могло бы дать свидетельские показания о спорных

обстоятельствах, собирается надолго уехать; либо требуется срочное экспертное исследование вещественных доказательств, поскольку иначе они могут изменить свойства и потерять доказательственное значение, и т.п.

Основная часть. Законодатель закрепил в ст. 66 ГПК ДНР право лица на подачу заявления в суд для обеспечения доказательств. Таким образом лицо, чьи права и законные интересы могут быть нарушены вследствие исчезновения, изменения доказательств, имеет право подать заявление об обеспечении доказательств в суд, в котором рассматривается дело или в пределах подсудности которого должны быть произведены процессуальные действия по обеспечению доказательств [2].

В заявлении должны быть указаны содержание рассматриваемого дела, сведения о сторонах и месте их проживания или местонахождении, доказательства, которые необходимо обеспечить, обстоятельства, для подтверждения которых необходимы эти доказательства, причины, побудившие заявителя обратиться с ходатайством об обеспечении доказательств.

В зависимости от стадии продвижения гражданского дела выделяют два способа обеспечения доказательств: судебный и досудебный (нотариальный).

К. А. Сергеевой, считает, что более корректным является использование термина «внесудебное обеспечение доказательств», нежели «досудебное». «В этой связи термины «досудебное» или «предварительное» обеспечение доказательств имеют дополнительную смысловую нагрузку и подразумевают намерение заинтересованного лица представить обеспеченное доказательство именно суду. Скрытая терминологическая установка на последующее обращение в суд неадекватно отражает сферу применения обеспеченного доказательства, неоправданно ее сужая» [3, с. 16].

Нотариальный способ обеспечения доказательств принимается на стадии до возбуждения гражданского дела судом, а судебный способ уже после.

Нотариус осуществляет процедуру обеспечения доказательств, как правило, до возникновения судебного разбирательства. Отсюда следует важный момент: на момент совершения нотариусом действий по обеспечению доказательств «сторон» в процессуальном понимании этого термина не существует. При этом отдельные лица, которые в будущем, если будет иметь место судебное разбирательство, предположительно могут выступать в качестве ответчиков или третьих лиц в суде, совершенно не заинтересованы в обеспечении нотариусом доказательств, которые подтверждают нарушение прав заявителя.

Одной из самых распространенных на наш взгляд проблем остается обеспечение доказательств в сети «Интернет».

При обеспечении доказательств в сети «Интернет» необходимо отметить, что гражданское процессуальное законодательство нуждается в

закреплении нормы, которая бы исключала из общего правила осмотр доказательств в присутствии сторон и заинтересованных лиц.

Наличие данной нормы исключило бы возможность у ответчика или истца изменить, или исказить содержащуюся на сайтах информацию.

А так на практике бывают случаи, когда становится известно время и место выхода нотариуса в Интернет на конкретные сайты, технически возможно направить информацию четко определенного содержания на компьютер нотариуса, что может исказить действительное содержание доказательств.

В связи с этим полезным является закрепление в законе норм, позволяющих обеспечивать доказательства такого рода нотариусом самостоятельно в то время (естественно, максимально приближенное к подаче заявления об обеспечении) и с использованием тех каналов связи, о которых не известно заявителю, иной стороне и заинтересованным лицам.

Некоторые авторы, например, такие как В. Погуляев предлагают привлекать дополнительных свидетелей, которые могли бы присутствовать при осмотре сайта [4, с. 14]. На наш взгляд не имеет смысла привлекать дополнительных свидетелей, поскольку дополнительной силы обеспечиваемому нотариусом доказательству это не придаст, а допрос свидетеля в суде по прошествии даже относительно небольшого времени на предмет того, что именно он видел в конкретный момент времени на экране компьютера, может оказать не самую лучшую услугу заявителю.

Заключение. Таким образом можно сделать вывод о том, что институт обеспечения доказательств в настоящее время является востребованным. И, несмотря на отдельные проблемные моменты, в целом, функционирует довольно успешно. Закрепление предложенных норм в гражданском процессуальном законодательстве позволит эффективнее использовать инструмент обеспечения доказательств.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: [принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики 14 мая 2014 г.]: действующ. ред. // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. - Электрон. дан. – Донецк, 2017. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konsti..>
2. Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики № 278 Гражданско-Процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики. — Д.: Издательский дом «Эдит», 2021. — 254 с. Режим доступа: <https://npa.dnronline.su/category/osnova>
3. Сергеева К.А. Обеспечение доказательств в гражданском и арбитражном процессе: автореферат дисс. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2012. – С. 16.
4. Погуляев В. Правонарушение в сети Интернет // ЭЖ-Юрист. – 2004. – № 12. – С. 14.
5. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики №278-ПНС – Текст: электронный // Народный Совет ДНР: официальный сайт. – 2021. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 22.09.2022)

О ПОЛНОМОЧИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Могутов Д. Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
d.n.mogutov@mail.ru

Введение. Акты органа юридического лица, которые порождают представительские отношения, чрезвычайно много, и какого-то четкого перечня их не существует. Кроме того, сам по себе настоящий акт должен быть неразрывно связан с необходимостью его подтверждения другими документами. Например, назначение на определенную должность, связанную с совершением от имени юридического лица сделок, во многих случаях должно быть подтверждено уставом юридического лица, где изложены соответствующие полномочия должностного лица. Предъявление нотариусу устава или выдержек из него не всегда является удобным с практической точки зрения. С другой стороны, четкость и стабильность законодательных норм о доверенности способствуют широкому применению последнего института на практике.

Основная часть. Центральной функцией доверенности является информационная функция относительно третьего лица – участника сделки, ведь именно из ее содержания он преимущественно узнает о содержании, объеме, сроке и характере полномочий представителя.

В продолжение этого мнения можно отметить, что именно доверенность в настоящее время считается самой удобной формой подтверждения полномочий представителя. Выдача доверенности является односторонним соглашением, поскольку сама доверенность – это лишь письменный документ, который кажется одним лицом другой для представительства перед третьими лицами, а отпуск товарно-материальных ценностей юридическому лицу осуществляется только на основании доверенности, выданной конкретному физическому лицу, независимо от ее должности».

На основании изложенного представляется очевидным, что понимание понятия и сущности доверенности в науке гражданского права тяготеет к признанию выдачи доверенности односторонней сделкой, особенности совершения которой регулируются ГК РФ. Наряду с этим сама доверенность понимается учеными по большей части в узком значении, а именно как письменный документ или же документ установленного образца, который дается одним лицом другому лицу для представительства перед третьими лицами. Можно сказать с уверенностью, что такое понимание понятия доверенности, не идя в разрез с законодательным определением, представляется правильным и уместным.

Доверенность сама по себе не является основанием возникновения отношений представительства, а лишь позволяет их субъектам удобнее

оформить эти отношения.

Анализ научных источников делает возможным выделение таких признаков доверенности: это есть материальный носитель информации; он объективирован в форме письменного документа (в предусмотренных законом случаях – нотариально удостоверенного документа); выдается одним лицом другой для представительства перед третьими лицами на основании устной или письменной договоренности; является документом, который выдается для подтверждения представительских полномочий; выдача такого документа по своей сути есть односторонней сделкой, не порождает обязанности для представителя.

Лицо, которое выдает доверенность, называется доверителем, а лицо, которое получает полномочия по доверенности, – поверенным. Такая терминология используется и в договоре поручения, по которому одна сторона обязывается от имени и за счет другой стороны выполнить определенные юридические действия. Однако доверенность не тождественна договору поручения.

Соотношение между ними следующее: договор поручения является основанием выдачи доверенности. В основе доверенности может быть и договор экспедиции, и трудовой договор. Например, материально ответственному лицу может быть выдана доверенность для совершения действий, связанных непосредственно с выполнением ею трудовых обязанностей.

Однако не во всех случаях договор как основание добровольного представительства, может быть совершен в письменной форме, поскольку не только договор поручения может быть основанием для выдачи доверенности. Обращаясь к практике удостоверения доверенностей нотариусами, в приблизительных образцах доверенностей встретим такие формулировки: «на основании устного договора..», «на основании устной предыдущей договоренности сторон...», «на основании договоренности сторон...». То есть идет речь о договоре между сторонами о представительстве интересов, что выражено как устная договоренность сторон относительно представительства поверенным доверителя. Однако достаточно часто такая формулировка все же опускается. Это не является грубым нарушением законодательства, однако является недостатком формы доверенности.

Анализ изложенного материала дает возможность сделать такие выводы:

– Нормативное определение понятия доверенности является удачным с точки зрения юридической техники, однако необходимой остается терминологическая унификация актов гражданского законодательства для недопущения синонимического понимания терминов «доверенность» и «поручение».

– Используя имеющиеся теоретические взгляды и концепции относительно природы доверенности, доверенность (в узком понимании)

представляет собой материальный носитель информации, объективированный в форме письменного (в предусмотренных законом случаях – нотариально удостоверенного) документа, который выдается одним лицом другой для представительства перед третьими лицами на основании устной или письменной договоренности между ними и является подтверждением наличия четко определенного круга представительских полномочий.

– В контексте нотариальной процедуры можно говорить о дуалистической природе доверенности. В узком понимании доверенность является письменным документом, который фиксирует полномочия представителя. В свою очередь, широкое понимание понятия предусматривает понимание доверенности в процедурном контексте, а именно как сделки по выдаче доверенности. Выдачу доверенности можно определить как одностороннюю сделку, в ходе которой доверитель реализует свое законное право уполномочить другое лицо (поверенного) на совершение юридически значимых действий в своих интересах и от своего имени.

Что касается соотношения понятий «доверенность», «поручение», «договор поручения», то было четко определено, что понимание понятий поручения и доверенности в контексте правоотношений представительства как синонимических является ошибочным, в то же время возможно применение термина «поручения» для характеристики конкретных полномочий, которые реализуются представителем на основании доверенности.

Договор поручения при таких условиях является основанием (не исключительной) для выдачи доверенности, то есть является необходимой предпосылкой для реализации лицом своего предусмотренного законом права на совершение отмеченной односторонней сделки, а, следовательно, и предпосылкой для объективизации полномочий в соответствующем письменном документе – доверенности.

Заключение. Договор о коммерческом представительстве предусматривает обязанность коммерческого представителя выступать от имени лица, которого он представляет, тем самым предусматривает и возможность реализовать эту обязанность, то есть право выступать от имени лица, которого он представляет. В договоре поручения должны быть четко определены действия, которые надлежит совершить поверенному. При заключении договора коммерческого представительства доверенность выдается лишь в случаях, когда это предусмотрено в самом договоре.

Список литературы

1. Коротков Д. Б. Место и роль дефиниций «Представительство» и «Доверенность» в российском законодательстве // Вестн. Пермского ун-та. Юрид. науки. – 2014. – № 1. – С.118
2. Позднякова Е.А. Теория и практика реализации прав и обязанностей лица, действующего в качестве представителя по доверенности // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 6 (7). – С. 41

ПРАВООТНОШЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ

Рябченко А. А., Полянский Л. А.

Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Ростов-на-Дону, РФ
moldowan2005@gmail.com

Введение. На тему недействительных сделок опубликовано большое количество научных диссертаций и статей. В юридической литературе отмечается также признак не противоречия нравственности, не нарушения прав и законных интересов других лиц и др. с учетом того, что гражданский оборот предполагает наличие следующих категорий: добросовестности, справедливости и разумности экономической жизни, имущественных отношений. Между тем эти категории представляются чрезмерно зависимыми и оценочными от субъективных характеристик участников гражданского оборота. При этом негативное влияние на поведение упомянутых участников оказывают происходящие в нашей стране процессы правовая аномия, правовой нигилизм, криминализация бизнеса и т. д. [3].

Основная часть. Различают такие виды недействительных сделок как: оспоримые и ничтожные.

Ничтожная сделка является таковой с момента ее заключения. такая сделка признаётся по основаниям, которые установлены законом, независимо от признания ее недействительности судом т.к. она не имеет юридической силы с момента ее совершения. Такая сделка не порождает прав и обязанностей у сторон. [1] ГК. Такой сделке присущие следующие признаки:

- Мнимость сделки
- Притворство
- Отсутствие у лица надлежащей дееспособности

Оспоримая сделка – такая сделка недействительна по основаниям, которые установлены законом, в силу признания её таковой судом. Это означает, что действия совершенные в виде сделки признаются судом при наличии предусмотренных законом оснований недействительными по иску управомоченных лиц. Оспоримая сделка обладает следующими признаками:

- в результате судебного решения сделка была признана недействительной. Прекращение ее действия распространяется на настоящее и будущее время;
- управомоченные лица признают сделку недействительной;
- управомоченный субъект подтверждает или одобряет сделку, т.е. в дальнейшем он не может ее оспаривать; нарушение законных прав и

интересов определённых лиц при совершении сделки. Если это не доказать суд может оставить всё без изменений. [1]

В части первой ГК РФ имеется целая система норм о недействительности сделок (статьи 166 – 181), в которой называются виды таких недействительных сделок и их правовые последствия. Дополнительные сведения о недействительности сделок содержатся в нормах ч. 2 ГК РФ об отдельных договорах, а также в некоторых дополняющих Гражданский кодекс законодательных актах [4].

Согласно ст. 167 ГК РФ недействительная сделка не предусматривает наступления юридических последствий, кроме тех, которые связаны с ее недействительностью. Считается, что лицо действовало недобросовестно, если знало об основаниях недействительности сделки.

Все полученное в результате недействительной сделки стороны обязаны возвратить друг другу, а в случае если сделать это невозможно, например, имущество, полученное в результате недействительной сделки, уже продано, возместить другой стороне его стоимость (реституция).

Итак, основным последствием недействительной сделки, как сделке не отвечающей требованиям закона, выражается в применении судом двусторонней реституции. В данной ситуации принимается то что взаимные предоставления сторон сделки равнозначны, пока не будет доказано обратное. Однако на практике складываются ситуации, когда технически невозможно возвратить предоставленное в натуральной форме. В таком случае соответствующая сторона, как упоминалось ранее, должна произвести выплату второй стороне денежных средств. [5]

В случае если одна из сторон получила сумму, явно неравнозначную переданному второй стороне имущество по недействительной сделке, данное можно оценивать, как неосновательное обогащение. Иными словами, на разницу сумм взаимных предоставлений сторон могут быть начислены проценты, а точкой отсчета начисления процентов будет являться момент, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности получения или сбережения денежных средств. Важным является то, что факт неосновательного обогащения не будет считаться подтвержденным, если стороны вовсе не затрагивали вопрос о равноценности имущества по сделке или же в случае непредставления суду надлежащих доказательств. [5]

При односторонней реституции требования суда обращаются к одному из участников сделки. Такие последствия назначаются в той ситуации, когда предоставление имущества по сделке было осуществлено только одной стороной, то есть второй стороне по факту нечего возвращать, так как она ничего от второй стороны не получила. [5]

Например, односторонний возврат может быть затребован в силу незаконных действий продавца, за которым сохраняется право собственности на квартиру до момента завершения регистрационной

процедуры. Кроме того, односторонняя реституция может быть применена, если двусторонняя реституция не имела бы в сложившихся правоотношениях возможности исполнения. [5]

Что же касается недопущения реституции, то основная ее цель заключается в имущественном наказании той стороны, которая действовала недобросовестно. При этом зачастую происходит смешение двух мер – недопущения реституции и конфискации. Применительно к недействительности сделок данные термины зачастую употребляются как равнозначные. Однако подобное считается неправильным. Некоторые ученые выдвигают мнение, что взыскание в доход государства и отсутствие права реституции имеют разные правовые последствия, причем часто весьма существенные. Замеченное несовпадение данных терминов выражается в следующем. Дело в том, что при конфискации происходит прекращение частной собственности на средства производства, товары и результаты полезного труда, а вместо нее возникает государственная собственность. В то же время недопущение реституции означает только то, что у участника сделки не возникает реституционного притязания [5].

Заключение. Таким образом последствия недействительности сделки, как сделке не отвечающей требованиям закона, выражается в применении судом двусторонней реституции, односторонней реституции, а также не допущение реституции.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ: (ред. от 21.12.2021) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2006. (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021)
2. Карнушин В.Е. Краткая характеристика вещных прав, подлежащих введению в действие в Гражданский кодекс РФ, с точки зрения их обязательно-правовой природы: автореф. дисс. кандидат юридических наук. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 2.
3. Вакула А.И. Парковская М.И. Обычай в гражданском праве: признаки и классификация // Юрист-Правовед. – 2015. – № 6. – С. 3
4. Павлова И.Ю. Не заключенность или недействительность договора как последствия несоблюдения требований к форме и государственной регистрации договора // Государство и право. – N 10. – С. 49 – 50.
5. Смоленский М.Б. Проблемы недействительности сделок в гражданском праве: односторонняя и двусторонняя реституция, недопущение реституции // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 5 (120). – С. 91-94.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ

Рябченко А. А., Черкашина Н. Э.

Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Ростов-на-Дону, РФ
nelli.cherkashina03018@yandex.ru

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что общество постоянно вынуждено решать проблему защиты от экономических последствий стихийных бедствий, промышленных аварий и катастроф, обеспечения интересов семей и отдельных граждан при наступлении непредвиденных неблагоприятных последствий. Страхование – важнейший способ минимизации и ликвидации таких экономических потерь.

Основная часть. Во всех развитых странах страхование является стратегически важной отраслью экономики, обеспечивая подавляющую часть инвестиций в ее развитие и освобождая государственные бюджеты от расходов на возмещение убытков от непредвиденных событий.

Повинуясь общемировым тенденциям, страхование в России, в том числе страхование жизни и здоровья, динамично развивается. При этом особая роль страхования проявляется в решении социальных проблем общества. Одним из основных направлений развития системы мер социальной защиты граждан является медицинское страхование, находящееся на этапе своего становления. Сегодня правом на медицинское страхование пользуются различные категории граждан. Однако при более подробном анализе состояния дел со страхованием жизни и здоровья в России становится, очевидно, что до сих пор в нем существует ряд недостатков, которые необходимо устранить как можно быстрее.

Становление развития медицинского страхования проходило много этапов. Помимо перспектив, данный вид страхования имеет и ряд проблем. Рассмотрим и проанализируем их подробно:

1. Важной проблемой является отсутствие опыта у всех участников страховых отношений. [1]

2. Проработка законных и подзаконных актов была недостаточной. Обязательный вид страхования внедряется уже в сложившуюся профессиональную отрасль, которая не учитывает появление в данной отрасли обязательного страхования. Именно поэтому появляется масса проблем и недопонимай.

3. Отсутствует единый подход у страховых компаний, в части определения страхового возмещения, так и в части определения степени страхового покрытия.

4. Не менее важная проблема, возникновение отрицательной реакции, в связи с навязыванием к заключению договора.

5. Отсутствие конкуренции. Страхователи не имеют возможности в большом выборе страховых услуг с учетом их цены и списком рисков. [2]

К сожалению, это не все проблемы, с которыми сталкивается обязательное страхование в своей профессиональной сфере, но государство старается улучшать данную ситуацию с каждым годом. Введение обязательных видов страхования требует более системного подхода с учетом оценки значимости потенциальных страховых рисков. Исследование современных проблем системы обязательного страхования имеет особое значение в условиях развивающегося страхового законодательства, экономических проблем и сложной политической ситуации.

В ходе анализа ряда проблем в становлении обязательного страхования, мы можем выделить методы, которые помогут в совершенствовании регулирования обязательных видов страхования, с целью решения вышеупомянутых проблем:

- переход к установлению минимальных и максимальных значений страховых тарифов, определяемых Правительством Российской Федерации;

- выработать порядок осуществления мониторинга применяемых страховых тарифов, их обоснованности и доведения его результатов до общественности;

- необходимо привести к единой форме порядок определения размера ущерба и страхового возмещения по обязательным видам страхования. [4]

В рамках совершенствования действующих видов обязательного страхования можно предложить:

- 1) совершенствование законодательства об обязательном медицинском страховании (ОМС), повышение роли страховых медицинских организаций, а также обеспечение взаимодействия систем обязательного и добровольного медицинского страхования;

- 2) основными направлениями совершенствования обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств будут являться:

- введение единого программно-методического комплекса оценки причиненного ущерба;

- улучшение системы прямого возмещения убытков и компенсационных выплат;

- внедрение электронного полиса, возможность перехода на электронный документооборот между страховщиками, страхователями и потерпевшими;

3) основными мерами по развитию обязательного страхования гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте являются:

– актуализация размеров страховых тарифов с учетом класса опасного объекта, а также статистики, накапливаемой страховщиками о страховых случаях, и данных о вероятности наступления и тяжести последствий страхового события на конкретных опасных объектах;

– расширение перечня опасных объектов, подлежащих страхованию, страховых случаев, объема ответственности страховщика, порядка определения размера вреда, ущерба и др. [5]

Для того чтобы перевести развитие страхового сектора на интенсивный путь, необходимо повышать качество страхового обслуживания, клиентоориентированность страхового бизнеса, разрабатывать и внедрять программы лояльности. Для снижения стрессовой нагрузки на бюджет в условиях кризиса необходимо развитие новых видов обязательного страхования, таких как страхование жилья от стихийных бедствий, сельскохозяйственного страхования, страхования ответственности аккредитованных учреждений.

Однако Минфин РФ выдвигают новые подходы к решению данных проблем обязательного страхования. Так к 2021 году он предлагает поэтапно отказаться от обязательных видов страхования и ввести так называемое вмененное страхование. Данный вид страхования, в целом связан с добровольным страхованием, но, по своей сути, он обязывает людей страховать себя при любых обстоятельствах от различных рисков.

Заключение. Таким образом, для обеспечения условий дальнейшего развития страхового сектора и обязательных видов страхования необходима реализация комплекса мероприятий, которые будут способствовать также развитию добровольных видов страхования в РФ.

Список литературы

1. Ищанов Б.Б. Обязательное страхование в российской федерации: настоящее и будущее // Вестник магистратуры. – 2017. – С. 89.
2. 2. Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 № 326-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2010 г. № 49. Ст. 6422.
3. Калюпина А.А., Вакула А.И. Добровольное медицинское страхование В сборнике: Актуальные проблемы страхового права. Мир науки. сборник научных трудов конференции. – 2017. – С. 29-33.
4. Лейба А.А. Правовые аспекты рынка страхования в Российской Федерации // Гражданин и право. 2018. С.39. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022 № 27-ФЗ) // Российская газета от 31.12.2001 № 256.
5. Измайлов Е.Ф. Проблемы, возникающие у страхователей при заключении договора и пути их решения // Вестник магистратуры. – 2017. – С. 109.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА

Сапрунова Е. С., Тазаян Р. Л.

Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Ростов-на-Дону, РФ
rf@rpa-mjust.ru

Введение. Как известно весной 2022 года на полугодовой период Постановлением Правительства Российской Федерации был введен мораторий на возбуждение кредиторами дел о банкротстве. Причиной такого законодательного решения стала нестабильная экономическая ситуация в стране. Мораторий введен с целью защиты бизнеса от дестабилизации и оказания помощи предпринимателям, находящимся в тяжелом финансовом положении.

Однако, несмотря на временный характер мер, в настоящее время идёт активное обсуждение вопросов, связанных с прекращением такого ограничения, так как финансовое состояние предпринимателей значительно стабилизировалось.

Отечественное законодательство предоставляет детальную проработку вопроса защиты интеллектуальной собственности. Существующая судебная практика показывает весьма широкий спектр неоднозначных гражданских дел. Так, крайне противоречивой является судьба исключительных прав при процедуре банкротства.

Основная часть. Особую актуальность в свете принятых решений вызывает интеллектуальное банкротство, которое представляет собой процесс законного списания долгов, путем взыскания имущества, в том числе объектов исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности должника и дальнейшего пропорционального разделения средств с их реализации, среди кредиторов.

При процедуре интеллектуального банкротства актуальным вопросом становится юридическая судьба результатов интеллектуальной собственности должника в течении процедуры конкурсного производства. Это могут быть товарные знаки и другие средства индивидуализации, которые являются одними из основных внешних признаков современной компании. Помимо прочего, множество технологических предприятий являются обладателями патентов, образцов и других исключительных прав.

Норма ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает, что объекты исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности являются составляющими конкурсной массы должника, но

включаются только при определенных условиях, с учетом их особой правовой природы (п. 3 ст. 131) [1]. Вместе с тем, п. 2 ст. 1488 ГК РФ, установил невозможность взыскания особых прав, а именно особого права на товарный знак, в некоторых случаях, с целью исключения возможности введения в заблуждения по товару [2].

В свою очередь статья 213.4, Закона №127-ФЗ указывает на необходимость при подаче заявления о начале процедуры банкротства предоставить копии документов, удостоверяющих индивидуальные права на результаты интеллектуальной деятельности гражданина [1]. На основании данного закона, указанное имущество должника реализуется путем продажи на торгах.

Юридическая возможность перехода таких прав от одного лица к другому, в случае обращения взыскания на интеллектуальную и иную собственность должника определена законом (статья 1241 ГК РФ) [2]. Приказ Министерства экономического развития России, в свою очередь, отметил нормативы проведения оценки интеллектуальной собственности лиц [3]. Руководствуясь таким актом, оценщик обязуется установить и проанализировать рыночную стоимость объекта взыскания, экономическое положение в государстве и прочие внешние показатели.

На основании современного гражданского законодательства РФ, взысканию подлежат лишь права, зарегистрированные в Роспатенте (подтверждает такую регистрацию свидетельство на товарный знак или иной документ).

Взыскание на исключительное право допускается, на: права требования автора к другим лицам на основании договора об отчуждении исключительного права на произведение; права требования автора к другим лицам на основании лицензионного договора; исключительные права, находящиеся у другого лица; права пользования произведением, принадлежащее лицензиату; доходы, полученные вследствие использования такого произведения (ст. 1284 ГК РФ) [2].

Также существуют некоторые объекты интеллектуальной собственности, на взыскание которых законом установлен запрет. В частности, не могут быть взысканы следующие права: личные неимущественные права автора и иных правообладателей (ст. 150 ГК РФ); исключительные права автора на произведение (п. 1 ст. 1284 ГК РФ) [4].

Заключение. Подводя итог, следует отметить необходимость более детальной проработки вопроса формирования конкурсной массы и возможности перехода исключительных прав и нематериальных активов в процессе банкротства. Введение специальных норм, регулирующих юридическую судьбу интеллектуальной собственности, позволит минимизировать количество конфликтных ситуаций в ходе судопроизводства по делу о банкротстве. Для этого необходимо качественно изучить все существующие проблемы правоприменения в

данной сфере и оперативно рассмотреть внесение возможных поправок и дополнений в существующие нормативные правовые акты.

Список литературы

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 28.06.2022 № 212-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2009 г., № 18, ст. 2153 (Часть I).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2006 г., № 52, ст. 5496 (Часть I).
3. Приказ Министерства экономического развития РФ от 22 июня 2015 г. № 385 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Оценка нематериальных активов и интеллектуальной собственности (ФСО № 11)» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2022)
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1994 г., № 32, ст. 3301.
5. Постановление Правительства РФ от 28.03.2022 № 497 (ред. от 13.07.2022) «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» // Собрание законодательства РФ от 04.04.2022, № 14, ст. 2278.

УДК 347.9

ПРОБЛЕМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ УЧАСТНИКАМИ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

Скорород В. Е., Артемова Н. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
v.evtushenko@donnu.ru, natalya03.01@mail.ru

Введение. В Донецкой Народной Республике защита оспариваемых и нарушенных прав и интересов лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью является задачей арбитражного судопроизводства. Для указанной деятельности характерен высокий риск со стороны её участников, поэтому вопрос о предупреждении нарушений и злоупотреблений участниками данных правоотношений является приоритетной задачей для законодателя.

Проблема злоупотребления процессуальными права участниками арбитражного процесса вызывает интерес среди ученых-юристов, начиная с вопроса о понятии злоупотреблений процессуальными правами до мер ответственности за недобросовестное поведение. Связано это с тем, что на практике не всегда удается выявить в поведении, участвующих в процессе лиц, факт самого злоупотребления правами.

Основная часть. Следует обратить внимание на то, что Арбитражный процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики (далее – АПК ДНР) не регламентирует понятие «злоупотребление правом», в то время как данный вопрос актуален и получил достаточное внимание среди ученых – теоретиков и практиков. Исходя из этого, для определения сущности изучаемого понятия необходимо обратиться к научной литературе.

Над проблемой злоупотребления процессуальными правами работало множество цивилистов, которые по-разному подходили к пониманию данного юридического явления.

Так, А. С. Корсунова отмечала, что злоупотребления процессуальными правами в арбитражном судопроизводстве прежде всего выражается в нарушении добросовестного пользования своими процессуальными правами, получение процессуальных выгод в виде причинения процессуального вреда другим участникам, а также воспрепятствование деятельности суда [2, с. 154].

В тоже время, Т. П. Подшилов указывал на то, что злоупотребления выражается в любых действиях участников судебного арбитражного процесса, которые не направлены на достижение цели разрешения спора [4, с. 17].

В своих работах В. А. Магальясова отмечала ряд признаков изучаемого явления, среди которых следующие:

1. Субъектами злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе являются стороны, третьи лица, эксперты и т.д.

2. Злоупотребить можно только правом, а не обязанностью, так как несоблюдение обязательств является нарушением права и не может быть квалифицировано как злоупотребление.

3. Злоупотребить можно только имеющимся правом, так, например, третьи лица не могут злоупотребить правами, которыми наделены стороны судопроизводства.

4. Неблагоприятные последствия как для других участников процесса, так и для суда в виде затягивания разбирательства и т.д. [3, с. 225].

Таким образом, наиболее распространенной целью злоупотребления правами является затягивание процесса. Способы затягивания процесса также достаточно разнообразны, например, подача встречного заявления, отвод судьи и т.д. Однако самым распространенным способом затянуть судопроизводство является умышленное внесение ошибок в оформление процессуальных документов. Однако на практике достаточно трудно определить являются ли указанные действия злоупотреблениями правами или же банальным стечением обстоятельств.

В качестве злоупотребления процессуальными правами действующее арбитражное процессуальное законодательство рассматривает в частях 1 и 2 статьи 104 АПК ДНР несоблюдение

досудебного, например, претензионного, порядка урегулирования спора, а также такой способ реализации процессуальных прав, который привел к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта [5, с. 132].

Также стоит обратить внимание и на часть 3 статьи 35 АПК ДНР, которая обязует лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами [1].

Таким образом, не смотря на отсутствие нормативного закрепления рассматриваемого понятия, законодательство ДНР содержит указание на два идентифицирующих признака, которые позволяют признать то или иное действие злоупотреблением.

Так, к первому идентифицирующему признаку относится нарушение добросовестного осуществления своих прав, а ко второму – наступление неблагоприятных последствий, как результат такого нарушения.

Заключение. Исходя из вышеназванных результатов научной деятельности, мы можем предложить свою дефиницию рассматриваемого явления.

Так, под злоупотреблением процессуальным правом в арбитражном судопроизводстве следует понимать недобросовестное поведение участников процесса, выражающееся в действиях, которые направлены на воспрепятствование деятельности суда в рассмотрении дела и принятии законного и обоснованного судебного акта.

Ещё одним проблемным моментом является определение мотива поведения участника судопроизводства, так как достаточно часто схожее со злоупотреблением поведение на самом деле таковым не является.

Мы считаем, что в данном случае необходимо установить мотив такого поведения, а в качестве критериев оценивания использовать направленность его действий и добросовестность поведения, которое выражается не только в соблюдении норм закона, но и в уважении принципов судопроизводства. Кроме того, стоит учитывать и целесообразность процессуальных действий, например, принятого решения об отводе судьи.

Подводя итог, необходимо отметить, что на сегодняшний день действующее законодательство Донецкой Народной Республики не устанавливает серьезного наказания за злоупотребления процессуальными правами. Таким образом, считаем целесообразным рассмотрение вопроса об ужесточении мер воздействия посредством увеличения штрафа либо возникновения негативного последствия в виде отказа в удовлетворении исковых требований, что в свою очередь, значительно уменьшило бы уровень недобросовестного поведения участников, а также ускорило процесс разрешения споров.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 277-ПНС от 30.04.2021 года (в ред. от 26 апреля 2022) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/arbitrazhnyj-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (Дата обращения: 17.09.2022). – Загл. с экрана.
2. Корсунова А.С. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе: некоторые теоретические и практические аспекты / А.С. Корсунова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – №1. – С. 152-155.
3. Магальясова В.А. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе/ В.А. Магальясова // Наука. Исследования. Практика. – 2020. – № 1 (28). – С. 224-226.
4. Подшивалов Т.П. Запрет злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе/ Т.П. Подшиллов // Российская юстиция. – 2014. – № 9. – С. 17-20.
5. Федоренко Ю.В., Иваненко К.С. Злоупотребление процессуальными правами участника арбитражного судопроизводства / Ю.В. Федоренко, К.С. Иваненко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 11 (138). – С. 130-133.

УДК 347.9

ПРОБЛЕМЫ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Скороход В. Е., Тюрина А. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
v.evtushenko@donnu.ru, tiurina02@mail.ru

Введение. В настоящее время нередко случаются нарушения гражданских прав, поэтому приоритетной задачей правового государства является обеспечение максимально справедливой, быстрой и эффективной процедуры урегулирования споров. Однако, на практике, в связи с большим количеством споров, суды оказываются в затруднительном положении, что в значительной мере сказывается на качестве и эффективности рассмотрения дела.

В связи с этим, законодатель устанавливает альтернативные методы разрешения конфликтов – примирительные процедуры, которые регламентированы Главой 15 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики [1].

Основная часть. Настоящий кодекс относит к примирительным процедурам переговоры и посредничество, включающие в себя медиацию и судебное примирение. Однако указанный перечень не является исчерпывающим, кроме того закон не ограничивает использование иных

процедур примирения, если это не противоречит действующему законодательству Донецкой Народной Республики.

Необходимо отметить, что недостатком является факт отсутствия единой дефиниции «примирительные процедуры», несмотря на то, что законодательно порядок их применения урегулирован.

Исследователи отмечают значительные преимущества использования примирительных процедур, однако, существует и ряд проблем, оказывающих влияние на полноценное развитие данного института. К примеру, проблемой медиации можно обозначить то, что она является не столь популярной в обществе, в отличие от других примирительных процедур, и как следствие это вызывает недоверие к данному правовому институту.

К. И. Шафоростова отмечает высокую стоимость услуг, предоставляемую медиаторами, как одну из причин неактуальности процедуры медиации [4, с. 3]. При этом, услуги медиатора оплачиваются вне зависимости от положения дела, даже если стороны не заключили медиативное соглашение.

Кроме того, причиной, по которой процедура медиации не слишком импонирует гражданам, также может послужить и факт того, что не все способны позволить постороннему человеку вмешиваться в конфликт. Важным нюансом является то, что медиатор не предоставляет гарантию того, что возникший конфликт будет разрешен на выгодных условиях для обеих сторон.

Основным, по нашему мнению, является то, что процедура медиации имеет недостаточное нормативное правовое регулирование. Законодательство Донецкой Народной Республики не устанавливает, как процедура медиации может быть вписана в гражданское судопроизводство с учетом обстоятельств конкретного дела.

По мнению Е. А. Гринь следует определить категорию дел, которые в обязательном порядке должны решаться при помощи одной из примирительных процедур. Иными словами, для конкретного дела должна быть предусмотрена какая-либо обязательная примирительная процедура [3, с. 354].

Мы считаем, что данное утверждение является неверным, поскольку такой порядок противоречил бы правовой природе как самих примирительных процедур, так и принципу добровольности их применения. Следует отметить невозможность нормативного закрепления обязательного применения процедуры медиации, так как процесс применения данной примирительной процедуры предполагает добровольность, а после, в случае не достижения желаемого результата, не исключается и возможность обращения в суд для установления виновной стороны в возникшем споре.

На наш взгляд, следует лишь организовать информирование граждан о возможности применения примирительных процедур для разрешения

споров, так как это позволит миновать обращения некоторых категорий граждан в суд, что в полной мере позволит снизить нагрузку на судебные органы. Также стоит предусмотреть меры стимулирующего характера, которые позволили бы сторонам стремиться решить конфликт с помощью медиатора.

Кроме того, необходимо отметить, что благодаря процедуре медиации и работе самого медиатора стороны конфликта смогут вернее излагать свои требования по делу (желаемый результат при разрешении спора), а также более точно определять требования противоположной стороны. Указанные факторы в дальнейшем смогут способствовать более быстрому и эффективному рассмотрению и разрешению дела в гражданском судопроизводстве.

Медиация может применяться только по отдельным категориям споров, в данном утверждении мы видим также существенный недостаток. Так, если стороны состояли в гражданских правоотношениях, трудовых, семейных, экономических либо если их отношения были связаны с осуществлением предпринимательской деятельности, то при возникновении конфликта они могут решить его при помощи процедуры медиации [2, с. 18]. Однако анализ правовых норм показывает, что медиация не может быть применима к публично-правовым и коллективным трудовым спорам. Поэтому, мы считаем целесообразным рассмотрение вопроса о расширении сферы применения данной примирительной процедуры, например, на жилищные правоотношения и некоторые другие.

Что касается Донецкой Народной Республике, отметим, что на практике суды оказываются в затруднительном положении, которое в значительной мере сказывается на качестве, эффективности и скорости рассмотрения дела.

Заключение. Таким образом, мы считаем целесообразным усовершенствование законодательной базы Донецкой Народной Республики путем разработки и принятия нормативного правового акта, в полной мере регламентирующего процедуру медиации, а также рассмотрение вопроса о расширении сферы применения данной примирительной процедуры. Кроме того, необходимым является регламентация дефиниции «примирительные процедуры» следующим образом: «Примирительные процедуры – это процедуры, направленные на урегулирование конфликта, возникшего между сторонами, посредством выработки соглашения в ходе переговоров с привлечением третьих лиц либо без такового соглашения».

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 278-ПНС от 30.04.2021 года (в ред. от 26 апреля 2022) / Официальный сайт Народного Совета

ДНР[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatel'naya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (Дата обращения: 15.09.2022). – Загл. с экрана.

2. Верещагина, Г.П. Проблемы применения некоторых примирительных процедур в гражданском процессе / Г. П. Верещагина // Нацразвитие. Наука и образование. – 2021. – № 3(3). – С. 16-19.
3. Гринь, Е.А. Развитие института медиации в России / Е. А. Гринь // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. – 2019. – С. 353-354.
4. Шафоростова, К.И. Медиация и судебное примирение: общие черты, различия / К. И. Шафоростова // Научно-методический электронный журнал: Концепт. – 2018. – №5. – С. 123-129. – DOI: 10.24422/MCITO.2018.5.13705

УДК 347.4

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ УСЛУГИ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Славова Н. А., канд. юрид. наук, доц.

Филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

в г. Домодедово, РФ

Slavova.natalja@yandex.ru

Введение. В соответствии с нормами ГК РФ результаты работ и оказание услуг являются объектами гражданских прав [1]. В качестве основного предмета обязательства, услуги, в отличие от работ, предусматривают конкретные действия обязанного лица, а не материальный результат действий исполнителя, передаваемый заказчику. Услуги в гражданском праве – очень значимая категория, в связи с этим, имеет смысл отдельно рассмотреть такое понятие как государственные и муниципальные услуги, так как они остаются за рамками гражданско-правового регулирования.

Цель данного исследования состоит в анализе юридической природы муниципальных и государственных услуг в контексте гражданско-правовых отношений.

Основная часть. Одним из наиболее значимых направлений развития любого государства, в частности, социального и правового, считается повышение качества государственных услуг. После проведения административной реформы, в России стало использоваться понятие «государственные услуги», то есть дела, функции и действия, выполняемые правительством Российской Федерации, исполнительными органами РФ. Необходимо отметить, что государство в этих правоотношениях рассматривается как услугодатель.

Предоставление государственных и муниципальных услуг в многофункциональных центрах осуществляется в соответствии с Федеральным законом № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг в многофункциональных центрах» [2].

На сегодняшний день такие услуги предоставляются Многофункциональными центрами (далее МФЦ). Благодаря таким центрам всем субъектам права (физическим, юридическим лицам) предоставляется возможность в простой и удобной форме получить государственные услуги (в некоторых случаях эти услуги могут быть и сугубо юридическими, например, консультация по праву владения общей долевой собственностью), а также предоставить полный объем необходимой информации о государственных услугах. Это по праву можно назвать главной целью работы МФЦ, впервые такие центры в России начали открываться в 2010 году.

Так, согласно статистическим данным [3], за 2020 год, центры «Мои Документы» Московской области оказали более 2 млн госуслуг. Популярной услугой оказалась регистрация прав на недвижимость и ее постановка на кадастровый учет (сервисом воспользовались более 250 тысяч жителей Подмосковья)

Приведённые данные свидетельствуют о том, что граждане активно используют государственные структуры, и обращаются за помощью для получения услуг, с целью удовлетворения своих потребностей.

Муниципальные услуги, которые предоставляются в социально-экономических процессах, по праву считаются одним из важных определений и одной из составных частей муниципального управления на местном уровне. Муниципальная деятельность направлена на то, чтоб значительно улучшить те условия жизни граждан, в которых они находятся на сегодняшний день. Так же, приоритетным является обеспечить хорошие условия «среды обитания» населения. Поэтому, именно на органы местного самоуправления возложена огромная ответственность на достижение поставленных целей. Сюда же входит и развитие инфраструктуры, и обслуживание населения, а также организация этих процессов.

В свою очередь, термин «государственные услуги» появился в результате реформы государственной службы РФ, которая была утверждена Указом Президента РФ от 15 августа 2001 г. Несколько лет спустя, этот термин появился в Федеральной программе, где было сказано о том, что государственным служащим необходимо достичь наивысшего уровня исполнения своих прямых должностных обязанностей, и предоставить гражданам и организациям государственных услуг те требования которые ими заявлены.

Необходимо отметить, что государственная услуга не может быть оказана никем другим кроме самого государства. Это и является главным

отличием ее от других услуг. Такими услугами могут быть: услуги, которые предоставляют обеспечение защиты интересов страны; услуги, поддерживающие общественную безопасность; услуги по учёту граждан; услуги, регистрирующие транспортные средства; государственная регистрация коммерческих операций (сделок с недвижимостью).

Главными основными принципами предоставления услуг являются:

- управомоченное (легальное) предоставление таких услуг. То есть оказание государственных и/или муниципальных услуг органами государственной власти должно быть регламентировано;

- порядок обращения, по которому предоставляются услуги;

- законность взыскания с заявителей государственной пошлины за оказание услуг, а также платы за предоставление государственных и муниципальных услуг;

- публичная (открытая) деятельность органов, которые предоставляют государственные и муниципальные услуги;

- общедоступная система обращений для всех субъектов;

- своевременность получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, а также в иных формах, предусмотренных законодательством РФ.

На основе вышесказанного, необходимо выделить следующие признаки государственной / муниципальной услуги: услуга является особым видом деятельности уполномоченного органа оказывающего государственную /муниципальную услугу; обладает свойством юридического характера (наиболее распространено при получении справок); несет в себе адресный характер; возникает по инициативе субъектов, которые обращаются за определённой услугой; влечет за собой наступление правовых, чаще всего, положительных для услугополучателя последствий.

На наш взгляд, следует исключить только административно-правовой характер государственной/муниципальной услуги. Считаем, что услуга не зависимо от ее характера обладает определённой стоимостью. Поскольку консультации, предоставляемые от лица государственных служащих, являются частью трудовой функции, и эта так называемая услуга оплачена исполнителю (то есть представителю государственной организации) в виде его заработной платы. Даже если услуги, предоставляются потребителю безвозмездно (например, государственными служащими) или по специальным тарифам, утверждённые государством, которые отличаются от коммерческих расценок. В этой системе отношений, муниципальные и государственные услуги косвенно можно отнести к услугам, имеющим гражданско-правовой характер, поскольку главным ее субъектом, является гражданин, как потребитель услуг.

Заключение. Таким образом, государственные и/или муниципальные услуги являются «объёмным» понятием, поскольку под

такими услугами чаще всего понимаются различные действия (как правового, так и не правового характера).

Что касается государственной и муниципальной услуги, то она направлена на повышение эффективности работы государственных структур для населения, с целью принесения большей пользы и получения благ, и в зависимости от вида предоставляемой услуги, она может быть так же юридической.

Список литературы

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть 1 // Собр. законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2010 г. № 210–ФЗ [Текст] // Российская газета – 2017. – 01 сентября.
3. Центр государственных и муниципальных услуг «Мои документы». Официальный сайт. официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.odinmfc.ru/press-tsentr/novosti/570-v-oktyabre-2020-goda-tsentry-moi-dokumenty-moskovskoj-oblasti-okazali-bolee-2-mlngosuslug?ysclid=17naxk327x477396980> (дата обращения 04.09.2022 г.)

УДК 346.16

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПРИНЯТИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Смирнова Е. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
e.smirnova@donnu.ru

Введение. Вхождение Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации, является, без сомнения, переломным моментом в социальной, политической, экономической жизни Республики и затрагивает все без исключения ее сферы, в том числе и предпринимательскую деятельность. С принятием Федерального конституционного закона № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» [1] (далее – Закон) начинается новый виток развития бизнеса и экономики на территории Республики.

Основная часть. Прежде всего, стоит отметить, что со дня принятия в состав Российской Федерации, на территории Республики действуют нормативные правовые акты Российской Федерации, а также, в течение

переходного периода, республиканские нормативные правовые акты, не противоречащие Конституции Российской Федерации.

Переходной период, в течение которого урегулируются вопросы интеграции нового субъекта Российской Федерации в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы, в систему органов государственной власти Российской Федерации действует до 01 января 2026 года. По отдельным вопросам устанавливаются специальные сроки.

Все субъекты хозяйствования входят в экономическое пространство Российской Федерации с сохранением организационно-правовой формы, до урегулирования их правового статуса в соответствии с законодательством Российской Федерации. С принятием Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики постепенно осуществлялась гармонизация правового статуса субъектов хозяйствования, в частности организационно-правовых форм юридических лиц. Однако законодательство Республики все же содержит некоторые формы, которые российским законодательством не предусмотрены, например, трансграничные концерны. Соответственно, они подлежат преобразованию либо ликвидации в течение установленного законом срока. Остальные же субъекты обязаны будут привести свои уставные документы требованиям законодательства Российской Федерации.

Сведения о субъектах хозяйствования подлежат внесению в Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в соответствии с Федеральным законом № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [2]. То есть, юридические лица и физические лица-предприниматели (индивидуальные предприниматели) приобретают права российских организаций с момента внесения их в реестр.

В части государственного регулирования предпринимательства также предусматривается ряд значительных изменений.

Лицензии и разрешения, за исключением лицензий на осуществление предпринимательской деятельности, которая не соответствует требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, а также некоторых других (например, на осуществление банковских операций и осуществление деятельности некредитных финансовых организаций), действуют без ограничения срока. При этом устанавливается, что с 01 марта 2024 года виды деятельности, подлежащие лицензированию в соответствии с частью 1 статьи 12 Федерального закона № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [3], могут осуществляться, если иное не установлено, исключительно субъектами хозяйствования, имеющими лицензии на осуществление таких видов деятельности, выданные в установленном законом порядке. При этом Правительство Российской Федерации вправе определить перечень видов деятельности, осуществление которых на территории Донецкой Народной Республики допускается с 01

марта 2024 года без получения лицензии, при условии декларативного уведомления об осуществлении соответствующего вида деятельности и соблюдения субъектами временных обязательных требований, устанавливаемых уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

Документы в области стандартизации, сертификации и метрологии (обеспечения единства измерений) признаются действительными до 01 января 2026 года. Гармонизация в сфере технического регулирования и стандартизации осуществляется в Республике с 2016 года, и включает в себя, в том числе, применение стандартов Российской Федерации в различных отраслях экономики.

С 01 января 2023 года в Донецкой Народной Республике будет применяться законодательство Российской Федерации о налогах и сборах, при этом Закон предусматривает возможность некоторых ограничений и особенностей, которые могут применяться в Республике в 2023 году. Стоит отметить, что республиканское налоговое законодательство существенно отличается от налогового законодательства России. Налоговая система Республики является двухуровневой (местные и республиканские налоги), в то время как теперь она должна преобразоваться в трёхуровневую (федеральный, региональный и местный уровни). Кроме того, в Республике отсутствуют некоторые обязательные платежи, которые существуют в Российской Федерации: налог на добавленную стоимость, налог на имущество, торговый сбор и другие. Введение их на территории Республики, перестроение и адаптация налоговой системы и бизнес-процессов должно быть поэтапным и потребует определенного времени. В данный переходный период целесообразным будет применение налоговых льгот для субъектов хозяйствования, например, освобождение от уплаты НДС, пониженные ставки налогов.

Также Законом регулируются отдельные сферы предпринимательской деятельности, в частности, банковской сферы, оборота недвижимости, топливно-энергетического комплекса, услуг связи и т.д. Важно отметить, что для всех них установлен переходный период и специальные условия, которые позволят привести систему Республики в соответствие с законодательством Российской Федерации.

Заключение. Таким образом, процесс интеграции Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации предполагает поэтапное вхождение Республики в экономическую среду Российской Федерации. Наиболее важным и актуальным этапом, при этом, является разработка и внедрение правовых механизмов, которые позволят субъектам предпринимательской деятельности Донецкой Народной Республики стать полноценными участниками российского бизнеса. Это может выражаться в льготах и сниженных ставках налогообложения, послаблении государственного контроля и надзора, дерегулировании

некоторых видов деятельности и т.д. Установление более лояльных условий для предпринимательской деятельности в Республике в течение срока действия переходного периода, на наш взгляд, позволит предпринимателям адаптироваться, и показать хорошие экономические результаты.

Список литературы

1. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики : Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/ (дата обращения: 06.10.2022). – Текст : электронный.
2. Российская Федерация. Законы. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33. – Ст. 3431.
3. Российская Федерация. Законы. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.

УДК 349.2:331.45

ОХРАНА ТРУДА ЖЕНЩИН И ЛИЦ С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Тишаков М. П., канд. юрид. наук, ***Шведченко С. А.***

Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Ростов-на-Дону, РФ
bfhvjd28675@gmail.com

Введение. Одной из главных задач социального государства является создание условий, гарантирующих достойный уровень жизни и свободное развитие граждан. Данный принцип закреплен в статье 7 Конституции Российской Федерации, которая является фундаментальной основой обеспечения прав и свобод человека. Вместе с тем существующее социальное обеспечение требует дальнейшего реформирования, соответствия передовым международным стандартам, удовлетворения социальных потребностей граждан. В связи с этим все более актуализируются вопросы охраны труда лиц с семейными обязанностями.

Основная часть. Термин «лица с семейными обязанностями» детализирован Конвенции МОТ №156, который включает в себя – мужчин

и женщин, имеющих семейные обязанности по отношению к детям находящимся на их иждивении, когда такие обязанности ущемляют возможности этих лиц в продвижении экономической деятельности. Также к лицам с семейными обязанностями относят работающих женщин и мужчин, имеющих обязанности в отношении ближайших родственников, членов их семей, нуждающихся в помощи и уходе, как и в первом случае, такие обязанности ограничивают возможность продвижения и участия в экономической деятельности.

Таким образом, на международном уровне закреплены основы политики социального государства по поддержке женщин и лиц с семейными обязанностями. Помимо упомянутой Конвенции МОТ № 156, стоит также отметить и Конвенцию №103 «Об охране материнства» 1952 года. В части 1 статьи 3 которой, за женщиной закрепляется право на отпуск по беременности и родам. В Российской Федерации нормы о регулировании труда женщин и лиц с семейными обязанностями закреплены в Трудовом кодексе РФ в главе 41 «Особенности регулирования труда женщин и лиц с семейными обязанностями» и в статьях 70 и 122.

Особенности правового регулирования труда женщин и лиц с семейными обязанностями, выражаются в ограничении труда женщин на тяжелых работах, а также работах с вредными или опасными условиями труда, подземных работах, кроме работ без применения физической силы, в том числе работ по санитарному и бытовому обслуживанию. В России предусмотрены нормы, которыми может воспользоваться женщина для защиты своих интересов. Например, в соответствии с требованиями статьи 261 Трудового кодекса, которые гласят о том, что расторжение трудового договора по инициативе работодателя с беременной женщиной не допускается, женщина подлежит восстановлению на работе в прежней должности с момента увольнения, при этом с работодателя взыскивается средняя заработная плата за весь период декретного отпуска.

В соответствии с Конвенцией МОТ №156 одной из основных целей национальной политики государств, является возможность осуществления лицами с семейными обязанностями оплачиваемой работы, а также реализация своих прав, без какой-либо дискриминации и в равной степени сочетая семейные и профессиональные обязанности. Например, в Великобритании в Законе о трудовых правах 1996 года был введен запрет на ущемление по возрасту, религии, убеждений, а также пола, расы и инвалидности. Работник, по данной норме, вправе обжаловать безосновательное увольнение. В числе причин для увольнения, побудивших безусловное признание работника несправедливо уволенным относится беременность, рождение ребенка и исполнение семейных обязанностей (ст. 99 Закона) [1, с. 52].

В Швеции согласно Закону о запрете дискриминации (2008:568), не допускаются любые виды ущемления человека. Наниматели и работники в

своих усилиях по достижению равенства в трудовой жизни должны способствовать созданию одинаковых возможностей для изменения уровня заработной платы как мужчин, так и для женщин.

Также высокий процент занятости женщин и в Дании, где в политике государства предусмотрена помощь не только женщинам, но и мужчинам, для того чтобы они взяли на себя больший пласт обязанностей по ведению дел дома, воспитанию ребенка, что в свою очередь способствует открытию доступа женщинам на рынок труда. То есть в зарубежных странах задачей государства, является создание условий для обеспечения баланса интересов женщин и лиц с семейными обязанностями и работодателей.

В Российской Федерации на современном этапе проблемам обеспечения занятости женщин и лиц с семейными обязанностями уделяется особое значение. Так, в 2014 году были приняты ряд изменений в трудовом законодательстве. В дополнении к этому Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 года определена категория лиц с семейными обязательствами, а также уточнено понятие «лиц воспитывающих детей без матери».

Однако, несмотря на это существует потребность разрешения вопросов, связанных с режимом гибкого рабочего времени. Так согласно Рекомендации МОТ от 23.06.1981 г. № 165 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящихся с семейными обязанностями» необходимо обеспечить предотвращение дискриминации путем более гибкого регулирования рабочего времени для указанной категории граждан. К примеру, в Великобритании, в соответствии с Законом «О занятости» 2002 г., за работниками, имеющими детей до 6 лет, закреплено право требовать от работодателя гибкого графика работы. Работодатель обязан предоставлять такую работу, право отказа на подобные запросы работников определяется лишь в отношении отдельных видов деятельности [2].

Российское законодательство предусматривает, что работодатель может, но не обязан устанавливать для женщин режим гибкого рабочего времени. Из этого следует, что в Трудовом кодексе РФ должна быть закреплена именно императивный характер установления гибкого графика работы для беременных женщин и женщин имеющих детей в возрасте до 14-ти лет [3, с. 19].

Заключение. Таким образом, проведенный сравнительный анализ охраны труда женщин и лиц с семейными обязанностями в российском и зарубежном законодательстве свидетельствует о необходимости более пристального внимания данным вопросам в Российской Федерации.

Из анализа законодательства зарубежных стран видно, что реализация задач по интенсивному включению женщин в трудовую деятельность, не должно идти в ущерб семейным ценностям. Одновременно с этим происходит реализация политики по предоставлению мужчинам права на

неполное рабочее время, для того чтобы они могли быть равны в своих семейных правах и обязанностях с женщинами.

Российское законодательство в целом соответствует международно-правовым стандартам охраны труда, однако многие из перечисленных норм не реализуются на практике, а нововведения обеспечивающие эффективную защиту прав и законных интересов женщин и лиц с семейными обязанностями не действуют в полной мере. Необходимо использовать опыт зарубежных стран, что позволит в корне изменить и усовершенствовать отечественное законодательство в сфере охраны труда женщин и лиц с семейными обязанностями.

Список литературы

1. Воронкова Е.Р. Расторжение трудового договора по инициативе работодателя по законодательству о труде в Великобритании / Е.Р. Воронкова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2012. – №1. – С. 49-53.
2. Закон «О занятости». – Текст: электронный // Парламентский акт Соединенного Королевства: официальный сайт. – 2002. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/22/section/20> (дата обращения 29.09.2022)
3. Корсаненкова Ю.Б. Проблемы правового регулирования социально-трудовых прав беременных женщин и женщин с детьми / Ю.Б. Корсаненкова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2013. – №1. – С. 16-22.

УДК 34.096

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЙ, СОЗДАНЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Финкина А. П., Бережная А. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
av.berezhnaya12@gmail.com

Введение. В XVII в. был изобретен паровой двигатель, и это событие считается точкой отсчета Первой промышленной революции, существенно сократившей физическое участие работников в производстве. На данный момент ученые говорят о Четвертой промышленной революции [1]. Ее движущий компонент – цифровые технологии и внедрение искусственного интеллекта во все отрасли экономики. Так, научно-технический прогресс поставил следующий вопрос: «Можем ли мы автоматизировать творчество?»

В данной работе исследован процесс генерации изображений искусственным интеллектом по модели text-to-image с целью установления охраноспособности таких изображений как объектов авторских прав с точки зрения действующего российского законодательства.

Основная часть. Чтобы дать оценку результатов работы искусственного интеллекта, рассмотрим механизм генерации изображения по модели text-to-image. Изображение создается нейросетью – математической моделью, построенной по примеру нейронной системы человеческого мозга и имеющей программное воплощение. Нейросети являются разновидностью моделей так называемого «машинного обучения» и работают следующим образом. Представим нейросеть как некий «черный ящик». Разработчики будущей модели загружают в этот ящик данные – материал для обучения; впоследствии добавляются признаки и выстраиваются алгоритмы – пути решения задач. В результате обработки запросов по заданным алгоритмам нейросеть выдает определенный результат. Чем больше операций проделывает нейросеть, тем лучше конечный результат.

Пользователь не видит работу нейросети. Чтобы получить изображение, он должен выполнить только одну задачу – составить промт (от англ. prompt – подсказка), т.е. текстовое описание характеристик изображения. На данный момент существуют различные уровни взаимодействия нейросетей с пользователями. Одни предлагают пользователям углубиться в понятный программе язык и «закодировать» подсказку для нейросети ключевыми фразами, чтобы полученный результат наиболее соответствовал их ожиданиям (Midjourney); другие выдвигают на первый план не технологичность, а простоту в использовании (ruDALL-E). Независимо от прилагаемых усилий, через несколько минут ожидания пользователь видит на экране готовое изображение в формате, доступном для сохранения в память компьютера.

Переводя понятие «нейросеть» в терминологию Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), отметим, что это программа для ЭВМ, которая является самостоятельным объектом интеллектуальных прав (подпункт 2 пункта 1 статьи 1225 ГК РФ).

В статье 1261 ГК РФ говорится, что программа для ЭВМ – это не только данные и код, но и порожденные программой аудиовизуальные отображения [2]. Чисто технически сгенерированное нейросетью изображение – действительно результат функционирования программы, выведенный на внешнее устройство. Однако в указанной статье подразумевается скорее интерфейс программы и графика, заложенная в программу ее создателями и необходимая для ее функционирования.

При генерации изображений на основе промта присутствует фигура автора, не принадлежащая к кругу разработчиков нейросети и претендующая на создание самостоятельного результата интеллектуальной деятельности.

Можно ли считать созданные нейросетью изображения самостоятельными объектами авторских прав?

В соответствии с положениями статей 1257, 1259 ГК РФ, для признания результата интеллектуальной деятельности объектом авторских

прав, необходимы две предпосылки: 1) объективная форма выражения такого результата; 2) творческий характер труда автора. При этом, по общему правилу, охране подлежат любые произведения, независимо от их достоинств и назначения, а также оригинальности и новизны [3].

Проанализируем соответствие изображений, созданных по модели text-to-image, этим критериям.

Объективная форма выражения в аутентичном толковании подразумевает под собой возможность восприятия органами человеческих чувств, а также воспроизводимости. Хотя цифровая форма изображения подразумевает его существование в бинарном коде, нельзя поставить под сомнение возможность восприятия такого изображения человеком через зрительную систему после обработки программой, и технологическую возможность копирования. В целом, исходя из характера взаимодействия пользователей с цифровыми изображениями, такая форма их выражения признается объективной.

Хотя творческий характер того или иного произведения презюмируется, приведем формальные доказательства его соблюдения. Часть четвертая ГК РФ построена на субъективном подходе к определению творчества [4, с. 76]: этот критерий применяется не столько к результату, сколько к труду создателя.

Согласно пункту 1 статьи 1228 ГК автором результата интеллектуальной деятельности является гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. При этом творческой деятельностью не считается исключительно техническое, консультационное, организационное, материальное содействие или контроль за выполнение работы. В связи с этим необходимо отметить, что для соответствия конечного изображения определенной цели составление промта может занять продолжительное количество времени. Как правило, исходный промт корректируется пользователем несколько раз на основе оценки промежуточных результатов работы нейросети.

Объективный подход к критерию творчества построен на свойстве «неповторимости». Исходя из действующего уровня развития техники, нейросеть не может создать два абсолютно идентичных изображения из разных промтов (пускай даже похожих). Следовательно, полученное изображение будет достаточно оригинальным.

Исходя из описанного процесса взаимодействия пользователя с нейросетью его труд должен быть приравнен к творчеству с использованием технических инструментов. Обращаясь к правовому режиму фотографий, считаем, что выработанные практикой правила по аналогии должны быть применены и к изображениям, созданным искусственным интеллектом. Несмотря на существенное уменьшение усилий и временных затрат на создание изображения, сохраняется необходимость хотя бы в минимальном творческом вкладе автора в воплощение идеи.

Заключение. На основе анализа технических аспектов создания искусственным интеллектом изображений по модели text-to-image сделан вывод об охраноспособности таких результатов как произведений изобразительного искусства. При этом искусственный интеллект остается инструментом в руках автора, который не исключает его творческий вклад в создание нового объекта.

Список литературы

1. Klaus Schwab. The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum, 2016. ISBN-13: 978-1-944835-01-9
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://clck.ru/32DVdR> (дата обращения: 01.10.2022).
3. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 10 от 23 апреля 2019 г. «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/27773/?ysclid=l8q9h18ayq845780450> (дата обращения: 01.10.2022).
4. Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 367 с. – ISBN 978-5-8354-1326-3.

УДК 347.447

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Финкина А. П., Олейникова А. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
a.finkina@donnu.ru

Введение. Практически каждый человек хотя бы раз становится потребителем платных медицинских услуг, получая те или иные медицинские услуги в медицинских учреждениях, и для того, чтобы потребитель мог обратиться за защитой своих нарушенных прав, надо, чтобы он знал о том, какие именно способы защиты прав потребителей у него есть. Проблема защиты прав потребителей медицинских услуг представляет собой комплексный, многоаспектный предмет обсуждения, который непосредственно связан с защитой граждан государства и их конституционным правом на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Основная часть. Гражданско-правовая ответственность представляет собой самостоятельный вид юридической ответственности, который заключается в применении государственного принуждения к

правонарушителю путем лишения лица определенных благ или возложения обязанностей имущественного характера.

Поскольку гражданско-правовая ответственность является разновидностью юридической ответственности, ей присущи общие признаки последней (государственное принуждение, общественное порицание, негативные последствия для правонарушителя).

В то же время исследователи вопроса гражданско-правовой ответственности выделяют характерные черты этого вида ответственности.

Так, выделяют следующие особенности гражданско-правовой ответственности:

- гражданско-правовая ответственность – это не просто санкция за правонарушение, а такая санкция, которая влечет для правонарушителя соответствующие негативные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения на него новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей;

- восстановительная функция этого вида ответственности. Гражданская ответственность направлена не на наказание правонарушителя, а на восстановление (компенсацию) субъективного гражданского права потерпевшего лица;

- имущественный характер. Гражданско-правовая ответственность направлена на имущественную сферу правонарушителя и не затрагивает его личного статуса;

- возложение на правонарушителя дополнительных обременений. Дополнительные гражданско-правовые обязанности могут иметь различный характер: нарушитель чужого права должен компенсировать причиненный потерпевшему вред и таким образом восстановить нарушенное право; независимо от возмещения ущерба нарушитель может быть привлечен к гражданско-правовому наказанию в виде неустойки (штрафа или пени).

Аналогичным образом очерчивают круг особенностей гражданско-правовой ответственности А. А. Ветрова, которая отмечает следующее:

- во-первых, гражданско-правовая ответственность носит имущественный характер, то есть ее применение всегда связано с возмещением убытков, взысканием причиненного ущерба, уплатой неустойки;

- во-вторых, особый субъектный состав – правонарушитель несет ответственность перед потерпевшим, следовательно, сторонами правоотношений, связанных с применением гражданско-правовой ответственности выступают участники гражданско-правовых отношений. В научной литературе отмечается, что в гражданско-правовом обороте нарушение обязанностей одним лицом всегда влечет за собой нарушение прав другого лица. В связи с этим применением имущественных санкций должно обеспечить восстановление или компенсацию нарушенного права потерпевшего лица;

– в-третьих, применение мер гражданско-правовой ответственности, по сути, не преследует цель наказания или воспитания правонарушителя (что имеет место в случае привлечения к административной или уголовной ответственности). В данном случае объем возмещения должен быть равен объему причиненного вреда, то есть должен восполнить неблагоприятные последствия действий нарушителя за его счет. Так, гражданское законодательство в качестве общего правила устанавливает полную ответственность нарушителя, т.е. полное возмещение причиненных потерпевшему убытков [1, с. 22].

М. В. Болотина отмечает, что при оказании медицинских услуг в процессе диагностики и лечения пациента, в связи с использованием необходимого оборудования, инструментария, веществ, представляющих собой источники повышенной опасности (рентгеновские и лазерные установки, сильнодействующие лекарственные средства и тому подобное), не исключено развитие осложнений [2, с. 13]. В связи с этим, признав за медицинской услугой правовой режим, аналогичный режиму источника повышенной опасности – деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих (ст. 1079 Гражданского Кодекса Российской Федерации – ГК РФ), моральный вред должен компенсироваться гражданам вне зависимости от наличия вины исполнителя медицинской услуги [3].

Однако рассмотрение рентгеновских и лазерных установок, сильнодействующих лекарственных средств в качестве источника повышенной опасности не получило рассмотрения в законодательстве.

Ж. Б. Иванова на основании анализа нормативных правовых актов, судебной практики и юридической литературы источник повышенной опасности определяет как объект материального мира, который:

- 1) используется в деятельности юридических или физических лиц;
- 2) имеет вредоносные свойства, опасные для жизни и здоровья человека;
- 3) может создать риск причинения вреда окружающим;
- 4) не поддается полному и всеобъемлющему контролю над ним со стороны человека, несмотря на принятие им всех возможных мер предосторожности [4, с. 81].

Также статья 1079 ГК РФ содержит особенности возмещения в целом вреда, а не только морального вреда или имущественного ущерба.

Заключение. Таким образом, поддержана позиция М.В. Болотиной относительно необходимости признания за медицинской услугой режима повышенной опасности, однако не в отношении всех медицинских услуг, например, рентгеновские и лазерные установки не поддаются полному и всеобъемлющему контролю со стороны человека, и потому могут рассматриваться в качестве источника повышенной опасности. В свою очередь, установка пломбы полностью зависит от действий человека и его

профессионализма. В таком случае при оказании медицинских услуг в процессе диагностики и лечения пациента, в связи с использованием оборудования, являющегося источником повышенной опасности, вред должен компенсироваться гражданам вне зависимости от наличия вины исполнителя медицинской услуги.

Список литературы

1. Ветрова А.А. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности / А. А. Ветрова // Философия права. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России. – 2013. – № 3. – С. 22-24.
2. Болотина М.В. Гражданско-правовое регулирование прав потребителей при оказании медицинских услуг: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Болотина Марина Владимировна. – М., 2009. – 26 с.
3. Иванова Ж.Б. Понятие источника повышенной опасности в нормативных документах и в судебной практике / Ж.Б. Иванова // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. – 2017. – № 23. – С. 81-85.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации N 51-ФЗ от 30 ноября 1994 г. – Текст: электронный. – 2022. – URL: <https://consultant.ru> (дата обращения: 01.10.2022).

УДК 346.32

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕДУРЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ДОГОВОРА

Харжевская Т. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
t.kharzhevskaya@donnu.ru

Введение. В условиях рыночной экономики основным инструментом регулирования взаимоотношений субъектов коммерческой деятельности является предпринимательский договор, который определяет права и обязанности сторон, их ответственность.

Следует отметить, что в нормах действующего законодательства не закреплено понятие «предпринимательский договор», а, следовательно, дать правовую характеристику возможно, применяя положения иных договорных конструкций по аналогии.

Основная часть. Предпринимательский договор в литературе определяется различно в зависимости от взгляда на место предпринимательского права в общей теории правовых наук: одни ученые признают его разновидностью гражданского – правового договора, другие

отстаивают его самостоятельность, указывая на тот факт, что он выходит за пределы гражданско-правового регулирования, а третьи считают его комплексным правовым институтом, сочетающим в себе нормы частноправовых и публичных начал.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР) [1], гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено ГК ДНР.

Вопрос о предпринимательском договоре как о самостоятельной единице в системе гражданско-правовых договоров, в настоящее время открыт, и единого мнения ученых нет. Предполагается, что именно сфера использования договора выступает основным квалифицирующим признаком.

Целью предпринимательского договора является систематическое получение прибыли. Нужно отметить, что систематичность не имеет никакого отношения к самой деятельности. Систематическое получение прибыли – это цель данных договоров, поэтому нет оснований каким-либо образом разделять понятие систематичности в ст. 2 ГК ДНР на характер деятельности и на цель такой деятельности.

Процедура заключения предпринимательских договоров аналогична процедуре заключения гражданско-правовых договоров [2, с. 42–47]. Одна сторона отправляет предложение контрагенту на заключение договора (оферты), а контрагент, принявший предложение, принимает его (т.е. принимает предложение) [3].

Договор между сторонами заключается в двухэтапном порядке. Первый этап – преддоговорный, второй – непосредственное заключение соглашения, когда на предыдущем этапе стороны достигли договоренности по всем аспектам.

При принятии ГК ДНР, по опыту Российской Федерации, была введена статья 543 «Переговоры о заключении договора» [4]. В данной статье установлены требования к добросовестному поведению сторон на стадии переговоров о заключении договора, презумпция недобросовестного поведения при определенных обстоятельствах, последствия в виде возмещения убытков недобросовестной стороной, запрет требовать возмещение убытков с потребителей (т.е. с граждан, которые признаются таковыми в соответствии с законодательством о защите прав потребителей) в переговорных отношениях, а также режим

конфиденциальной информации в данной стадии, введено понятие «соглашение о порядке ведения переговоров» и основные его положения.

В указанной статье также закреплено правило о том, что ее положения применяются независимо от того, заключен ли договор по результатам переговоров или нет, и правила о том, что положения данной статьи не исключают применения к переговорным отношениям правил об установлении обязательств вследствие причинения вреда.

В отличие от Донецкой Народной Республики, в положениях 19-21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение судом обязанностей» содержатся положения об ответственности за недобросовестную практику ведения приговоров, что считается удачным. Разъясняется, на ком лежит бремя доказывания добросовестности либо недобросовестности поведения контрагента, указаны способы защиты нарушенного права при предоставлении неполной, либо недостоверной информации, либо умолчании о существенных обстоятельствах, которые должны были быть представлены другой стороной. Считается, что данное положения законодательства необходимо перенять для законодательства ДНР.

Список литературы

1. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР № 81-ПНС от 13.12.2019 г. (по состоянию на 16.04.2022 г.) // Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – дата обращения: 02.10.2022
2. Белов, В. А. Изменения и дополнения положений Гражданского кодекса РФ о перемене лиц в обязательстве (общий обзор и комментарий / В. А. Белов // Закон. – 2019. – № 9. – С. 42-47.
3. Суханов Е.А. Гражданское право. Уч. в 4-х томах. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – 576 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Рос. газ. – 2015. – № 140. – 23 июня.

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТ НЕДВИЖИМОСТИ ВОЗНИКШЕЕ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА

Шульга Р. Р., канд. юрид. наук, доц.,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ

regina1077@mail.ru

Введение. Право собственности неразрывно связано с объектом собственности и является производным от процесса завладения таким объектом. Любое лицо, которое имеет во владении объект недвижимости, не может считаться его собственником, если эти отношения не получили необходимого оформления или закрепления, чаще всего в виде государственной регистрации. При этом любое лицо, которое имеет физический контроль над объектом недвижимости приобретает возможность использовать его в своих интересах и с целью удовлетворения социально-экономических потребностей. При этом отсутствие права собственности на такой объект или наличие такого права у третьих лиц чаще всего наносит вред интересам лица, реально владеющим таким объектом, что в условиях построения нового государства является совершенно объективным процессом, поскольку перманентный характер имеет процедура перераспределения активов и ресурсов, и в том числе объектом недвижимого имущества.

Данная проблематика получила толчок к решению с принятием Гражданского кодекса ДНР, однако, отношения собственности являются доминирующими и были присущи развитию общественно-политического процесса в республике и до принятия кодекса. Итак, на сегодняшний день существует ситуация, при которой необходимо подтвердить наличие титула собственности большей части населения республики, которое приобретало такое право собственности на недвижимость. Поэтому цель данной статьи заключается в поиске механизма подтверждения указанного титула в пределах правового регулирования, которое определяется указанным кодексом.

Основная часть. Вообще говоря, системный анализ положений Гражданского кодекса ДНР демонстрирует их частичную бланкетность касательно процедуры приобретения права собственности на объекты недвижимости и закрепление такого права государством.

Во-первых, процедура государственной регистрации имущественных прав существовала и до принятия Гражданского кодекса ДНР, особенно что касается объектов недвижимости, что напрямую связано с необходимостью решения жилищного вопроса населения.

Во-вторых, сама по себе процедура такой регистрации и приобретения самого пара собственности на недвижимость является по своей правовой природе процедурой реализации принципиальных позиций и гражданских прав населения. А, следовательно, она отображается на уровне подзаконных нормативных актов, которые имеют, по сравнению с кодексом, упрощенную процедуру принятия и изменения.

В-третьих, основная ценность самого Гражданского кодекса заключается в установлении не только общих правил и принципов реализации отношений собственности, но и системы государственных гарантий признания и защиты таких прав. Именно данный аспект является ключевым, поскольку определяет отношение государства к процессу признания или самому факту признания права собственности на недвижимость за своими гражданами, даже если приобретение такого права происходило в условиях правового вакуума, в отсутствии законодательного обеспечения соответствующих сделок и процедур.

В этой связи необходимо обратить внимание на позиции В. В. Кулаковского и Е. В. Костенко, которые независимо друг от друга приходят к ряду интересных выводов. Так, исследователи выделяют две основные позиции:

государственная регистрация объекта, как объекта недвижимости, приводит к его признанию недвижимостью;

государственная регистрация не имеет правоустанавливающей силы, предполагается лишь фиксация сложившегося права, что порождает недействительность записи в реестре в случае признания объекта движимым [2; 3].

То есть, государственная регистрация является правоустанавливающей процедурой перехода права, но не является правовой фикцией, заменяющей объективно существующую недвижимость. Это означает, что в условиях, до принятия Гражданского кодекса, отношения собственности и в частности собственности на объекты недвижимости существовали в силу объективной необходимости реализации гражданами своих вещных, имущественных и жилищных прав. И хотя приобретение права собственности могло происходить в способ, который на сегодняшний день не отражен в Гражданском кодексе, но совокупность правовых процедур и реальных действий лица дает возможность говорить о надлежащем завладении, добросовестном использовании и распространении своей правовой воли на данный объект недвижимости в отсутствие воли любого другого лица, в том числе и государства.

Безусловно, республиканское Правительство еще должно определить судьбы огромного количества бесхозного имущества, и в том числе объектов недвижимости, провести соответствующий аудит таких объектов и решить их дальнейшую судьбу, уже основываясь на нормах

Гражданского кодекса. Однако, в отношении того имущества, которым фактически владеют граждане республики, в независимости от характера и природы сделки или правоотношений, по результатам которых они приобрели соответствующий титул или распространили его на такой объект недвижимости, государство должно признать его [титул].

С одной стороны, возникает вопрос законности сделки. Но поскольку Гражданский кодекс не имеет обратного действия во времени, а сам факт владения лицом объекта недвижимости никем не оспаривается, то государство не может ограничить по своей воли право гражданина, который им владеет (в понимании доктрины науки гражданского права), а, следовательно, обязано провести регистрацию за ним такого объекта недвижимости. Фактически государство встает на защиту прав собственности своих граждан, а принятие Гражданского кодекса лишь формализует и четко детерминирует процедуру, по которой такая защита будет осуществляться.

В тоже время, отсутствие в Гражданском кодексе переходных положений относительно признания титула собственности на объекты недвижимости говорит о том, что государство решает данную проблему по умолчанию, то есть, признает возникшее право за своими гражданами.

Заключение. Таким образом, мы можем сделать следующие важные выводы:

Во-первых, при отсутствии спора относительно объекта недвижимости находящегося во владении лица и при его желании зарегистрировать полноценное право собственности на него, государство должно считать о том, что такая недвижимость принадлежит гражданину на законных основаниях.

Во-вторых, государство путем регистрации права собственности в соответствующем реестре вещных прав признает комплекс обязанностей по защите такого права граждан, и такая защита осуществляется уже исключительно в рамках и способах, предусмотренных Гражданским кодексом, что и является его дополнительной утилитарностью.

Список литературы

1. Гражданский кодекс ДНР: Кодекс от 13.12.2019 № 81-ІІНС. – URL: <http://npa.dnronline.su/2019-12-17/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki.html>
2. Костенко Е. В. Современные проблемы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним / Е. В. Костенко // Молодой ученый. – 2021. – № 11 (353). – С. 96-98
3. Кулаковский В. В. Проблемы государственной регистрации права собственности на трансформированные недвижимые объекты // Имущественные отношения в РФ. 2018. № 1 (196). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-gosudarstvennoy-registratsii-prava-sobstvennosti-na-transformirovannye-nedvizhimye-obekty>

Теория и история государства и права

УДК 340.14

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ПРИНЦИП ПРАВА»

Герасименко Ю. В., Базака В. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
viktoriabazaka@yandex.com

Введение. Правовая система Донецкой Народной Республики сейчас переживает структурную трансформацию, одной из форм которой является активная нормотворческая деятельность. Количественные достижения не всегда дополняются качественными показателями, что вынуждает ученых к исследованию возможностей и способов создания усовершенствованных нормативных актов. Среди таких способов центральное место занимают принципы права, что придает актуальность теме нашего исследования.

Юридический термин «принцип» берёт своё начало еще в римском праве. «Принцип» переводится с латинского (лат. *prīncipium*) как основа, руководящая идея, исходное положение какого-либо явления. Римские юристы считали, что «принцип – важнейшая часть всего» (*prīncipium est rotissima pars cujunque rei*). Добавим, что разработка определения общеправовых принципов права в отечественной правовой науке берёт своё начало во второй половине прошлого столетия, и до сих пор эта тема не потеряла своей актуальности.

На данный момент в отечественной юридической терминологии понятие «принцип права» широко употребляется, как в нормативных актах, так и в юридической литературе, но единого определения понятия не выработано. Гревцов Ю. И. в своих работах категорию «принцип права» относит к важным понятиям в теории государства и права, которые регулируют различные общественные отношения, а значит, принципы права призваны служить на практике [1, с. 21].

В отечественной теории права понятие «принцип права» так и не вышло за рамки интуитивных представлений ученых-правоведов и практиков. Стоит отметить, что всё чаще употребляются в трудах юристов словосочетания «принципы права», «правовые принципы», которые посвящены изучению проблем государства и права. В связи с этим, мы не можем не согласиться с мнением учёных, которые считают, что «на сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что термин «общеправовые принципы» прочно вошел в арсенал юридической науки» [2, с. 98].

Основная часть. В отечественной юридической среде и за рубежом распространено мнение о принципах права, как об основополагающих, руководящих идеях и началах, что является абстрактным феноменом, чёткой формулировки нет.

Так Л. С. Явич определяет принципы права, как исходные идеи, которые находятся в основе правовой действительности, пронизывают общественные отношения в сфере права, выражающие, основные устои существующего экономического строя, как базовую основу социума, в котором действуют данные принципы.

Учёный-правовед С.С. Алексеев определяет в своих трудах принципы права, как «...выражение в праве исходных нормативно-руководящих начал, характеризующих его содержание, закреплённые в нём правомерность общественной жизни, которые руководят различными общественными отношениями». Схожей позиции придерживается С. Ю. Лаврусь, который под принципами права подразумевает «сформулированные в нормативно-правовых предписаниях либо выводимые из них начальные идеи и идеалы, которые выражают сущность права» [3, с. 58].

По мнению Н. В. Варламова, приведенные выше определения имеют абстрактный характер, который приводит к восприятию принципов права как субъективных желаний ученых достичь чего-то лучшего и идеального, не наделённых конкретной формой выражения [4, с. 301].

Однако, на наш взгляд, незаслуженно мало уделяется внимание точке зрения, где смысловое содержание категории «принцип права» употребляется в значении «требование к чему-либо». Семантическое значение категории «принцип» в отношении правовых явлений, определил Г. А. Борисов. В своих работах ученый отмечал, что под юридическим принципом следует понимать обусловленное природой государства обобщенное требование к системе социальных связей и юридическим формам их опосредования, которые являются способом и формой отражения правовых и государственных закономерностей.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день единого определения понятия «принцип права» в юридической науке не существует. Наиболее распространенная трактовка принципа права как исходного начала правового явления носит абстрактный характер и представляет сложности в формальном определении. Наиболее точным определением этого термина нам представляется трактовка этого понятия через закреплённые в нормативных актах требования к системе правового регулирования общественных отношений.

Список литературы

1. Гревцов Ю. И. Беспринципность в империи права // Материалы всероссийской научно-теоретической конференции. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 21-25.

2. Алексеев С. С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права : курс лекций в 2 т. – Т. 1. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – 396 с.
3. Скурко Е. В. Принципы права : монография. – М.: Ось-89, 2008. – 192 с.
4. Общая теория государства и права : академический курс в 3 т. / под ред. М. Н. Марченко. – Изд. 3-е. – М. Норма, 2007. – 2096 с.

УДК 34.01(470)

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Герасименко Ю. В., Петренко Е. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
canc@donnu.ru

Введение. Современный кризис духовности сопровождается переоценкой нравственных ориентиров, идеалов и ценностей. Кризис наблюдается в правовом сознании граждан: правовой нигилизм, юридический беспредел, низкий уровень правовой культуры стали, к сожалению, привычными явлениями на сегодняшний день. К актуальным вызовам современности следует отнести также утрату самобытности государств на фоне общей глобализации. Национальное правосознание является залогом сохранения индивидуальности государств, поэтому одной из приоритетных задач современного общества является повышение правовой культуры и правосознания граждан, где основным инструментом в этом процессе выступает правовое воспитание. Особенно необходимо уделить внимание правовому воспитанию молодежи, ведь от того, какие ценности и идеалы будит привиты молодому поколению, зависит будущее государства. Как отмечал русский философ И. А. Ильин: «Незнание положительного права ведет неизбежно к произволу сильного и запуганности слабого» [1, с. 161].

Основная часть. Правовоспитательный процесс характеризуется следующими основными проблемами:

1) Регресс организованных форм обучения, в рамках которых проводятся правовоспитательные мероприятия;

2) Кризис института семьи. Родители с низким уровнем правосознания и правовой культуры не могут воспитать своих детей в духе закона, в результате чего дети наблюдают неправовую сторону отношений и становятся свидетелями разрешения вопросов с точки зрения силы. И. А. Ильин отмечал, что «Семья есть первая, естественная школа свободы: в ней ребенок должен в первый, но не в последний раз в жизни

найти верный путь к внутренней свободе; принять из любви и уважения к родителям все их приказы и запреты во всей их кажущейся строгости, вменить себе в обязанность их соблюдение, добровольно подчиниться им и предоставить своим собственным воззрениям и убеждениям свободно и спокойно созреть в глубине души» [2, с. 140];

3) Разрушение механизма социально-культурной преемственности. Переориентация духовных ценностей в нашем государстве привела к тому, что идет духовное и нравственное вырождение. Главными источниками такого разрушения являются пропаганда безнравственности и агрессии через СМИ и социальные сети, низкопоклонничество перед западными устоями и ценностями;

4) Экономическое расслоение общества с образованием значительной части социально малообеспеченных жителей, склонных к асоциальному поведению и преступности;

5) Отсутствие у государства четкой правовой идеологии. Наличие четкой и осмысленной национальной идеологии, выработка правовых ценностей и создание общей национальной идеи, которые должны стать объединяющими для всех граждан страны, является обязательным для государства;

6) Пренебрежение к правовым требованиям со стороны различных информационных изданий и телевизионных каналов, которое выражается в игнорировании правовых требований и запретов, норм этики, навязывании своего субъективного толкования политической ситуации, а также манипулировании общественным мнением и, как следствие, сознанием;

7) Пренебрежение к закону и правовым предписаниям. Большее воспитательное значение имеет повседневная практическая деятельность органов и их должностных лиц, которые нередко используют свои властные полномочия в целях личной выгоды, что противоречит законодательству и моральным установкам и ухудшает ситуацию вокруг правового воспитания, так как невозможно воспитать у человека уважение к ценностям, отсутствующим в сознании и деятельности людей публичных и властимущих.

Заключение. Для создания эффективной системы правового воспитания, которая будет способствовать повышению уровня правового сознания и правовой культуры граждан, требуется, помимо информирования, вести планомерное и целенаправленное воздействие на сознание человека, с целью введения его в правовую культуру и формирования определенных правовых установок, понятий, принципов, ценностных ориентаций, а также:

– разработать и принять государственную программу, которая будет направлена на постепенное, многоуровневое и систематическое развитие правовой культуры;

– создать территориальные (предусматривающие меры по развитию просвещения на определенной территории) методические центры, деятельность которых будет состоять в изучении уровня правовой просвещенности населения, разработке методических рекомендаций по распространению юридических знаний, информировании граждан всех слоев населения об их правах, обязанностях и реальных возможностях проявить себя в обществе, государстве, уважая себя и других членов общества, формируя при этом необходимые социальные ценности, и все это с использованием СМИ, с участием представителей образовательных учреждений, учреждений культуры, органов государственной власти и общественных объединений;

– обеспечить внедрение во всех типах учебных заведений учебных программ, которые будут включать в себя сочетание творческих разработок с повседневной практикой правового воспитания, а также проведение правовых олимпиад, кружков, круглых столов на тему права и значимых для общества ценностей;

– обеспечить проведение мероприятий по пропаганде законодательства гражданам по месту жительства, учащимся, работающим по месту работы, пенсионерам, путем проведения консультаций с активным участием судей, сотрудников прокуратуры, внутренних дел и т. д.;

– государство должно направить усилия на изложение благоприятствующих обществу ценностей через аудиовизуальное искусство.

– социальные сети призваны помочь в получении и освоении правовой информации. Государству необходимо обратить внимание на развитие доступных, качественных контентов правовой информации, формирование в сетевом обществе правовой среды, включающей правовые ценности, установки, цели.

Следует сказать, что в формировании и воспитании личности в правовом, социальном, гражданском аспекте участвует прежде всего семья. Первостепенными факторами в формировании личности выступают: морально-нравственная атмосфера внутри семьи, социальные установки, система ценностей семьи, нравственные идеалы, культура семейных традиций. Несомненно, они влияют и на юридически значимое поведение [3, с. 38–40].

Список литературы

1. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – Москва : Русская книга, 1994. – 624 с.
2. Ильин, И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – Москва : Институт русской цивилизации, 2011. – 1216 с.
3. Вологина, Т. В. Правовое воспитание и роль семьи в процессе социализации и формирования норм поведения / Т. В. Вологина // Общество и право. – 2014. – №4 (50). – С. 38-40.

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Косач Н. Е., канд. юрид. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

kosach@donnu.ru

Введение. В отечественном правоведении складывается концепция единой системы публичной власти. Конституционный суд Российской Федерации выявил понимание этого единства как единства функционального [1]. Целью данного исследования является определение сущности такого функционального единства.

Основная часть. Необходимо отметить, что научная литература по вопросам управления не обладает единством понятийного аппарата. Чаще всего, понятие «функция» употребляется в качестве вида деятельности, обязательного для сохранения системы. В рамках системы имеют значение именно функции и их следствия, а не элементы, выполняющие такую функцию. Функция может осуществляться разными способами и элементами. Главным выступает воспроизводство того результата, на основе данного вида деятельности, который необходим. К тому же, любая функция существует только по отношению к системе, по отношению к целому, частью которого она является. Поэтому рассматривая любую функцию необходимо указывать на систему, в которой она существует. Обычно выделяемые функции управления являются частью системы, объединяющей субъекта и объект управленческих воздействий, а также связи между ними [2, с. 91]. Эта общая характеристика функции конкретизируется на примере реального субъекта, осуществляющего управление.

При некоторых расхождениях относительно видов и субъектов публичной власти, есть общий подход к государственной и муниципальной власти как разновидности публичной. Государство, государственные органы, муниципальные образования, органы местного самоуправления, территориальные коллективы граждан (или территориальный публичный коллектив) вместе с некоторыми другими субъектами (в том числе негосударственными и немунципальными субъектами, реализующими делегированные публично-властные полномочия) рассматривают в качестве субъектов публичной власти [3, с. 67; 4, с. 43; 5, с. 134].

Большинство существующих конституций, отмечают, что именно население страны (народ) является источником власти, субъектом, от которого исходит власть и который дает возможность осуществлять управление обществом.

Публичная власть реализуется в процессе осуществления публичного управления. Система публичного управления представляет собой комплекс специальных субъектов и способов воздействия в рамках установленных процедур. С помощью, так называемого, институционализированного центра образуется система, которая должна обеспечить существование общества на конкретной территории. Такой центр координирует деятельность, распределяя и гарантируя выполнение функций управления. В этом и заключается функциональное единство системы публичной власти.

Существуют разные подходы к пониманию государства. Исходя из «кибернетического» (системного) и политологического подходов, формируется понимание государства в качестве одной из разновидностей систем публичного управления. Государство одновременно выступает её юридическим выражением и её центром.

Определяющим элементом в системе управления является его объект. Им управляют, в связи с ним возникает управление. Поэтому, не всякое действие органов управления является функцией управления, а лишь то, которое вызвано объектом, направлено на объект либо совершается в интересах объекта.

Однако в управлении, особенно публичном, объект не только подчиняется он и рассчитывает на аппарат управления, он «требует» от него должного поведения не менее чем вышестоящий орган управляющей системы. Это предполагает непрерывный информационный контакт субъекта и объекта управления. Во взаимосвязи сфер общественной жизни возникает общий ориентир их действий – цель, интегрировано выражающая общегосударственный интерес. В результате деятельность субъекта управления – не просто сумма действий, но целенаправленные действия, согласованные с интересами общества и возможностями, закономерностями объекта.

Содержание действия субъекта определяется с учетом специфики управляемой системы и назначения субъекта. Производственная сфера требует иных целенаправленных действий, чем сфера обслуживания или здравоохранения.

Орган функционирует не сам по себе, он должен получить результат – вызвать, обеспечить определенное состояние объекта, привести его к поставленной цели. Следовательно, функция управления не просто действие, но активное, целенаправленное воздействие. То есть у субъекта есть не только право влиять на объект, но и обязанность организовать достижение определенного результата.

Научные исследования в области управления подтверждают, что процесс управления осуществляется по единому алгоритму независимо от вида. Поэтому все вышеуказанное характерно для публичного управления.

Его система (как любая управленческая система) представлена такими элементами, как субъект и объект управления, властное,

целенаправленное, организующее воздействие субъекта на объект с помощью определенных способов и средств, обратные связи, то есть информация для субъекта об изменении состояния объекта.

В процессе взаимодействия объекта и субъекта проявляется природа управленческого воздействия, осуществляемого субъектом для приведения объекта в определенное, новое качественное состояние.

Таким образом, субъект властных полномочий – субъект публичного управления, а физическое или юридическое лицо – объект публичного управления. Иной субъект властных полномочий может выступить в качестве объекта публичного управления, а может и в качестве субъекта, если оба субъекта властных полномочий представляют отдельные подсистемы в общей системе публичного управления.

Заключение. Можно заключить, что функции управления в рамках единой системы управления предстают как функции управляющей подсистемы по отношению к управляемой подсистеме. Органы местного самоуправления, не входя в систему органов государственной власти, образуют вместе с ними единую систему органов публичной власти.

Список литературы

1. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-3. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037>
2. Старцев Я.Ю. Система государственного управления: Политический анализ. – Екатеринбург: Уральская академия государственной службы, 2001. – 288с.
3. Чиркин В.Е. Система государственного и муниципального управления. – М.: Норма, 2008 – 448 с.
4. Понкин И. В. Правовые основы, цели, принципы, инструменты, модели и концепты публичного управления. – Москва, 2016. – 251 с.
5. Особенности публичного управления в современной России: монография / под общ. ред. проф. Т. М. Резер. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 154 с.

УДК 342.59

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Косач Н. Е., канд. юрид. наук, доц., **Генне В. И.**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
kosach@donnu.ru

Введение. В любом обществе совместная деятельность не может осуществляться людьми в изоляции друг от друга. Поэтому истоки власти следует искать в самой необходимости человеческого сосуществования.

Вследствие этого возникает внутренняя потребность субординации, подчинения индивида единой общественной воле [1, с. 124]. Государственная власть представляет общество в целом и является основополагающим признаком государства.

В теории государства и права рассматривают реализацию государственной власти как процесс государственного управления. То есть, в качестве целенаправленного воздействия государства и его органов в целом на общество, а также на экономическую, социальную и духовную сферу с целью выполнения соответствующих задач и осуществления и функций. В качестве управленческого понятия рассматриваются и функции государства, выступающие основными направлениями государственной деятельности. Они конкретизируют цели государственного управления в практическом измерении [2, с. 133, 146, 147].

Государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную (статья 6 Конституции Донецкой Народной Республики) [3]. Целью статьи является выяснение степени вовлеченности органов разделенной государственной власти в осуществление функций государства как функций государственного управления.

Основная часть. Функция государства рассматривается в качестве основного и объективно востребованного направления деятельности, осуществляемого в одной из таких сфер общественных отношений, которые являются жизненно необходимыми. Такое направление деятельности выражает сущность и социальное назначение государства в обществе, имеет определенную цель и законодательную регламентацию [4, с. 16].

В правовой науке существует две основных классификации форм реализации функций государства. Первая исходит из системы органов государства и особенностей организации деятельности основных звеньев государственного механизма. В качестве критерия выступает единообразная по внешним признакам деятельность органов по реализации функций государства. Согласно данной классификации, в качестве таких основных форм рассматриваются: законодательная, управленческая (административная, исполнительная, распорядительная), судебная и контрольно-надзорная.

Во второй классификации критерием выступают способы деятельности государственной власти по осуществлению функций государства. Деятельность любой из структурных частей системы государственной власти может выражаться в правовой или неправовой форме. В правовой форме осуществляется правотворческая и правоприменительная деятельность, а в неправовой организационная (не имеющая юридического значения) деятельность. Е. О. Старостин

указывает, что эти две классификации могут быть совмещены и дополнять одна другую. А каждой отдельно взятой будет недостаточно для характеристики форм деятельности государства.

Отмечается, что в данных классификациях не учитывается должным образом содержание государственной деятельности. Именно такое содержание определяет конституционное положение органов государства и форму осуществления ими функций государства. В практической работе эти разные виды государственной деятельности совмещаются. К тому же в работе каждого органа есть элементы исполнительно-распорядительной деятельности [4, с. 17].

Необходимо отметить, что в юридической литературе нет единства по вопросам государственного управления. Очень часто понятие органов государственного управления применяется только к органам исполнительной власти. Государственное управление рассматривается как самостоятельный вид деятельности государства, который осуществляет определенная часть государственных органов – органов исполнительной власти. То есть осуществление государственного управления отождествляется с деятельностью органов исполнительной власти.

Следует согласиться с выводом о том, что государственная власть и власть государства не идентичны. Они выступают связанными явлениями, опосредующими друг друга. Первая проявляется в организации воздействия органов государства, а вторая – в организации воздействия государства как единого субъекта управления [5, с. 31].

Теория государственного управления рассматривает государство в лице его аппарата в качестве субъекта государственного управления. Аппарат государства сам по себе также является системой управления и подсистемой системы государственного управления в целом. Таким образом, все государственные органы и учреждения, осуществляющие государственную власть, осуществляют функции государственного управления.

Заключение. В системе государственного управления субъектом управления выступает государство в лице своего аппарата, а в подсистемах государственного управления субъектами выступают органы соответствующей ветви власти и соответствующего уровня. Разделение государственной власти не влияет на осуществление её органами функций государства как функций государственного управления. Органы всех ветвей государственной власти осуществляют функции государства как функции государственного управления, но в разных формах и разными методами.

Список литературы

1. Любашиц, В. Я. Государственная власть: понятие, особенности функционирования / В. Я. Любашиц // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1, № 2. – С. 124–137.

2. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. В.М. Корельского, В. Д. Перевалова. – М.: Норма, 2001. – 616 с.
3. Конституция Донецкой Народной Республики с изменениями, внесенными Законом от 06.03.2020 № 106 ПНС (принят Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики). – Текст: электронный // Народный Совет Донецкой Народной Республики: официальный сайт. – 2022. – URL: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 14.09.2022).
4. Старостин, Е. О. Правовые формы осуществления государственной власти: Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Нижний Новгород, 2006. – 34 с.
5. Хорошильцев А.И. Государственная власть и принципы ее организации в демократическом обществе: Теоретико-правовое исследование: Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2002. – 35 с.

УДК 351.74

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Краснонос Е. Ю., канд. юрид. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
eu.kr@yandex.com

На всех этапах становления и деятельности государства важнейшей его функцией выступает противодействие и предупреждение преступности, в том числе экономической. Данный тип преступности следует рассматривать как угрожающий фактор национальной безопасности, дестабилизирующий общественные отношения в сфере хозяйствования. Реальными субъектами борьбы с указанными правонарушениями являются, прежде всего, правоохранительные органы, каждый из которых имеет свои организационные и функциональные особенности.

В правоохранительной системе, особое место занимает служба борьбы с экономической преступностью и коррупцией, которая прошла сложный и противоречивый путь своего становления и развития. Истоки становления современных правоохранительных институций, призванных осуществлять борьбу с уголовными проявлениями в сфере экономики берут свое начало в период революции 1917 года, в результате которой происходили кардинальные изменения в системе производства, перераспределения и форм собственности в соответствии марксистским принципам. После установления советской власти борьба с хищениями государственного и общественного имущества, должностными и хозяйственными преступлениями была возложена на Военно-

революционный комитет и его органы на местах, а в результате создания 20 декабря 1917 года Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) – специально образованный в ее составе отдел. Активное участие в этой борьбе принимали аппараты уголовного розыска милиции, которая в Украине была создана декретом Совнаркома республики от 9 февраля 1919 г. «Об организации милиции». В сентябре 1920 года при Главмилиции УССР создается отдел промышленной милиции, в обязанности которого входило обеспечение охраны объектов народного хозяйства и борьба с хищениями и мелкими кражами государственного и общественного имущества. Позже в составе подразделений уголовного розыска формируются специальные группы, которые осуществляли борьбу с преступностью в секторе сельского хозяйства [1, с. 36–38].

В начале 20-х гг., после введения новой экономической политики, резко возрастает уровень преступности, которая приобретает особенно угрожающий характер в экономической сфере.

Борьба с хищением государственного, частного имущества, хозяйственными и должностными преступлениями становятся приоритетными направлениями деятельности советских правоохранительных органов. Разработка главных планов охраны государственной и общественной собственности в это время вошла в компетенцию созданного Постоянного совещания по борьбе с бандитизмом при Совнаркоме УССР. Посты милиции размещались возле заводов, фабрик, государственных учреждений, обеспечивали охрану совхозов, продовольственных маршрутов, элеваторов, мельниц, складских помещений с сельскохозяйственной продукцией, а также лесных богатств.

Новые исторические условия, новые задачи и формы работы требовали соответствующих организационно-правовых изменений в системе правоохранительных органов. Постановлением Всеукраинского центрального исполнительного комитета (ВУЦИК) от 22 марта 1922 года вместо отмененной ВУЧК при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) УССР было создано Государственное политическое управление (ГПУ) УССР. Председатель ГПУ УССР был одновременно наркомом внутренних дел и ему подчинялись особые и транспортные отделы и войска ГПУ на территории республики. После образования СССР 15 июля 1923 года. Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Союза ССР утвердил Положение об Объединенном государственном политическом управлении (ОГПУ) СССР и его органах, в соответствии с которым ОГПУ руководило деятельностью республиканских и местных органов ГПУ и осуществляло «непосредственную оперативную работу в общесоюзном масштабе».

13 августа 1924 года ВУЦИК и Совет народных комиссаров (СНК) УССР утвердили Положение о ГПУ УССР, согласно которому ведомство государственной безопасности выводилось из подчинения НКВД УССР и

образовывалось при СНК УССР. Одним из ведущих подразделений ГПУ становится экономическое отделение (ЭКВ, вскоре преобразованное в экономическую часть – ЭКЧ). Задачами которого являлись: борьба со взяточничеством, бесхозяйственностью, умышленным неисполнением обязательств по договорам, позже – борьба со спекуляцией, должностными и хозяйственными преступлениями [2].

В декабре 1930 г. после очередной реорганизации советской правоохранительной системы был ликвидирован НКВД УССР, а в составе ГПУ впоследствии создано Управление рабоче-крестьянской милиции. В 30-е гг. именно перед милицией и уголовным розыском советское руководство ставит задачу борьбы с преступностью в розничной торговле, на рынках, складах, а также поручает расследование дел о хищении, спекуляцию, должностные преступления.

Практика правотворчества и правоприменительной деятельности вызвала потребность определенной специализации следственно-оперативных подразделений милиции. Среди прочих обстоятельств это стало предпосылкой создания в системе НКВД СССР самостоятельной службы по борьбе с хищениями, спекуляцией, взяточничеством и другими преступлениями в сфере экономики.

16 марта 1937 года НКВД СССР был издан приказ об организации в Главном управлении рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией – ОБХСС. На данный орган возлагалось руководство периферийными органами милиции по борьбе с хищениями и спекуляцией, осуществление оперативной работы по предотвращению экономических преступлений, а также их раскрытие и расследование. В республиках, краях и областях, а также в крупных промышленных центрах в составе управлений милиции создавались отделы, группы БХСС. Там, где аппараты БХСС не были образованы, борьбу с хищениями и спекуляцией вели другие службы милиции, в том числе и уголовный розыск. В 1941 года к компетенции БХСС была отнесена борьба с контрабандой. Много внимания уделялось борьбе со спекуляцией при этом, активизировалась работа по борьбе за сохранение государственной и общественной собственности [3, с. 108].

Таким образом, становление и функционирование специальных правоохранительных подразделений борьбы с экономической преступностью в советский период имеет достаточно сложный и долгий путь, объективно воспроизводя характер и динамику социально-экономических, политических и правовых изменений общества.

Список литературы

1. История отечественных органов внутренних дел. / Учебник для вузов/ под ред. Р. С. Мулукаева – М., 2005. – 417 с.
2. Михайленко П. П. Милиция Украины советского периода (1923-1940) // милиция Украины. – Киев, 2003. – №9. – С. 18-19.

3. Приказ НКВД СССР от 16.03.1937 г. №140 «О создании в аппарате Главного управления Рабоче-крестьянской милиции отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляции» / Михайленко П.П., Кондратьев Я.Ю. История милиции Украины в документах и материалах: В 3 т. – 1917-1945. Т. 2. – 408 с.

УДК 342.1

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЗНАЧЕНИЕ

Лещенко И. И., канд. ист. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

ira_leshenko@mail.ru

Введение. К вопросу русской национальной идеи обращались в самые сложные периоды развития государства: смуты, войны, революции, всевозможные кризисы в поисках консолидирующих и мобилизующих ресурсов для сохранения своей экзистенциальной национально-цивилизационной идентичности и возрождения страны. В контексте современного геополитического переформатирования и цивилизационного конфликта Запад-Россия русская национальная идея выступает в качестве приоритетной основы существования российской государственности. Главный смысл западного противостояния кроется, прежде всего, в исторической миссии России, выраженной в её феномене – национальной идее, которая неприемлема для Запада и, прежде всего, США, чья национальная идея зиждется только на их мировом превосходстве и господстве. Суверенная Россия Западу не нужна.

Основная часть. Так в чём же заключается феномен русской национальной идеи, каковы её современные тенденции и значение? Фокусируя на трансформации русской идеи, как особенности формирования национального самосознания, российский ученый Яицкий В. А. достаточно точно назвал её «корневой системой жизни народа», которая «содержит в себе нереализованный потенциал преодоления инерционного хода современной истории» [1, с. 9]. Важно акцентировать, что в данной идее, с одной стороны, не только осмысляются сущностные аспекты развития нации, но и отражается так называемое триединство: историческая ретроспектива, современное состояние и перспективное развитие, связывая прошлое, настоящее и будущее, а, с другой – в ней содержится консолидирующий, мобилизующий и преобразующий потенциал. Национальная идея трактовалась с двух противоположных позиций, сформированных в два

направления: консервативное с акцентом на традиционные ценности и либеральное с приоритетом западных ценностей. Либералы определяли эту идею как неприемлемую, архаичную, неактуальную, потерявшую свою ценность и назначение в современных реалиях. По мнению Дроздовой О. В., либеральная модель не может быть признана оптимальной для России потому, что «либеральные ценности не отвечают культурно-цивилизационному своеобразию российского общества» [2, с. 14–15].

Современное консервативное направление, представленное А. Г. Дугиным, С. Ю. Глазьевым, С. Н. Бабуриным, М. Назаровым, О. А. Платоновым и др., ориентировано на традиционные идеи соборности, социальной справедливости, приоритет духовно-нравственных ценностей.

Определение современных тенденций национальной идеи позволяет правильно не только ориентироваться в нынешних реалиях, но и сверить вектор курса на созидание или разрушение. К приоритетным тенденциям можно отнести: *во-первых*, осмысление и содержательное оформление национальной идеи вынесено на официальный уровень. Национальная идея была сформулирована президентом РФ Путиным В.В. в его многочисленных концептуальных заявлениях (на ежегодной большой пресс-конференции дек. 2019 г., в интервью ТАСС 10 мая 2020 г., в выступлении 24 окт. 2021 г., а также на конференции по безопасности 16.08.2022). В 2017 г. вышла его книга «Патриотизм – национальная идея России». Он считает патриотизм – единственной возможной идеологией современного общества, отмечая, что народ России во времена испытаний всегда спланивала любовь к Отечеству, а единство было условием спасения [3].

Во-вторых, в условиях современного идентификационного кризиса предпринимаются попытки её практической реализации с масштабным проникновением во все сферы общества (это и защита суверенитета, патриотическое воспитание, опора на свои интересы, силы и традиции). Специальная военная операция РФ, начатая 26 февраля 2022 г. по защите народа Донбасса от неонацизма, осуществляется под патриотически-преемственным лозунгом «За Веру и Отечество» с соответствующими символами Z, V, O, что также свидетельствует о практической реализации основных принципов национальной идеи.

В-третьих, наблюдается тенденция концептуальной преемственности и возврата к истокам проблемы с адаптацией их к современным реалиям. Если следовать исторической ретроспективе, то истоки данной идеи восходят к византийской теории «симфонии властей», официально сформулированной и закреплённой законодательно в преамбуле к 6-й новелле Кодекса Юстиниана (534 г.). Далее через Кормчие книги она попала в законодательство России и стала основой русского права. Более подробно эта тема изложена в авторской статье [4, с. 252–254]. Эта концепция легла в основу теории «Москва – Третий Рим», в

которой впервые осознаётся и формулируется историческая вселенская миссия России.

В-четвёртых, сохраняется парадоксальная ситуация, когда современные идеологические трансформации происходят на фоне законодательного закрепления положения об отсутствии государственной идеологии, что закреплено в Конституции РФ 1993 г. в ст. 13 (пункт 2). Парадоксально и то, что имперский государственный герб РФ (двуглавый орёл), в котором отражена идея «симфонии властей», был принят в 1993 г. в либеральной в то время России. Ведь в нём отражается и указывается путь ретроспективного, современного и перспективного государственно-правового развития России.

Определяя значение национальной идеи, необходимо акцентировать на её ключевых позициях. Это, прежде всего, сохранение концептуальной преемственности с опорой на духовные традиции. Духовная самоидентификация русского народа, выраженная в его национальной идее, определяет смысл его существования. В этой идее кроется не только историческая память народа, но и его историческая миссия и смысл существования. Констатация такова: национальная идея в государстве либо существует, либо её отменяют, либо заменяют. От этого зависит созидание или разрушение. И сегодня сохраняются попытки подменить традиционную национальную идею либеральным смыслом, также звучат заявления, что в России такой идеи нет и надо создавать новую.

Заключение. Таким образом, игнорирование ключевых концептуальных понятий русской национальной идеи, к которым относятся патриотизм, соборность, социальная справедливость, вселенская миссия, как и отрицание самой идеи, неизбежно обостряет идеологические противоречия в обществе и приводит к духовному, мировоззренческому и идентификационному кризису, который разрешается силовым и военным путём.

Список литературы

1. Яицкий, В.А. Трансформация русской идеи как особенность формирования национального самосознания: автореферат на соискание ученой степени канд. философских наук: 09.00.11. Яицкий Василий Александрович: Изд-во Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2011. – 22 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/transformatsiya-russkoi-idei-kak-osobennost-formirovaniya-natsionalnogo-samosoznaniya/read/> – (дата обращения: 14.07.2022).
2. Дроздова, О.В. Национальная идея в социокультурном пространстве России: автореферат на соискание ученой степени канд. философских наук: 09.00.11. Дроздова Ольга Владимировна: Изд-во Иркутский гос. ун-т. – Иркутск, 2009. – 19 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/natsionalnaya-ideya-v-sotsiokulturnom-prostranstve-rossii/read/> (дата обращения: 21.07.2022).
3. Путин, В.В. Патриотизм – национальная идея России /В.В. Путин: Изд. «Книжный мир», 2017. – 393 с. – URL: <https://www.jandex.ru/image/search/mybook.ru/author/vladimir-putin/patriotism-nacionalnaya-ideya-rossii/> (дата обращения: 02.08.2022).

4. Лещенко, И.И. Теория «симфония властей» – опора русской национальной идеи. (История преемственности). Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские научные чтения, 14-15 мая 2009 г. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. – 552 с. – ISBN 978-5-7621-05-09-5.

УДК 342.724:341.948

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН НА ИНФОРМАЦИЮ

Лещенко И. И., канд. ист. наук, доц., *Свиридова К. Е.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
ira_leshenko@mail.ru, k.sviridova@donnu.ru

Введение. Фундаментальным принципом любого демократического государства с учётом требований, которые диктует современный информационно-технологический прорыв, является признание и гарантии права на информацию, которые нашли своё воплощение в основополагающих международных соглашениях о защите прав и свобод человека. Этот процесс отражает тенденцию следования требованиям международных принципов и стандартов по правам человека, что является благоприятным ходом для гармонизации национального законодательства. Формирование права граждан на информацию в Российской Федерации (далее – РФ) происходило в рамках международных стандартов. Впервые в РФ право на информацию было определено в Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. в ч. 2 ст. 13, согласно которой «каждый имеет право искать, получать и свободно распространять информацию» [1]. Важным стало определение ограничения этого права с целью охраны как личной, так и семейной, нравственной, профессиональной, коммерческой и государственной тайны.

Основная часть. В Конституции РФ (ст. 2) закреплено важное международное положение: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [2]. И далее установлено (ст. 17, п. 1), что в Российской Федерации «признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Объективной реакцией государства для повышения значимости прав человека с целью достижения максимального соответствия национального законодательства международным стандартам, стало внесение норм, закрепляющих право на информацию. Так, «свобода информации является основополагающим

правом человека и представляет собой критерий всех видов свободы, защите которых Объединённые Нации себя посвятили», констатировалось в Резолюции № 59(1) Генеральной Ассамблеи ООН 1946 г. [3]. Стоит указать, что Россия, вступив в Совет Европы, приняла на себя ряд обязательств, связанных с реализацией международных стандартов обеспечения прав доступа к информации. Согласно п. 4 ст. 15 Конституции РФ, «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [2].

С целью создания эффективных условий для участия России в международном информационном обмене ещё 5 июня 1996 г. Государственной Думой был принят Федеральный Закон «Об участии в международном информационном обмене», который ныне утратил свою силу. Однако стоит отметить, что данный закон раскрывал понятие международного информационного обмена, под которым следовало понимать передачу и получение информационных продуктов, а также оказание информационных услуг через Государственную границу РФ. Согласно закону, международный обмен конфиденциальной информацией, а также массовой информацией должен был осуществляться в порядке, устанавливаемом данным законом и другими нормативными законами [4].

Глава 3 вышеупомянутого нормативного акта была посвящена проблемам контроля и ответственности при осуществлении международного обмена информацией. Это касается таких положений как:

- контроль по осуществлению международного информационного обмена (ст. 16);
- сертификация информационных продуктов, информационных услуг, средств международного информационного обмена (ст. 17);
- лицензирование деятельности по международному информационному обмену (ст. 18).

На смену Закона «Об участии в международном информационном обмене» в связи с его несоответствием реалиям информационных процессов, происходящих в результате использования новейших технологий, в том числе сети Интернет, был принят Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5], который был призван стать своеобразной отправной точкой для формирования отраслевого законодательства и развивающих его подзаконных актов в сфере использования и защиты информации.

Право на информацию – многоаспектное явление, которое предполагает деление права на ряд основных юридических возможностей, которые вытекают из содержания положений Конституции и основных

принципов, закреплённых в международных соглашениях. К ним относятся:

– возможность доступа к информации, которая реализуется через право каждого человека свободно её получать. Если обратиться к вышеупомянутому закону, то стоит сказать, что данное право реализуется путём закрепления обязанности органов государственной власти и местного самоуправления и их должностных лиц облегчить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно их касающимися, если иное не предусмотрено законом.

– возможность обмена информацией, которая реализуется через право её передавать и распространять;

– возможность производства информации, которая реализуется через ряд нормативных предписаний о свободе творчества, разработке и производстве информационных систем, о культуре, науке и т. д.

Заключение. Изучив Закон «Об информации и информационных технологиях», принятый в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) в 2015 г. [5], можно констатировать, что формирование права граждан на информацию в республике происходило исключительно по аналогии с законодательными разработками Российской Федерации. Для этого достаточно провести сравнительный анализ с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [6], который был взят за основу при разработке указанного закона ДНР. Соответственно, законодатели в основу заложили и международные стандарты, направленные на обеспечение права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации. Данный комплекс обязанностей позволяет обеспечить должный уровень защиты информации в целях защиты национальных интересов. Однако, стоит также указать, что нормативно-правовая база в данной сфере должна постоянно совершенствоваться и отвечать непрекращающейся динамике общественных отношений в связи с повсеместным внедрением информационных технологий, уровень развития которых должен соответствовать современным тенденциям развития мирового сообщества.

Список литературы

1. Декларация прав и свобод человека и гражданина: [от 22 ноября 1991 года № 1920-1]. – Москва: РИОР, 2010. – 10 с. – ISBN 978-5-369-00626-9.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008. № 6 – ФКЗ, от 30.12.2008 № 7 – ФКЗ, – от 05.02.2014 № 2 – ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.04.2014. № 15.
3. Резолюция № 59 (1) Генеральной Ассамблеи ООН 1946 г. – URL: СПС «ГАРАНТ: <https://base.garant.ru/2561326/> (дата обращения 15.09.2022).

4. Хрестоматия по конституционному праву Российской Федерации / Сост.: Шульженко Ю.Л. – М.: Юристъ, 1997. – 781 с.
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. N 31 (часть I). Ст. 344.
6. Закон «Об информации и информационных технологиях» Донецкой Народной Республики № 71-ІНС от 07.08.2015, действующая редакция по состоянию на 03.09.2015/ Официальный сайт законодательства Донецкой Народной Республики. URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/> (дата обращения: 20.09.2022).

УДК 343.46

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ВСЕОБЩЕГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УССР В 1920-е ГОДЫ

Липинский В. В., д-р ист. наук, проф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

lipinskiyv@mail.ru

Становление и развитие советской системы образования в УССР в 1920-е годы проходили на основе теоретически обоснованной концептуальной политики и оперативного нормативно-правового сопровождения процесса реформирования. В 1919 г. система образования в УССР формировалась под руководством народного комиссара просвещения В. П. Затонского на основе заимствованной у РСФСР концепции образования, и опирались на два основательных документа: Программу РКП (б), принятую в марте 1919 г. [1], и Положение о единой трудовой школе РСФСР, утвержденное на заседании ВЦИК 30 сентября 1918 г. [2, с. 133].

27 июня 1919 г. Народный комиссариат просвещения (далее Наркомпрос) УССР направил телеграмму Наркомпросу РСФСР, где предложил созвать конференцию представителей наркомпросов советских республик. Это предложение Наркомпроса УССР было принято. 16 и 21 июля 1921 г. в Москве состоялось совещание представителей наркомпросов национальных республик. В центре внимания была разработка концепции и единой политической линия в деле образования.

Переход к всеобщему начальному образованию в УССР осуществлялся на основе решений центральных органов образования и при активной поддержке «Совета защиты детей». Изучая и обобщая опыт работы органов образования по нормативно-правовому обеспечению перехода ко всеобщему начальному образованию на местах и развитию

сети учреждений социального воспитания, 8 июня 1920 г. Наркомпрос УССР издал постановление «О дневных детских домах», которые создавались во всех городах и крупных промышленных центрах, куда принимались дети рабочих [3, с. 129]. Данный нормативно-правовой акт закреплял обеспечение дневных детских домов питанием и канцелярскими товарами.

10 июня Наркомпрос УССР обнародовал постановление «Об организации открытых детских домов», куда принимались сироты и дети, оставшиеся без присмотра родителей в возрасте до 16 лет [4, л. 55]. При открытых детских домах создавались столовые, бани, прачечные, библиотеки и мастерские. Под термином «открытые детские дома» следовало понимать свободный доступ детей в эти заведения в любое время днем и ночью, что было важно для бездомных и беспризорных детей.

22 июля вышло постановление Наркомпроса «О детских домах». К ним принимались дети-сироты в возрасте от 4 до 18 лет [5, с. 55]. На основании этого постановления в губерниях разрабатывались документы о порядке приема детей в детские дома. 8 сентября 1921 г. Донецкий губернский отдел социального воспитания разработал инструкцию, согласно которой при секции охраны детства был создан стол заявлений. После рассмотрения заявления дети-сироты направлялись в медицинскую комиссию, затем – в коллектор-распределитель, а после окончания испытательного срока (2–3 недели) переводились в секции детских домов. При зачислении в детские дома предпочтение отдавалось полным сиротам. На 1 января 1921 г. в Донецкой губернии насчитывалось 112 детских домов (8628 воспитанников), а на 1 января 1922 г. – 261 детдом (19792 воспитанника). Развитие сети общеобразовательных школ было основано на новом концептуальном подходе к единой трудовой школе как главной организационной форме учебной и воспитательной работы. Формирование школьной сети было связано с активными действиями правительства УССР. 30 июля 1924 г. Всеукраинский центральный исполнительный комитет (далее – ВУЦИК) и Совет народных комиссаров УССР (далее СНК УССР) приняли постановление о внедрении в УССР обязательного начального образования [6, л. 51]. Данное постановление предполагало полностью охватить детей школьного возраста начальным образованием в течение шести лет (1924–1930 гг.). В соответствии с указанным постановлением СНК УССР утвердил «Положение о школьной сети», центральной, губернские и окружные сетевые комиссии, определила типы школ, комплект учащихся и издала инструкцию о построении школьной сети в УССР. Дальнейшее нормативно-правовое закрепление обязательного начального образования получило в специальном решении ВУЦИК и СНК УССР от 5 августа 1925 г. и в постановлении ВУЦИК и СНК УССР от 28 октября 1925 г. «О проведении в УССР общего образования» [7, с. 37].

Постановление имело разделы об обязательности образования, обеспечении школ помещениями, учителями.

УССР раньше других советских республик применила законодательное закрепление обязательного начального образования, что нашло отражение в Кодексе законов об образовании и других нормативно-правовых актах. В условиях неграмотности населения, голода, хозяйственной разрухи и массовой детской беспризорности была установлена уголовно-правовая ответственность родителей за отказ от регистрации детей (ст. 57). Кроме этого (ст. 79) УК УССР устанавливала уголовную ответственность и за совершение ими преград к посещению школы. Уголовно-правовая ответственность распространялась и на сеть школ по преодолению неграмотности среди взрослого населения. Нередки были случаи, когда мужа запрещали женам проходить обучение в школах ликбеза [8, с. 37].

Для несовершеннолетних правонарушителей формировалась сеть специализированных детских домов, трудовых коммун и колоний. Организацией таких учреждений и воспитательной работой наряду с органами народного образования занимались губернские прокуратуры. В этих заведениях объединялось обучение с воспитательной деятельностью и производственным трудом. Детская трудовая колония им. М. Горького, организованная выдающимся педагогом А. С. Макаренко, с 1920 по 1926 гг. находилась возле Полтавы. 27 октября 1924 г. на заседании коллегии Главного управления социального воспитания было принято решение о ее реорганизации, по которой колония была сконцентрирована в одном имении (Трепке). Позже ее перевели в село Куряж возле Харькова [7, с. 51].

В сентябре 1928 г. Наркомпрос совершил очередную акцию по изъятию с улицы и размещению в учреждениях социального воспитания беспризорных детей. Инструкция по проведению этой акции за подписью заместителя наркома образования А. Приходько запрещала забирать с улицы девушек старше 16 лет и бездомных детей, проживавших в селах. Это связано с тем, что сеть детских домов, городков, трудовых колоний и коммун была не в состоянии обеспечить нужного количества мест для сирот и беспризорных детей

На основе принятых правительством решений в 1925 г. Наркомпрос подготовил пятилетний план осуществления обязательного начального образования, рассчитанный на 1925/26 – 1929/30 гг. Впоследствии (1926) этот план был переработан в трехлетний.

После принятия решения об обязательном начальном образовании происходит постепенное возрастание сети единых трудовых школ и численности учащихся. Уже в 1925 г. по численности учащихся был достигнут уровень 1920 г. В то же время школа образца 1925 г. была более организационно крепкой (115 учащихся в одной школе) школы образца

1920 г. (95 учащихся). Тенденция роста и организационного укрепления школьной сети сохранилась к концу 20-х годов. В 1928 г. в УССР насчитывалось 19416 единых трудовых школ, в которых обучалось 2383608 учащихся (123 ученика на одну школу).

Список литературы

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК – К., 1979. – Т.2. – С. 48.
2. Народное образование в СССР. Сб. док и матер. (1917-1937гг.) – М., 1974. – 558 с.
3. Культурное строительство в УССР. (1917 -1959 гг.). Сборник документов в 2 – х т. – К., 1959. – Т. 1. – 883 с.
4. ЦГАГО Украины, Ф.1. – Оп.5. – Д.75.
5. Просвещение Донбасса. – 1922. – №3. – С. 54-56.
6. Государственный архив Харьковской области, Ф р. – 203. – Оп. 1. –Д. 604.
7. Липинский, В.В. Становление и развитие новой системы образования в УССР в 1920–е годы / В.В. Липинский. – Донецк: РИА ДонНТУ, 2000. – 247 с. ISBN 966-7559-18-1
8. Липинский В.В. Эволюция советского законодательства об уголовной ответственности за нарушение норм Кодекса законов о труде и Кодекса законов об образовании в 1920 – годы / В.В. Липинский // Вестник Донецкого национального университета Серия Е: Юридические науки. – 2020. – №3. – С.32-38.

УДК 340.0(09)

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Лысых Р. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
Romanlisix@gmail.com

Коренное изменение основ политической жизни Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), обретение ею в вооруженной борьбе независимости от террористического государства Украина, с последующим воссоединением с Российской Федерацией обусловили решение целого ряда государственных задач, а именно: создание политической системы, государственного аппарата, правоохранительных органов, в частности, органов государственной безопасности, способных в условиях непрекращающейся военной украинской агрессии защитить выбор народа Донбасса.

Согласно ст.1 Закона ДНР «О Министерстве государственной безопасности», Министерство государственной безопасности (далее – МГБ) в ДНР – единая централизованная система органов государственной безопасности, осуществляющая в пределах своих полномочий решение задач по обеспечению безопасности ДНР [1].

Постоянное совершенствование организационно – структурного построения органов государственной безопасности является первостепенной задачей. Решение проблем зависит от того, насколько будет учтен исторический опыт, который служит неисчерпаемым источником знаний. Глубокое осознание прошлого помогает совершенствовать организацию и деятельность современных чекистов.

Враг, которому противостоят органы государственной безопасности в настоящем – взрощенные на средства коллективного запада украинские нацисты: последователи бандеровских недобитков и фашистских пособников. Поэтому анализ исторического опыта деятельности органов госбезопасности помогает найти примеры профессионального мастерства и увидеть ошибки, которые важно учесть, чтобы их не повторять. Бесспорно, применение исторического опыта может быть полезным и в наши дни, поскольку ДНР сегодня переживает сложный период своей истории.

В послевоенный период НКВД СССР столкнулся с увеличением количества тяжких видов преступлений, совершенных против государственной безопасности, жизни граждан, государственной и личной собственности.

Рост преступности в послевоенные годы был обусловлен многочисленными факторами – политическими, экономическими, также сказывались последствия войны и оккупации [2].

Анализ архивных документов дает основания для определения причин роста преступности и категорий преступников. В первую очередь это прозрачность границ СССР со странами, граничащими с Украиной на западе и юге; формирование бандитско-грабительских групп из числа бандеровцев, пособников фашистов дезертиров и тех, кто скрывался, избегая призыва в Красную Армию, репатриантов, переселенцев.

17 января 1946 года НКВД СССР издал приказ «Об усилении борьбы с преступностью, хулиганством и нарушителями паспортного режима». В частности, этим приказом предусматривалось, сосредоточить внимание на предупреждении и своевременном раскрытии преступлений, не допускать формирования преступных группировок, в течение двух месяцев пересмотреть все дела по нераскрытым преступлениям, проверить преступников, которые находились на учете. Милиция была обязана перерегистрировать огнестрельное оружие и провести разъяснительную работу среди населения по добровольной сдаче нелегального оружия [3].

Кроме борьбы с преступностью важнейшей задачей являлась борьба с националистическим подпольем. С этой целью приказом НКВД СССР № 001447 от 1 декабря 1944 года создано Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ) НКВД СССР. [4].

Положение о главном управлении НКВД СССР по борьбе с бандитизмом, определяло следующие его основные функции: 1) издание руководящих указаний аппаратам НКВД-УНКВД по борьбе с бандитизмом, систематический контроль за их работой, инспектирования и оказания им

практической помощи; 2) непосредственная организация и осуществление агентурно-оперативных и следственных мероприятий по разработке и ликвидации крупных бандитских формирований; 3) разработка и контроль мероприятий по проведению крупных чекистско-войсковых операций по ликвидации участников банд; 4) организация истребительных батальонов, их обучение, материальное обеспечение и оперативное использование в борьбе с бандитизмом; 5) организация специальной радиосвязи и подготовка кадров специалистов по радиосвязи [4].

В процессе освобождения территории УССР от нацистских оккупантов одновременно велась активная работа по восстановлению довоенной советской власти. С этой целью ЦК КП(б) в преддверии освобождения тех или иных областей заблаговременно комплектовал кадры партийных работников и утверждал оперативные группы, в состав которых входили работники довоенных обкомов партии и облисполкомов, начальники управлений и отделов НКВД-НКГБ. Так, на время освобождения восточных областей УССР было создано 1 556 первичных парторганизаций, 32 кандидатские и две партийно-комсомольские группы, в которых насчитывалось 5 709 членов и кандидатов в члены партии [5].

Учитывая прошлый опыт и новые обстоятельства, аналогичную работу приходится решать МГБ ДНР и на современном этапе своего развития, в связи с чем, исторический опыт послевоенных лет имеет практический интерес для решения этих проблем.

Органы государственной безопасности, всегда находятся на переднем рубеже борьбы с внутренними и внешними врагами ДНР, призваны обеспечить создание и эффективное функционирование надежного механизма защиты государства от любых угроз. Именно на это направлены практические шаги МГБ ДНР по совершенствованию организационного построения, форм и методов его деятельности в решении новых задач, обусловленных настоящим.

Список литературы

1. Закон Донецкой Народной Республики «О Министерстве государственной безопасности» URL: dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-ministerstve-gosudarstvennoj-bezopasnosti/
2. История органов внутренних дел советского государства (вопросы методологии и историографии): Сборник научных трудов / под ред. А. П. Косицина. – М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1981.
3. Кузнецова Ольга Алексеевна, Нестеров Сергей Викторович Исторические аспекты появления и развития уголовной ответственности за бандитизм в России // Вестник ТГУ. 2014. №12 (140). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-aspekty-poyavleniya-i-razvitiya-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-banditizm-v-rossii> (дата обращения: 28.09.2022).
4. Коровин В.В., Шабалин В.Й. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. – М., 1975.
5. Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ-. Справочник / Под общей ред. А. Н. Яковлева. – М.: Издание МФД, 1997. – 352с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ЭКСТРАКОРПОРАЛЬНОГО ОПЛОДОТВОРЕНИЯ

Матвиенко Е. А., канд. юрид. наук, доц., *Малышко Н. А.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

k.matvienko@donnu.ru, natahamal2003@gmail.com

Введение. Процедура экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) позволяет парам, страдающим бесплодием, или таким парам, которые могут передать своему потомству какие-либо тяжелые заболевания при естественном зачатии, завести долгожданного и здорового ребенка. Поэтому в современных реалиях процедура ЭКО является неотъемлемой частью клинической практики в репродуктивной медицине, которая стремительно развивается. Однако, несмотря на широкое применение процедуры ЭКО, существуют пробелы в её правовом регулировании.

Основная часть. Одна из проблем правового регулирования процедуры экстракорпорального оплодотворения заключается в невозможности проведения процедуры ЭКО женщине в связи с отводом согласия её бывшего партнёра на введение совместно созданных эмбрионов. Фактически проблема заключается в том, что после разрыва отношений женщина хочет сохранить совместно созданные с бывшим партнером эмбрионы для дальнейшего их использования, а мужчина не желает становиться отцом ребенка и требует уничтожить все эмбрионы. Таким образом, женщину могут лишить единственного шанса стать матерью генетически родственного ребенка, а мужчина может в принудительном порядке стать отцом.

Наиболее известным примером из международной судебной практики в области определения дальнейшей судьбы эмбрионов было дело «Эванс против Соединенного Королевства», рассмотренное Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ). Заявительница страдала раком яичников, но перед тем, как ей удалили яичники, она прошла процедуру ЭКО вместе со своим на тот момент партнером. Было создано шесть эмбрионов, которые затем были помещены на хранение. После того, как пара распалась, бывший партнер отозвал свое согласие на использование эмбрионов, так как не желал быть генетическим отцом ребенка заявительницы. В этой связи, по законодательству страны, эмбрионы должны были быть уничтожены. Заявительница жаловалась на то, что законодательство страны фактически позволяло ее бывшему партнеру отозвать свое согласие на хранение и использование ее эмбрионов, созданных совместно с ним, тем самым лишая ее возможности когда-либо иметь генетически родственного ребенка. При рассмотрении этого дела

ЕСПЧ указал на отсутствие какого-либо консенсуса в Европе по этому вопросу и на то, что до сведения заявительницы было доведено, что в соответствии с законодательными нормами Соединенного Королевства ее партнер мог отказаться от согласия на имплантацию совместно созданных эмбрионов в любой момент. Большая Палата Европейского Суда постановила, что праву заявительницы принять решение стать генетическим родителем в данном деле не должно отдаваться предпочтение по отношению к праву ее бывшего партнера на принятие решения не иметь генетически связанного с ней ребенка [1].

В соответствии с ч.3 ст. 48 Закона ДНР «О здравоохранении» № 42-ІНС от 24 апреля 2015 года мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство [2]. Ч. 3 ст. 52 Семейного кодекса ДНР подчеркивает, что согласие на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона необходимо давать в письменной форме и такой супруг не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на эти обстоятельства [3]. Следовательно, распоряжаться судьбой эмбрионов можно только при взаимном письменном согласии двух сторон. Однако при заключении договора об оказании платных медицинских услуг по программе ЭКО можно четко прописать порядок определения судьбы эмбрионов, в том числе после развода супругов (прекращения отношений между партнерами).

Следующая проблема правового регулирования процедуры ЭКО заключается в отсутствии установленной юридической ответственности за нарушение правил и порядка применения искусственного оплодотворения. Следует для начала сказать, что в законодательстве вообще нет такого понятия как «незаконное проведение искусственного оплодотворения». В Законе ДНР «О здравоохранении» № 42-ІНС от 24 апреля 2015 года не указывается, что за нарушение правил и порядка проведения искусственного оплодотворения существует какая-либо ответственность. Например, к какой ответственности должно привлекаться лицо за проведение искусственного оплодотворения без надлежащего медицинского обследования донора, за проведение процедуры ЭКО при имеющихся противопоказаниях у мужчины или женщины, за проведение редукции эмбрионов в целях профилактики осложнений во время беременности, родов и в перинатальном периоде у новорожденных, связанных с многоплодием, но без добровольного согласия пациентов и т.п. Уголовный кодекс ДНР не содержит подобных составов преступления. Уголовная ответственность предусмотрена только за осуществление медицинской деятельности лицом, не имеющим лицензии на данный вид деятельности, при условии, что такая лицензия обязательна, если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека или смерть человека [4].

Недостаточно урегулированы вопросы юридической ответственности, связанные с врачебной ошибкой, в результате которой женщине может быть подсажен чужой эмбрион. В УК ДНР предусмотрен такой состав преступления, как халатность, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан, или причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть людей. Однако можем ли мы говорить в данном случае о существенном нарушении прав и законных интересов пациентов?.. Можно только попробовать привлечь медицинский персонал к гражданско-правовой ответственности и потребовать компенсацию морального вреда. Для разрешения такого спора суду необходимо будет установить качественно ли проведена процедура ЭКО. Ведь в результате оказания медицинской услуги по экстракорпоральному оплодотворению был получен положительный результат, беременность наступила и на свет появился ребенок, но генетически неродственный. Оценить качество проведения процедуры ЭКО в случае врачебной ошибки крайне сложно, так как в законодательстве не закреплены критерии, которым медицинская услуга по экстракорпоральному оплодотворению должна соответствовать.

Заключение. Были проанализированы только несколько самых распространенных проблем правового регулирования процедуры ЭКО, однако они не единственные. Это свидетельствует о том, что необходимо уделить должное внимание правовой регламентации оказания медицинской услуги по экстракорпоральному оплодотворению.

Список литературы

1. Дело «Эванс против Соединенного Королевства» [Evans v. The United Kingdom] [Электронный ресурс]: (жалоба № 6339/05): Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 апреля 2007 года (вынесено Большой Палатой). – Режим доступа: Система КонсультантПлюс: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=43157#FQSMmHTO4xHWCnWC2> (дата обращения: 11.09.2022).
2. О здравоохранении: Закон Донецкой Народной Республики № 42-ІНС от 24.04.2015 (ред. по сост. на 04.07.2022) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zdravohranenii/> (дата обращения: 12.09.2022).
3. Семейный кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР № 172-ІНС от 17.07.2020 (ред. по сост. на 26.04.2022) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-semejnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 12.09.2022).
4. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР № ВС 28-1 от 19.08.2014 (ред. по сост. на 28.06.2022) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 15.09.2022).

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА ПРАВА

Матвиенко Е. А., канд. юрид. наук, доц., *Шкиндер В. Т.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
vasya.shkinder@bk.ru

Введение. В исследованиях последнего времени наблюдается увеличение сторонников о «трехфокусном» представлении о праве – «отношения – конструкция – норма» (в противовес «двухфокусному» – «отношения – норма»). Юридическая конструкция становится особым способом связи, обеспечивающим соответствие предписаний позитивного права природе регулируемых отношений. Особое значение для юридической науки в целом является юридическая конструкция правового статуса субъекта права. Однако в теории права конструкция правового статуса субъекта права до сих пор не четко сформирована и должным образом исследована учеными (исследование указанного вопроса происходило в основном в отношении человека и гражданина). В то же время от правильного решения этого вопроса, основанного на анализе широкого ряда правовых явлений и действующего законодательства, зависит оценка сущности правового статуса субъекта права.

Основная часть. Юридическая конструкция как идеальная модель предмета (явления) служит формой отражения действительности, упрощенным образом правовой действительности. В юридической конструкции выражается структурно-системное построение исследуемых объектов, поэтому она определяется как состав. Название «состав» уже указывает на то, что изучаемый объект является сложным, состоит из каких-либо частей, включает в себя структурные элементы. Соответственно, конструкция правового статуса – это не просто понятие, а модель, отражающая сложное структурное построение правового статуса субъекта права, которая состоит из элементов, выполняющих разные функции. Отношение между правовым статусом и его составом является отношением между явлением и его идеальной моделью. Однако необходимо отметить, что взгляды многих авторов относительно структуры правового статуса (касательно количества включаемых элементов) разные по содержанию, что, в конечном счете, влияет на адекватность или неадекватность отражения данным понятием реальной правовой действительности, на полноту или неполноту охвата предмета. Считаем, что научные позиции в структуре правового статуса субъекта права можно условно разделить на две группы: упрощенное понимание структуры правового статуса и соответствующее широкое понимание его структуры.

Представители упрощенного понимания структуры правового статуса считают, что он состоит из одного – двух элементов: субъективных прав и юридических обязанностей. Другие авторы, которых можно отнести к представителям упрощенного понимания структуры правового статуса, наряду с субъективными правами и юридическими обязанностями выделяют такие элементы как свободы и законные интересы.

В свою очередь Н. И. Матузов указывает на то, что в структуру исследуемого понятия входят следующие элементы: а) правовые нормы, устанавливающие данный статус; б) правосубъектность; в) основные права и обязанности; г) законные интересы; д) гражданство; ж) юридическая ответственность; з) правовые принципы; и) правоотношения общего (статусного) типа [1, с. 237]. Аналогичной точки зрения придерживается и Н. И. Сидоренко [2, с. 92].

При этом, обосновывая включение в структуру правового статуса таких элементов как правовые нормы и правоотношения общего (статусного) типа, Н. И. Матузов отмечает, что без соответствующих правовых норм установление, закрепление, а значит, само существование правового статуса невозможно; ядром правового статуса выступают права и обязанности, а связи между ними, точнее между их носителями и есть правоотношения [3, с. 59]. В то же время, в литературе высказывались возражения против включения в правовой статус правовых норм. Не нашло поддержки и предложение о включении в структуру правового статуса не только прав и обязанностей, но и правоотношений общего (уставного) характера, в рамках которых они выступают. Справедливо пишет Н. И. Матузов о том, что: а) без правовых норм установление, закрепление, существование правового статуса невозможны; б) ядром правового статуса выступают права и обязанности. Отметим, что все же правовые нормы и правоотношения общего (уставного) типа не являются структурными элементами правового статуса субъекта права [3, с. 46–50]. Поддерживая данную позицию, считаем, что правовые нормы являются нормативным основанием, на котором возникает правовой статус, а правоотношения общего (уставного) типа являются формой реализации прав и обязанностей субъектов права. Указанные феномены, безусловно, характеризуют правовой статус субъекта права в обществе, пронизывают данное понятие, но не выступают как его самостоятельные элементы.

К правовому статусу в широком смысле, по мнению В. И. Новоселова, включают: а) правовой статус в узком смысле; б) правовые принципы правового положения людей; в) те закрепленные в нормах права гарантии прав, свобод и обязанностей граждан, не входящих в правовое положение в узком смысле (например, контрольно-надзорная деятельность); г) закрепленные в нормах права функции, права и обязанности государственных органов и общественных организаций, а также других субъектов права по отношению к гражданам [4, с. 251–253].

О. Ф. Скакун считает, что структура правового статуса личности может быть представлена в виде следующих элементов: правосубъектность; права; свободы; обязанности; ответственность. При этом автор отмечает, что ответственность носит вторичный характер – реализуется в результате совершенного правонарушения или в связи с неисполнением компетенции или превышением ее объема [5, с. 412].

Некоторые авторы, одним из элементов правового статуса называют такие явления как правовой долг, гарантии, правосознание, правовую активность, правовую культуру, законность, что, по справедливому замечанию Н. И. Матузова, являются либо принципами, либо чертами, либо предпосылками правового статуса, безусловно характеризующими положение субъекта в обществе, пронизывающие данное понятие, но не выступающие как его самостоятельные элементы [3, с. 46–50].

Исходя из анализа существующих научных подходов, по нашему мнению, юридическая конструкция правового статуса субъекта права должна включать в себя такие элементы как: 1) правосубъектность; 2) система прав, обязанностей и законных интересов; 3) система гарантий прав и обязанностей субъектов права; 4) юридическая ответственность.

Заключение. Правовой статус вообще представляет собой сложную категорию, отражающую широкий комплекс связей определенного субъекта права с обществом, государством, другими субъектами права.

Юридическая конструкция правового статуса субъекта права носит универсальный характер, позволяет формировать на ее основе конструкции правового статуса субъектов права конкретной области права; способна выступать как универсальная основа правового регулирования соответствующих проблем; в методологическом плане может использоваться для раскрытия содержания и состава конкретных видов правового статуса субъектов права (правовых статусов физических и юридических лиц).

Список литературы

1. Теория государства и права : курс лекций / [под ред. Н.И. Матузова, А. В. Малько]. – М. : Юристъ, 1997. – 672 с.
2. Сидоренко Н.И. Теория государства и права (курс лекций): учеб. пособие. для студентов вузов / Сидоренко Н.И. – К.: Университет «Украина», 2006. – 198 с.
3. Матузов Н.И. Правовая система и личность / Матузов Н.И. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 293 с.
4. Новоселов В.И. Два понятия правового положения людей СССР. Правопорядок и правовой статус личности в развитом социальном обществе в свете Конституции СССР 1977 года / Новоселов В.И. – Саратов, 1980. – 288 с.
5. Скакун О.Ф. Теория государства и права : учебник / Скакун О.Ф. – Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. – 704 с.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Мельниченко Ю. С., канд. юрид. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

sofiya.sofiya.1977@mail.ru

Введение. Одной из важнейших проблем в теории права является проблема правопонимания, которая отображается в вопросе: «Что есть право?». Поиску сущности права посвящено значительное количество научных работ разных эпох, начиная с античности и заканчивая настоящим. Правоведы и философы, государственные деятели с незапамятных времен старались определить основу и первоисточник права, выяснить его сущность. Правопонимание является проявлением различных понятий, теорий, взглядов, мнений и позиций, то есть – способов познания сущности права.

На сегодняшний день в юридической литературе не существует единого ответа на данный вопрос. Если обратиться к истории права вообще, то мы обнаружим, что различные авторы давали свое определение права.

Основная часть. В своем произведении «Политика» Аристотель указывал на то, что понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения.

По мнению Г. Кельзена право представляет собой стройную, с логически взаимосвязанными элементами иерархическую пирамиду во главе с «основной нормой». Юридическая сила и законность каждой нормы зависит от «вышестоящей» в пирамиде нормы, обладающей более высокой степенью юридической силы [1, с. 221].

В. М. Хвостов отмечал, что право – это те нормы поведения, которые взяты под защиту государственной властью и в силу ее авторитета претендуют на господство над членами союза, независимо от их желания подчиняться этим велениям [2, с. 54]. Такое многообразие формулировок термина «право» вызвано разнородным пониманием сущности права.

Исходя из вышеизложенного, среди ученых, занимающихся изучением вопросов государства и права, никогда не существовало и в настоящее время отсутствует согласие и единство в отношении определения понятия права и его понимания. Это обусловлено, прежде всего, тем, что право – это одна из самых сложных, тонких и многоаспектных научных категорий, которая постоянно вызывала и вызывает живые дискуссии среди юристов – ученых и практиков.

По нашему мнению, сущностью права является то основное в данном явлении, что гарантирует назначение права, его цель и действие.

Изучение разнообразных подходов к понятию «право» дает нам возможность акцентировать следующие основные концепции сущности права: а) естественно – правовую концепцию сущности права, согласно которой право существует всегда и везде; б) либеральную – сущность права в том, что оно есть свобода, с одной стороны предоставленная, а с другой стороны ограниченная нормой; в) историческую концепцию, где право – это продукт народного духа, который выявляется в процессе исторического развития; г) классовую концепцию в соответствии с которой право – это возведенная в закон воля господствующего класса; д) нормативистко-позитивистскую – сущность права в совокупности норм, исходящих от государства; е) социологическую, где право – это юридически организованная защита государством; ж) психологическую, где право – это императивно – атрибутивные переживания; з) общесоциальную, исходя из которой право – это возведенная в закон воля всего общества; и) экзистенциальную, где право – это особый способ бытия человека; к) этическую концепцию сущности права, по которой право – это минимум нравственности; л) антропологическую, согласно которой право это неотделимый признак бытия человека; м) регулятивную, где право выступает многофункциональным регулятором общественных отношений, которые входят в предмет правового регулирования.

Вместе с тем в юридической науке к классическим типам правопонимания относят естественно – правовую концепцию, согласно которой право существует всегда и везде, право – это справедливость; юридический позитивизм, где право – совокупность норм, исходящих от государства ; социологическую школу права, утверждавшую, что право – это правовые предписания, согласно которым создаются и устанавливаются правовые нормы и психологическую школу права, где право – это императивно – атрибутивные переживания, которые приобретают общее значение и закрепляются в правовых нормах.

Следует отметить, что наряду с классическими типами понимания права в юридической науке отмечаются и неклассические типы понимания права.

К их числу можно отнести следующие: а) либеральная теория, согласно которой право – это свобода, с одной стороны предоставленная, а с другой ограниченная нормой; б) историческая концепция из которой следует, что право – это творение народного сознания, которое раскрывается в процессе исторической эволюции; в) классовая, где право это претворенная в закон воля господствующего класса; г) общесоциальная концепция, по которой право – закрепленная в закон воля всего общества; д) экзистенциальная концепция, согласно которой право это особый способ существования человека; е) этическая, где право – это принудительное требование реализации минимального добра,

не допускающее известных проявлений зла; ж) антропологическая концепция сущности права, по которой право это нераздельная особенность жизни человека; з) регулятивная концепцию, согласно которой право является всеобъемлющим координатором общественных отношений, которые входят в предмет правового регулирования.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ разнообразных подходов к сущности права позволяет нам сформулировать следующее определение права: право – это регулятор социальной жизни, который непосредственно регламентирует значимые, волевые, систематические, стабильные, социально позитивные общественные отношения путем придания таким отношениям юридической формы на основе определенных принципов, к которым можно отнести принципы свободы, равенства, справедливости, единства и разграничения правового регулирования при помощи норм, которые обеспечены государственным принуждением и находят свое выражение в официальных источниках права.

Исходя из данного определения можно обнаружить, что юридический позитивизм в чистом виде игнорирует такие особенности права, как регулятивное предназначение права, а также то, что право не должно противоречить природе вещей. Так, в законодательстве некоторых европейских стран закреплена возможность заключения браков между лицами одного пола, с дальнейшей возможностью усыновления детей. По нашему мнению, данные нормы противоречат естественной природе вещей и, соответственно, не могут быть признаны правовыми.

В связи с этим, необходимо отметить, что для обеспечения верховенства права в государстве необходимо наличие взаимосвязи между позитивистской и идеологической составляющей правопонимания.

Список литературы

1. Комаров, С.А. Общая теория государства и права: Учебник. 9-е изд. испр. и доп. / С.А.Комаров. – Москва.: Юрайт, 20018. – 506 с. – ISBN 978-5-534-05146-9.
2. Хвостов, В.М. Общая теория права [Текст] : элементарный очерк / В. М. Хвостов. – Изд. 5-е. – М.: ЛИБРОКОМ, cop. 2010. – 149 с. – <https://search.rsl.ru/ru/record/01004721845> (дата обращения: 20.09.2022).

**ИДЕЯ НРАВСТВЕННОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В РУССКОЙ
ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ XIX – НАЧАЛА XX вв.
В КОНТЕКСТЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

Миргородский А. А., канд. филос. наук

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк, РФ

Mirgorodskiy87@mail.ru

Введение. Русская философско-правовая мысль конца XIX – начала XX вв. огромное значение уделяет нравственному аспекту в оценке категории права, признает достоинство и ценность человеческой личности. В этот период не случайно уделяется большое внимание проблемам войны. Связано это с историческим путем России.

Основная часть. Война вызывает противоречия по отношению к христианской морали. Также повлияла сама атмосфера эпохи, когда мир сделал большой рывок в гонке вооружений, когда начали применяться разрушительное химическое и бактериологическое оружие. Все это способствовало обострению философских позиций на тему войны. Разрушительная Первая мировая война также этому способствовала. Весь этот комплекс причин спровоцировал широкую интеллектуальную дискуссию так называемых «непротивленцев злу» и сторонников «сопротивления злу силой».

В этом контексте необходимо отметить, что русская философская мысль давала ценные замечания о самой природе войны, о ее категориях, противоречиях, о войне и православии. Но русская философская мысль не пошла по пагубным путям крайностей, она не ратовала ни за крайний пацифизм, который иной раз и сам своим «непротивлением» ведет мир к войне, подталкивая агрессора своей слабостью, ни за крайний милитаризм, который любое слабое государство может подчинить себе «по праву сильного».

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) считает, что мы все виноваты в войне. Зло, живущее в каждом из нас, выявляется в войне, и ни для кого из нас война не есть что-то внешнее, от чего можно отвернуться. Необходимо взять на себя ответственность до конца. «Мы все так или иначе участвуем в войне. Уже тем, что я принимаю государство, хочу победы русским, я – участвую в войне и несу за нее ответственность. Когда я желаю победы русской армии, я духовно убиваю и беру на себя ответственность за убийство, принимаю вину. Исключительное стремление к собственной чистоте, к «охранению своих белых одежд» не есть высшее нравственное состояние» [2]. Нравственно выше – возложить на себя ответственность за ближних, приняв общую вину. Н. А. Бердяев

пишет: «Я думаю, что в основе всей культуры лежит та же вина, что и в основе войны, ибо вся она в насилии рождается и развивается. Но зло, творимое культурой, как и зло, творимое войной, – вторично, а не первично, оно – ответ на зло изначальное, на тьму, обнимающую первооснову жизни» [1].

Лев Платонович Карсавин (1882–1952), размышляя о войне и теории непротivлении злу силой, писал, что одним из величайших заблуждений является так называемое учение о непротivлении злу силой, обнаруживающее полное непонимание того, что такое совершенное и несовершенное бытие и каково их взаимоотношение. Это учение противоречит христианской истине прежде всего тем, что оно проповедует бездействие, христианство же призывает к действительной любви и считает бездействие великим грехом, не позволяя отказываться от выполнения предлежащих нам жизненных задач. Кроме того, не протivящейся злу на деле всегда протivится ему именно силой, только не прямо и откровенно, а косвенно и лицемерно». Размышляя об оправданности войны, Л.П. Карсавин твердо пишет о том, что никакая война не оправдана с христианской точки зрения: «Нет, она является только греховной необходимостью и преодолима в меру преодоления греха и для индивидуума» [2].

Итак, важнейшими принципами морали русской философско-правовой мысли конца XIX–начала XX вв. являются гуманизм (любовь к людям, уважение их прав), законность (соблюдение и правильное применение законов), справедливость (соответствие правонарушения и ответственности).

Заключение. Таким образом, крупные войны начала XX века заставили русскую философскую мысль обратить пристальное внимание на вопросы войны и мира. Согласно теории естественного права в русской философии базовыми принципами являются этика уважения к личности человека, отношение к ней на основе морально-нравственного сознания и системы моральных законов. Как известно, философия есть возможность свободного выбора мировоззрения. Русская философия права помогает находить правильные аргументированные решения на основе уважения к человеческой личности. Уважение к человеческой личности напрямую связана с идеей нравственного совершенствования, что позволит в будущем эффективно развивать промышленность и сельское хозяйство.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2007. – 286 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 734 с.
3. Браун Е. Русская философская мысль о войне [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/07/21/1558>

«СПАМ» КАК УГРОЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Свиридова К. Е.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
k.sviridova@donnu.ru

Введение. Безопасность – одна из самых обширных категорий в понятийно-категориальном аппарате любой страны, включающая в себя целый спектр необходимых компонентов, обеспечивающих нормальное функционирование всего общества и государства в целом. В настоящее время с переходом от индустриального общества к цифровому, понятие «информационная безопасность» приобретает все большую значимость, становится ведущим элементом категории безопасности как на национальном, так и на международном уровнях. В связи с этим необходим постоянный контроль и мониторинг безопасности информационного пространства как на уровне государства, так и среди его населения.

Основная часть. Неотъемлемой частью жизни каждого человека является получение разного рода информации и на сегодняшний день главным источником её получения являются глобальная сеть Интернет, а также средства массовой информации (далее – СМИ). Однако именно эти источники подвержены различного рода угрозам со стороны злоумышленников, что должно повышать интерес государства к проблеме безопасности личности в сети Интернет и получения достоверной информации со СМИ. С учётом интеграционных процессов, происходящих в настоящее время на мировом пространстве, которые затрагивают все сферы, в том числе и сферу информационной безопасности, государствам необходимо во избежание причинения ущерба интересам личности, общества, а также национальным интересам выработать политику, направленную на усиление контроля со стороны государственных органов за всеми сторонами жизни общества. Актуальной проблемой в настоящее время является установление ответственности за распространение «спама». Так, данный феномен представляет собой сообщение, которое подлежит рассылке адресату независимо от его волеизъявления. Опасность состоит в угрозе содержания информации о запрещенной продукции, антирекламы в целях конкуренции, содержания информации порнографического характера, либо наличия скрытой вредоносной программы, способной обеспечить повреждение системы либо возможность утечки информации, личных данных и т.д. На сегодняшний день проблема спама носит глобальный, международный характер. Так называемые, вредоносные сообщения, распространяются по сети с огромной скоростью, не зная

территориальных границ. Это свидетельствует о необходимости детального нормативно-правового регулирования на международном уровне с учетом интересов и требований к обеспечению суверенитета всех стран-участниц того или иного нормативного документа.

Стоит отметить, что легального и однозначного определения «спам» в законодательстве как Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), так и Российской Федерации (далее – РФ) до сих пор не выработано. Однако, считаем целесообразным обратиться к практике РФ по вопросу правового регулирования распространения спама. Так, ещё в 2011 году Российская ассоциация электронных коммуникаций и один из депутатов Государственной Думы РФ подготовили проект «Концепции изменений законодательства в целях борьбы со спамом». Данная концепция содержала предложение по дополнению Уголовного кодекса РФ отдельной статьей, предусматривающей ответственность за распространение спама. Так же было внесено предложение законодательного закрепления понятия «спам» в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [1] в следующей редакции: «Спам – это электронное сообщение, массово рассылаемое отправителем и доставляемое получателю без его предварительного согласия и не позволяющее определить отправителя этого сообщения» [2]. Однако данная позиция имеет весьма противоречивый характер.

Касаясь определения следует отметить, что существует так называемый «легальный спам», который представляет собой сообщения, рассылаемые с целью предупредить граждан, к примеру, о надвигающихся стихийных бедствиях, проверки оповещения системы безопасности и т.д., но получаемые ими независимо от их согласия.

Наиболее распространенные виды спама в настоящее время – это: реклама; «нигерийские письма»; фишинг; массовая рассылка писем для вывода из строя почтовой системы; рассылка писем, содержащих компьютерные вирусы и некоторые другие.

Если обратиться к Закону РФ «О рекламе», то стоит отметить, что распространение рекламы по сетям электросвязи – телефонной, факсимильной, подвижной радиотелефонной допустимо только при условии предварительного согласия абонента или адресата [3]. При этом реклама признается распространенной без предварительного согласия, если ее отправитель не докажет, что оно было получено, причем в письменном виде [4, с. 77].

В отличие от России, где практически отсутствует правовая основа для борьбы со спамом, страны Европейского Союза активно противодействуют его распространению. Так, в Норвегии с 2003 г. разрешена рассылка рекламы по электронной почте и посредством SMS-сообщений только с предварительного согласия получателей; в Финляндии обязательно предварительное согласие физического лица на получение

рекламной информации; в Дании запрещена реклама путем направления массовых рассылок [5].

Эталоном в области эффективного антиспамового законодательства по праву можно назвать Австралию. Закон, принятый парламентом Австралии в 2003 году, устанавливает ответственность компании, занимающиеся рассылкой спама, а также предусматривает санкцию в виде штрафа в размере до 1,1 млн австралийских долларов за каждое нежелательное письмо, отправленное по множеству адресов. Стоит отметить, что после вступления в силу принятого закона значительная часть действующих австралийских спамеров приняли решения о перемещении своей деятельности в более безопасные регионы, что благотворно повлияло на общее состояние безопасности Австралии в интернет-пространстве.

Заключение. Исходя из проведенного анализа, стоит отметить, что необходимо дальнейшее рассмотрение вопроса и определение методов регулирования распространения спама посредством специализированного законодательства, либо путём внесения изменения в действующее гражданское законодательство, нежели посредством внесения изменений в Уголовный кодекс. Так же, разработка единого понятия «спама» будет способствовать гармонизации действующей нормативно-правовой базы, однако при его разработке необходимо учитывать правовую природу «спама», его разновидности, а также цели распространения.

Таким образом, данные мероприятия будут способствовать нейтрализации информационного воздействия и направлены на создание благоприятной обстановки для осуществления деятельности по обеспечению безопасности как отдельной личности, так и государства в целом.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. N 31 (часть I). Ст. 344.
2. Зубова, М. А. Ответственность за спам по зарубежному и российскому праву // Вестник ЧГУ. 2011. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-spam-po-zarubezhnomu-i-rossiyskomu-pravu> (дата обращения: 18.09.2022).
3. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) [Электронный источник] / URL: СПС «КонсультантПлюс»: <http://www.consultant.ru/popular/advert/> (дата обращения 20.09.2022).
4. Попов, Р. М. Некоторые проблемы правового регулирования спама / Р. М. Попов // Гражданин и право. – 2013. – № 7. – С. 77-84.
5. Арутюнов, В.В. Спам: история возникновения и противодействие его распространению / В.В. Арутюнов // Вестник МФЮА. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spam-istoriya-vozniknoveniya-i-protivodeystvie-ego-rasprostraneniya> (дата обращения: 20.09.2022).

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ

Степанова Ю. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
yu.stepanova@donnu.ru

Введение. Информационные технологии, как уже отмечалось ранее, активно проникая во все сферы общественной жизни, детерминируют становление информационного общества в плоскости цифровой реальности. В частности, уверенно вошел в научный оборот термин «цифровая юриспруденция». При этом сочетание права и цифровых технологий достигается в большей степени за счет интеллектуальной автоматизации тех действий, которые необходимо совершать юристу в его деятельности, такие, в частности, как: поиск правовой информации, работа над текстом, подбор соответствий, выявление несоответствий, перевод на другой язык, анализ, толкование, выбор, принятие решения и т.д. В результате такой автоматизации гарантированно не только растет скорость, но и с высокой вероятностью растет точность и качество выполняемой правовой работы [1]. В недалекой перспективе, как справедливо отмечает В. Б. Исаков, нормативные правовые акты в электронной форме будут превалировать над их бумажным форматом [2, с. 84], что, безусловно, поставит перед юридической наукой и всем юридическим сообществом ряд юридико-технических вопросов.

Основная часть. Исходя из анализа научных исследований по заявленной тематике, с уверенностью можно говорить о том, что особенности использования юридической техники в информационном обществе следует рассматривать через призму особенностей электронных документов в целом, и нормативных правовых актов в электронной форме в частности. При этом следует помнить, что содержание юридической техники формирует комплекс ее правил: содержательные правила, правила логики, структурные правила, языковые правила, формальные (реквизитные) требования и процедурные правила. Безусловно ИТ-технологии в правотворческой деятельности внесут свои коррективы практически во все указанные правила.

Электронный документ представляет собой принципиально новый тип документов по сравнению с документами на бумажном носителе. Касательно нормативного правового акта в электронной форме, то он в свою очередь, должен содержать реквизиты/данные присущие и нормативным актам, и электронным документам. Эту особенность нормативных правовых актов подметил и В. Б. Исаков, выделяя три части – вводную, текстовую и паспортную, каждая из которых включает

комплекс элементов, в т.ч. элементы, отражающие «электронную» специфику документа. Так вводная часть, по мнению В. Б. Исакова, кроме элементов, свойственных акту на бумажном носителе, должен содержать «электронный паспорт государственного органа, принявшего данный нормативный акт» и «статус на текущий момент» [2, с. 84]. Текстовая часть, кроме непосредственно текстового изложения правовых норм, должна, по мнению В. Б. Исакова включать гиперссылку или цифровой адрес изменяющего нормативного правового акта в системе официального электронного опубликования [2, с. 84]. При этом совокупность структурных правил юридической техники к внутренней форме нормативных правовых актов не поменяется. Напомним, в частности, что Законом ДНР «О нормативных правовых актах» ст.ст. 27 и 27¹ закреплена структура законов и подзаконных актов соответственно [3].

Неотъемлемым элементом нормативного правового акта является подпись уполномоченного лица, приобретающая электронный формат в нормативном правовом акте в электронной форме, т.е. речь идет об электронной подписи. При этом В. Б. Исаков включает электронную подпись в текстовую часть нормативного акта, что по нашему мнению не соответствует самому содержанию текстовой части как «носителя норм права». По нашему мнению подпись (в т. ч. электронную) следует отнести к реквизитным элементам и включить в паспортную часть нормативного правового акта. Кроме электронной подписи, паспортная часть электронного нормативного правового акта, по мнению В. Б. Исакова, с которым мы в полной мере согласны, должна включать элементы, отражающие специфику электронных документов: адрес постоянного хранения в официальной базе данных; источник первого официального опубликования в печатной форме (при наличии); срок действия нормативного правового акта (дата (или условия) вступления в силу и дата утраты юридической силы); дата принятия, а в отношении федеральных законов – с отражением трех стадий прохождения; дата подписания главой государства; дата опубликования нормативного правового акта в официальной базе данных; существующие редакции нормативного правового акта; нормативные правовые акты – корреспонденты; нормативные правовые акты – респонденты; список ключевых слов; индексы по классификатору нормативных правовых актов; отметка о регистрации в Минюсте; метка времени – фиксирует дату и время получения из системы официальной копии нормативного правового акта; электронная подпись официальной базы данных [2, с. 84]. Что же касается информации относительно инициатора (инициаторов) законопроекта и его разработчика, то, по нашему мнению, такая информация, безусловно, может быть внесена в паспортную часть, но не является обязательной. В отличие от обязательного, по нашему мнению, отражения статуса нормативного правового акта в соответствии с ч. 4–6 ст. 5 Закона ДНР «О

нормативных правовых актах»: основные, производные, вспомогательные и дополнительные [3].

Заключение. Учитывая существующие тенденции развития общественных отношений, становится достаточно вероятным предположение, что развитие электронного документооборота является перспективой существования большинства нормативных правовых актов.

К несомненным достоинствам электронного документооборота, по нашему мнению, являются следующие: повышение эффективности управленческой деятельности; ускорение движения документов в организации; уменьшение трудоемкости обработки документов. Вместе с тем кардинальные, революционные подходы к автоматизации документооборота опасны, поскольку могут привести к серьезным проблемам в управлении и даже дезорганизации деятельности. Поэтому подход к введению электронного документооборота должен быть последовательным и системным.

Список литературы

1. Сергей Шахрай: цифровая юридическая наука – назревшая необходимость : интервью // Интерфакс, 14.07.2022. – URL: <https://www.interfax.ru/interview/852097>. – Дата обращения: 06.09.2022.
2. Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю.Г. Арзамасова. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – 460 с.
3. О нормативных правовых актах : закон Донецкой Народной Республики, принят постановлением Народного Совета № 72-ИНС от 07.08.2015 (с изм. и доп. на 10.09.2022) / Официальный сайт Министерства информации ДНР. – URL: <https://mininfodnr.ru/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-normativnyh-pravovyh-aktah/>. – Дата: обращения: 10.09.2022.

УДК 340

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НОРМ ПРАВА И НОРМ МОРАЛИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Степанова Ю. С., Булыгина И. Д.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
yu.stepanova@donnu.ru

Введение. Взаимодействие норм морали и норм права является одной из актуальных проблем философии, этики и теории права, занимающим важное место в современной системе общественного мировоззрения и правового регулирования. Теоретическое осмысление данной проблемы может способствовать как развитию теории морали и теории права, так и повышению их роли в морально-правовом воспитании

человека, становлении гражданского общества, базирующегося на моральных и правовых ценностях. Связь права с моральными установлениями в правотворческом процессе, а также выявление и анализ проблемных ситуаций, возникающих при конфликте норм права и морали тот спектр проблем, которые в науке по праву можно определить как ewigen Controversen.

Основная часть. Являясь социальными нормами, мораль и право обладают сходными чертами, к которым относят следующие:

1. они возникают в сознании людей и направлены на организацию общественных отношений;

2. правовые и моральные нормы формируют в сознании человека нравственную и правовую культуру.

3. их действие направлено на утверждение общечеловеческих ценностей, таких как приоритет жизни человека, справедливость, развитие и обогащение личности, защита её интересов.

Однако между этими понятиями несомненно есть и существенные различия.

Прежде всего, они различаются по форме существования. Нормы права, обладая признаком формальной определенности, закрепляются в соответствующих источниках права – нормативном договоре, правовой доктрине, правовом прецеденте, религиозных текстах, нормативных правовых акта (кодексах, законах, постановлениях, уставах, приказах и др.). Нравственные нормы передаются из поколения в поколение в виде общепринятых представлений о добре, зле, о благородстве, безнравственности и так далее.

Моральные нормы отличаются от норм права и по охвату их действия. Так, всякое нарушение норм права является одновременно аморальным поступком, но не всякое посягательство на моральные нормы является противоправным. Более того, многие нормы права наполнены нравственным содержанием, что также свидетельствует о более широкой сфере действия моральных норм.

По способу обеспечения различие между моральными и правовыми нормами сводится к тому, что реализация нравственных норм обеспечивается силой общественного мнения, то время как реализация правовых норм – государственным принуждением, применяемым государственными органами.

По формам ответственности их различия заключаются в том, что нарушение норм морали влечет за собой применение общественного порицания, а норм права – меры принуждения личного (лишение свободы), организационного (увольнение) и имущественного (штраф, конфискация) характера.

Роль морали и права как ведущих социальных регуляторов, как средств упорядочения общественных отношений в современности

принципиально изменились. Многие требования морали закреплены нормами права, но механизмы их реализации не работают в реальных условиях современной действительности. Ярким примером могут быть социальные сети, которые, по сути, не поддаются эффективному правовому регулированию, например, широко распространенная сеть «Телеграмм». Безусловно, многие люди используют её как средство общения с друзьями и близкими, как ресурс для обмена полезной информацией. Однако данная социальная сеть является полностью анонимной, в силу чего невозможно принять какие-либо правовые санкции к лицам, использующим ее в преступных целях (например, пропаганда терроризма, экстремизма и насилия).

Заключение. Нормы морали и права неотъемлемо связаны друг с другом и способны эффективно функционировать только в их единстве. Именно поэтому, совершенствование законодательства и развитие правовой системы должно опираться не только на представления о праве как социальном регуляторе, но и на моральных и нравственных основах. Только в процессе гармонизации этих двух явлений мы можем говорить об успешном развитии того или иного общества.

Список литературы

1. Антоненко, Т. А. Моральные нормы и система социально-правового регулирования общественных отношений: Учебник [Текст] / А. Т. Антоненко. – М. : изд-во Ростов-н/Д., 1999. – 547 с.
2. Братановский С. Н. Теория государства и права: Учебник [Текст] / С. Н. Братановский. – М. : изд-во «Наукоформ», 2006. – 556 с.
3. Клименко Т. М. Справедливость как принцип права: общее понятие права [Текст] // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 1 – С. 135 – 137
4. Матузов, Н. И., Малько, А. В. Теория государства и права: Учебник [Текст] / Н. И. Матузов., А. В. Малько. – М. : изд-во «Юрист», 2004. – 277 с.
5. Перевалов, В. Д. Теория государства и права: Учебник [Текст] / Д. В. Перевалов. – М. : изд-во Норма., 2005. – 265 с.

УДК 340.12:124.5

РОЛЬ ПРАВА В ЦЕННОСТЯХ

Степанова Ю. С., Осташевская В. О.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
yu.stepanova@donnu.ru, ostashevskaya.slava@yandex.com

Введение. Представления о себе и мире в совокупности образуют понятие индивидуального мировоззрения и коллективной картины мира. Одной из составляющих этих взглядов являются ценностные суждения,

которые подвержены изменениям через обработку опытов. Как справедливо заметил Н. С. Розов: «Ценности менялись, меняются и будут меняться, хотим мы того или нет» [3, с. 111]. Сегодня как никогда человек вновь столкнулся с вопросом переоценки ценностей, возникшим под воздействием событий последнего десятилетия, взбудораживающих общественность, нарушающих стабильность государственной жизни и подрывающих веру во что-либо. Право одно из первых претерпело влияние как кризиса ценностей, так и последствий этого кризиса. Однако именно на него возлагаются надежды исправить нарушения, привести общество к состоянию стабильности и мира. Чем же обусловлена такая роль и цель права?

Основная часть. Источник возникновения ценностей сокрыт вместе с тайной появления человечества. Они словно существовали всегда и определяли мировоззрение людей с самых его основ. Дискурс в аксиологию достаточно сложен, поскольку данная философская категория как познавалась человеком самим в себе, так и привлекала учёных своим полем для общественных и личных открытий. Аксиологические представления сталкиваются с проблемой «субъект-объектности», что обуславливает существование таких концепций, выделенных В. П. Барышковым, как субъективистская (ценности исходят от субъекта), объективистская (ценности существуют как независимые сущности), субъект-объектная, волюнтаристская [1, с. 14]. Авторы данной статьи, разделяя мнения объективистов М. Шелера и Н. Гартмана, предлагают понимать под ценностями некие априорно заданные сущности, которые человеком в себе познаются, открываются в коммуникации с внешним миром, изменяются посредством опыта.

Особое место в аксиологии занимают те ценности, которые у большинства людей совпадают и находят точки соприкосновения в прогнозируемом идеале жизни. Они известны как общезначимые ценности. Ценности издавна объединяли людей: в пары, как ценность продолжения жизни, в группы, из групп в общества, из общества в государства, как ценность лучшего обеспечения безопасности (ценность жизни как факта). Когда объединённые люди стали народом, их ценностные представления, что и есть своеобразные истины, стали нуждаться в более конкретном выражении и подкреплении. Они стали кочевать в разных формах и исполнять, благодаря этим формам, функцию образцовости в ключе мирителя. Первой такой формой значится миф, и в последующем сформировавшиеся в нём нравственные элементы и мораль. Страх перед неизвестным, как инстинктивно заложенная вещь в человеке, заставлял людей повиноваться небу в исполнении образцов мифов. Постепенно этот страх «приелся» и перестал быть угрозой, так как фактически при нарушении моральных норм не следовало наказания, соответственно силы мифа не действовали, и сам миф, как мировоззрение, был заменён.

После мифа главенствующей формой для реализации ценностей стала религия, особенность которой состоит в вере в традицию, в авторитет того, кто повествует, в религии изначально дело касается веры в сверхъестественное, в то время как авторитет священнослужителей, повествующих от имени высших сил, играет второстепенную роль [4, с. 13]. В период между XIV–XV вв. появился гуманизм, в рамках которого человек начинает рассуждать о самом себе, своей роли в мире, своей сущности и предназначении, смысле и цели своего бытия. Формируется мировоззренческая позиция, в соответствии с которой человек оказывается в центре мироздания в качестве венца творения и меры всех вещей, из чего следует возведение в приоритетности таких ценностей, как личность человека, его права и свободы, человечность, равенство. И, не смотря на то, что религия на протяжении нескольких веков исправно выполняла свои функции и поддерживала общезначимые ценности, её эпоха как главного объединяющего элемента между людьми стала снижаться в этот период времени, так как религия не смогла дать новым ценностям достойного осуществления. Как справедливо отметил В. И. Гараджа: «Влияние религии подрывают те ценности «общества потребления», которые ориентируют людей на «мирские» блага» [2, с. 188]. В силу этого начался поиск более значимой формы ценности, способной отстоять и установить в обществе ценностные приоритеты, а религия, в свою очередь, оказалась в условиях постоянной десакрализации.

Постепенно в качестве доминирующего социального института стало оформляться право, охватывающее все сферы жизнедеятельности, где ни мораль, ни религия не могли дать ответов на вопросы. Ключевыми для права стали события мировых войн XX века, которые совершили глобальный переворот во всём мире, требующий новых подходов для единства между людьми, в качестве которого и стало право. Его характерной чертой выступает наличие силы, которая основана на строгом закреплении и исполнении наказаний за несоблюдение тех или иных норм. Более того, право не требует принятия чего-либо на веру; оно чётко и расчётливо предоставляет норму и наказание за её несоблюдение. Правовая действительность оказывается доминантой в общественных отношениях поскольку она наполнена ещё одним элементом силы – духовной составляющей, состоящей в существовании в праве ценностей, благодаря которым право не уходит в чистый нормативизм. Глубина права заключена в его стремлении к поиску компромисса, чем выражается одна из основных общезначимых ценностей – мир. С такой точки зрения само право выступает ценностью, закрепляющей ряд других ценностей, среди которых можно выделить: жизнь человека, добро, честь, достоинство, свобода, равенство и т.д.

Положительный опыт действия права, как механизма урегулирования общественных отношений, производит целый ряд, так

называемых, правовых ценностей. Главным образом это те ценности, которые не существуют самостоятельно, а требуют постоянной работы правовой реальности. Авторы данной статьи предлагают их называть «частными ценностями» в противовес ценностям априорно заданным в человеке, т.е. социальным ценностям. Например, к категории правовых ценностей можно отнести политические права человека. Данные права появляются в связи с принадлежностью человека к гражданству конкретного государства и наличием в результате этого должной защиты гражданина. Так, право граждан участвовать в управлении делами государства выражает ценности контакта между народом и государством, политическую свободу, что образуют собой частные ценности, зависимые от существования государства и права. Опыт взаимодействия между народом и государством выводит свои ценности (и в этом плане они государственные), которые гарантируются благодаря механизму права (поэтому ценности эти также правовые). При этом индуктивно можно прийти к социальным ценностям мира, свободы, безопасности и т.д., что не умоляет факта частности политических прав, так как они возникают исходя из существования государства и права как таковых, без которых, в свою очередь, нет необходимости в выведении дополнительных ценностей.

Заключение. В условиях кризиса ценностей право играет важную роль, так как оно укоренилось в качестве формы для общезначимых ценностей. На протяжении истории человечества, вместе со сменой его коллективной картины мира, ценности нуждались в новых формах для выражения. Миф и религия уступили место доминирующего вместилища для ценностей праву, что обосновывается стремлением ценностей к сохранению жизни как человека, так и человечества, и наличием у права для этого соответствующей силы страха наказания. Таким образом, право – это симбиоз силы ценностей и силы страха наказания, осуществляемый в целях обеспечения общезначимых истин об идеальности мира.

Список литературы

1. Барышков, В.П. Аксиология: Учебное пособие / В. П. Барышков. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – 65 с.
2. Гараджа, В.И. Социология религии. Учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей / В. И. Гараджа. – М.: Наука, 1995 – 223 с.
3. Розов, Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н. С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та., 1998. – 292 с.
4. Философия: учебник / А. Н. Чумаков, Ч. Байчунь, А.В. Волобуев [и др.]; под ред. проф. А.Н. Чумакова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2018. – 459 с.

РОЛЬ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Степанова Ю. С., Щербак С. И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
pluto683@mail.ru

Введение. В рамках современного научного гуманитарного дискурса всё большую актуальность набирает цивилизационный подход к изучению социокультурных и социополитических аспектов общественной жизни. После краха социалистической системы в 1991 году, гуманитарная наука нашего общества избавилась от идеологических предрассудков, ввиду чего стала заметна и несостоятельность формационного подхода. Поэтому, по нашему мнению, является необходимым рассмотреть право сквозь призму цивилизационного подхода, для выработки новых концепций взаимодействия государства, права и общества в целях построения самодостаточной и успешной цивилизации.

Основная часть. Перед рассмотрением поставленного нами вопроса необходимо рассмотреть само понятие «цивилизация». Основоположителем цивилизационного подхода считается О. Шпенглер, в своей работе «Закат Западного мира», цивилизацию он называл «смертью» культуры: «Цивилизация есть совокупность крайне внешних искусственных состояний, к которым способны люди, достигшие последних стадий развития. Цивилизация есть завершение. Она следует за культурой, как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как окоченение за развитием...» [5, с. 34]. Таким образом подчеркивается, что цивилизация есть достигшая своего пика культура, которая перестала развиваться. Культур множество, следовательно, существует и множество различных цивилизаций. В свою очередь подвидом культуры является правовая культура, которая находится во взаимосвязи с правом.

По одной из приведённых А. Г. Дугиным концепций: «Цивилизация как набор ценностей (аксиологическая концепция цивилизаций); может быть сведена к той совокупности ценностей, которые приобретают в том или ином обществе статус нормативных» [1, с. 36].

По мнению Немытиной М. В., важным признаком цивилизации является её долгосрочное развитие и становление [2, с. 28]. В некоторой мере право может констатировать долгосрочность определенной цивилизации на примере стран, в которых законодательство действует без изменений или на одной основе веками.

В свою очередь Х. Ортега-и-Гассет раскрывает данное понятие, перечисляя средства цивилизации либо её плоды. По его мнению, «Цивилизация – это прежде всего воля к сосуществованию» [3, с. 76]. Следовательно, необходимы какие-либо нормы для обеспечения этого

сосуществования. Цивилизация невозможна, если в обществе царит хаос, потому право – инструмент достижения цивилизационного порядка и единства, оно вбирает в себя множество моральных, культурных, религиозных ценностей общества, существующего в этой цивилизации. Право отражает сущность общественно-политического устройства цивилизации, её назначение и требования к поведению её представителей. Считаем Х. Ортега-и-Гассет верно отметил: «границы, нормы, этикет, законы писанные и неписанные, право, справедливость! ... Все это сфокусировано в слове «цивилизация...» [3, с. 77]. Законодательство и право – характерные черты цивилизации, к этому перечню следует добавить государство, так как государство и право в рамках современной действительности всегда взаимообуславливающие явления.

Как нами уже было указано, право отражает характерные черты своей цивилизации. К примеру, современная европейская цивилизация, ныне доминирующая цивилизация, имеет общие особенности для всех её представителей. Следует выделить три основные особенности: победившая либеральная парадигма, оказавшая значительное влияние на правовую культуру и правовую систему; рецепция римского права, как результат наследования европейской культурой античных римских ценностей аполлонической цивилизации и культуры; романо-германская и англосаксонская правовые системы. В то время как в государствах исламской культуры центральную роль играет ислам и его традиционные догматы, а в странах восточной Азии традиционно основной ценностью является не человек его права и свободы, а его место в социальной иерархии и качество исполняемой им роли.

Также О. Шпенглером выделено два вида права, право внутреннее и право внешнее [5, с. 831]. Под внутренним правом понимаются правовые нормы, устанавливаемые государством самостоятельно и для себя. Внешнее право – навязанные силой другого государства правовые нормы. Вместе с тем, как нам видится, помимо силового установления норм внешнего права, под внешним воздействием следует понимать ситуацию, когда культура и дух другой цивилизации настолько сильны, что ей было порождено право, ненасильственно овладевшее другой цивилизацией. Когда право присутствует в цивилизации из внешних источников, то очевиден кризис и скорое падение такой цивилизации, слабость её основ, одной из которых и выступает право.

Свидетельством того, что все правовые системы нашей цивилизации подвержены влиянию либерализма, является наличие в конституциях – нормативно-правовых актов с высшей юридической силой, или же в актах, подобных Биллю о правах (Великобритания), главы или положений, норм, посвящённых естественным правам и свободам человека, гуманизму, защите частной собственности, а также разделению властей. Всё это говорит о примате либеральных ценностей и либерального дискурса в

рамках нашей цивилизации, что отражается в праве. Например, глава 2 Конституции Донецкой Народной Республики содержит в себе нормы, регламентирующие основные права и свободы человека и гражданина.

Доминирующей формой правления в европейской цивилизации является демократия, ввиду чего демократические основы конституционного строя также закреплены в высшем нормативно-правовом акте государства.

Право обеспечивает возможность сосуществования, необходимую для существования цивилизации. Различные классы, этносы, личности, чьи интересы противоречат и противостоят, имеют юридически равные субъективные права, защиту, обязанности. Право поддерживает науку и творческий потенциал, для создания материально-технического аспекта цивилизации, обеспечивая свободу мысли и творчества, а также защиту интеллектуальных прав, ввиду чего создаются достойные и достаточные условия научно-технического развития. В эпоху зарождения цивилизаций, главным признаком, которым цивилизованное государство отличалось от варварского, являлось право.

Однако право может быть использовано не только как инструмент поддержания цивилизации, но также может быть обращено и против самой цивилизации, её основ, традиций и культуры. Так Х. Ортега-и-Гассет выделял государство, страдающее излишним бюрократизмом, стремящееся лишить население прав и свобод, установить тоталитарные порядки и захваченное массовым человеком, как высшую угрозу [3, с. 122–134]. Для становления такого государства, требуется, чтобы право стало ему подчинено и изменилось настолько, чтобы позволить существование таких общественных отношений. Парадоксально, что государство и право, при определённых обстоятельствах могут являться главной опасностью для цивилизации, которую призваны защищать и поддерживать.

Заключение. Таким образом, по результатам исследования, нами было установлено, что право – необходимая для существования цивилизации основа, выражающая самобытные цивилизационные культурные, моральные и иные ценности, являющаяся гарантом обеспечения воли к сосуществованию, приводящая в порядок общественную жизнь.

Список литературы

1. Дугин А.Г. Концептуальные подходы к понятию «цивилизация» / А. Г. Дугин // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2013. – №1. – С.33-41.
2. Немытина М.В. Цивилизационно-культурный подход в правоведении / М. В. Немытина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2017. – №4 (32). – С.28-40.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет; [пер. с исп. А.Гелескуса]. – М. : Издательство АСТ, 2020. – 256 с.

4. Сорокина Ю.В. О взаимодействии права и культуры. / Ю.В. Сорокина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – №4.(31). – С.71-87.
5. Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. / Пер. с нем. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. – 1085с.

УДК 351.811

НЕДЕЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Тишаков М. П., канд. юрид. наук

Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Ростов-на-Дону, РФ
rf@rpa-mjust.ru

Введение. Ежегодно, как и много десятилетий назад, проходит неделя (декада, месячник) безопасности дорожного движения, которая направлена на актуализацию деятельности государственных и общественных органов по предотвращению дорожно-транспортного травматизма, соблюдения правил участниками дорожного движения, сохранения их жизни и здоровья. Особый интерес в данном контексте вызывают вопросы историко-правового опыта проведения первых мероприятий – Декады (недели) безопасности движения, а также их последующую реализацию в современных условиях.

Основная часть. Проблема обеспечения безопасности дорожного движения, как в прошлом, так и в настоящем не утрачивает своей актуальности в связи с чем ведется активный поиск наиболее оптимальных форм и методов противодействия дорожно-транспортным происшествиям. Одним из таких мероприятий стала организация первой «Недели безопасности дорожного движения», которая была проведена с 15 по 23 сентября 1958 года во всех союзных республиках СССР. В рамках специализированной недели предполагалось провести целый комплекс мероприятий агитационно-массового и пропагандистского характера [1, с. 10].

Особого внимания в данном контексте заслуживает анализ организационно-правовой деятельности органов власти на местном уровне, в частности на территории Донбасса, который являлся одним из наиболее транспортно-насыщенных регионов и, как следствие, требовал особых подходов в организации обеспечения безопасности дорожного движения. Примечательно, что в Донбассе данная неделя стала именоваться «декадой» и проводилась в период с 20 по 30 декабря 1958 года.

В качестве основной цели декады выступало привлечение широкой общественности к пропаганде правил безопасности движения и к

пресечению причин, вызывающих дорожно-транспортные происшествия [2, Л. 81]. В рамках организации декады безопасности дорожного движения были проведены различные мероприятия, разработанные исходя из детального анализа накопленного опыта, учета достигнутых положительных результатов и допущенных ошибок в ходе повседневной деятельности в данной сфере.

Так согласно решению Бюро Сталинского обкома от 10 сентября 1958 года в период подготовки и последующего проведения «Декады», предусматривалась активная публикация статей в местных газетах, организация бесед по телевидению и радио о задачах «Декады безопасности движения», соблюдении правил поведения на дороге, в том числе с привлечением лучших водителей автотранспорта по вопросам укрепления транспортной дисциплины и предотвращении аварийности.

Со стороны управления внутренних дел и ГАИ происходила подготовка соответствующих указаний в территориальные органы милиции, организация проведения областного инструктивного совещания госавтоинспекторов региона. В свою очередь в автохозяйствах, с участием профсоюзных организаций, были запланированы беседы с водителями транспорта в связи с «Декадой безопасности движения».

Особое внимание акцентировалось на публикации и распространении десятков тысяч листовок по правилам движения и призывов о подготовке к проведению «Декады»; изготовлению и установке художественных панно и плакатов. Для пропаганды мероприятий по обеспечению безопасности движения использовались агитавтомобили и агитмотоциклы, радиоузлы ГАИ УВД, также привлекались различные советские и профсоюзные органы. Дополнительно были сосредоточены усилия на организации работ подвижных и патрульных групп ГАИ, руководителей автохозяйств и общественных автоинспекторов. По поводу последней категории указывалось на проведении с ними совещания и обновлении надписи «Отличник» на закрепленных автомобилях [2, Л. 81–85].

В дни подготовки и проведения «Декады» со стороны Госавтоинспекции Управления милиции города Сталино настоятельно указывалось на необходимости всем гражданам изучить Правила движения, строго их соблюдать с тем, чтобы при проведении «Декады» и в дальнейшем резко сократились несчастные случаи на улицах [3, с. 8]. Поставленных задач удалось достигнуть, однако эффект был лишь временный, так как требовалась последующая систематическая работа в данном направлении, в связи с постоянным ростом количества автомобильного транспорта, расширения улично-дорожной сети, повышения интенсивности движения и, как следствие, увеличения, в связи с этим аварийности на автотранспорте.

Как отмечал в последующем начальник Госавтоинспекции Сталинской области И. Микитюк в течении декады удалось достигнуть

качественных изменений, в частности транспортные происшествия сократились по области на 50 процентов [4]. В целом можно отметить, что первая проведенная неделя (декада) безопасности позволила выявить ключевые проблемные аспекты в сфере организации дорожного движения, качественно подойти к вопросам предупреждения дорожно-транспортного травматизма, засвидетельствовала о возможности снижения количества аварийности на автомобильном транспорте при условии использования профессионального и целеустремленного подхода к разрешению данной проблематики.

Несмотря на прошедшие десятилетия после первой проведенной «Декады...», ее значение и актуальность в современных условиях не теряет своего значения, а даже приобретает глобальный масштаб [5, с. 122]. В настоящее время активно осуществляется деятельность направленная на продолжение заложенных десятилетиями назад массовых мероприятий в сфере предупреждения дорожно-транспортного травматизма – проводятся недели, декады и месячники дорожного движения. Вместе с использованием уже неоднократно доказавших свою эффективность форм и методов воздействия на участников дорожного движения, активно применяются и новые подходы (интеллектуальные игры, флэшмобы, публикации в социальных сетях), применяются современные информационные технологии.

Заключение. Таким образом, как в прошлом, так и в настоящем актуальным остается вопрос обеспечения безопасности дорожного движения, где особой значимости приобретают «недели (декады) безопасности дорожного движения». Данные специализированные мероприятия позволяют привлечь внимание широких социальных слоев населения, подрастающего поколения, общественных организаций, органов власти к дальнейшему повышению уровня правовой культуры участников движения, соблюдения ими правил дорожного движения, предупреждения дорожно-транспортного травматизма, что, как показывает опыт прошлого, и в настоящее время не утрачивает своей актуальности.

Список литературы

1. Крулев Г. «Неделя безопасности движения» // За рулем. – 1958. – №8. – С. 10.
2. Донецкий государственный архив. Ф. П-326. Оп. 11. Д. 67.
3. Беседа с населением о последствиях нарушения правил движения пешеходами и пассажирами [Б.а.]. – Сталино: Госавтоинспекция Управления милиции гор. Сталино, 1958. – 8 с.
4. Микитюк М. Предупреждать транспортные происшествия // Социалистический Донбасс от 10 октября 1958 г.
5. Тишаков М.П. Неделя безопасности дорожного движения: история и современность // Право: история и современность. – 2021. – №1 (14). – С. 115–127.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИММАНУИЛА КАНТА О ГОСУДАРСТВЕ

Тишаков М. П., канд. юрид. наук, **Необутов А. С.**

Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Ростов-на-Дону, РФ
rf@rpa-mjust.ru

Введение. Теория общественного договора происхождения государства и права в наше время, как и столетия назад не потеряла своей актуальности, претендует на роль ключевой в теоретико-правовой науке. Одним из мыслителей, прорабатывавших данный вопрос, является Иммануил Кант. В своих исследованиях, связанных с обоснованием принципиальной возможности и сущности правового государства, И. Кант заложил фундаментальные идеи, имеющие непосредственное влияние на современное государство устройство.

Основная часть. В основе политико-правовых суждений Иммануила Канта находится глубокое понимание государственно-правовых явлений, факторов их обуславливающих и оказывающих наибольшее влияние на дальнейшее построение правового государства. По мнению некоторых исследователей, изучение влияния воззрений И. Канта на правовое государство позволяет глубже понять содержание и смысл существующих на сегодня интерпретаций данного вопроса [1, с. 15].

Теория общественного договора И. Кант наиболее детально проявляется в его теории естественного права, где основа данного подхода – общественный договор выводится в разряд своего рода «ядра», то есть явно идеализируется. Одновременно с этим мыслитель, началом государства считает естественное состояние, лишенное всяких гарантий законности. В итоге моральные принципы и чувство уважения к естественным правам побуждают людей оставить это состояние и перейти к гражданскому обществу.

В свою очередь ключевой основой возникновения государства выступает акт, с помощью которого отдельные индивиды в последующем объединяются в народ и государство. Данный акт – договор. И. Кант толковал его в качестве соглашения, исходящего из автономии воли, представлением индивидов, как моральных субъектов и т.п. [2, с. 256].

Авторское суждение И. Кант по данному поводу в статье «О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» гласит: «Этот договор есть всего лишь идея разума, которая, однако, имеет несомненную (практическую) реальность в том смысле, что он налагает на каждого законодателя обязанность издавать свои законы так, чтобы они могли исходить от объединенной воли целого народа, и что на каждого подданного, поскольку он желает быть гражданином, следует смотреть

так, как если бы он наряду с другими дал свое согласие на такую волю» [3, с. 87].

Таким образом И. Кант утверждал, что, поскольку заключившие его индивиды являлись свободными и проявили благоразумие, создав государство, новые люди, желающие стать гражданами, а соответственно стать участниками данного договора, должны считаться настолько же благоразумными и вследствие этого главным условием договора можно считать обязанность аппарата внешнего принуждения относиться ко всем индивидам, как к моральным личностям.

Вопросы происхождения правовых норм в рамках разработки теории общественного договора И. Кант разрабатывал в своей работе «Метафизика нравов». Мыслитель считал, что правовые нормы контролируют поведение людей изначально, то есть до заключения общественного договора, как и до появления самого государства. Однако данные нормы еще не являются гражданскими установлениями, а соответственно не могут обеспечить хоть сколько-нибудь надежную защиту индивидуальной собственности. Вместе с тем в данный период люди уже создают основы для публичного законодательства. Основным постулатом частного права, а соответственно и поведения людей является: «Можно всякий внешний предмет моего произвола иметь моим» [3, с. 156].

И. Кант считал, что после заключения договора, и как следствие появления государства, основной постулат частного права трансформировался в основной постулат публичного права: «Ты должен при отношениях неизбежного сосуществования со всеми другими людьми перейти из этого состояния в состояние правовое, то есть в состояние распределяющей справедливости» [3, с. 226].

В дополнении к изложенному, в работе «Метафизика нравов» Кант выводит базовый принцип права: «Прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом» [3, с. 140].

Далее И. Кант выводит гипотетический императив, основанный на четырех постулатах: цели не возникают из ничего; все наши цели сложны, имеют продолжительность и связь между собой; существуют пространственные ограничения; человеку невозможно избежать отношений с другим человеком. Из первого и второго пункта следует, что для целенаправленного действия человек должен иметь базовые ресурсы (пища, территория действия, инструмент и т.п.). Из третьего – ресурсы ограничены. Из заключительного постулата следует, что при достижении целей одного человека, другой может их не достичь.

По мнению И. Канта взаимоотношения между государствами похожи на первобытные, поэтому составными элементами межгосударственного права являются: государства, рассматриваемые как дикари; постоянное состояние войны; вследствие первородного общественного договора,

основной задачей государства является защита населения; международное право представляет собой товарищество, из которого можно в любой момент выйти [3, с. 270].

И. Кант рассматривал отношения между государствами, как отношения между дикарями, поскольку государства, по его мнению, не подчиняются каким-либо законам. Права на войну, по мнению И. Кант, не могло быть. Данное право возникает, вследствие оскорбления действием или наличия угрозы, а в этих случаях должно производиться попытка мирного урегулирования, иначе, по формальным признакам, это похоже на нападение без объявления войны. Соответственно, должна быть встреча, где государства решат поступать именно таким способом. По мнению И. Канта международное право появится из долга правителя перед народом, при этом народ должен считаться давшим голос в пользу такого решения.

Заключение. Таким образом можно сделать вывод, что основой мнения И. Канта о государстве является теория общественного договора. Гипотетический и критический императив, сущность, а соответственно функции и форму государства, И. Кант рассматривал, исходя из моральной составляющей, которая одинакова для всех индивидов, которые желают получить гражданство. Также международные отношения И. Кант основывал на данной теории.

Список литературы

1. Соколов Б.О. Концепция общественного договора в современной политической теории: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – СПб., 2001. – 25 с.
2. Вестфаль К.Р. Моральный конструктивизм, теория общественного договора и основные обязанности: Кант против Готье // Историко-философский ежегодник. – 2016. – С. 242-268.
3. Иммануил Кант Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2: МЫСЛЬ. – М., 1965. – 468 с.

УДК 340.113

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Хлыстова Н. Б., канд. юрид. наук, *Лысых Р. С.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
afina_law@mail.ru

Национальная безопасность Российской Федерации представляет собой феномен, являющийся крайне сложным структурно-функциональным явлением, состоящим из совокупности элементов,

состоящих друг с другом в сложных системообразующих связях, а также включает в себя такие подсистемы как политическая, экономическая, социальная, экологическая и иные, в каждой из которых потенциально возможно формирование угроз [1].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 года (далее – Стратегия) ряд ключевых и базовых понятий в системе обеспечения национальной безопасности, среди которых особое место занимают национальные интересы и стратегические национальные приоритеты.

Под национальными интересами Российской Федерации понимаются такие объективно значимые потребности личности, а также общества и государства в безопасности; не менее важными представляются и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, которые в представленном нормативном правовом акте определены как важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации.

Более того, в тексте упомянутой Стратегии в п. 27 прямо указано, что национальная безопасность обеспечивается посредством достижения целей и выполнения поставленных задач, которые предусмотрены в рамках стратегических национальных приоритетов [2].

Стратегия на современном этапе устанавливает среди наиболее важных такие национальные интересы, как сбережение российского народа, развитие человеческого потенциала, постоянное повышение благосостояния граждан; несомненно, важным национальным интересом стоит защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, а также укрепление обороны страны, без чего реализация иных интересов становится проблематичной и маловероятной.

Отдельным блоком указаны поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе.

В качестве стратегических национальных приоритетов названы сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, защита и оборона страны, обеспечение государственной и общественной безопасности, информационная безопасность, экономическая безопасность, научно-технологическое развитие, защита культуры и исторической памяти, а также стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

Национальные интересы классифицируются следующим образом.

Первый уровень – это самовоспроизводство монолитной нации. Второй уровень состоит из интересов государства, то есть, задач становления и обороны державы, являющейся выразителем интересов всей нации [3].

Данный уровень интересов можно разделить еще на четыре подуровня. К первому – отнести образование государственности, утверждение и институционалирование державы, ее признание со стороны основных мировых государств и международных организаций.

Ко второму подуровню относится установление суверенитета и независимости, заявление о способности к осуществлению политической деятельности, которая соответствует общенациональным интересам. К третьему по значимости уровню можно отнести фактическое получение статуса полноправного члена международного сообщества, престиж державы на мировой арене.

К четвертому уровню причисляется принятие официально признанных и объективных границ, что означает получение и сохранение суверенитета государства на той территории, на которой испокон веков естественным образом расселена нация. Национальные интересы имеют свойство переходить из одного поля действия в другое, поддаются корректировке, исходя из складывающейся в регионе и мире обстановки.

Эта типология не является предметом внимания прочих направлений, не считая реализма, и не подлежит дискуссии.

Типология национальных интересов по функциональным сферам деятельности нашла свое распространение в политологии наравне с типологией по уровню значимости.

Она объемлет интересы по следующим сферам: экономика; политика; социальное устройство; экология; военная (оборонительная) сфера; информационная среда; духовная жизнь, культура, наука и техника [4].

Предпочтительность того или иного вида общенациональных интересов обусловлена степенью необходимости их осуществления для граждан, социальных групп, организаций, стран, существованием угроз данным интересам в лице прочих субъектов межгосударственных отношений.

Интересы в сфере политики, экономики и обороны в большинстве случаев относятся к существенным интересам.

Таким образом, важные интересы имеют отношение к осуществлению конституционных прав и свобод отдельной личности и гражданина, защите общественно важных элементов реально-вещественного и духовно-нравственного самочувствия державы, достижению безопасного для общества состояния, предупреждению и пресечению вражды между представителями разных конфессий, национальностей, рас, социальных групп, предотвращению преступности,

содействию сохранения устойчивой и безопасной международной обстановки.

Нормативное закрепление понятия и сущности национальных интересов и стратегических национальных приоритетов свидетельствует о том, что на современном этапе данному направлению уделяется большое внимание, что, в конечном счете, призвано обеспечить сохранность всех базовых ценностей государства и общества, приумножить накопленный потенциал и продолжить развитие в крайне непростых условиях.

Список литературы

1. Титов А. Б., Михеенко О. В. Экономическая безопасность в системе национальной безопасности России //Общество: политика, экономика, право. – 2017. – №. 1.
2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>
3. Трусов Н. А. Система национальной безопасности России //Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3(35).
4. Касюк А. Я., Харичкин И. К. Внешние угрозы национальной безопасности Российской Федерации и перспективы их нейтрализации //Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2015. – №. 1.

УДК 342.5

К ВОПРОСУ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КАК СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чепикова В. А., Исмаилов Э. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
elnur.ismailov322@gmail.com

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена значимостью функционирования национальной судебной системы в контексте системы разделения властей, поскольку, реализуя государственную власть в особой форме, суд не изолирован от других ветвей власти, но, в то же время, осуществляет роль арбитра во взаимодействии властных органов. Кроме того, в силу вступления Донецкой Народной Республики (далее по тексту – ДНР, Республика) в состав Российской Федерации (далее по тексту – РФ, Федерация) в качестве субъекта Федерации, важным является интерпретация деятельности и статуса судов Республики с точки зрения федерального законодательства.

Целью работы является проведение теоретико-методологического анализа судебной власти в Донецкой Народной Республике как субъекта Российской Федерации.

Основная часть. Некоторые авторы выделяют два аспекта понятия «судебная власть» – функциональный и институциональный. В функциональном аспекте судебная власть представляет собой совокупность юрисдикционных полномочий, ограниченных юридической конституцией и общими принципами права, и связанных с ними полномочий государства, реализуемых от имени народа независимыми должностными лицами – судьями – в особо оговоренной законом судебной процедуре и иными должностными лицами, которые обеспечивают юрисдикционную деятельность судей. В институциональном аспекте судебная власть – это обособленная группа связанных между собой государственных учреждений (в основном судов), организующих и обеспечивающих реализацию судьями юрисдикционных полномочий.

В соответствии со ст. 80 Конституции ДНР, правосудие в ДНР осуществляется только судом [1]. Так, в Республике действуют Верховный Суд (высший судебный орган по гражданским, арбитражным, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам ДНР) и иные суды, полномочия, порядок образования и деятельности которых определяются Законом ДНР «О судебной системе» № 241-ИНС от 31 августа 2018 года [2].

Согласно ст. 24 федерального конституционного закона (далее – ФКЗ) РФ «О судах общей юрисдикции», суды республик важно воспринимать в качестве федеральных судов общей юрисдикции, которые занимаются деятельностью в рамках локации соответствующих субъектов РФ, и в качестве непосредственных вышестоящих судебных инстанций относительно районных судов, которые действуют в рамках соответствующего субъекта РФ [3].

Также следует отметить, что к судам субъектов РФ относятся: конституционные суды субъектов РФ и мировые судьи, являющиеся судами общей юрисдикции (ч. 2-4 ст. 4 ФКЗ «О судебной системе РФ»). Отметим, что конституционный суд субъекта РФ создается субъектом РФ, он аналогичен Конституционному Суду РФ, но не на общегосударственном уровне, а только на уровне субъекта РФ, и, соответственно, рассматривает вопросы соблюдения законов субъекта РФ. Однако, в статье 5 ФКЗ от 08.12.2020 г. № 7-ФКЗ закреплено предписание об упразднении конституционных судов субъектов федерации до 1 января 2023 года (прямо прописано в ч. 3 ст. 5 данного ФКЗ) [4]. Более того, данный ФКЗ даёт право субъектам Федерации на создание конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ. Данный орган наиболее адекватно подходит для выполнения функций конституционного (уставного) надзора в субъектах в сложившихся реалиях.

Таким образом, упразднение конституционных судов субъектов Федерации выглядит вполне оправданным решением, так как Конституционный суд РФ может разрешать споры о компетенции между высшими государственными органами субъектов РФ, Верховный Суд РФ обладает полномочиями по разрешению споров между органами государственной власти субъектов РФ, переданных на рассмотрение в Верховный Суд РФ, Верховный суд республики/ краевой (областной) суд/ суд города федерального значения/ суд автономной области/ суд автономного округа имеют право рассматривать административные дела об оспаривании нормативных правовых актов, актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, органов государственной власти субъектов РФ, представительных органов муниципальных образований.

Возвращаясь к заявленной тематике исследования, отметим, что, согласно ч. 1 ст. 10 ФКЗ от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» [5], в течение переходного периода на территории ДНР с учетом ее административно-территориального деления, установленного законодательным (представительным) органом ДНР, создаются суды РФ (федеральные суды) в соответствии с законодательством РФ о судебной системе.

Кроме того, на территории ДНР по инициативе законодательного (представительного) органа ДНР, согласованной с Верховным Судом РФ, создаются судебные участки и должности мировых судей в соответствии с законодательством РФ, что является нововведением для судебной власти ДНР. Так, согласно ч. 4 ст. 4 ФЗ «О мировых судьях в РФ» [6], судебные участки создаются из расчета численности населения на одном участке от 15 до 23 тысяч человек.

При этом, до создания на территории ДНР судов РФ правосудие от имени РФ на указанной территории осуществляют суды, действовавшие на день принятия в Федерацию ДНР и образования в составе РФ нового субъекта. Лица, замещавшие должности судей в этих судах, продолжают осуществлять правосудие на указанной территории при условии наличия у них гражданства РФ.

Заключение. Таким образом, судебная система Донецкой Народной Республики стоит перед началом нового исторического этапа – включения в общероссийскую судебную систему и приведения полного соответствия законодательству РФ, международно-правовым стандартам и основным принципам правового государства. Особенностью реформирования является то, что переходной период, в течение которого урегулируются вопросы интеграции нового субъекта РФ, длится до 1 января 2026 года.

Список литературы

1. Конституция ДНР: принята 14 мая 2014 года Народным Советом ДНР (в ред. от 06.03.2020 г.) / Официальный сайт НС ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>. – Дата обращения: 13.04.2022. – Загл. с экрана.
2. О судебной системе ДНР: Закон ДНР от 31 августа 2018 года № 241-ИНС / Официальный сайт НС ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-sudebnoj-sisteme-donets/>. – Дата обращения: 04.10.2022. – Загл. с экрана.
3. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 г. № 1-ФКЗ / Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32659/>. – Дата обращения: 04.10.2022. – Загл. с экрана.
4. О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы: Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 г. № 7-ФКЗ / Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46173/>. – Дата обращения: 04.10.2022. – Загл. с экрана.
5. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ / Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69513> – Дата обращения: 04.10.2022. – Загл. с экрана.
6. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ / Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13279> – Дата обращения: 04.10.2022. – Загл. с экрана.

Конституционное и международное право

УДК 34

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ КАК МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ И СПОСОБ БОРЬБЫ С ПРАВОВЫМ НИГИЛИЗМОМ

Артамонов А. Н., канд. юрид. наук,
Главное управление Минюста России по Ростовской области,
г. Ростов-на-Дону, РФ
artamonov_mj@mail.ru

Введение. Современная система регулирования общественных отношений является наиболее нестабильным (сточки зрения исторического контекста, когда правила поведения вырабатывались годами или даже веками, а для их изменения нужны были веские причины или титанические потрясения) и подверженным изменениям механизмом, основным инструментом которого выступает нормативное предписание, оформленное в соответствующем документе – нормативном правовом акте. Любой вид такого документа должен быть определен индивидуально, установлен субъект, его издающий или принимающий, процедура разработки и принятия, доведения до сведения тех, на кого будет распространяться его действие. Без соблюдения заранее известных правил создания таких общеобязательных предписаний, их юридическая сила или возможность влиять на взаимоотношения в общественной среде должны быть ничтожны.

Помимо нестабильности, т.е. частоте изменений, нормотворческая деятельность сегодня характеризуется еще большими объемами, как абсолютными, так и относительно определенных временных отрезков (месяц, квартал, год, десятилетие, за которые принимается то или иное количество документов), скоростью принятия решения, масштабами и сроками распространения правовой информации, которые не имеют ни границ, ни временных зазоров, т.е. соответствующие данные могут быть доведены до адресата мгновенно, повсюду и одновременно для всех. Пока сохраняется форма и определенность источников такой информации и, как следствие, презумпция неинформированности, но, судя по развитию научно-технических возможностей, у нас остается все меньше причин ссылаться на неосведомленность по любому из вопросов, имеющему отношение к нашему статусу, правам, обязанностям и последствиям их несоблюдения.

Основная часть. Указанные выше причины, не всегда необходимый уровень подготовки специалистов, занимающихся созданием нормативных предписаний, отсутствие механизмов привлечения к этой работе людей,

которые непосредственно являются участниками определенных общественных отношений или специалистов-экспертов, их изучающих и знающих различные аспекты, исторические примеры, особенности воздействия на взаимоотношения, являющиеся предметом правового регулирования, способные наиболее достоверно спрогнозировать последствия принятия или непринятия того или иного управленческого решения, порождают многочисленные неудачи такой работы и ее продуктов – нормативных правовых актов.

Это может усиливаться многосложностью механизма регулирования, например, в федеративных государствах, таких как Российская Федерация, задачами, которые ставятся перед нормотворцами политическим руководством и политической ситуацией в данном временном отрезке, например, перевод нормативных предписаний из советской правовой системы в современную российскую. Но недостатки правового регулирования, их слабые стороны характерны в той или иной степени всем современным правовым системам.

В последние годы в России были внедрены новые направления деятельности и даже целые институты, некоторые не имеют аналогов в других странах, какие-то давно применяются за рубежом, например, мониторинг законодательства, правоприменения, оценка регулирующего воздействия, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов, ее независимый блок, представителей которого аккредитуют в Минюсте России. Это такая деятельность, которая должна анализировать действующее законодательство, различные виды общественных отношений, выявлять их несовершенства и предлагать наиболее оптимальные и правильные, с точки зрения общественной пользы, нормотворческие решения.

Отдельные виды общественных отношений характеризуются своеобразием средств и методов воздействия на них, способных достичь желаемого результата. При этом, сам «желаемый результат» должен быть четко определен, заранее обсужден и одобрен большинством участников взаимоотношений и экспертами. Цель, средства достижения, сроки, ответственные лица, последствия недостижения определенного результата – это параметры, которые мы или уже отвыкли встречать в практическом воплощении, или научились не придавать им необходимого значения.

Все это является причиной порождения и устойчивости правового нигилизма – неверия в механизмы, методы и действенность нормативных предписаний, недоверие их создателям и структурам, наделенным задачей их обеспечивать.

Также большое, если не решающее, значение имеет ответная реакция на предложенные инициативы по изменению общественных отношений, нормативному регулированию или его корректировке со стороны как общества, отдельных его представителей, так и органов власти низшего

уровня. Отсутствие такой реакции (не обязательно положительной, соглашающейся с доводами и предложениями, но обосновывающей отказ в ее реализации и причины такого отказа) на практике является основной причиной безынициативности субъектов правового мониторинга, неверия в возможности повлиять на управленческие решения.

Заключение. На наш взгляд, правовой мониторинг (ни мониторинг права или законодательства, целью которого является изучение нормативных баз, существующих для регулирования тех или иных отраслей и видов общественных отношений, их полнота, достаточность, непротиворечивость, соответствие требованиям иерархии нормативных правовых актов и т.д.), когда изучению и анализу подвергаются сами отдельные виды взаимоотношений: какова их характеристика, наличие проблем и перспектив развития, возможности влияния на них и каковы могут быть способы воздействия, последствия (ближайшие, средней перспективы и дальнейшее их развитие), мог бы стать источником гармонизации как текущего нормотворчества, так и нормативных баз государства.

Одновременно с введением правового мониторинга, не носящего формальный характер, который имеет место в современной российской правовой действительности, необходимо решить вопрос правил нормотворчества, начиная с законодательного определения понятия «нормативный правовой акт», установления строгой иерархии такого вида документов, запрета на дублирование нормативных положений, уже установленных в нормативных предписаниях, имеющих большую юридическую силу, введения строгой ответственности органов власти и должностных лиц, нарушающих единство правового пространства государства на любом ее уровне, внедрить строгий механизм материальной компенсации разработчиками, нормотворцами и правоприменителями положений, впоследствии признанных противоречащими действующему законодательству.

Данная гармонизация укрепит доверие к норме права, как регулятору общественных отношений и снизит причины и поводы правового нигилизма.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Меркулов М. В.

ГБОУ ВО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, РФ
tigp_dua@mail.ru

Введение. По мнению современных ученых в настоящее время в эпоху трансформации общества национальное законодательство в силу объективных причин не успевает урегулировать все сферы стремительно развивающихся общественных отношений. Итогом такого отставания закона от общественных процессов становится увеличение числа конфликтов, которые выходят за пределы правового поля [1]. Чтобы снизить градус накала таких конфликтов представляется целесообразным своевременно вносить соответствующие изменения в Конституцию, совершенствуя механизм конституционного контроля.

Основная часть. Стоит отметить, что согласно статье 1 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации [2]. Конституционный Суд РФ осуществляет судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства.

Так, до вступления Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) в состав Российской Федерации в ДНР согласно статьи 69 Конституции Донецкой Народной Республики (далее – Конституции ДНР) принятие Конституции ДНР и законов ДНР, внесение в них изменений, а также толкование Конституции ДНР и законов ДНР относились к ведению Народного Совета Донецкой Народной Республики (далее – Народного Совета ДНР). Следовательно, органом конституционного контроля в ДНР являлся Народный Совет ДНР – Парламент ДНР, постоянно действующий высший и единственный законодательный (представительный) орган государственной власти ДНР [3].

Конституционный контроль в ДНР осуществлялся не признанием того или иного закона несоответствующим Конституции ДНР, а внесением соответствующих изменений в Конституцию ДНР или в тот или иной закон ДНР. Таким образом, имело место конкретного конституционного контроля по связи с конкретным законом. Конституционный контроль в ДНР централизованный, то есть его осуществлял только один орган, например, как Конституционный Совет Франции. По правовым

последствиям решения Народного Совета ДНР окончательны и имеют решающее значение, а не консультативное. Объекты конституционного контроля в ДНР – законы ДНР и не вступившие в силу международные договоры. Конституционный контроль международных договоров осуществлялся в ДНР путем их ратификации Народным Советом ДНР. Так, 22 февраля 2022 года Народный Совет ДНР принял Закон Донецкой Народной Республики «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой» [4].

В качестве еще одного примера, приведем решение (постановление) Народного Совета ДНР. В июне 2022 года Народным Советом ДНР был принят Закон Донецкой Народной Республики от 24 июня 2022 года № 383-ІІНС «О внесении изменений в Конституцию Донецкой Народной Республики». Согласно Закону, Глава Донецкой Народной Республики (далее – Глава ДНР) был наделен полномочиями по назначению на должность Генерального прокурора Донецкой Народной Республики (далее – Генеральный прокурор ДНР) после консультаций с Народным Советом ДНР и освобождению от должности Генерального прокурора ДНР, а также по назначению на должность и освобождению от должности заместителей Генерального прокурора ДНР по представлению Генерального прокурора ДНР.

Кроме этого, были внесены изменения в части полномочий Народного Совета ДНР. Так, Народный Совет ДНР был наделен полномочиями по объявлению амнистии, по проведению консультаций по предложенной Главой ДНР кандидатуре на должность Генерального прокурора ДНР.

Правительству Донецкой Народной Республики были переданы полномочия по утверждению программ социально-экономического развития.

В целях недопущения отсутствия правовых норм, регулирующих общественные отношения в ДНР, обусловленные на тот момент текущей военно-политической обстановкой, международно-правовым статусом и действующей правовой системой, изменениями в Конституцию ДНР было закреплено, что до формирования органов местного самоуправления и вступления в силу закона, регулирующего вопросы их организации, функции органов местного самоуправления осуществляют местные администрации в пределах, определенных Главой ДНР. Сами местные администрации возглавляются главами местных администраций, которые назначаются и освобождаются от должности Главой ДНР.

Также в Конституции ДНР была закреплена норма, согласно которой на период действия на территории ДНР военного положения особенности утверждения Республиканского бюджета ДНР, бюджетов государственных внебюджетных фондов ДНР определялись законом.

Заключение. В ДНР отсутствовал судебный орган конституционного контроля. Функции институционального органа конституционного контроля в ДНР были возложены на Народный Совет ДНР.

Список литературы

1. Зорькин, В.Д. Право силы и сила права. Лекция для участников V международного юридического форума. Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г. / В.Д. Зорькин // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4 – С. 18-32.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/10101207/> (дата обращения: 01.09.2022).
3. Конституция Донецкой Народной Республики. – URL: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 01.09.2022).
4. Закон Донецкой Народной Республики «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой». – URL: <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-ratifikatsii-dogovora-o-druzhbe-sotrudnichestve-i-vzaimnoj-pomoshhi-mezhdu-rossijskoj-federatsiej-i-donetskoj-narodnoj-respublikoj/> (дата обращения: 01.09.2022).

Уголовное право и процесс

УДК 343.7

ВКЛАД САМВЕЛА МАМАДОВИЧА КОЧОИ В АКТУАЛИЗАЦИЮ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА (В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ ПРОФЕССОРА)

Абакишина Н. А., канд. экон. наук

Патриотический фонд социальной поддержки ветеранов и военно-патриотического
воспитания молодёжи «Служу Великой Руси», г. Москва, РФ

natali_abakshina28@mail.ru

Данную научную публикацию я посвящаю российскому ученому-правоведу, доктору юридических наук, профессору кафедры уголовного права, главному научному сотруднику научно образовательного центра применения уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), академику Российской академии естественных наук, «Заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации», «Почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации», «Почетному работнику юстиции России», юбиляру Самвелу Мамадовичу Кочои. Следует отметить, что профессор С. М. Кочои является автором многих научных трудов, изданных в России и за рубежом, включая Украину, Белоруссию, Казахстан и Ирак.

В ходе обучения в магистратуре Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) по направлению подготовки «магистр уголовного права» в период с 2016 по 2018 год мне выпала большая честь пройти обучение у профессора С. М. Кочои по дисциплине «преступления против собственности» и изучить его научный труд¹.

Необходимо подчеркнуть крупнейший вклад профессора С. М. Кочои в актуализацию теории уголовного права о преступлениях против собственности в его работах «Уголовное законодательство России и зарубежных государств о посягательствах на собственность», «Уголовно-правовое противодействие преступлениям против собственности», «Ответственность за корыстные преступления против собственности».

В своих трудах профессор С. М. Кочои актуализирует вопросы права собственности и стоимости имущества в теории уголовного права, обращая внимание на то, что предметом преступлений против собственности может быть только чужое имущество, которое не находится

¹ Кочои С. М. Преступления против собственности: учебное пособие для магистрантов / С. М. Кочои / под редакцией А.И. Рарога. – Москва : Проспект, 2016. – 88 с.

в собственности или законном владении виновного лица, а также обращая внимание на стоимость данного имущества как критерий разграничения уголовно наказуемого преступления от административного правонарушения. Так, в случае отсутствия возможности определить и оценить стоимость похищенного имущества невозможно признать лицо виновным в совершении общественно опасного преступного деяния, наказание за которое предусмотрено уголовным законом.

Заслуга профессора С. М. Кочои заключается в актуализации понятия и признаков хищения, выделяя три альтернативных действия, характеризующие объективную сторону хищения, в частности: изъятие чужого имущества; обращение в пользу виновного либо других лиц чужого имущества; изъятие и обращение в пользу виновного либо других лиц чужого имущества. Кроме того Самвел Мамадович акцентирует внимание на том, что изъятие и обращение чужого имущества возможно только при краже, мошенничестве или грабеже, а что касается присвоения или растраты, то в данном случае имеет место только обращение чужого имущества, находящегося правомерно во владении виновного лица. Общность данных действий выражается в активном поведении виновного, а соответственно, как справедливо отмечает профессор С. М. Кочои, не совсем корректно в законе для характеристики присвоения и растраты, специальных видов мошенничества использован термин «деяние», так как данный термин подразумевает не только действие, но и бездействие, что противоречит признакам хищения. Также обращено внимание о противоправности изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного, то есть отсутствия у виновного права на имущество, а также права на совершение действий с данным имуществом, при этом собственнику имущества причинен реальный ущерб в размере стоимости похищенного имущества, а не в размере упущенной выгоды в соответствии с ч. 2 ст. 15 ГК РФ.

Профессор С. М. Кочои отмечает, что большинство преступлений против чужой собственности являются делами публичного обвинения и для их возбуждения, производства предварительного расследования и судебного разбирательства не требуется согласия собственника либо другого владельца имущества, за исключением преступлений, предусмотренных ст. 159-159⁶, 160, 165 УК РФ, которые признаются делами частно-публичного обвинения и возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего либо его законного представителя.

В работах С. М. Кочои актуализированы вопросы о моменте окончания хищения, то есть моменте, когда у виновного возникает реальная возможность распоряжения и пользования чужим имуществом по своему усмотрению, что и следует считать моментом причинения ущерба собственнику или иному владельцу. Акцентируется внимание на потребительских свойствах похищенного имущества на примере продуктов питания, которые в случае неправомерного потребления на

охраняемой территории признаются похищенными в момент реализации умысла распорядиться ими по своему усмотрению на данной территории.

Продолжая свою мысль, С. М. Кочои обращает внимание на причинную связь между изъятием и (или) обращением чужого имущества и ущербом, причиненным этими действиями, где изъятие и (или) обращение всегда предшествует во времени причинению ущерба собственнику, содержит реальную угрозу наступления последствий и является непосредственной причиной данных последствий для собственника имущества. Профессор также отмечает, что имущество как объективный признак хищения обладает физической материальной формой, а соответственно предметом хищения не могут быть взгляды, идеи, информация. Кроме того имущество как предмет хищения обладает экономическим признаком, представляя хозяйственную ценность и соответствующую стоимость, что может послужить основанием для отказа в возбуждении уголовного дела в виду малозначительности. Акцентируется внимание на социальном признаке имущества как предмете хищения, которым может быть только объект человеческого труда, чем и отличаются преступления против собственности от экологических преступлений, где предметом преступлений являются природные ресурсы. Отмечен юридический признак предмета хищения, заключающийся в том, что имущество для виновного должно быть чужим. В целом предмет хищения определяется эквивалентом стоимости, однако исключает те предметы, которые сами по себе не представляют ценности, однако предоставляют право на получение имущества и оказание услуги, такие как, например, квитанции.

Рассматривая вопросы уголовной ответственности за хищение, профессор С. М. Кочои обращает внимание на дифференциацию данной ответственности не только в зависимости от способов (форм) хищения, но и в зависимости от его видов, в основу которых положен размер похищенного имущества, исходя из фактической его стоимости на момент совершения преступления при условии либо наличия сведений о цене его стоимости либо на основании заключения экспертов.

В целом значительный вклад профессора С. М. Кочои в актуализацию теории уголовного права о преступлениях против собственности неоспорим, однако следует отметить также его вклад в исследование вопросов ответственности за экстремистские (террористические) преступления.

Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации Самвел Мамадович Кочои является единственным из российских ученых, кто работает над темой уголовной ответственности за геноцид, совершенный террористами в отношении народа езидов в Ираке и Сирии, что говорит о высоких Человеческих качествах профессора и, несомненно, подтверждает его значительный вклад в актуализацию теории международного уголовного права.

СОДЕРЖАНИЕ

Административное и финансовое право

<i>Барбашова Н. В., Богославский В. А.</i> Актуальность защиты экологических прав человека: уголовно-правовой аспект	5
<i>Крохина Ю. А.</i> Проблемы цифровизации налогового контроля: юридические последствия и ответственность	7
<i>Куделя В. В., Гуров А. И.</i> Административно-правовое обеспечение деятельности адвокатуры	10
<i>Куделя В. В., Дацьо К. В.</i> Об институте таможенных платежей	13
<i>Куделя В. В., Щекланова К. Э.</i> Понятие и сущность обжалования нарушений прав граждан в сфере государственного управления	16
<i>Лихачев С. В., Коробейникова К. В.</i> К проблеме правового регулирования деятельности государственных архивных учреждений	20
<i>Мазина Н. Е., Иванова К. Т.</i> Разграничение административной и уголовной ответственности: теоретико-методологические подходы к исследованию ..	23
<i>Мазина Н. Е., Сеник Р. А.</i> Конвергенция законодательства ДНР о специальных налоговых режимах с налоговым законодательством РФ	26
<i>Мазина Н. Е., Сеник А. А.</i> Юридическая природа налоговой ответственности: сравнительно-правовой анализ законодательства Донецкой Народной Республики и Российской Федерации	29
<i>Насирова Л. С.</i> О налоговых льготах по налогу на прибыль предприятий	32
<i>Сынкова Е. М., Бережной П. С.</i> К вопросу определения понятия национальной безопасности	35
<i>Сынкова Е. М., Каменев А. С.</i> К вопросу совершенствования системы налогообложения субъектов малого бизнеса	38
<i>Сынкова Е. М., Мирзаханян А. Х.</i> О мерах нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности	41
<i>Тихалева Е. Ю.</i> Правовые основы административно-процессуальной деятельности органов государственной охраны	44
<i>Цыба Е. В., Кушнарева М. А.</i> Порядок осуществления денежных расчетов в Донецкой Народной Республике	47
<i>Ястребов С. В.</i> Административно-правовые компетенции прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях	50

Конституционное и международное право

<i>Воротилина Т. В.</i> Место института уполномоченного по правам человека в правозащитной системе Российской Федерации	53
<i>Кулакова Е. В.</i> Анализ зарубежной практики взаимодействия парламента и правительства в законодательном процессе	56
<i>Одегова Л. Ю., Куличенко Д. А.</i> Проблема соотношения принципа территориальной целостности и права народов на самоопределение в международном праве и возможные пути ее разрешения	59

<i>Одегова Л. Ю., Стельмашов В. В.</i> Реализация принципа права наций на самоопределение в рамках референдумов	63
<i>Поляков В. Ю., Петрова Е. В.</i> Способы мирного урегулирования разногласий в международном праве	66
<i>Полякова Н. Г.</i> К вопросу о балансе частных и публичных интересов в правоотношениях по охране жилья осужденных лиц	70
<i>Рябченко А. А., Шаматава Н. Д.</i> Государство и религиозные объединения в современном мире	73
<i>Савицкий А. И., Доцатов А. А.</i> Принцип единства публичной власти в законодательстве об организации государственной власти в субъектах федерации и местного самоуправления	75
<i>Соловьёва Ю. А.</i> Деятельность ООН по созданию системы международной информационной безопасности	78
<i>Тимофеева А. А.</i> К вопросу о функциях местного самоуправления	81
<i>Ханин М. Ю.</i> Правовые взаимодействия и стратегии партнерства между Российской Федерацией и международными организациями	83

Уголовное право и процесс

<i>Бружукова О. В., Наконечная Н. В.</i> Террористические организации как всеобщая мировая угроза	86
<i>Глизнуца А. В.</i> Классификация международных стандартов осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних	89
<i>Гулина С. Н., Байша А. А.</i> Место и роль состязательности в российском уголовном производстве	92
<i>Гулина С. Н., Руденко В. П.</i> К вопросу об историческом аспекте института дознания в уголовном процессе	95
<i>Гулина С. Н., Филин М. В.</i> Стратегия развития уголовно-процессуального права в условиях цифровизации российского общества	98
<i>Журба А. И., Федотов В. А.</i> К вопросу о поддержании прокурором государственного обвинения	101
<i>Калмыкова А. А.</i> Суд как субъект доказывания по уголовному делу	104
<i>Карпенко Л. К., Шейка Я. А.</i> Причины преступности с использованием искусственного интеллекта	107
<i>Карягина О. В., Богославская К. Э.</i> Криминалистические признаки личности осужденного к лишению свободы	110
<i>Карягина О. В., Негляд Н. В.</i> Проблемный анализ вопросов квалификации получения и дачи взятки в разъяснениях Пленума Верховного суда России	113
<i>Копшева К. О., Задёра В. В.</i> Новые виды фишинга в 2022 году в сфере онлайн-игр	116
<i>Крайнова Н. А., Жижжун И. К., Михайлова А. И.</i> Современные формы информационного терроризма	119
<i>Максименко О. Б.</i> Информационно-телекоммуникационные технологии как фактор, влияющий на совершение преступлений несовершеннолетними, а также преступлений в отношении несовершеннолетних и защиту их прав	122

<i>Мамона Т. М.</i> Процессуальный статус гражданского истца в уголовном процессе	125
<i>Манивлец Э. Е., Базака В. В.</i> К вопросу о перспективах развития института пробации в Донецкой Народной Республике	128
<i>Манивлец Э. Е., Новикова И. А.</i> Об истории становления института доказывания в отечественном уголовном процессе	130
<i>Манивлец Э. Е., Шумайлова Ю. А.</i> Проблемы юридической ответственности за деяния, связанные с жестоким обращением с животными	133
<i>Меркулов С. Н., Базака В. В.</i> К вопросу о перспективах развития института пробации в Донецкой Народной Республике	136
<i>Милич И.</i> Смертная казнь или пожизненное заключение	138
<i>Нуртазин М. С., Данакари Л. Р., Ивентьев С. И.</i> Духовно-нравственный смысл понятий «коррупция» и «коррупционное правонарушение (преступление)»	141
<i>Сапрунова Е. С., Попова А. А.</i> Актуальные проблемы назначения и проведения судебной строительно-технической экспертизы	146
<i>Семыкин Н. В., Грачева И. А.</i> Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ как состав преступления	149
<i>Семыкина Л. А., Савицкая Ю. А.</i> Противодействие торговле людьми	152
<i>Смирнов А. А.</i> Актуальные вопросы формирования следственно-оперативной группы	155
<i>Тимошенко Н. А., Бабаскин Б. М.</i> Генезис понятия «терроризм»	158
<i>Тимошенко Н. А., Таразанова К. С.</i> Зарубежный опыт уголовно-правовой регламентации преступлений против семьи и несовершеннолетних	163
<i>Тимошенко Н. А., Хулла Е. В.</i> Понятие свободы личности как объекта уголовно-правовой охраны	166
<i>Ушакова К. С.</i> Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка в уголовном праве Донецкой Народной Республики	170
<i>Хань Г. А., Кармазина А. А.</i> Некоторые вопросы о личности серийного убийцы	173

Гражданское право и процесс

<i>Андрианов В. М.</i> К вопросу о значении интересов в праве	177
<i>Асеева Н. В., Гокунь Ю. С.</i> Гражданско-правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий в Донецкой Народной Республике	179
<i>Беспалова Е. В.</i> К вопросу возмещения ущерба пострадавшим от террористического акта	182
<i>Бружукова О. В., Глотова Н. В.</i> Брачный договор как способ защиты детей и женщин	185
<i>Бружукова О. В., Филенко А. Ф.</i> Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав	187
<i>Горбатенко Е. В.</i> Сущность и значение гражданско-правового договора	190
<i>Дербишев Р. О.</i> Проблемы возмещения вреда, причиненного незаконными действиями суда и перспективы их решения	193

<i>Дербишев Р. О., Гунько А. В.</i> Роль судебных дебатов в формировании решения суда первой инстанции	196
<i>Дербишев Р. О., Кравчук А. Л.</i> Право собственности в различных правовых системах	199
<i>Дербишева О. А.</i> Транспарентность судебной системы в гражданском процессе	202
<i>Дербишева О. А., Железнова В. Е.</i> Наследственное правопреемство в гражданском праве: теоретические аспекты	205
<i>Дербишева О. А., Иванюк К. Б.</i> Оснований возникновения права общей совместной собственности супругов	208
<i>Ефремова А. В., Худовердова К. А.</i> Анализ правового регулирования имущественных прав несовершеннолетних лиц в гражданском праве	211
<i>Каравацкая С. А.</i> Правовые аспекты медиативного соглашения	214
<i>Ковалёв И. П.</i> Медиация в гражданском судопроизводстве: проблемы теории и практики	217
<i>Лебедь Н. А.</i> О сущности срока исковой давности	220
<i>Левченко И. А., Кислякова М. Г.</i> Защита прав детей в гражданском судопроизводстве	223
<i>Левченко И. А., Степченко И. Н.</i> Обеспечение доказательств в гражданском процессе ДНР	226
<i>Левченко И. А., Филипченкова И. А.</i> Особенности реализации сделок с недвижимостью на освобожденных территориях ДНР	229
<i>Лопатина Н. Д., Лопатин С. С.</i> Актуальные вопросы «дробления» закупок в рамках контрактной системы для обеспечения государственных и муниципальных нужд	232
<i>Максимов В. А.</i> Право на имя в цифровую эпоху	235
<i>Матвиенко Е. А., Макарова К.</i> К вопросу об ответственности за вред, причинённый искусственным интеллектом	238
<i>Меживой А. В., Юрченко Д. Е.</i> Обеспечение доказывания в гражданском процессе	241
<i>Могутов Д. Н.</i> О полномочиях представителя юридического лица	244
<i>Рябченко А. А., Полянский Л. А.</i> Правоотношения и последствия при выявлении недействительности сделки	247
<i>Рябченко А. А., Черкашина Н. Э.</i> Проблемы правового регулирования медицинского страхования в России	255
<i>Сапрунова Е. С., Тазаян Р. Л.</i> Интеллектуальная собственность в процедуре банкротства	253
<i>Скороход В. Е., Артемова Н. А.</i> Проблемы злоупотребления процессуальными правами участниками арбитражного процесса	255
<i>Скороход В. Е., Тюрина А. В.</i> Проблемы примирительных процедур в гражданском процессе	258
<i>Славова Н. А.</i> Государственные и муниципальные услуги: гражданско-правовой аспект	261
<i>Смирнова Е. В.</i> Предпринимательская деятельность в условиях принятия Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации	264

<i>Тишаков М. П., Шведченко С. А.</i> Охрана труда женщин и лиц с семейными обязанностями в российском и зарубежном законодательстве	267
<i>Финкина А. П., Бережная А. В.</i> К вопросу об охраноспособности изображений, созданных искусственным интеллектом	270
<i>Финкина А. П., Олейникова А. В.</i> Гражданско-правовая ответственность за нарушение прав потребителей при оказании медицинских услуг	273
<i>Харжевская Т. С.</i> К вопросу о процедуре заключения предпринимательского договора	276
<i>Шульга Р. Р.</i> Проблемы доказывания права собственности на объект недвижимости возникшее до вступления в законную силу Гражданского кодекса	279

Теория и история государства и права

<i>Герасименко Ю. В., Базака В. В.</i> К вопросу о понятии «принцип права»	282
<i>Герасименко Ю. В., Петренко Е. В.</i> Правовое воспитание как фактор повышения уровня общественного правосознания	284
<i>Косач Н. Е.</i> О функциональном единстве системы публичной власти	287
<i>Косач Н. Е., Генне В. И.</i> Функциональные аспекты реализации государственной власти	289
<i>Краснонос Е. Ю.</i> Историко-правовые аспекты формирования специальных правоохранительных подразделений по борьбе с экономической преступностью	292
<i>Лещенко И. И.</i> Национальная идея России: современные тенденции и значение	295
<i>Лещенко И. И., Свиридова К. Е.</i> Международные стандарты и формирование прав граждан на информацию	298
<i>Липинский В. В.</i> Нормативно-правовое сопровождение реализации всеобщего начального образования в УССР в 1920-е годы	301
<i>Лысых Р. С.</i> Органы государственной безопасности: прошлое и настоящее	304
<i>Матвиенко Е. А., Малышко Н. А.</i> Некоторые проблемы правового регулирования процедуры экстракорпорального оплодотворения	307
<i>Матвиенко Е. А., Шкиндер В. Т.</i> К вопросу о юридической конструкции правового статуса субъекта права	310
<i>Мельниченко Ю. С.</i> Проблемы современного правопонимания	313
<i>Миргородский А. А.</i> Идея нравственного совершенствования в русской философско-правовой мысли XIX-начала XX вв. в контексте дальнейшего развития промышленности и сельского хозяйства	316
<i>Свиридова К. Е.</i> «Спам» как угроза информационной безопасности: проблемы правовой регламентации	318
<i>Степанова Ю. С.</i> К вопросу об особенностях нормативных правовых актов в электронной форме	321
<i>Степанова Ю. С., Булыгина И. Д.</i> К вопросу о соотношении норм права и норм морали на современном этапе развития общества	323
<i>Степанова Ю. С., Остафьевская В. О.</i> Роль права в ценностях	325
<i>Степанова Ю. С., Щербак С. И.</i> Роль права в контексте цивилизации	329

<i>Тишаков М. П.</i> Неделя безопасности дорожного движения	332
<i>Тишаков М. П., Необутов А. С.</i> Представления Иммануила Канта о государстве	335
<i>Хлыстова Н. Б., Лысых Р. С.</i> Национальные интересы и стратегические национальные приоритеты в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	337
<i>Чепикова В. А., Исмаилов Э. С.</i> К вопросу об осуществлении судебной власти в Донецкой Народной Республике как субъекте Российской Федерации	340

Конституционное и международное право

<i>Артамонов А. Н.</i> Правовой мониторинг как механизм создания нормативных предписаний и способ борьбы с правовым нигилизмом	344
<i>Меркулов М. В.</i> Конституционный контроль в контексте современного правового развития государства	347

Уголовное право и процесс

<i>Абакишина Н. А.</i> Вклад Самвела Мамадовича Кочои в актуализацию теории международного уголовного права (в Честь юбилея профессора)	350

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2022
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
VII Международной научной конференции,
посвящённой 85-летию
Донецкого национального университета,
27–28 октября 2022 г.,
г. Донецк

**ТОМ 8
Юридические науки**

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Ответственный за выпуск проф. *Н.В. Барбашова*

Дизайн обложки	<i>А.Ю. Гурина</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>А.К. Ярошенко, М.В. Фоменко</i>

Адрес оргкомитета:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001, ДНР, РФ.
E-mail: science.prorector@donnu.ru

Подписано в печать 20.10.2022 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 20,9.
Тираж 100 экз. Заказ № 22окт17/8.
Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.